Чудесные родники

СКАЗАНИЯ, СКАЗКИ
И ПЕСНИ НАРОДОВ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ
АССР

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГРОЗНЫЙ — 1963

Подбор, подготовка текста и примечания
С. А Арсанова.

Вступительная статья и редактура
В. Б. Корзуна.

ЧУДЕСНЫЕ РОДНИКИ.

Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР.

Оформление художника *Токарева Е. М.*
Художественный редактор *Магомаев М. Б.*
Технический редактор *Юпаев Х.*
Корректоры *Григорьева Л. Ф.* и *Костякова О. В.*

Сдано в набор 25.IX1962 г. Подписано к печати 21.III 1963 г. Формат 84x108$_{32}$.
Объем 11,75(19,27) п. л. Уч.-изд. л. 19,89. Тираж 10 000. СФ04126.
Чечено-Ингушское книжное издательство, Грозный, 21, улица Ленина, 14.

Заказ № 4974.
Типография имени 11 августа 1918 года,
Грозный, проспект Революции, 22/8.

Цена 91 коп.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Растущий интерес советских людей к художественному наследию, в частности к устному поэтическому творчеству многочисленных братских народов нашей страны, вызвал необходимость издания этого сборника. В него включены переводы многих лучших произведений фольклора народов, живущих в пределах Чечено-Ингушской АССР, — чеченцев и ингушей, кумыков и ногайцев. Творчество русского народа представлено песнями терско-гребенского казачества.

Богаче всего в сборнике представлен фольклор чечено-ингушского народа и прежде всего сказки, которые впервые издаются на русском языке с такой полнотой.

В основу этой книги положен выпущенный нами ранее сборник «Чечено-ингушский фольклор», М., ГИХЛ, 1940. В новое издание включены переводы чечено-ингушских исторических песен и произведений народной лирики, помещенные в антологии «Поэзия Чечено-Ингушетии», М., Гослитиздат, 1959, и ряд переводов из более ранних изданий, ставших уже библиографической редкостью.

Песни терско-гребенских казаков, собранные Б. Н. Путиловым, перепечатаны из сборника «Песни гребенских казаков». Грозненское областное издательство, Грозный, 1946 и из сборника «Песни горцев» под ред. Э. Капиева, М., Гослитиздат, 1939.

Свод сказок и анекдотов «Проделки и злоключения моллы Наср-Эддина» представляет собой перепечатку (с некоторым сокращением и изменением композиции) из собрания Р. Фатуева «Сто сказок о проделках и злоключениях муллы Наср-Эддина», Орджоникидзевское краевое издательство, Пятигорск, 1937.

Основные кумыкские тексты перепечатаны из сборни-

ка «Дагестанская народная сказка», Детгиз, М., 1957, а ногайские—из сборника «Песни ногайцев», Ставропольское краевое издательство, 1949 и из других изданий.

Публикуемый материал свидетельствует о том, что у народов Чечено-Ингушской АССР в прошлом были созданы значительные духовные ценности, с которыми эти народы и вступили в эпоху социалистических преобразований. Это позволило им в короткий срок подняться на новую, более высокую ступень в развитии своей культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме.

Пусть же высокие эстетические идеалы, мудрость житейской философии, достижения народной педагогики, настоящая большая поэзия — все то, чем богат фольклор, послужат благородному делу интернационального воспитания новых поколений строителей коммунизма.

С. А. Арсанов.

У ИСТОКОВ ИСКУССТВА СЛОВА

«Начало искусства слова — в фольклоре». Эти много раз повторявшиеся слова М. Горького невольно приходят на память, когда встает вопрос о выявлении истоков искусства слова у национальностей, получивших письменность сравнительно недавно или вовсе не имевших ее до вступления в эпоху социалистических преобразований. К ним относится большинство народов Северного Кавказа, в частности чеченцы, ингуши, ногайцы и кумыки.

Эти народы являются хранителями и создателями многокрасочного мира чудесных поэтических образов, прошедших, говоря словами грузинского ученого М. Чиковани, «через горнило коллективного авторства». На протяжении многих веков и даже тысячелетий народ осмысливал и суммировал художественный опыт поколений, накапливал мудрость житейской философии и воспевал героические события богатых военными столкновениями эпох. Единственным хранилищем всех сокровищ национальной духовной культуры—песни, музыки, сказаний и сказок, преданий и легенд, всего поэтического наследия бесчисленных поколений бесписьменных народностей—была лишь одна память и прежде всего память достойнейших представителей духовной культуры—безымянных певцов и сказителей.

В народных песнях, постепенно выступая из мглы доисторического прошлого, вырисовываются очертания основного творца истории — человека. Его образ претерпел невероятную трансформацию, прежде чем предстал перед нами в реалистическом обличии властелина природы и создателя самого справедливого общественного строя на земле.

И вот мы, люди социалистического общества, века атома и покорения космоса, принимаем поэтическую эстафету поколений, пришедшую из доисторической дали, чтобы нести в коммунизм бессмертный, все сильнее разгорающийся огонь художественного гения народа.

Какие же фольклорные сокровища, унаследованные и сотворенные народами Чечено-Ингушетии, помогли нам в создании новых ценностей духовной культуры? Какие эстетические идеалы влекли воображение народа в далеком прошлом, каким путем в художественном освоении мира он шел? Что нового было внесено в период, непосредственно предшествующий возникновению письменной литературы? Чем отличаются творческие приемы и художественные методы, присущие фольклору? И, наконец, как все это на разных этапах развития устного поэтического творчества служило художественной разработке характера основного героя искусства — человека?

Эти и многие другие вопросы с неизбежностью встают, когда мы знакомимся с национальным поэтическим наследием.

Наиболее древним пластом в фольклоре народов Северного Кавказа, в частности чеченцев и ингушей, следует считать произведения так называемого «преднартовского цикла». К этому циклу относятся произведения, слагающие фольклор родового строя (II—I тыс. до н. э.),—песни и гимны в честь языческих богов, легенды и сказки тотемического и мифологического происхождения, трудовые песни, причитания и заклинания. Они являются неотъемлемой частью духовной культуры человека доклассового общества и содержат «бессознательно-художественную переработку природы» [1].

Но произведений «преднартовского цикла» дошло до нас очень мало, и в данном сборнике они не представлены. Гораздо больший интерес вызывают чечено-ингушские сказания о нартах-эрстхойцах.

Нартские сказания представляют собой сокровищницу героических эпосов, созданных творческим воображением горских народов Северного Кавказа — осетин, ады-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1, «Искусство», М., 1957, стр. 135.

гов, балкарцев, карачаевцев, ингушей, чеченцев и др. Нартский эпос стоит в ряду таких отмеченных печатью глубокой древности героико-мифологических эпосов народов СССР, как среднеазиатский «Кер-оглы», карело-финские руны «Калевалы», якутские «Олонхо», алтайский эпос «Козын-Эркеш», величественный грузинский эпос «Амирани», «Этериани» и др.

Сказания о нартах-эрстхойцах в чечено-ингушском фольклоре занимают пока довольно скромное место. Записано их немного, и большинство собранных за последние годы сказаний не опубликовано. Но и то, что нам известно о них, позволяет говорить о некотором родстве чечено-ингушского Нарт-эрстхойского эпоса с Нартским эпосом других народов Северного Кавказа и в то же время — о его большом своеобразии.

Главный герой чечено-ингушских сказаний Соска-Солса — родной брат осетинского Сослана и кабардинского Сосруко. Исследователи даже утверждают, что из этих двух имен и составлено имя Соска-Солса.

Чечено-ингушский Ботоко-Ширтга (Ширтяха) занимает место осетинского Сирдона, Урузман—Урызмага, Патараз — Батрадза, Села-Сата — Сата́ны и т. п.

Сходство проявляется также и в общности некоторых сюжетов и мотивов. Так, например, чечено-ингушское сказание «Эрстхойцы и Ботоко-Ширтга» по сюжету родственно осетинским сказаниям «Как появился фандыр» и «Поход нартов»[1].

На самой верхней ступени «исторической лестницы» чечено-ингушских сказаний о нартах-эрстхойцах стоит Соска-Солса. На нем отсвет древнейших мифов. Так же как осетинские и кабардинские циклы Сослана и Сосруко, чечено-ингушские сказания о Соска-Солсе относятся к наиболее древним пластам Нартского эпоса, к первому этапу его истории и, видимо, сложились в начале I тысячелетия до нашей эры.

Но при знакомстве со сказаниями, в которых выступает Соска-Солса, бросается в глаза разительное отличие от осетинских, кабардинских, карачаево-балкарских и других сказаний, посвященных этому герою.

---

[1] Осетинские нартские сказания, Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, Дзауджикау, 1948, стр. 191—210.

Одним из самых распространенных во всем Нартском эпосе является сюжет, связанный с именем Сослана-Сосруко, ведущего борьбу с великаном. Неведомые великаны в осетинских, кабардинских и других нартских сказаниях выступают (в ранних вариантах) своеобразным олицетворением непознанных, стихийных, разрушительных сил природы, а позднее — многочисленных врагов, пришельцев-насильников, угрожавших благополучию и жизни племен и племенных союзов. Персонифицируя враждебные стихийные (а позднее антинародные социальные) силы в образах гигантских орлов, многоголовых драконов, великанов, создатели осетинских и кабардинских нартских сказаний рисуют их в плане безудержного гиперболизма. Великаны-людоеды владеют всеми благами — огнем, скотом, богатствами, башнями. Этим грубым, злым и тупым существам народ противопоставил своих героев, наделив их самыми высокими положительными качествами и индивидуальными способностями. Таков Сослан-Сосруко, Батрадз, Урузмаг, Бадыноко и др.

В чечено-ингушских сказаниях мы наблюдаем своеобразное смещение привычной для Нартского эпоса системы образов. Здесь также встречаются злые существа — великаны и великанши-людоеды под названием горбож (горбаш) (сказание «Эрстхойцы и Ботоко-Ширтга»). Но одно из первых мест занимают местные герои, мирно живущие, добрые и могучие великаны-пастухи Колой-кант, Охтыр-кант и другие. И добрым и злым великанам противостоят нарты и некие эрстхойцы, выступающие в союзе и под водительством Соска-Солсы, Ботоко-Ширтги и других. Они изображены как пришельцы-захватчики, злая сила, посягающая на мирную жизнь безобидных великанов. Нарты (особенно у чеченцев, которые иногда относят их к низшей мифологии) чаще всего выступают как тупые, хищные, злобные и мстительные существа. «Злые то были богатыри, завистливые на чужой достаток,— говорится в сказании «Как погибли нарты Эрстхо».— Нападали они на мирных людей, не пославши им вперед вести о войне, отнимали у бедняков последнее достояние».

Если в осетинских и кабардинских сказаниях нарты предстают богоборцами (Батрадз, Насрен Длинноборо-

дый), то в чечено-ингушских они выглядят скорее богохульниками («Как погибли нарты Эрстхо»).

Все симпатии создателей чечено-ингушских нарт-эрстхойских сказаний на стороне местных героев. Колой-кант — великан-пастух, «могучий, кроткий, спокойный». Он — беззлобен и гостеприимен, живет в одиночестве в огромной пещере, вход в которую закрывает гигантской каменной плитой. Не могли нарты и эрстхойцы одолеть его в открытом бою и, по совету Ботоко-Ширтяхи, прибегли к хитрости. Они подослали к великану, не знавшему любви, злую и коварную алмас[1], чтобы ослабить его силу. Алмас — сказочный персонаж, встречающийся также в фольклоре кабардинского и некоторых других народов. Это — страшная лесная женщина с зелеными или золотыми волосами и большими грудями. Но она может превращаться в обольстительную красавицу. С помощью алмас «алчные нарты» пленили Колой-канта и захватили его стадо.

Именно герои типа Колой-канта заняли в нарт-эрстхойских сказаниях то место, которое Сослан, Сосруко, Батрадз и другие занимают в адыго-осетинском эпосе.

В Колой-канте (как и в других героях нарт-эрстхойских сказаний, а также волшебных и тем более бытовых сказок) их создатели показали прежде всего *человека*. Через широкие ворота эпоса он уверенно вошел в искусство слова. Колой-кант могуч, но не всесилен. В ряде случаев он обращается к помощи чудесного — говорящий козел,—хотя в сказаниях оно и не занимает большого места.

Создатели сказаний не отрывались от своей родоплеменной среды. Значительное место занимают картины бытового плана. Так, в сказании «Эрстхойцы и Ботоко-Ширтга» речь идет о выпасе лошадей, в «Ялхой-Мохкском сказании» описан процесс приготовления пищи, стирки белья.

По мере того как человек доклассового общества медленно, ошупью, но продвигался вперед в познании мира, менялись и эстетические идеалы формирующегося

---

[1] В фольклоре северо-западного Китая, в Тибете, Монголии под алмасом подразумевается дикий человек, «снежный человек».

искусства слова. Оно все более становилось средством утверждения определенных норм, неписаным «кодексом поведения человека племен». Иноплеменная среда стала более опасной, чем стихийные силы природы. В то же время человек все больше верил в собственные силы. Появляются образы не знающих страха воинов, готовых в любую минуту вступить в битву с врагами своего племени. Наблюдается некоторое снижение и приземление эпических героев. В сказании «Невиданное дело» победу над гордым нартом Ичархо одерживает молодец из Нахчо (Чечни). «Обернулся нарт — за ним стоит молодой удалец; стан его — как стройная чинара, глаза — что у горного орла, высокая грудь, широкие плечи». Условность в изображении внешности героя постепенно отступает под давлением реалистичности.

По существу с теми же приемами и способами художественного изображения мы сталкиваемся и в волшебных (чудесных) сказках. Их создатели, не желая мириться с ограниченными возможностями даже идеализированного человека в его борьбе за жизнь, в борьбе с грубой силой, олицетворенной в образах злых великанов, драконов, призывают мифологическое, чудесное, волшебное. Это — морской конь Борз-канта (сказка «Морской конь»), волшебная шашка Секки, многочисленные чудесные помощники Золотого мальчика (сказка «Зависть») и Али (сказка «Балай и Боти») и т. п. В то же время герои сказок проявляют высокую активность в достижении поставленной цели, в борьбе за жизненное счастье. При этом они подчас проявляют не только силу и стойкость, но и хитрость и изворотливость.

В изображении положительных героев нарт-эрстхойских сказаний и волшебных (особенно героических) сказок мы сталкиваемся с таким распространенным способом художественного обобщения, как *поэтическая идеализация* с ее разновидностью—*героической идеализацией.*

Создатели нарт-эрстхойских сказаний и волшебных сказок могли найти разрешение многих противоречий действительности только в области воображения, говоря словами В. Г. Белинского, «в идеалах, творимых фантазией». Вот почему чудесное, волшебное занимает такое большое место в произведениях этого рода и определяет

характер их художественного метода. *Чудесное служит в народном эпосе эстетическим эквивалентом недостающего звена познания человеком окружающего его мира.*

Но несмотря на все свое величие и непроходящую поэтическую привлекательность, эпические герои постепенно все дальше отходили на задний план, уступая место новому герою, простому человеку, который все более трезвыми глазами смотрел на явления жизни и исторические события, становился все более сознательным участником и творцом истории. Герой сказки «Медвежье ухо» приводит в трепет дракона и лешего, запросто уничтожает многоголовых нартов. Простой охотник Асби наказывает могучего Черного Хожу, способного перетаскивать на себе дома. Без особого труда одолевает дракона герой сказки «Храбрый сын». И убивает страшного горбожа молодец из сказки «Восемь братьев...» Наконец перед нами герой Бало, вступающий в борьбу уже не с мифическими противниками, а с реальным классовым врагом — с угнетателем князем Кагерманом.

Герои сказок «Богатырь», «Бало» и других совершают свои подвиги и достигают поставленной цели, опираясь только на свои силы.

Сказки о животных обогащают чечено-ингушский фольклор приемами и способами создания сатирического образа. Сатирическое начало усиливается в сказках этого рода по мере развития социально-классовой борьбы — «Как кошка ходила в святые места на поклонение» и др.

Наконец значительную часть репертуара чечено-ингушской сказки составляет *бытовая* сказка, тяготеющая к историзму и — более других разновидностей сказки — к реализму. Именно в сказках этого рода мы встречаем некоторых персонажей героико-исторических песен — «Бало». С бытовой сказкой связано резкое расширение диапазона общественных и вместе с тем творческих интересов ее создателей. Система художественных образов значительно обогащается. На одно из первых мест выдвигается образ бедняка, искателя социальной справедливости и счастья. Бытовая сказка сильна своей антифеодальной и особенно антимулльской направленностью. Львиную долю стрел, выпущенных чечено-ингушской народной сказкой, приняли на себя именно

муллы, шейхи и «святые». И это не случайно: слишком много зла причинили да еще и сейчас причиняют эти проповедники и защитники крайне вредных взглядов и учений.

Уже в нарт-эрстхойских сказаниях и мифологических сказках мы сталкиваемся *с реалистичностью* разной степени. Она проявляется главным образом в описании предметов и явлений жизненно-бытового плана, а также в описании эпических героев и их поступков, особенно, когда они входят в сферу быта и обычных человеческих отношений. При этом наблюдается интересное явление диалектического порядка. Неуклонное развитие в недрах эпоса реалистических тенденций в результате обогащения человеческого познания и все более широкого эстетического освоения действительности с неизбежностью вело к ослаблению мифологического, чудесного. Вместе с этим — к ослаблению эпической идеализации, то есть к распадению основ художественного метода эпоса, так как эстетическая сила воздействия образов героев народного эпоса связана прежде всего с поэтической (эпической) идеализацией. В то же время для дальнейшего развития искусства слова решающее значение имели именно реалистические тенденции, хотя отнюдь не подвергалась забвению и поэтическая идеализация. Однако она получила уже иную основу.

Бытовая сказка также свидетельствует об усилении тенденций *реалистической типизации*. Так, например, ни у кого не вызывает сомнения типичность фольклорного образа муллы, хотя ни в одной из известных нам сказок этот образ не раскрыт всесторонне, тем более в его индивидуальном выражении. Чаще всего сказка подчеркивает какую-либо одну, ведущую особенность характера или поведения рисуемого персонажа. Так, например, об алчности муллы (шейха) говорит сказка «Суд над двумя», о сознательном обмане им верующих и двуличии— «Как осел сделался шейхом», о сластолюбии — «Мулла», «Шейх и мюрид», о глупости — «Женщина и мулла», о вероломстве—«Бедняк и «святой», о скаредности—«Черт и зурна» и другие.

В конечном счете в сознании слушателя (позднее — читателя) возникает обобщенный и довольно разносторонне обрисованный в различных жизненных ситуациях образ мусульманского «святого». И этот образ настолько

впечатляющ, что равного ему, пожалуй, не найти во всей современной письменной чечено-ингушской художественной литературе.

То же можно сказать и о собирательном образе женщины, которая всегда находит выход из самых сложных ситуаций.

Черты простого человека, труженика в значительной степени уловлены в образе героя сказки «Богатырь» Садыке. «Он был пожилой, среднего роста, с широкими плечами. Грудь — тоже широкая, да высокая, а ладони рук, как две лопаты. Несмотря на то, что Садык был беден, богатые никогда не решались обидеть его или возразить ему».

Нарт-эрстхойские сказания, сказка во всех ее разновидностях, легенды и предания подготовили почву для появления новых жанров — исторических или *героико-исторических* песен. По своей эстетической значимости они занимают центральное место в чечено-ингушском фольклоре посленартовского периода.

В понимании исторической песни как жанра мы придерживаемся точки зрения, наиболее убедительно обоснованной в работах Б. Н. Путилова. Опираясь на большой материал русского фольклора, он доказывает, что историческая песня — «это прежде всего произведение искусства, а не документ, получивший песенную форму», что «сила и правда исторической песни» заключается «не в эмпирически-точном, а именно в художественно-вымышленном воспроизведении событий»[1], в «самой проблематике песен, в стремлении отразить народное понимание в движении истории. Поэтому, — пишет Б. Н. Путилов,— мы рассматриваем историческую песню как песню с конкретно-историческим содержанием, которое может не соотноситься с «фактами», но обязательно соотносится с определенным историческим моментом в его преломлении через народное сознание, и которое допускает самые широкие возможности для художественного вымысла»[2].

---

[1] Б. Н. Путилов. О некоторых проблемах изучения исторической песни. «Русский фольклор», Материалы и исследования, т. 1, изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 58—59.

[2] Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Л., 1960, стр. 10.

Эти особенности в полной мере выявляются при анализе чечено-ингушских песен — «илли». Возникновение этих песен относят к XVII — началу XVIII века, когда многие чечено-ингушские племена выселились из глухих ущелий на плоскостные притеречные земли. Здесь они пришли в столкновение с кумыкскими и кабардинскими феодалами. В ходе борьбы с притязаниями феодалов родо-племенные группы чеченцев и ингушей стали преобразовываться в народности. Сложился и укрепился строй «военной демократии», выдвинулись «бяччи»— военачальники, возглавлявшие борьбу с феодалами и набеги за добычей.

Боевые подвиги и набеги «бяччи» прежде всего и прославлялись в этих песнях. В них, как замечает основоположник ингушской литературы З. К. Мальсагов, обрисован быт «верхушечного слоя, феодализирующейся группы, которая постепенно выделялась в процессе разложения демократически-родового строя плоскостной Чечни»[1].

В результате набегов у «бяччи» складывались значительные богатства — табуны, драгоценности, дорогое оружие. «Бяччи» не были ревнителями мусульманства, но соблюдали адат, уважали стариков, отдавали толику из награбленного в набегах сиротам и вдовам, чем завоевывали авторитет у беднейшей части населения. «Бяччи» всегда были готовы выступить в защиту своего рода, играли подчас решающую роль во внутриплеменной борьбе. Но были «бяччи», особенно прославившиеся в борьбе с насильниками-феодалами соседних народностей, а позднее — с произволом царских властей («Песня о Джаммирзе, сыне Мади» и др.).

Все это доказывает, что нельзя ставить в один ряд все произведения этого жанра. Их историческая и вместе с тем эстетическая ценность весьма различна. Песни, воспевающие «бяччи», прославивших себя в набегах и нападениях на окрестное население, представляют собой по существу эстетизацию разбоя и хищничества и могут вызывать только исторический интерес. В то же время нас не могут не привлекать подвиги, совершенные

[1] З. К. Мальсагов. Чеченский народный стих. Ингушский НИИ Краеведения, Орджоникидзе — Грозный, 1935, стр. 196.

во имя защиты своего рода-племени от насильников и эксплуататоров.

Всего известно до пятидесяти героев чеченских эпических песен[1]. К лучшим относятся помещенные в данном сборнике, а также песни — «Свержение княжения черкесского Кагермана бяччой Балу», «Ахмед Автуринский» и другие.

Примером может служить «Песня о князе Мусосте и о Сурхо». По своей направленности — это антифеодальная песня. Она — свидетельство высокого уровня развития поэтической культуры и существования определенных песенных традиций. В ней немало «общих мест» — в описании героя, его коня, проявления гнева.

Перед походом

Лошадь Сурхо, как невесту, украсил,
Сам, словно девушка, принарядился.

«Свора борзых» прыгает вокруг коня, «стая ястребов ручных» вьется над головой. Сам герой «волка храбрее, медведя грознее». Спит он, не выпуская из рук «оружия грозного» («злее медведя») и т. п.

События в песне (общий объем — до трехсот строк) развертываются неторопливо. Обстоятельно описываются причины выступления героя, затем сам бой. Значительную часть песни составляют диалоги. Завершается она коротким благожеланием.

Как в образе Сурхо, так и во многих других поэтизируется воин, герой-одиночка, предводитель. Он как бы концентрирует в себе волю и стремление всего рода-племени.

Героико-исторические песни дают широкую картину общественной жизни и борьбы. Значительное место в них занимает тема дружбы, воспевание товарищества, молодечества, удали. С заоблачных высот мифологии герои сошли на землю. Появление героико-исторической песни было целой революцией в художественном сознании чечено-ингушского народа. Оно свидетельствовало об усилении общественной тенденции в устном народном творчестве, социальных, а позднее — политических

[1] Х. Д. Ошаев. К истории возникновения чеченских героико-исторических песен, Известия ЧИ НИИ, т. II, вып. 1, История, Грозный, 1960.

мотивов и интересов, о сдвигах художественного отображения действительности на путях к реализму. Героико-исторические песни также дают возможность проследить процесс перехода *от поэтической идеализации к реалистической типизации.* В них резко ослаблен, а в ряде случаев и совсем устранен гиперболизм, сводится на нет магическое начало, вмешательство чудесного. В центре песен—живой исторический человек, сохраняющий свое реальное имя.

Конец XIX и начало XX века внесли в жизнь чеченоингушского общества много нового. Формирование феодализма, выдвижение национальной буржуазии и вместе с тем обеднение массы горцев предопределили расстановку сил в годы социалистической революции и гражданской войны. Поистине со сказочной стремительностью эти события раздвинули рамки национальной ограниченности и обогатили художественное сознание трудового народа невиданными ранее идеями, представлениями, образами. Создатели всех лучших новых фольклорных произведений твердо становятся на позиции трудового народа, позиции социалистической революции и с этих позиций дают оценку событиям и явлениям жизни.

«Ночь московского царя», который душил горцев «как туман», сменилась солнечным утром первого дня эпохи социализма: пришел Ленин, «разгоняя тьму и ложь» («Весенняя трава»).

Боль наших душ в свою душу вместивший,
Солнцем высоким людей осветивший,
Право на жизнь беднякам подаривший,
Встал могучий Ленин.

Создаются новые героико-исторические песни о Ленине, Орджоникидзе, Асланбеке Шерипове. *В качестве образца поведения утверждается герой социалистической революции.*

Вместе с этим в искусство слова входит образ героического *трудового народа,* захваченного высокими ленинскими идеями.

Мужеством и гордостью
Подобная цветку,
Голову поднявшему
Среди травы сухой,

Встала Ингушетия,
Прекрасна и смела,
Биться за великие
Советские дела.

Так постепенно в чечено-ингушском фольклоре стал утверждаться новый метод художественного освоения действительности — *метод социалистического реализма.*

Его особенности со всей определенностью видны и на примере чечено-ингушской народной лирики. По тематике, тональности, думам и чувствам она резко делится на две части. В старинных песнях — приглушенный стон придавленной тяготами жизни одиночки, безысходная печаль, особенно в песнях, выражающих чувства и переживания женщины,— «Скорбь о брате», «Горе матери», «Девичья песня» и другие. Полное отсутствие перспективы и какой-либо большой жизненной цели — вот что является самым характерным для этих песен. «Для чего я человеком уродилась на земле»,—говорится в одной из них. Несмотря на яростное преследование со стороны мусульманского духовенства всего светского, народ все же пронес через века и сохранил такие поэтические жемчужины, как лирическая песня «Олень».

В песнях, созданных в советское время, прорывается наконец так долго сдерживаемая духовная энергия народа. В них — радость жизни, уверенность, смелые порывы, воспевание различных сторон жизни людей советского общества. Вместе с этим в лирику входит живительная струя юмора—«Песня девушки», «Юный Али», «Автуринцам» и др. Бодрость, свежесть, дыхание большой творческой жизни в полной мере выражаются в новой народной песне:

Никчемных адатов мы скинули бремя,
И горы — в цвету.
Настало в аулах колхозное время,
И горы — в цвету.

Не менее богато в выражении чувств, настроений и переживаний песенное творчество терско-гребенских казаков, издревле живших в тесном общении с чеченцами и ингушами. Такие песни, как «Не во матушке было да во Расеюшке», сохраняют отзвук русского былинного эпоса, занесенного казаками в предгорья Кавказа. Историческая песня «Уж вы горы, мои горы» сохранила до

наших дней память о народном герое Степане Разине и его выступлении против царских воевод. В лирических песнях отражены все стороны жизни казачества — и нелегкая сторожевая служба, и походная жизнь, и мирный труд на берегах «вспышного быстрого Терека», который занимает такое большое место в казачьих песнях.

Начинаясь у Казбека
Наверху среди снегов,
Он уж больше, чем три века,
Поит терских казаков.

Особенно большое место в песенном творчестве терско-гребенских казаков занимают песни любовные — «Ретивое мое сердце», «Что у нас было во зеленом саду», «Гуляла с милым по садочку» и другие. Они отличаются особой задушевностью и искренностью.

Песенное творчество казаков продолжает жить и развиваться. Об этом говорят отдельные новые песни — «Шагай вперед, казачье племя!»:

Шагай вперед, казачье племя!
Крепи колхозы! В добрый путь!
А бить врагов настанет время —
Про пику с шашкой не забудь.

Остается только пожелать, чтобы фольклористы продолжили работу по собиранию современного устного поэтического творчества казаков.

Значительный интерес для читателя должны представлять и произведения из фольклора кумыков и ногайцев, частично живущих в пределах Чечено-Ингушетии. Перед нами эпические песни героического содержания — «Песня о батырах» и былина о герое ногайского народа Амите, восставшем против ханской власти, а также ряд лирических произведений и сказок.

Эпические песни по приемам художественного изображения близки чечено-ингушским героико-историческим песням. В них то же воспевание удали и молодечества, та же неукротимость в борьбе с притеснителями. Особенностью ногайской былины является органическое слияние прозаического и стихотворного текста в одном произведении.

Устное поэтическое творчество является, как известно, одним из главных источников письменной литерату-

ры. В период ее становления он играет особенно важную роль. Об этом убедительно говорит пример молодой советской чечено-ингушской литературы. Национальный фольклор сконцентрировал в себе все достижения языка и оказал решительное влияние на формирование чеченского и ингушского литературных языков. Творческая деятельность Т. Бекова, З. Мальсагова, С. Озиева, А. Мамакаева, С. Бадуева, М. Мамакаева, С. А. Арсанова и других поэтов и писателей Чечено-Ингушетии была бы невозможна без опоры на богатства национального фольклора. Он и сегодня продолжает оставаться неиссякаемым живительным родником, к которому жадно припадают мастера искусства слова и все, кому дорога настоящая поэзия.

В. Б. Корзун.

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАРТ-ЭРСТХОЙСКИЙ ЭПОС

ЭРСТХОЙЦЫ И БОТОКО-ШИРТГА *

Соска-Солса с прочими эрстхойцами решился переселиться с гор на плоскость. Но так как эрстхойцы не могли обойтись без Ботоко-Ширтги, то пригласили и его переселиться вместе с ними. Ботоко-Ширтга переселился и попросил у эрстхойцев позволение пасти свою лошадь только около дороги. Маштачок * его через три месяца разжирел до того, что нельзя было нащупать, где у него спинной хребет. Лошади же эрстхойцев, несмотря на то, что паслись на приволье, были худы. Стали эрстхойцы завидовать Ботоко-Ширтге. Зависть их дошла до того, что они решили причинить зло Ботоко-Ширтге — обрезать губы у его лошади.

Сын его, ходивший часто в поле поглядеть за лошадью, узнал, что эрстхойцы обрезали ей губы, и поспешил сообщить об этом отцу.

Ботоко-Ширтга, недолго думая, отправился в поле, где паслись лошади эрстхойцев, и обрезал им хвосты. К вечеру он как ни в чем не бывало возвратился домой, сел на пегате * и стал смотреть на возвращающийся с поля табун.

— Смотри-ка,—говорят эрстхойцы Ботоко-Ширтге, — вон впереди идет твоя лошадь и смеется чему-то.

— Да,— отвечает он,— она смеется над идущими сзади нее вашими лошадьми, похожими на девиц с обрезанными косами.

Эрстхойцы смекнули, что Ботоко-Ширтга сыграл с ними дурную шутку. Рассерженные, бросились они на

---

* Пояснение слов, отмеченных звездочкой, дано в конце книги.

него, но он в один миг исчез и скрылся под землей — отправился на тот свет.

Эрстхойцы не могли долго обходиться без Ботоко-Ширтги. Они вызвали его с того света, затаив до поры в душе злобу.

Однажды эрстхойцы и Ботоко-Ширтга отправились на поминки. На поминках сын Ботоко встал около котла, в котором варилось мясо. Эрстхойцы столкнули мальчика в котел, говоря:

— Сын Ботоко не захотел подождать, пока сварится мясо, и полез в котел.

Ботоко видел, как бросили сына его в котел и как он там сварился, но не показал вида, что заметил, и поклялся в душе жестоко отомстить эрстхойцам за этот поступок.

Прошло некоторое время. Однажды Ботоко отправился на охоту в горы. Долго ходил он и нечаянно наткнулся на избу горбож *. Он вошел в избу и увидел страшную женщину огромного роста. Он спросил ее:

— Где твои сыновья?

— Они отправились искать добычу и вот уже более месяца их нет дома, — ответила горбож.

— Послушай, горбож,— сказал Ботоко,— я приведу к тебе тринадцать человек. Сможешь ли ты справиться с ними?

— Пусть между ними будет и Соска-Солса *,— ответила горбож,— и тогда я с ними справлюсь.

Ботоко-Ширтга обрадовался, что нашел случай отомстить эрстхойцам за сына. Возвращаясь с охоты, он зашел к Соска-Солсе и сказал ему:

— Я нашел в горах хорошую добычу. Не хочешь ли ты с прочими эрстхойцами отправиться завтра со мной на охоту.

— Я никогда не пропускал случая отправиться за добычей и завтра сам-двенадцать поедем с эрстхойцами в горы.

На другой день Солса в сопровождении двенадцати эрстхойцев и Ботоко-Ширтги отправился в горы за добычей. Ботоко привел их к жилищу горбож. Лишь только показались они на пороге, горбож вырвала из своей косы волос и связала им Солсу с эрстхойцами.

— Неужели эта ведьма хочет меня обесславить пред целым светом? — вскричал Солса и рванулся так силь-

но, что волос, который связывал его, врезался ему до самых костей.

Между тем горбож спокойно натачивала свой острый нож, а Ботоко-Ширтга с удовольствием смотрел на своих связанных врагов.

К вечеру возвратились с охоты сыновья горбож и говорят:

— Ну, матушка, искали-искали мы, хотя бы на одни сутки нашли что-нибудь, и вернулись с пустыми руками.

— Э, дети! Столько времени вы странствовали и пришли домой с пустыми руками. А ко мне вот сами пришли незваные гости. Прошу вас, поточите свои ножи, нам хватит этой добычи на целый месяц.

С этими словами горбож вышла на двор и стала советоваться с сыновьями, как зарезать гостей — поодиночке или всех сразу.

Соска-Солса, видя, что дело складывается нешуточное, стал умолять Ботоко-Ширтгу, чтобы он забыл нанесенную ему обиду и спас их, давши им совет, как он это всегда делал в опасную для эрстхойцев минуту. Ботоко не смог устоять против мольбы Соска-Солсы. Он всегда прощал эрстхойцам наносимые ему оскорбления, и теперь простил он им убийство своего сына. Он твердо решил спасти их от неминуемой гибели.

Пришла горбож с сыновьями, чтобы зарезать всех эрстхойцев. Ботоко-Ширтга сказал ей:

— Послушай, горбож, я знаю, что ты сильна и не отпускаешь гостей живыми. Но прежде чем зажарить вот этих гостей, разгадай загадку, которая была причиной моей с ними ссоры. Загадка эта такая. На одной горе лежал бык. Ростом он был таков, что, лежа на горе, щипал траву на плоскости и пил воду из реки, протекавшей у подошвы горы. Однажды этого быка схватил орел и унес. С этой добычей орел опустился на рога козла, под бородой которого сидел пастух. Сидя на рогах козла, орел поедал свою добычу и уронил лопатку быка. И попала она в глаз пастуху.

Возвратился пастух вечером со стадом домой и сказал жене:

— Посмотри мой глаз, я чем-то засорил его нынче.

Жена посмотрела, вынула из глаза бычью лопатку и бросила ее на землю. На этой лопатке вырос аул с

девятью тысячами жителей. Аул этот часто сотрясался, как бы от землетрясения. Жители думали, что это прогневался на них подземный бог, и приносили ему жертвы. Со временем стали они замечать, что аул подвергается тряске лишь тогда, когда подходит к нему лисица, которая грызла жилу, оставшуюся на лопатке быка. Жители убили эту лисицу и содрали с нее шкуру, но только с одного бока, потому что не могли перевернуть лисицу на другой бок. При разделе шкуры каждому из жителей достался такой кусок, что хватило на шубу. В это время одна женщина в ауле родила сына. Спустя три дня после родов она отправилась с кувшином по воду на речку, возле которой лежала убитая лисица. Она перевернула ее на другой бок, содрала вторую половину шкуры и сделала из нее своему сыну шубу. Но шкуры не хватило, и шуба вышла без рукавов.

Теперь отгадай, горбож, или пусть твои сыновья отгадают, кто был больше и сильнее: бык, орел, козел, пастух или женщина?

Горбож с сыновьями стали разгадывать предложенную Ботоко-Ширтгой загадку. Один говорил, что больше всех бык, другой — орел, который унес этого быка. Третий настаивал на том, что козел больше всех и по величине и по силе. Между матерью и сыновьями разгорелся спор. В конце концов они схватились за ножи и перерезали друг друга. Тогда Ботоко-Ширтга развязал эрстхойцев и отправился с ними домой.

С этого времени Ботоко и эрстхойцы стали жить между собой дружно.

КОЛОЙ-КАНТ *

В старину в горах жил Колой-кант. Он имел три тысячи баранов. Загнав своих баранов в пещеру, он прикрывал вход большой каменной плитой и ложился спать. Толщина этой плиты была около одного локтя, высота — около двенадцати локтей, длина — двести-триста локтей.

Соска-Солса решил увести Колой-канта. Когда Колой-кант лег, поставив у входа своей пещеры эту плиту, к нему явился Соска-Солса со своим войском, но не мог

сдвинуть плиту с места. Как ни напрягал Соска-Солса свои силы, ничего не смог сделать. Тогда подослал он к Колой-канту одну девушку. В ночь, когда эта девушка пришла к нему, он взял одного барана и зарезал для нее. Колой-кант лег на свою постель, она легла на свою — так они и переночевали. Наутро, сварив оставшееся мясо, он угостил ее и сам поел.

— Если уходишь, уход твой да будет благополучным; если останешься, место, где сядешь, да будет твоим,— сказал он и ушел, забрав баранов.

Вечером он вернулся домой со своим стадом и застал девушку на том же месте, где она сидела до этого. Он опять зарезал барана, дал ей поужинать и уложил спать, сам же лег на свое место. На следующее утро, как и в первый раз, Колой-кант угостил ее и ушел, сказав:

— Если уходишь, уход твой да будет благополучным; если останешься, место, где сядешь, да будет твоим.

Соска-Солса подошел к выходу и сказал этой девушке:

— Меня и моих воинов ты моришь голодом, так как сюда нельзя подвезти пищу. Делай скорее то, что должна сделать, а не то я убью тебя.

Вечером вернулся Колой-кант, поужинал. А когда хотел лечь на свою постель, девушка сказала:

— Ты собираешься лечь отдельно, я же хочу — вместе... Я пришла к тебе... чтобы выйти за тебя...

— Хорошо, если так,—сказал Колой-кант и лег с ней.

Утром, отодвинув плиту у входа своей пещеры и выпустив баранов, он захотел вновь поставить плиту на место, но не хватило сил: осталась щель, в которую могла пролезть кошка.

Проведя с девушкой вторую ночь, он поставил плиту так, что в щель мог уже пройти баран. После третьей ночи осталась щель, в которую могли пройти два барана и вооруженный человек в бурке.

На четвертую ночь Соска-Солса со своими двенадцатью воинами вошел в пещеру, связал спящего с девушкой Колой-канта, увез его и погнал его баранту. В полдень они добрались до ущелья, где теперь течет Терек. День стоял жаркий, они остановились там поесть и отдохнуть. Говорят, у Колой-канта баранту водил большой козел. Зарезав этого козла, Соска-Солса и его две-

надцать воинов съели мясо, а Колой-кант лежал связанный.

— Будешь есть мясо своего козла? — спросили его.

— Не буду,—сказал он,—но если осталась кость от голени, я бы ее обгрыз.

Когда ему передали эту кость, он очистил ее от мяса, прорезал ногтем в ней полоску, мизинцем просверлил пять отверстий и, сделав зурну, заиграл на ней.

Звук этой зурны услышала мать Колой-канта. Она сказала другим своим сыновьям:

— Я слышу, как наш мальчик играет на зурне, и в звуках зурны слышен плач. С ним что-то случилось.

Два брата быстро снарядились и поехали в направлении, откуда доносились звуки зурны. Когда они прискакали на место, где сходятся три дороги, встретили всадника.

— Видел ли на этой дороге кого-нибудь? — спросили они.

— Я видел Соска-Солсу с его воинами, которые везли связанного Колой-канта. Я видел, как гнали его баранту,— ответил им всадник.

Братья поскакали, а всадник продолжал свой путь.

Но, отъехав, он подумал, что братья могут ввязаться в бой и наделать много зла. Подумав так, он поскакал обратно, догнал их и поехал с ними. В сумерки они доехали до стоянки Солсы.

В эту ночь противники не стали драться. Человек же, присоединившийся к братьям, стал молить бога:

— О всемогущий бог, отдели Соска-Солсу и его воинов от Колой-канта с половиной его стада такой широкой рекой, чтобы ее не мог перейти ни один человек!

В то время, говорят, Терек был небольшим ручейком. Но после этой просьбы Терек стал таким многоводным потоком, что человек не мог его перейти. Колой-кант и половина его баранты остались на одном берегу реки, а Соска-Солса с воинами и другой половиной баранты Колой-канта остались на другом берегу реки.

— Если бы ты не связал меня, то я бы тебе не простил,— вымолвил Колой-кант. Он оторвал от горы скалу и бросил ее в сторону Соска-Солсы. Скала, попав в костер, горевший у них, вонзилась на пять-шесть локтей в землю, да так и осталась торчать там до сего дня.

Колой-кант с братьями повернули домой. Возвращаясь домой, Колой-кант сказал:

— Силен ли я, как прежде?

Он поднял большой камень и понес его.

— Нет, я имею по сравнению с прежним только полсилы,— сказал он и бросил камень. Рядом с этим камнем он положил другой, поменьше, а затем — третий, еще меньше, и пошел домой, сказав:

— Наши потомки будут рассказывать, что эти камни положил Колой-кант.

Он покинул пещеру и стал жить со своими братьями.

НЕВИДАННОЕ ДЕЛО

Не близко и не далеко от нас, ближе, чем от земли до неба, и дальше, чем от рта до носа, жил богатый нарт* Ичархо. И такой этот Ичархо был богатый, что рабов своих считал сотнями, коней — тысячами, а золото — мешками. А богат он был оттого, что сильнее его людей никогда на свете не было.

И возгордился нарт Ичархо:

— Я самый богатый, самый сильный на свете. У меня дочь Марзина, красавица, красивее солнца. Кто же мне в зятья годится?.. Не хочу ни хана, ни султана: не в роде толк, а в человеке. Богатства у меня на сто семей хватит... За того отдам замуж дочь мою красавицу Марзину, кто похвалится молодецким делом, невиданным и неслыханным.

И велел нарт Ичархо написать свою волю на кусках хорошо выделанной кожи, ровными, золотыми буквами велел написать и, привязав те писания, пустил стрелы из своего богатырского лука на все четыре стороны: на полдень и на полночь, на восход солнца и на закат его.

Вот скачет витязь с полуденной стороны. От блеска его щита люди слепнут, от грома его меча глохнут воины, закаленные в битвах. Вихрь гнался за ним — не догнал; высокие горы становились на его пути — он перелетал через них соколом.

— Будь здоров в твоем доме, славный нарт Ичархо! Отдай мне дочь твою Марзину — я совершил невиданный подвиг: с самим лесным царем, владыкой зверей, Гуин-падишахом я бился один на один и победил.

— Невелик твой подвиг, молодец! Мой отец сразился с самой Ешень, страшной, бессмертной ведьмой, осилил ее мощной рукой и навек замуровал ее в каменной башне. Его подвиг — не чета твоему!

Вот несется богатырь с полуночи. Из-под копыт его коня летят скалы, перед ним вековые деревья до земли от страха преклоняются; от дыхания его—буря, из очей его — молния.

— Не минуй тебя светлый день, нарт Ичархо! Я приехал из дальних холодных стран, где за ледяными стенами, в железной горе были заключены одноглазые Яджуджь и Меджуджь *. Разгромил медные стены, разбил железную гору, победил Яджуджа и Меджуджа и прогнал их еще дальше за Ледяное море. Отдай мне дочь твою, красавицу Марзину,— мой подвиг невиданный, никто еще такого не совершал!

Посмотрел на богатыря нарт Ичархо и, усмехнувшись, молвил в ответ:

— Искандер Зюльгарнейн* давным-давно победил Яджуджа и Меджуджа и заключил их за ледяной стеной, когда они были в тысячу раз сильнее, чем теперь...

С запада мчится удалой всадник. Под ногами коня его земля дрожит, реки из берегов выходят, горы в пропасти проваливаются.

— Будь утро твое ясно, полдень светел и вечер тих, славный нарт Ичархо! Я достойный тебя зять, достойный жених дочери твоей, красавицы Марзины!.. На вершину царя гор, Ледяного великана, я въехал на моем коне. Туда, где сидит великая птица Симурх*, одним глазом видящая все прошлое, другим — взирающая на то, что будет. Охраняет она ворота в дивную страну Джинистан*, где живут небесные красавицы-девы. Я видел тех райских красавиц — и пришел сюда. Отдай мне дочь твою: перед ней меркнет краса райских дев, как свет звезд — перед полной луной!

— Еще не было тебя на свете, молодец, когда я, нарт Ичархо, и не на коне, а пеший взошел на белоглавого великана — гору. Не боясь, прошел я под крылом птицы Симурх, смело вступил в Джинистан и лучшую из дев взял себе в жены. От нее и родилась Марзина... Нет, не прижать тебе, молодец, моей дочери к груди, как не спрятать за пазуху солнца!..

Так отказал гордый нарт Ичархо трем женихам, что приходили к нему с полудня, полуночи и заката. Никто не пришел с восхода, с земли Нахчо*.

— Видно, нет у Нахчо удальцов, славных богатырей, — молвил нарт Ичархо. Не смеют Нахчо показать мне и лица своего.

— Я из Нахчо, стою перед тобой, гордый нарт Ичархо! Пришел к тебе я, чтобы взять дочь твою замуж!..

Обернулся нарт — за ним стоит молодой удалец; стан его — как стройная чинара, глаза — что у горного орла, высокая грудь, широкие плечи.

— Какие же подвиги совершил ты, молодец Нахчо? Я сказал — и слово мое крепче стали,— что отдам мою дочь лишь тому, чье дело неслыханное, невиданное, каким никогда и никто раньше не хвалился.

— Я такого подвига еще не совершал. Но сейчас свет увидит невиданное. И, так сказавши, приложил удалец свой кинжал к горлу нарта Ичархо. И гордый нарт остался недвижим. Остер был клинок, как солнечный луч, тверда рука, его державшая, и взор молодца был беспощаден.

Беден был молодец Нахчо, но из всего богатства Ичархо не взял он себе ничего, освободил всех рабов, роздал им все золото, а сам взял дочь нарта.

Понравился молодец красавице Марзине. С радостью согласилась она стать его женой.

— Скажи мне твое имя, смелый юноша! — сказала ему Марзина.

— Имя мое — Майран-тур*, и с этой поры оно будет славно от края до края земли.

СОСКА-СОЛСА И СТОРОЖЕВОЙ ВОИН

Соска-Солса проезжал однажды с гор на равнину. При входе в Ассиновское ущелье* увидел он человека, сидящего на камне. Человек этот был хорошо вооружен. Сидя на камне, он держал обнаженную шашку острием к лицу и дремал. Когда голова склонялась, острие шашки ранило лицо и текла кровь.

Это удивило Солсу. Он подъехал к человеку и спросил его, почему он так спит. Человек ответил, что ожи-

дает появления врага и боится заснуть. Враг должен прийти с равнины. Когда он появится, поднимется сильная буря.

Соска-Солса предложил этому человеку заснуть, обещая покараулить за него. Стерегущий человек согласился, если Соска-Солса будет сидеть так же, как он. И хотя это было нелегко сделать, Соска-Солса последовал его примеру.

Как только из ущелья повеяла буря, Солса стал будить сторожевого человека. Пока тот просыпался, буря разыгралась со страшной силой. Вскоре показался вооруженный человек. С ним была женщина, его жена. Когда враги встретились, то сразу же вступили в смертельный бой. Шашки быстро переломились. Отбросив их, они стали вырывать деревья с корнями и бросать их друг в друга. Наконец, оба пали мертвыми.

Во время боя женщина стояла в стороне. Когда оба врага погибли, Солса подошел к ней и сказал:

— Ты теперь осталась одна, а эти собаки лежат мертвыми. Пойдем со мной и будешь моей женою, я всем известный Соска-Солса.

Женщина посмотрела на него и ответила:

— Нет, ты не годишься мне в мужья. Ты для меня еще слишком молод. Сидя на коне и подняв кверху плеть, ты едва достанешь до того места, где у меня раздвигаются ноги.

Солса попробовал и не достал. Так они и разошлись. Женщина пошла назад по ущелью, а Солса вернулся в горы.

ЯЛХОЙ-МОХКСКОЕ СКАЗАНИЕ

В прежние времена аул Ялхой-Мохк* против нынешнего был гораздо больше. В нем жили семь братьев-богатырей, отличавшихся большой силой и молодечеством. Все их сильно боялись, так как они мужчин убивали, а женщин подвергали всяким насилиям. Была у братьев единственная сестра такой красоты, что, пожалуй, красивее всех на свете. Однажды она вышла на родник и начала мыть в нем вату. Положила она ее на серебряную доску, стала поливать водою из родника и отбивать золотыми палками. В это время подошла к роднику па-

стухи с гор и заметили, что у девушки сквозь разорванное платье что-то белеется, похожее цветом на молоко или на только что выпавший снег. Пастухи остановились и спросили сестру богатырей:

— Девушка, что это у тебя белеется: лоскуток платья или тело твое?

Она ответила:

— Тело.

— Ой, ой! Какое белое тело! — удивились пастухи и ушли себе.

Сестра богатырей окончила свое дело и тоже пошла домой, а вскоре после того умерла — сглазили ее пастухи. Братья выкопали могилу и похоронили сестру. Потом младший из них пошел на речку Гумс и отыскал каменный столб для памятника на могилу сестры. Столб был такой тяжелый, что восемь пар быков не смогли бы стронуть его с места. Но младший брат взвалил его себе на плечи, принес на кладбище и воткнул в землю около могилы сестры. Стоит этот памятник и теперь, и на нем ясно видны следы пальцев богатыря.

Покончив с похоронами сестры, братья сказали друг другу:

— Теперь нам нечего делать здесь, пойдемте по свету.

И пошли они по свету. Шли очень долго и почувствовали сильный голод. Тогда они завернули в аул и зашли в саклю одной бедной вдовы. Вдова приняла их как гостей, попросила сесть отдохнуть и начала готовить для них закуску. Сначала она разложила огонь и повесила над ним котел, да такой большой, что в нем, наверное, можно было бы сварить целого быка или лошадь, а потом взяла и бросила в котел такой маленький кусочек мяса, что видеть нечего было. Заметив это, братья говорят один другому:

— Что нам в этом кусочке мяса? Она хочет оставить нас голодными.

Между тем мясо сварилось, и вдова попросила кого-нибудь из братьев снять котел с огня. Пошел старший брат: бился, бился он, но снять котел не мог. Пришел к нему на помощь второй брат, потом — третий, четвертый, но и вчетвером они ничего не смогли сделать. Тогда вдова пошла сама и одной рукой сняла котел с огня.

Начала она выкладывать из котла мясо и выложила столько, словно в него целый бык был положен.

Затем она бросила в котел галушки, приготовленные из горсточки муки, и опять повесила его над огнем. Когда же галушки сварились, вдова выложила их вместе с мясом на несколько огромных блюд и предложила гостям закусить.

Гости наелись досыта, а мяса и галушек осталось еще столько, что хватило бы на сто человек.

Утолив голод, братья спрашивают свою хозяйку:

— Как это ты сделала, что из маленького куска мяса и горсточки муки сварила так много мяса и галушек?

Вдова не знала, что гости ее богатыри, и на вопрос их ответила так:

— Дай бог погибнуть всем нынешним богатырям. С тех пор, как эти люди появились на свет, все в мире стало оскудевать. Теперь уже нет и не будет ни той пшеницы, ни того мяса, которые были прежде, и то, чем я вас накормила,— это последние остатки. Пусть будет проклято народившееся племя богатырей.

Печально выслушали братья проклятия старухи и, простившись с нею, отправились обратно в свой аул Ялхой-Мохк, а когда пришли, то почувствовали, что им стало тяжело жить на свете. Подумали они и решили умереть. Отправившись на ялхой-мохкское кладбище, братья вырыли себе там одну общую могилу и натаскали к ней много камней. Потом собрали они все аульное население и объявили о своем решении умереть, завещав, чтобы после смерти их всех похоронили в одной общей могиле, а над ней сложили курган из заготовленных ими камней.

После этого братья расплавили в огромном котле красную медь и начали пить ее из больших чаш. Младший брат наполнял чаши и угощал шестерых старших. А когда старшие напились меди и попадали на пол сакли, он поднял котел и сам выпил все, что в нем осталось.

Но не сразу умерли братья; они еще долго мучились, восклицая один за другим:

— Ой, все кипит у меня внутри, ой, все кипит!

И сказали они собравшемуся народу:

— Пусть дно котла будет вечно напоминать вам, как кипит у нас внутри.

После смерти братьев народ исполнил их завещание: опустил их всех в одну общую могилу и воздвиг над ней курган из заготовленных раньше камней.

Так умерли ялхой-мохкские богатыри, предки нынешних ялхой-мохкцев, и дно котла доныне напоминает всем о их страданиях перед смертью.

КАК ПОГИБЛИ НАРТЫ ЭРСТХО *

Там, на западе, где дальний Эльбрус поднимает к небу свои белые груди, ближе к тому морю, что вечно бьет прибрежные скалы своими черными, как ночь, волнами, жили в старину нарты Эрстхо. Злые те были богатыри, завистливые на чужой достаток. Нападали они на мирных людей, не пославши им вперед вести о войне, отнимали у бедняков их последнее достояние.

Не почитали нарты Эрстхо и Сердцеведа *, за это не дал он женам их плодородия — было нартов только шестьдесят. Не благословил он их стада — от овец рождались серые волчата, бурьяном дарили их поля, и мясо в их нартовском котле о сорока ручках обращалось в зловонную падаль...

— Куда поедем мы в набег за добычей? На три раза семь дней в пути кругом наших жилищ земля стала серой пылью от копыт наших нартовских коней, четыре раза десять и один день надо нам ехать по пеплу сожженных нами селений, два раза округлит луна свое лицо, пока доведется нам услышать человеческий голос.

Так говорил товарищам-нартам их разведчик, хитрый Ботоко-Ширтяха *, хитрый проныра, сумевший построить себе повозку из меди и спуститься на ней до седьмого дна ада. И так продолжал он свою речь:

— Есть в восточной стороне среди лесистых гор и зеленых долин пещера. В нее загоняет Колой-кант на ночь свои овечьи стада. Несметны его богатства. Но силой с ним никто из живущих не может сравниться. Я не хотел бы видеть поднятую над нашими головами его вражескую руку.

Ему с гневом отвечал гремящим, как гром, голосом сильный Солса, князь нартов Эрстхо. Слово о несметном богатстве Колой-канта разожгло его жадное сердце.

— Молчи, Ботоко-Ширтяха, сын раба-чужестранца,— сказал он.— Мы приняли тебя как товарища, но презираем как труса. Знай: мы, нарты, никого не боимся, и нет никого из живущих под солнцем, кто был бы сильнее меня. Веди нас немедля к пещере Колоя, коль знаешь дорогу.

Молодым ушел Колой-кант из тех мест, где жил его род тухум. Безбородым мальчиком ушел он в неведомые леса и погнал с собой только семь овец. Но впереди овец шел старый козел, вожак стада, сильный, смелый козел, одаренный разумом человека. И на тучных пастбищах под охраной козла-вожака овцы расплодились несметно.

Пищей Колою служило лишь мясо годовалых овец, питьем — молоко. Соли, волнующей кровь, и перебродившего питья, туманящего разум, никогда не вкушал он. Не знал он и женской прелести, ослабляющей тело... Могучий, кроткий, спокойный, он был любимым слугой Сердцеведа.

— Враги идут на тебя, господин мой! Готовься защищать себя и богатство свое от злых, жадных нартов Эрстхо,— сказал Колой-канту его вещий козел, страж его стада.

Отвечал козлу Колой-кант:

— Кто может напасть на мое белое стадо? Кто б ни пришел ко мне, я приму его как гостя. И как для гостя ничего не пожалею для него.

Темной ночью тихо подъехали нарты Эрстхо к пещере Колоя. Кони их шли волчьей поступью по траве, пробирались лисьей пробежкой меж ветвями кустов. У скалы, закрывавшей вход в пещеру, сошли нарты с коней. И все шестьдесят стали отодвигать скалу с места, упираясь в нее могучими плечами. До колен ушли ноги в землю, но скала не сдвинулась и на пяготь.

— Вот приехали враги твои, господин, и хотят силою ворваться к тебе,— сказал Колой-канту его вещий козел, вожак его стад по тучным лугам.

Отвечал Колой-кант:

— Не верю я, чтобы это были враги: я зла людям не сделал. Я впущу их сам в мою пещеру, приму их как го-

стей и свято соблюду обычай — ни в чем не отказывать гостю.

С этими словами встал Колой-кант и, едва толкнув скалу рукой, легко отодвинул ее от входа...

Ужаснулись могучие нарты, в страхе отступили они к своим коням.

— Войдите, путники,— молвил им ласково хозяин стада,— да будет приезд ваш на пользу вам и мне на счастье!

Но не захотели свирепые нарты войти гостями в жилище Колоя. Молча сели они на коней и уехали, не ответив ни слова.

— Дадите ли, нарты, мне десятую долю богатства Колоя, если я научу, как захватить их?—спросил хитрый разведчик Ботоко-Ширтяха, хитрый проныра Ширтяха, сумевший спознаться с алмас*, зеленоокой великаншей, лесной красавицей, одетой лишь своими золотыми волосами. Это была злая, страшная ведьма, пожирающая грудных младенцев.

Крепкое нартовское слово, нерушимую клятву дали нарты Ботоко-Ширтяхе, что отделят они ему десятую долю всех богатств Колой-канта.

Тогда молвил им хитрый проныра-разведчик:

— В лесах у быстрой Аргуни* живут великанши-алмасы. Красивейшую из них я пошлю к Колой-канту, чтоб она очаровала его женской прелестью и, лишенного силы, отдала в ваши руки. Через три луны, три недели приезжайте к пещере Колоя, там буду я вас ожидать.

У входа в пещеру, отогнав стада свои на пастбища, сидит Колой-кант. И слышит он плач женщины в глубине леса. Рыдания женские тревожат его кроткое сердце. И идет он на голос. Перед ним красавица, к скале прислонясь, стоит, и слезы горными ручьями льются меж пальцами ее белых рук.

— Кто обидел тебя, женщина?

— Нарты, злодейское племя Эрстхо,— мои враги. Отец мой и мать и все родные мои убиты ими. Только я одна спасла свою жизнь, но заблудилась в лесу и гибну теперь голодной смертью.

В пещеру свою ввел богатырь Колой предательницу, отогрел у огня ее тело, подкрепил ее пищей и сладким молочным питьем. Веселым огнем загорелись тогда зеленые, словно глубокие озерные воды, очи алмас. Жар-

ким пламенем пахнуло на богатыря от ее золотых волос...

— Кого положил ты, господин мой? Кого обнимаешь ты, целуя и прижимая к сердцу? То не женщина из рода людского, то злая, коварная алмас, отродье бесов,— сказал Колой-канту его вещий козел, возвратившись со стадами в пещеру.

Но не внял Колой-кант его слову, не внял — и убил своего верного слугу, ударив о камень.

Месяц прошел с неделей и одним днем.

— Что сделал бы ты, господин мой, с врагами моими, злыми нартами Эрстхо, если б пришли они сюда, чтобы убить меня? — спросила алмас Колой-канта, нежно ласкаясь к нему.

Вспыхнуло гневом сердце богатыря, не ведавшего раньше злобы, схватил он рукою скалу, что служила ему вместо двери, и далеко швырнул ее в чащу лесную. Застонала, дрогнула земля от удара, с треском и гулом рухнули наземь столетние сосны.

— Я раздавил бы их так, как этот камень давит жалкие деревья.

Еще месяц прошел, прошли еще неделя и день. Опять спросила злая алмас Колой-канта:

— Как бы ты казнил наших врагов, нартов, если бы они пришли к нам?

Упершись плечами, с трудом пододвинул Колой скалу к ущелью пещеры и завалил его вход.

— Сюда к нам они не вошли бы,— молвил он тихо.

Три месяца минуло и три недели прошло с тремя днями.

— Ты очень силен, мой Колой! Но не оборвать тебе тонкого шнура, сплетенного из моих волос... Дай, я свяжу тебе руки,— молвила злая алмас богатырю и, будто шутя, опутала его могучие руки сзади спины шнуром из своих золотых волос.

Раз богатырь свою силу напряг — шнурок впился в его кожу, от второго усилия — брызнула кровь из разрезанных мышц. Когда же рванул он со всей силой в третий раз и шнурок впился в тело до белых костей, радостно крикнула злая алмас. Дикой медведицей ревет она в чаще лесной, воет хищной волчицей. И на зов ее, словно коршуны, что слетаются со всех сторон небосклона на труп, мчатся к пещере Колоя жадные нарты.

И молвил им связанный богатырь, бессильный защитить своих белых овец. Так сказал он окружившим его нартам:

— Да будет вам, чужеземцы, приезд ваш на пользу, а мне на счастье! Принимаю вас в моем жилище за дорогих гостей. Все, что есть у меня, ваше, я — ваш слуга, вы же будете здесь господами.

Злобно засмеялся в ответ ему Солса, старший над нартами. Голосом, похожим на грохот катящегося с горы обвала, так загремел он в ответ:

— Приезд наш будет нам на пользу — мы берем все твои богатства. Мы будем твоими господами, а ты — нашим рабом. Будешь ты, скованный по рукам и ногам, молоть ячмень для наших жен, сидя в глубокой яме... Не хотим быть твоими гостями!

И ворвались алчные нарты в пещеру Колоя. Кровожадные, стали рубить они овец, пробуя остроту своих мечей и силу рук. И с насмешками били ногами беззащитного и плевали в лицо связанного богатыря.

— Господа мои! — молвил им Колой-кант.— Вы вольны над вашим слугой. Но во имя бога прошу вас: убивая овец из моих белых стад, отделите десятую в жертву Сердцеведу и сыновьям его Елта и Этеру и богу грома, грозному Сэли, чтобы не прогневались на вас они, привыкшие вкушать дым сжигаемой здесь жертвы.

С насмешкой отвечал ему свирепый Солса, князь нартов:

— Пусть боги твои будут сыты прежними жертвами. Мы же не дадим им и дохлого ягненка.

Тогда вступился за Колоя Сердцевед. Грозного владыку громов, Сэли, послал он к нартам, пировавшим в пещере. И смутил Сэли их разум, а пищу в котле их обратил в расплавленную красную медь.

Все нарты вкусили той меди, и умерло из них тотчас пятьдесят девять человек. Лишь шестидесятый, князь их, могучий Солса, долго боролся со смертью. Сгорая от палящей жажды, лежал он без сил у пещеры.

Ворон кружился над ним.

— Принеси мне воды, черный ворон! Я вдосталь поил тебя кровью людской...

— Не за тем прилетел я. Жду твоей смерти, чтобы выклевать очи твои.

— Ты, волк, что глядишь на меня из чащи? Дай воды мне... Я был тебе другом, кормил тебя досыта мясом людским...

— Скорее умирай! Я хочу пожрать твое сердце!

— Будьте вы прокляты вечно! Напои меня, голубь! Я изнемог... Помоги мне смерти отдаться без стона, глядя ей прямо в глаза...

И добрый голубь принес ему воды в красном сафьяновом чувяке и освежил уста умирающего...

Не было уже слов у князя нартов. Рукой, которой он брал из котла жидкую медь, погладил он шейку воркующей птицы, и оттого виден теперь на шее голубя отблеск меди...

Так погибло все племя злых нартов Эрстхо, и князь их, могучий Солса, стыдившийся жалости, так встретил конец свой.

Со смертью Солсы развязался шнурок, спутывавший руки Колой-канта.

ЧЕЧЕНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ГЕРОИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

О князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живших по Тереку

Новый аул основал князь Мусост.
Мужей известных собравши по вызову,
Мужей безвестных созвавши без вызова,
Новый аул основал князь Мусост.
Старцев аула призвал князь Мусост.
К князю по вызову старцы являются,
Гордые головы их не склоняются.
— Салам алейкум*, наш князь Мусост.
Вот мы явились, как нам приказал ты,
В гости ль, по делу ли нас призвал ты?
— Звал вас по делу. Прошу я сейчас
Дани двойной, небывалой от вас.
— Да хранит аллах тебя, князь Мусост!
Отец твой был князем, а мать княгиней.
Князем и сам ты являешься ныне.
Мы же простые и темные люди.
Ты разоришь наших жен и детей,
Грех тебе, князь, перед нами будет.
Стыдно тебе пред князьями будет.
Дани такой не бери ты с людей.
— То, что решаю я, сбыться должно.
Что запрещаю — забыться должно.
От вас ожидаю дани двойной.—
Больше им князь не сказал ничего.
Старцы в печали ушли от него.
В пятницу старцы в мечеть пришли,
Чтобы о горе своем беседовать.

Старцы в мечети беседу вели,
Старцы на князя жестокого сетовали.
— Небывалую дань мы не в силах внести.
Где ж храбреца, где героя найти,
Чтобы он свергнул Мусоста жадного?
Вспомнился тут им сын Ады, Сурхо.
Конь у Сурхо, сына Ады, лихой.
Сердцем герой сын Ады, Сурхо.
— Упросим отца, чтоб героя Сурхо,
Чтобы нам сына отдал своего.
К дому Сурхо старики подошли,
К старому Аде они пришли.
Вышел отец молодого Сурхо,
Вышел, приветствовал он стариков.
— Что привело, старики, вас сюда:
Добрая воля иль злая нужда?
— В дом твой по собственной воле пришли мы.
Нужен Сурхо нам, твой сын родимый.
Подвиг ему одному лишь по силе.
Сына отдай нам! — так старцы просили.
— Старцы, окиньте вселенную взглядом!
Старцы, вы вслушайтесь в сердце мое!
Кроме Сурхо, никого нет у Ады,
Он и отрада, и счастье мое.
Но породил я Сурхо моего
Не для того, чтобы нежить его.
Вам, если надо, отдам я его.—
Так старикам отвечал Ада.
Спал его сын и не знал ничего.
Ада Сурхо своего разбудил.
— Не время спать, мой родной Сурхо,
Время вставать, дорогой Сурхо,
Утро совсем не для сна наступило.
— Ты разбудил меня, отец,
Но для чего разбудил — не знаю.
Что же случилось — ответь, отец!
— Старцы аула пришли за тобою.
Старцы просили тебя им отдать.
Я им не в силах, мой сын, отказать.
Если они твою душу потребуют —
Вырви из тела, отдай им душу...
Выслушал все, с постели поднялся,
Выбежал к старцам Сурхо молодой

— Старцы почтенные, вас я приветствую,
Вам ли склоняться передо мною?
Молод еще я, вы ж — мудры и седы.
Выполню все я, что нужно вам.
Душу свою, если надо, отдам.
Сердцем я предан вам, сердцем вам верен...
Горе какое грозит вам сегодня?
Горе, что кружится в небе над вами,
Меткою пулей своей собью,
Гнет, что вгрызается в вас зубами,
Тонкою шашкой своей зарублю,—
Так им сказал Сурхо, сын Ады.
Старцы аула ему отвечали:
— В нашей печали Мусост повинен,
Лютая жадность Мусоста преследует —
Дани двойной, небывалой он требует.
Просим мы: свергни князя Мусоста.
Просим и молим: во имя аллаха,
Храбрый Сурхо наш, не знающий страха,
Свергни ты жадного князя Мусоста!
— Бог да хранит вас, аульские старцы.
Я еще молод. И в силах я разве
Свергнуть Мусоста, могучего князя?
Братьев у князя Мусоста есть много,
Всех их Мусост призовет на подмогу.
— Мы тебе братьями будем тоже.
Мы тебе свергнуть Мусоста поможем.
Храбрый Сурхо наш, не знающий страха,
Свергни Мусоста, во имя аллаха!
Храбрый Сурхо собирался молча.
Вышел он к старцам в бешмете белом,
Черную бурку на плечи накинул он,
Серую шапку на брови надвинул он,
Шашку (клинок с головою волчьей)
Взяв вместо посоха, шагом смелым
Двинулся в путь он к дому Мусоста.
Старцы шагали вослед Сурхо.
(Жил князь Мусост от Сурхо далеко),
Но быстро пришли они к дому Мусоста.
Из дому князя Сурхо вызывает.
— Салам алейкум, наш князь Мусост!
— Алейкум салам! — ему князь отвечает.—
— В гости ль, по делу, сын Ады, пришел ты?

Старцев зачем за собой привел ты?
— Князь, я — по делу. Ответить прошу я:
Правда ль, что подать ты просишь двойную?
Да сохранит тебя бог, князь Мусост!
Отец твой был князем, а мать княгиней.
Князем и сам ты являешься ныне...
Дань небывалую просишь ты с нас...
Князь, мы простые и бедные люди.
Грех тебе будет и стыд тебе будет
Так обижать наших жен и детей.
Дани огромной не требуй с людей —
Вот с какой просьбой к тебе пришел я.
Князь отвечает, нахмурясь сурово:
— Ты ль мне указывать будешь, мальчишка?
Вместе со старцами, жалкий трусишка,
Прочь уходи подобру-поздорову.
То, что решаю я, сбыться должно.
Что запрещаю — забыться должно.
Подать двойную сберите быстрей!
Подать двойную вносите скорей!
Гневно Мусосту сын Ады ответил:
— Черт бы побрал тебя, вора-князька!
Раб ты, дурак наихудший в свете,
Помесь холопа и ишака!
Все, чего ты боишься, сбыться должно.
Все, к чему ты стремишься, забыться должно.
Подати мы не заплатим двойной.
Жалким трусишкой назвал тут меня ты.
Завтра узнаешь, князек проклятый,
Ведом ли страх мне, Сурхо, иль неведом.
Землю твою всю, что царь московский
В старые дни подарил твоим дедам,
Землю твою с заливными лугами,
Пастбища лучшие вместе с полями
Я отберу. И своими руками
(Смерив канатом и вырыв канавы)
Землю твою разобью на участки
И разделю их между земляками.
Старцы, на площади в час рассвета
Вы соберетесь! Я с вами вместе
Княжеские отберу поместья.
А чтоб Мусост без земли не остался,
Вдовий участок дадим ему, старцы! —

Так речь закончил Сурхо, сын Ады.
Вечером дома, от князя вернувшись,
В комнате, где принимают гостей,
Юный Сурхо постелил постель
И до рассвета уснул спокойно.
Утром, когда встают правоверные,
Утром погожим Сурхо пробудился.
Солнце всходило, и день был прекрасен.
Лошадь Сурхо, как невесту, украсил,
Сам, словно девушка, принарядился.
В путь собрался он. И свора борзых
Вкруг него прыгала, лая и воя.
Ястребов стая верных, ручных
С криком вилась над его головою.
Сдерживая свою лошадь горячую,
Грозным оружием весь обвешанный,
Волка храбрее, медведя грознее,
Едет Сурхо дорогой своею.
Мчатся борзые его визжа,
В небе ястреба ручные кружат.
Скоро приехал Сурхо, сын Ады,
К площади той, где встречу назначил он.
Дальше с аульскими старцами вместе
Ехал Сурхо наш до княжьих поместий.
Здесь на участки поместье Мусоста
Он разделял, обмерял канатом,
Вместо границ вырывая канавы.
Кончил он дело свое до заката.
Земли, принадлежавшие князю,
Распределил он между земляками.
— Время в аул возвращаться вам, старцы.
Я же один здесь желаю остаться.
Грусть обуяла меня отчего-то.
Грусть я хочу поразвеять охотой.
К дому, к аулу направились старцы.
Он же в поместье Мусоста остался
И занялся молодецкой охотой.
Зверя бегущего ловят борзые.
Птицу летящую пуля сбивает.
Раненых птиц когтями хватают
И добивают ястреба ручные.
Так развлекался охотой сын Ады.
После, когда надоело охотиться,

Наземь он спрыгнул, коня расседлал,
Вместо подушки седло свое взял,
Лег и укрылся он буркой черною,
Лег он, сжимая оружие грозное.
И на земле, у Мусоста отнятой,
Крепко Сурхо молодой задремал.
Но неспокойно Сурхо наш спал.
Видел во сне он невесту-красавицу,
Ту, о которой он годы мечтал.
Видел он, будто невеста-девица,
Та, на которой хотел он жениться,
Братом Мусоста похищена из дому.
И за Мусоста выходит замуж.
Полон тревоги, Сурхо пробудился.
Потом горячим во сне он покрылся.
— Плохо мне спится в поместье Мусоста.
Скоро ли смерть постучится к Мусосту? —
Так сам себе он спросонья сказал.
После прилег и опять задремал.
Но, задремавши, увидел он
Тот же тяжелый, тревожный сон.
Видел он, будто невеста-девица,
Та, на которой хотел он жениться,
Та, о которой мечтал он издавна,
Братом Мусоста похищена из дому
И за Мусоста выходит замуж.
Видел он, будто бы мать Мусоста
Ныне на шумном пиру веселится.
Мать же Сурхо в печали томится,
Плачет, узнавши о свадьбе Мусоста.
Будто раненый зверь, Сурхо встрепенулся.
Быстро вскочил и к коню он рванулся.
Быстро коня своего оседлал,
Сел на коня и домой поскакал.
— Небо и звезды, ответьте вы мне:
Сбудется ль то, что я видел во сне?
Тонкою плетью коня он стегал,
Конь все быстрей и быстрее скакал.
Скоро домчал его конь лихой,
Скоро примчался храбрый Сурхо
К дому отца своего Ады.
Мать со слезами встречает его.
— Мать дорогая, ответь мне сейчас,

Горе какое свалилось на нас?
Плачешь ты так, как над мертвыми плачут.
Что твои слезы горячие значат?
— Сын мой родимый, пришло к нам несчастье.
Сердце мое разрывают на части
Вести о том, что красавица-девушка,
Та, кого я полюбила издавна,
Братом Мусоста похищена из дому
И за Мусоста выходит замуж.
В час, когда мать Мусоста ликует,
Мать твоя плачет, томится, горюет.
Плакать заставь ты Мусостову мать,
Сын мой. Иль век нам покоя не знать.
Сын мой, заставь обливаться слезами
Женщину ту, что смеется над нами!
Выслушав вести печальные эти,
Храбрый Сурхо повернул коня,
К дому Мусоста помчался, как ветер.
К дому Мусоста Сурхо прискакал.
Спрыгнув на землю, коня привязал.
Шашки эфес сжимая рукою,
Быстро вошел он в покои Мусоста.
Там за столами княгини сидели,
Там за столами князья сидели,
Все веселились, и пили, и ели.
И, словно солнце, что тучкой прикрылось,
Скрытая под занавескою белой,
Здесь же в почетном углу стояла
Та, по ком сердце героя томилось.
— Салам алейкум,— сказал Сурхо
Тем, кто на свадьбе врага пировал.
Встав со скамеек при виде Сурхо,
— Алейкум салам,— князья отвечали.
— Если к нам в гости, Сурхо, ты пришел,
Сядь на почетное место за стол.
Жирного мяса есть вдоволь тут.
Водки прекрасной тебе подадут.
Если скучаешь и хочешь развлечься,
Наши княжны тебя развлекут.
— Все ваши яства противны мне,
Мне ваша водка противней вдвойне,
Ваших княжен не надо мне,—
Так отвечал им Сурхо, сын Ады.

Старший князь подошел к Сурхо
С чашею, полной вина дорогого:
— Кубок почетный тебе подаю,
Выпей и дай мне заранее слово
Выполнить первую просьбу мою.
И отвечает Сурхо: — Я не знаю,
В чем заключается просьба твоя.
Может быть, просьба твоя такая,
Что не смогу ее выполнить я.
— Просим тебя — не смущай невесты,
Не для чего заговаривать с ней.
Любит красавица князя Мусоста,
Замуж идет по охоте своей.
— Выполнить просьбы твоей не могу я,
Должен невесту мою дорогую
Сам расспросить я. Пусть даст мне ответ,
Любит Мусоста она или нет.
Если пришла добровольно она,
Свадьбе я больше мешать не буду.
Если же силою принуждена,
То без нее не уйду я отсюда.
Путь заслонил ему брат Мусоста.
— Пропадом, подлый Сурхо, пропади!
Труса, тебя мы не пустим к невесте.
Лучше — покуда ты цел — уходи!
Станет женою Мусоста красавица,
В доме Мусоста невеста останется.
Брату Мусоста ответил Сурхо:
— Здесь не придется остаться невесте.
Ты же останешься здесь на месте,
Ибо погибнешь ты смертью плохой.
Из пистолета османского * выстрелив,
В сердце он брату Мусоста попал.
Насмерть ужаленный пулею быстрою,
Тот бездыханным на месте упал.
Дулом второй пистолет направил
Храбрый Сурхо на князей других.
Взглядом грозящим молчать их заставил,
Ужас навел на врагов своих.
Все без движенья застыли на месте,
Страх им и ноги и руки сковал.
Храбрый Сурхо невесте сказал:
— Что мне ответишь, красавица-девушка?

Скажешь, что любишь ты князя,— тогда
Я распрощаюсь с тобой навсегда.
Если же скажешь, что князя не любишь ты,—
В дом свой тебя, как жену дорогую,
Из дома князя сейчас уведу я.
Девушка шепчет:
— Сурхо, сын Ады,
Здесь у Мусоста мы в доме чужом,
Здесь ни о чем говорить не надо.
Мы побеседуем в доме твоем.—
Девушка нежно к Сурхо прикасается:
— Выйдем отсюда.— И вместе во двор
Вышли, обнявшись, Сурхо и красавица,
Сели на лошадь, помчались в опор.
Едет Сурхо со двора Мусоста.
Там веселившихся княжеских жен
Плакать от горя заставил он.
Там он, Мусостова брата убив,
Плакать заставил князей молодых.
Горькие вести дошли до Мусоста:
Земли Мусоста Сурхо поделил,
Брата убил и невесту отбил.
Вести такие дошли до Мусоста.
С шашкою острой, с ружьем, стремглав,
Лошади в спешке не оседлав,
Мчится Мусост за Сурхо в погоню.
Слышит погоню Сурхо, сын Ады.
Спрыгнул Сурхо с гнедого коня,
Видя, что к схватке готовиться надо.
Спрыгнул и князь Мусост с коня.
Крикнул он громко: — Сурхо, сын Ады!
Что же ты медлишь? Стреляй в меня.
— Где мне стрелять — я стрелок плохой.
Трусом ты, князь, называл Сурхо,
Первым стрелять предлагаю тебе я.
Трус я, а земли твои разделил,
Брата убил и невесту отбил.
Трус я — стреляй же, Мусост, поскорее!
Вскинул Мусост ружье кремневое,
Выстрелил в сына Ады, Сурхо,
Чуть покачнулся Сурхо после выстрела,
Словно под ветром камыш сухой.
Вскинул Сурхо ружье кремневое,

Выстрелил, в сердце Мусоста попал.
Пулею меткою насмерть ужаленный,
Наземь Мусост бездыханным упал.
К телу Мусоста Сурхо подбежал.
Может быть, жизнь еще в теле тлела
В миг, когда голову князя от тела
Острою шашкой Сурхо отсекал.
Руки Мусоста отсек он (не ими ли
Девушку князь собирался ласкать?)
И, возвратившись к невесте с трофеями,
Вспрыгнул Сурхо на коня опять.
В гору въезжая, с конем он играет,
Книзу спускаясь, невесту ласкает.
Скоро приехал Сурхо с невестой
К дому, где жил он, где мать ждала.
Мать Сурхо во дворе встречает.
— Сын мой, Сурхо, если в доме Мусоста
Мать его стонет и горько рыдает,
Благословляю тебя тогда я.
Если ж не плакала мать его,
Благословения нет моего.—
Так говорит ему мать родная.
Сын отвечает:— Законы адата *,
Что соблюдал я и строго и свято,
Ты меня нынче нарушить заставила,
Сам привожу я красавицу-девушку,
Ту, что в невестки тебе предназначена.
Князь, что нам столько доставил мучений,
Плакать тебя не заставит опять.
Вот голова его, жадные руки,
Которыми девушку думал ласкать.—
Кончил на этом рассказ Сурхо,
С лошади снял он невесту легко.
Вести услышав об этом, Ада
Стал сына Сурхо, удальца, восхвалять.
— Мальчики все, что родятся ныне,
Схожими быть с моим сыном должны.
Если ж не схожими будут, иными,
Жить оставаться они не должны!
С крепкой любовью, с мечтами чудесными
Зажили дружно Сурхо и красавица.
Песнь о герое на этом кончается.

О Шихмирзе, сыне Зайты

Вечерней зарей, под первой звездой,
В белом бешмете, с шашкой кривой,
В папахе, надвинутой на глаза,
Сидел на сходке Зайт-Шихмирза.
Не ветер пылит на склоне крутом —
То всадник, влеком гнедым конем,
Прискакал и стал перед Шихмирзой —
Под первой звездой,
Вечерней зарей.
— Ассалам алейкум, Зайт-Шихмирза!
Ты простись с покоем, Зайт-Шихмирза!
Заломи папаху, открой глаза.
— Алейкум салам, гонец удалой!
Что привез с собой? Чем смутишь покой? —
Говорит Шихмирза, тряхнув головой.
Тут гонец молодой потемнел лицом:
— В круглой крепости был я,— промолвил он,—
Туда за добычей я прискакал,
Там — эй, Зайт-Шихмирза! — белый был генерал,
В гнутый рог он трубил, он войска созывал,
В барабан ударял, офицеров сбирал,
Тебе он войной кровавой грозил
И так говорил:
«Захочет биться — смерть ему,
Захочет мириться — плен ему,
Приведут его в крепость, бросят в тюрьму.
Стадо спрячем в загон — стада нет к утру,
Стадо выгоним мы — стада нет ввечеру,
Казаков на валу убивает он,
Казачек к ручью не пускает он;
Как пиявка в реке, как в небе гроза,
Так докучен, так страшен нам Зайт-Шихмирза.
Хочу, чтоб живым он пришел на суд,
А нет — пусть мертвым его привезут!»
Так промолвив, в крепость ушел генерал.
Тут пестрый офицер* поднялся на вал,
Он увидел меня на круглой степе:
«Шихмирза — мой друг,— сказал он мне,—
Пусть бежит скорей, пусть кинет свой дом —
Окружат его ночью тройным кольцом».
Так промолвив, замолк джигит молодой.

Говорит Шихмирза, тряхнув головой:
— Конь мой скачет под солнцем от тени своей,
Своей гривы страшится он в пору дождей,
Горячо люблю я коня своего,
Но тебе я за весть подарю его.
Прекрасен зари восходящий свет,
Но шашки моей — прекрасней нет,
Когда воздух сечет, врагов казня.—
Так промолвив, гонцу подарил он коня.
Сам стал думу думать в сакле своей,
А гонец ускакал, ветра быстрей.
Под навесом, к столбу прислонясь плечом,
Жена Шихмирзы убивалась по нем:
— Да хранит тебя небо, Зайт-Шихмирза,
Брата нет у тебя, с кем рубиться вдвоем,
Ты беги, Шихмирза, брось родимый дом —
Окружат тебя ночью тройным кольцом.
Тут промолвил с усмешкой Зайт-Шихмирза:
— Нетрусливым природа меня создала,
Кровный друг есть под солнцем — Джума-Актола:
Клятвой связаны мы, неразлучны мы с ним,
Ты его позови — пусть придет побратим.—
Так сказал своей милой Зайт-Шихмирза.
В смятенье, тревогой окрылена,
К тому Актоле устремилась она.
— Будь весел день твой, Джума-Актола!
Будь жизнь твоя долга и светла!
— Вольной волей ты иль по нужде пришла?
— Вольной волей я и неволей пришла:
В великой беде Шихмирза-побратим,
Окружат его ночью кольцом тройным,
Тебя, кто клялся умереть вместе с ним,
Тебя, Актолу, кто тверд душой,
Тебя призывает друг верный твой,
Зовет на помощь на смертный бой.—
Так промолвив, ответа она ждала.
Тут молвил в ответ ей Джума-Актола:
— Мне дороже души невеста моя,
Увезут ее завтра чужие князья,
Выручать ее еду в далекий край.
Это слово мое Шихмирзе передай.
И как только замолк Джума-Актола,
Шихмирзы голубка домой пошла.

Привет на устах, гнев в очах —
Медленным шагом домой пошла.
От ворот ей навстречу старый Джума,
Отец Актолы — старый Джума.
— Будь жизнь твоя долга и светла!
Вольной волей ты иль по нужде пришла?
— Вольной волей пришла я, старый Джума,
И неволей пришла я, старый Джума,
Актолу зовет Шихмирза-побратим,
Окружат его завтра кольцом тройным.
Того, кто клялся умереть вместе с ним,—
Твоего Актолу зовет Шихмирза,
На помощь кличет Зайт-Шихмирза.—
Так промолвив, пошла своим путем.
Тут старый Джума потемнел лицом.
— Что ж ответил тебе мой сын родной?
Шихмирзы голубка смутилась душой:
— Тоскует он по невесте своей,
Отбивать ее едет у дальних князей.
— Лучше б дочь, не тебя, я взрастил, Актола,
Дочь, уж верно б, в мужья удальца избрала.
Не пришлось бы краснеть мне на склоне дней.
Не пятнал бы он доброй славы моей.
Я достаточно стар, чтоб о смерти жалеть.
Я достаточно молод, чтоб в битву лететь.
Скажи ему: верен старый Джума,
Шихмирзе не изменит старый Джума.
Ты скажи ему: страха не знай, Шихмирза,
За тебя будет биться старый Джума.
Ее отпустил он с речью такой.
Шихмирзы голубка летит домой.
Тут Зайт-Шихмирза подходит к ней:
— Что сказал Актола? Отвечай скорей.
— «Невесту увозят», сказал Актола,
«Отбивать ее еду», сказал Актола.
«На смерть», сказал тебе старый Джума,
«Я готов», сказал тебе старый Джума,
«Будь тверд», сказал тебе старый Джума,
«Не страшись», сказал тебе старый Джума,
«Вдвоем будем биться», сказал Джума.
Своей голубке внимал Шихмирза.
Умолкла она, сказал Шихмирза:
— Ах, не будь ты несчастлив, Джума-Актола,

Коли милая так тебе мила,
Возьми мою — разве она
Не красивей твоей? — сказал Шихмирза.
Вечерней зарей, под первой звездой
Тут лег Шихмирза на отдых ночной,
Чтоб думы и сердце сном укачать.
Вот свет прекрасный взошел опять,
Зайт-Шихмирза глядит из окна—
Сакля врагами окружена,
И речь генерала ему слышна:
— На небо не влезешь — глубока вышина!
Не уйдешь и в землю — земля плотна!
Захочешь биться — умрешь, Шихмирза,
Захочешь мириться — пропадешь, Шихмирза,
В круглой крепости нашей сгниешь Шихмирза!
— Чтоб сам ты умер, генерал-палач!
Я в небо уйду — недаром стрелял,
Я в землю уйду — мой отточен кинжал.
На свет я рожден не с трусливой душой,
Для битв я рожден, буду биться с тобой! —
Так промолвив, выбежал Зайт-Шихмирза,
Тонкой шашкой сверкнул, как молнией проза,
И стал тут рубиться Зайт-Шихмирза.
Враги подступили кольцом тройным,
Тут вихрем густым всклубился дым,
Тут синий свинец загудел дождем,
Джума пробудился в доме своем.
К конюшне бревенчатой он бежит,
Уздечкой серебряной он гремит,
Словно невесту, убрал он коня,
И был тот конь горячей огня.
Тут вскочил Джума на коня своего,
Тут молвил коню, лаская его:
— Горячим трехлетком снова будь! —
Так молвил Джума и пустился в путь.
— Ассалам алейкум, Зайт-Шихмирза!
Не дрогнул ли ты, эй, Зайт-Шихмирза?
Не падай духом, джигит молодой,
Старый Джума — рядом с тобой!
— Не пал я духом, старый Джума,
Чернокрылый ты сокол, старый Джума,
Соколенок я горный, старый Джума.
Ты зачем на бой прискакал незван?

Не снесет твое тело смертельных ран.
— Мое старое тело закалено,
Любую рану снесет оно,
Немало битв у меня за спиной.
Тут кинулся в бой Джума с Шихмирзой.
Не трава растет — то войско встает,
Молодецкая кровь из ран течет.
Тут вышли из боя они сам-друг,
Тут склонились они на зеленый луг.
Промолвил, стеная, старый Джума,
Шихмирзе тут молвил старый Джума:
— Не будь ты несчастлив, Зайт-Шихмирза,
На тропинку вот ту обрати глаза,
Не скачет ли там мой сын Актола,
Не проведал ли он, что смерть нам пришла?
На слабых руках приподнявшись с земли,
Глянул Зайт-Шихмирза на тропу вдали:
— Не будь ты несчастлив, старый Джума,
Белый полк окружил нас, старый Джума,
И я вышел один на полк царский,
Но несметное войско теперь идет,
Все царское войско на нас идет.
— Не падай духом ты, Зайт-Шихмирза,
Глянь страху в глаза, эй, Зайт-Шихмирза,
То не царское войско на нас идет —
То мой сын Актола молодцов ведет,
Юный мой Актола к нам на помощь идет.
И как только умолкнул старый Джума,
Вот уж едет, вот скачет Джума-Актола.
— Ассалам алейкум, Зайт-Шихмирза!
— Алейкум салам, Джума-Актола!
Не хотел ты помочь мне, Джума-Актола,
Тебе милая больше души мила,
Я б тебе свою отдал — разве она
Не красивей твоей? — так сказал Шихмирза.
Джума-Актола тут молвил в ответ:
— В твоих причитаниях правды нет.
Не новость, что в битву ты вышел один,
Нам биться с войсками царя не впервой,
С отвагою мчимся мы в смертный бой! —
Так промолвив, объехал его Актола,
Тут увидел отца своего Актола:
— Ассалам алейкум, мой старый Джума!

Что сталось с тобой, эй, отец мой Джума?
— Алейкум ва салам, мой сын молодой,
Я телом здоров, но убит душой.
Лучше б дочь, не тебя, я взрастил, Актола,
Дочь, уж верно б, в мужья удальца избрала,
Он, уж верно б, не бросил меня в бою,
Он встал бы грудью за честь мою!
Молодой Актола тут молвил в ответ:
— Не делай упреков, о старый Джума!
Не новость, что в битву ты вышел вновь.
Нам биться с войсками царя не впервой,
С отвагою мчимся мы в смертный бой!
Тут в бой устремился юный джигит:
Кто скачет в бой — с коня вдруг сбит,
Кто скачет из боя — попал в аркан,
Враг дрогнул, страхом обуян.
Актолу подзывает старый отец,
Актоле тут молвит старый отец:
— Уходит из тела душа моя,
Пока свет в глазах не потух и жив я,
Ты голову сбей с генеральских плеч,
Чтоб мог я спокойно в могилу лечь.—
Так промолвил Джума и вновь затих.
Стал глядеть Актола на врагов своих,
Гневный взор пробежал по их рядам,
Но не нашел генерала там.
Тут пестрый офицер в дыму мелькнул,
К нему Актола коня повернул:
— Зачем генерала-палача не видно в бою?
Отвечай — иль надвое раскрою,
Отвечай — иль синим свинцом залью!
— Ни свинец твой, ни шашка мне не сделают зла,
Я ведь друг Шихмирзы, эй, Джума-Актола! —
Так русский промолвив, тропинку указал,
По которой умчался вскачь генерал.
Над конем засвистала тонкая плеть —
То Джума-Актола помчался вслед.
— Бог тебя да хранит, чеченский джигит!
Отпусти меня в родные края —
Меру белого серебра дам тебе я,
Обнимет меня подруга моя —
Меру красного злата дам тебе я!
— Мне белое серебро — тело твое,

Злато красное мне — голова твоя,
Когда с плеч сниму ту голову я! —
Так промолвив, голову он срубил,
Он за ухо голову ту схватил,
К отцу прискакал: — Эй, старый Джума,
Ну что ж, забирай ее, старый Джума,
Ее ли просил ты, отец мой Джума?
И как только увидел голову он —
Старый Джума тут встал, исцелен,
И Зайт-Шихмирза тут встал, исцелен,
И каждый боец вскочил на коня,
И рубились все трое до заката дня.
Тут враги распростились со счастьем своим,
Тут удальцы подружились с ним.
Врага опрокинув, разогнав воронье,
Нашли боевое счастье свое.
Зажав подпругами раны коней,
Пояса стянув над болью своей,
Отдохнуть от ран улеглись бойцы,
На зеленом лугу улеглись бойцы.
Тут был им желанный отдых дан,
Но горько томились они от ран.
Вдруг пестрый офицер прискакал на луг,
Их раны лечил, исцелял недуг,
Стал друг Шихмирзы — их общий друг.
Встали, смерти в укор, три бойца удалых,
Жили в дружбе с тех пор три бойца удалых.
Кто с поля битвы бежит, устрашен,—
Пусть душу свою потеряет он,
А кто до конца не покинет бой —
Пусть владеет счастье его рукой!

Песня о Джаммирзе, сыне Мади

Кони бьются в упряжи, не сдержать коней,
Из Ростова двинулись генералы в путь,
Генералы молоды, всех Ортум * знатней,
Генералы шалинским * полем держат путь.
Все шатрами выбелив, точно выпал снег,
Генералы весело коротают день.
Где скакали шалинцы, на полях Шали,
Спирт мешая с водкою, на полях Шали
Генералы весело коротают день.

Со словами хитрыми генерал встает:
— Ассалам алейкум,— он речь свою ведет,—
Хлеб молол меж пальцами, пни рукою гнул
Князь Алхан, чтоб выстроить наш Чечен-Аул,
Джаммирзой воинственным знаменит аул,
Альбика, сестра его, славится красой.
Полно тебе без толку кушать царский хлеб,
Пленницею взять ее будь, Ортум, готов,
Белою невестою привести в Ростов!—
Кончил слово хитрое старший генерал,
А Ортум начальнику вот что отвечал:
— Сколько мне захочется, белых царских войск
На подмогу выведи, старший генерал;
А без них мне Альбику пленницей не взять,
Белою невестою к вам не отослать.
Выслушав, ответствовал старший генерал:
— Сколько вам захочется, белых царских войск
Приведу...— и выехал в Петербург к царю.
Мерно войско движется за кривой зурной,
С барабанным грохотом движется вперед,
С войском возвращается старый генерал,
Полчища несметные ведет он за собой.
По дороге движется стадо поросят,
Как свинья огромная — впереди он сам.
Быстро подвигается старший генерал,
С войском возвращается к шалинским полям:
— Ассалам алейкум,—он говорит,—Ортум,
Вот и войско царское, то, что ты просил,
Если и теперь тебе недостанет сил,
Чтобы в плен взять Альбику и в Ростов прислать,
Будешь опозоренным век свой доживать.
Точно волны синие окружают мыс,
Точно птицы стаями кружат над гумном,
Точно заводь сонную обступил камыш —
Так тройными кольцами окружен аул.
Только полночь к отдыху темнотой влечет,
А уже для праведных утро настает;
С кувшином серебряным выйдя за водой
Рано утром из дому, Сулейман мулла *
Впился взором пристальным в сумрак над рекой,
Слухом тонким старческим Сулейман мулла
Слушает, чем полнится шорох за рекой.
Точно в муравейнике муравьи кишат,

Так вокруг неверные, как шмели, гудят.
Но с молитвой набожной на сухих устах
В дом свой возвращается старый Сулейман.
«Видно, наказанье нам ниспослал аллах.
Если он не вступится за своих сынов —
То чеченским юношам не снести голов».
Так подумал горестно Сулейман мулла,
И в мечеть направился Сулейман мулла,
Только приготовился старый Сулейман
Совершить, как надобно, утренний намаз,
Вдруг письмо подметное видит зоркий глаз.
Кем в мечеть подброшено белое письмо?
Взял рукой трепещущей Сулейман письмо,
Подпись генеральскую старец разобрал,
Прочитал послание Сулейман с трудом:
«Да не ведать горя вам, жители Чечни,
Вы должны заложницей Альбику отдать.
Коль не захотите вы Альбику отдать,
Будут ваши первенцы в ямах истлевать,
И в неволе младшие скоротают дни.
Да не ведать горя вам, жители Чечни.
Коль не захотите нам Альбику отдать,
То мечеть старинная будет так пылать,
Что из окон вырвутся красные огни».
«Вот что здесь написано»,— думает старик,
И тревогой на ноги быстро поднял всех.
Старцами почетными полнится мечеть,
Молодцами гордыми полнится мечеть.
Вот что всем собравшимся Сулейман сказал:
— Старики почетные, горя вам не знать,
Точно в муравейнике муравьи кишат,
Полчища царя вокруг, как шмели, гудят,
Просят им заложницей Альбику отдать.
Коль не захотите вы Альбику отдать,
Будут ваши первенцы в ямах истлевать,
И в неволе младшие скоротают дни.
Да не ведать горя нам, жители Чечни...
Коль не согласимся мы Альбику отдать,
То мечеть старинная будет так пылать,
Что из окон вырвутся красные огни.
Да не знают робости старики Чечни!
Да не знают робости юноши Чечни!
Лучше б нас мужчинами не рожала мать,

Если согласимся мы Альбику отдать...
Точно псы, что прячутся в полдень от жары,
Старики почетные скрылись по домам;
Как щенки, что прячутся в полдень от жары,
Юноши бесстрашные скрылись по домам,
Под пустыми сводами голос потонул,
Никого на улице — опустел аул,
Только мальчик маленький посреди села,
Он один не спрятался из всего села.
И окликнул мальчика старый Сулейман:
— Сбегай, мальчик, к Альбике, Альбике скажи,
С нетерпеньем ждет ее старый Сулейман.
Быстро мальчик маленький в этот раз бежал,
К дому славной Альбики быстро прибежал,
Увидал он Альбику, девушке сказал,
Что в мечети ждет ее Сулейман мулла...
— Добрый день, ты ждешь меня, Сулейман мулла?
Мне мальчишка сказывал, чтобы я пришла,
Но зачем ты звал меня, Сулейман мулла?
— Вот зачем я звал тебя, Альбика моя:
Точно в муравейнике муравьи кишат,
Так вокруг неверные, как шмели, гудят,
Просят им в заложницы Альбику отдать.
Коль не согласимся мы Альбику отдать,
Будут наши первенцы в ямах истлевать,
И в неволе младшие скоротают дни.
Коль не согласимся мы Альбику отдать,
То мечеть старинная будет так пылать,
Что из окон вырвутся красные огни.
Ты должна послушаться и пойти к врагам,
Надо старцев слушаться и птенцов жалеть.
Надо нашу старую сохранить мечеть.
Все лицо у Альбики в горестных слезах:
— Да не слышит грешную речь твою аллах,
Нет, я не послушаюсь, не пойду к врагам,
Нет, к врагам не выйду я, сердце не отдам,
Пусть хоть пламя синее обовьет аул,
Нет, к врагам не выйду я, сердце не отдам,
Пусть хоть волны синие хлынут на аул,
Так, чтоб рыба к берегу выплыть не могла,
Ни за что не выйду я, не пойду к врагам.
И тогда ответил ей Сулейман старик,

Горестным, рыдающим голосом сказал:
— Да не знаешь горя ты, Альбика моя,
Пред аллахом выступлю как свидетель я,
Клятву дам, что силою враг тебя забрал.
И мулла и Альбика изошли в слезах.
— Пощажу я первенцев, пощажу детей,
Распрощаюсь с матерью милою моей.
В это утро страшное не было тебя,
Так прощай же, доблестный брат мой Джаммирза,
Может, не увидимся и за гробом мы...
В это утро страшное не было тебя,
Так прощай, двоюродный брат мой Бейбулат,
Может, не увидимся и за гробом мы.
Кончив речь прощальную, Альбика пошла.
К генералам Альбику проводил мулла.
— Ассалам алейкум, генерал Ортум!
Вот к тебе заложницей Альбика пришла,
Уведи ж войска свои,— говорит мулла.
— Кони бьются в упряжи, Альбика, садись.
— Нет, еще не сяду я,— Альбика в ответ.—
В наш аул ненадолго мне пойти позволь.—
Так сказала Альбика и пошла в аул.
К саклям гордых молодцев Альбика пошла.
Горько плача, Альбика говорила им:
— Берегла я честь свою, прячась ото всех,
А теперь безбратною стала сиротой.
Да не ведать горя вам, молодцы Чечни!
Берегла я девичью честь свою от всех.
Кто ж из вас заступится, кто же вступит в бой,
Я тому покорною сделаюсь женой! —
Так, рыдая, Альбика говорила им.
Не осталось молодцев храбрых средь Чечни,
Ни один не выступил, не рванулся в бой.
Повернулась Альбика и пошла к врагам —
Там в коляске бархатной ждал ее Ортум.
— Ни один не выступил, не рванулся в бой,
Нет в ауле храброго, чтоб метнулся в бой,—
Так сказал, прощаясь с ней, старый Сулейман.
И сказал пристыженным молодцам старик:
— Ни один не выступил, не рванулся в бой,
Нет средь вас бесстрашного, чтоб рванулся в бой,
И досталась пленницей Альбика врагам...

Лишь стемнеет, по воду девушки идут,
Юноши аульные тут уже как тут.
Джигитуют весело, лишь не весел тот,
Кто не мог у недруга скакуна отбить.
Чтоб в селе у каждого был бы свой скакун,
Джаммирзою пригнан был вражеский табун:
— Выбирайте,— крикнул он,— вот вам весь табун!
Тут коней на каждого хватит у меня!
Выходи-ка, Альбика, поводи коня,
Для тебя армянские я привез шелка,
Ты ведь любишь, Альбика, пестрые шелка!
Только вместо Альбики выбежала мать.
Видя слезы матери, молвил Джаммирза:
— Отчего же плачешь ты? Разве умер кто?
Что же будешь делать ты, если кто умрет,
Иль тогда от слез твоих рухнет небосвод?
Позови-ка Альбику, пусть возьмет коня...
Но в ответ лишь горестней плачет мать, стеня:
— Как позвать мне Альбику, храбрый Джаммирза?
Гости понаехали из чужих краев,
Побежала Альбика угождать гостям.
— Нет, ни разу не было, чтоб к соседям в дом
Уходила Альбика развлекать гостей.
Правды не утаивай, все скажи мне, мать!..
— Если правду выскажу — то тебя лишусь,
Буду боль утаивать — Альбики лишусь.
— Если правду выскажешь — жив останусь я,
Станешь боль утаивать — Альбике беда.
— Что же делать матери, Альбика моя?
Нет другого выхода, все скажу тогда;
Точно в муравейнике муравьев полно,
Так от войска царского было тут темно.
К нам они приехали Альбику забрать,
И никто не выступил, не рванулся в бой,
Не нашлося храброго, чтоб рванулся в бой,
Так удалось Альбику генералам взять.
— Что же горе тяжкое ты скрываешь, мать?
Верно, скошен пулею двоюродный брат.
Как иначе Альбику удалось им взять?
— Нет, не скошен пулею брат твой Бейбулат;
Скакунов у юношей нашего села
Молодцам мержоевским * удалось угнать,
И в погоню выехал брат твой Бейбулат.

— Да не ведать горя нам, что же делать, мать,
Разве слову царскому можно не внимать?!
Возвратится Альбика, если суждено.
Молодцов мержоевских навестить давно
Мне хотелось с саблею, вот настал и срок,—
Джаммирза ответил ей и погнал коня.
Вскоре след он высмотрел — след больших дорог,
И к Ростову плеткою он погнал коня...
На лету он быстрому говорит коню:
— С табуном на пастбище гнал ли я тебя?
Отдыха не ведая, мой скакун гнедой,
Сам холил, кормил тебя, мой скакун гнедой,
Для такого случая, мой скакун гнедой.
Вот и случай выдался, чтоб нести меня.
Так лети ж, уздечкою черною звеня...—
Так сказал и плеткою он стегнул коня,
И рванулся радостно конь под Джаммирзой.
Чуть поводья выпустит — конь летит вперед,
Чуть коня осадит он — конь не отстает.
Он к палаткам вражеским Джаммирзу примчал
В час, когда над лагерем прозвучал сигнал,
В час, когда усталому войску отдохнуть
Дал Ортум, чтоб наутро продолжать свой путь.
Джаммирза с высокого соскочил коня,
К дереву высокому привязал коня
И бесшумно двинулся к вражьему шатру.
Чуть пригнув геройские плечи, он ползет,
По траве без шороха Джаммирза ползет,
Волчьим слухом слушает — ловит каждый звук.
«На беду умчался ты в этот страшный день,
Так прощай же, доблестный брат мой Джаммирза,
Может быть, не встретимся и за гробом мы».
Голос славной Альбики слышит Джаммирза,
У него от горести сжалось сердце в ком,
Подобрался к главному он шатру ползком,
Полотно суровое полоснул ножом.
— Ассалам алейкум, мой генерал Ортум,
Шурин твой наведаться поспешил к тебе...—
Так с усмешкой грозною молвил Джаммирза,
Точно иней дерево под утро покрыл,
Так от слова грозного побелел Ортум.
И вскочила на ноги Альбика тогда:
— От него все горе нам, от него беда,

Так сними же голову хищнику, мой брат!
Слова не окончила Альбика еще,
Как сверкнула тонкая шашка Джаммирзы,
И взмахнул он шашкою, чуть раздался свист,
Покатилась по полу голова врага.
За уши приподняла Альбика ее
И в фуражку бросила голову врага.
С Альбикой направился Джаммирза к коню,
На траве нескошенной бурку разостлал,
А на бурку черную положил платок,
На платок он высыпал порох и свинец.
К бою так готовится храбрый Джаммирза.
И сорвала Альбика шерстяной платок,
На колени кинула Джаммирзе его:
— Да умри я в юности, удалой мой брат,
Тут вокруг неверные, как шмели, гудят;
Что же мне завидовать девушкам чужим,
Матери завидовать матерям другим,
Что их сын единственный, брат, вернулся к ним?
Нам и так завидовать будет весь аул,
Коль Ортума голову с честью привезем.
— Да не ведать горя нам, Альбика, с тобой.
Мне страшиться некого под седой луной.
За конем присматривай, мне же надо в бой,—
Так ответив, начал он вызывать врагов:
— Ружья не заряжены — зарядите их,
Притупились лезвия — наточите их,
С чернокрылым соколом начинайте бой.
Дробью барабанною подняты войска,
Выстроены взводами медною трубой,
Так враги готовились к бою с Джаммирзой.
Джаммирза увидел их и рванулся в бой:
Пулею случайною поражал двоих,
Пулею нацеленной трех он поражал,
Самых знатных первыми пулями настиг.
Как туман, окутал все дым пороховой,
Точно дождь предутренний, падает свинец,
И дымиться начало тело и тряпье,
Но с врагом сражается храбрый Джаммирза,
И устала Альбика скакуна держать,
Но с врагом сражается храбрый Джаммирза.
...В час, когда для отдыха весь аул притих,
Повязав веревкою потроха коня

И стянувши поясом раненый живот,
Возвращался медленно Бейбулат домой.
С плачем его встретила верная жена,
Осторожно подняла, раны не задев,
И сняла с коня его, раны не задев,
Как с такими ранами уложить в постель,
Чтоб не жгла несчастного мягкая постель,
И не знает бедная, как ему стелить.
В час, когда для отдыха весь аул притих,
Стали в саклю дальние звуки долетать...
— Эй, жена, послушай-ка, показалось мне,
Что я слышу выстрелы брата Джаммирзы,—
Так едва очнувшийся Бейбулат сказал.
Быстро все разведала верная жена:
— Да не знаешь горя ты, храбрый Бейбулат,
То врагов, что Альбику увели в Ростов,
Джаммирза, Мадиев сын, наконец, настиг.
Он один сражается с полчищем врагов,
Если ты останешься в стороне, как трус,
Будет опозорено имя Бейбулат.
Я повязкой легкие раны затяну,
Башлыком тяжелые раны я стяну
И ружьем присохшие раны придавлю,
И коня любимого выведу тебе,
То тогда не сможешь ли, мой желанный муж,
На подмогу выехать к брату Джаммирзе?
Бейбулат внимательно выслушал жену
И тотчас ответное слово обронил:
— Видно, пьявки высосать кровь мою хотят,
Неужели мало им отдал я уже?
Ты возьми-ка русскую медную трубу,
Погляди, что делает брат мой Джаммирза.
Слыша слово мудрое, верная жена
Глянула в подзорную русскую трубу.
— Да умру я нынче же, муж мой Бейбулат,
Уж дымиться начало тело и тряпье,
Но еще сражается храбрый Джаммирза,
И устала Альбика скакуна держать.
Но с врагом сражается храбрый Джаммирза.
Лишь повязкой легкие раны затянув,
Башлыком тяжелые раны затянув
И ружьем присохшие раны придавив,
Скакуна любимого вывела жена.
Так, готовясь к тяжкому бою, Бейбулат

На прощанье вымолвил: — Верная жена,
Если в битве с недругом буду я убит,
Конь мой верный, сокол мой, прилетит к тебе.
Есть обычай давнишний, чтимый всей Чечней,—
Вдовам запрещается замуж выходить.
Лучше ты за молодца замуж выходи,
Чем ходить по улице, чтобы весь аул
Улыбался вслед тебе, тешась над вдовой;
Но не смей трусливому руку отдавать.—
Так промолвив, плеткою он стегнул коня.
Не сводя с дороги глаз, плача и стеня,
Провожала храброго верная жена.
Но едва он скрылся с глаз, как тотчас она
Нарядилась павою и пошла гулять...
— Ассалам алейкум, мой храбрый Джаммирза.
— Здравствуй, двоюродный брат! Кто призвал тебя?
Против войска царского сам я устою...
— Джаммирза, мой храбрый брат, так не говорят,
За подмогу слабую не взыщи мою,
Ведь чеченцы издавна ищут смерть в бою...
И опять с пришельцами закипает бой.
Много войска царского в трупы превратив,
Много генеральского отобрав добра,
Повернули храбрые в свой родной аул,
Вместе с милой Альбикой прибыли туда.
— Отвези-ка Альбику в дом наш, Бейбулат,
У меня тут важные есть еще дела.—
Джаммирза сказал ему, и на край села
Он пошел и юношей начал выкликать.
И собрались юноши со всего села,
И такое слово им Джаммирза сказал:
— Трусы вы несчастные, ждет безвестье вас!
Тем, кто был без лошади, я дарил коня,
Мало ль вас одаривал и напрасно все!
Вы ж хотели издавна оскорбить меня.
Коль воры-мержоевцы уведут быков,
То арбы аульские под навесом спят,
Коль воры-мержоевцы уведут коней —
Седла молодецкие на стене висят!
Пусть один останусь я на земле отцов,
Вы ж ищите новые земли для себя!
Побеждать и славиться — доля храбрецов!
Кто боится недругов, тот падет как трус!

*Эли, сын Умаров, из Акки**

Шкурой дикого зверя плечи свои обвив,
Мохнатую папаху надвинув до бровей,
Сын Умара — Эли на крыше стоял своей,
Стоял с трубой подзорной, на степь устремляя взор;
Весел он был душою, а степь дымилась вдали.
Тогда трава степная зашевелилась вдали:
Это дорогой длинной храбрый летел ездок,
Это — навстречу взору — храбрый летел ездок.
Вот к ездоку спустился Эли, Умаров сын.
— Ассалам алейкум, Эли, славный Умаров сын!
— Въезжай во двор скорее, табунщик мой молодой;
По делу ли приехал, табунщик мой молодой?
— К тебе я приехал, Эли, поговорить с тобой.
Я три месяца летних водил твой табун в горах,
Он три месяца зимних был на лучших кормах.
Пыль с коней прекрасных я теплой водой смывал.
В студеных горных реках для резвости их купал.
Старые любовались — боялся: сглазят коня.
Глядели молодые — я зорче берег коня.
И твой жеребец любимый, что ходил в табуне,
Из-под моей охраны украден на горе мне;
И вора я не знаю — и злость кипит во мне! —
Сказал и уехал обратно табунщик молодой.
Шкура дикого зверя сползает с могучих плеч,
Мохнатая папаха лоб начинает жечь.
Сдерживая потоки в груди закипевших слез,
Эли, сын Умаров, с крыши на землю слез.
И лошадь, что бродила по выгону до тех пор,
Эли поймал за гриву, поймал и загнал во двор.
Украсил, как невесту, и ценный надел убор.
И краше юной девицы принарядился он,
Вскочил на седло, тяжелой думою омрачен.
— Пока не увижу снова я своего коня,
Дотоль меня не увидит родимая Чечня.
И поклялся аллахом коня своего вернуть
Сын Умара — Эли — и в дальний пустился путь.
Коня он искал повсюду — близко и далеко,
Ущелья и горные реки перелетал легко
И, наконец, приехал в черные Таркй.
Он в Таркйнском ауле подъехал к толпе людей.
— Ассалам алейкум, таркинские молодцы!

Да будет ваш вечер долгим, да любит вас аллах!
— Алейкум ва салам, чеченский молодец!
По делу ль ты приехал, да любит тебя аллах,
Давно ли ты расстался с дальней Чечней своей?
— Кто здесь гостеприимен, таркинские молодцы,
Кто из вас не прогонит меня от своих дверей?
— Коль будешь нашим гостем — любой тебя приютит.
Но есть у нас хозяин — он знатен и именит,
Тебя, чечен одинокий, к Шамхалу* отведем. —
И, это сказав, указали ему на Шамхалов дом.
Вышел во двор по их зову сам таркинский Шамхал.
— Ассалам алейкум, о таркинский Шамхал!
Шамхал ответил Эли:
— Алейкум ва салам.
Ты, молодец чеченский, по делу ль приехал к нам?
Эли ему ответил:
— Приехал я по делам.
Больше души любимый был в моем табуне
Конь, прекрасный и резвый. Он у меня пропал.
Презренное имя вора неизвестно мне.
Тебя именуют всюду, я слышал: — Шамхал, Шамхал!..
Шамхал, прославленный в мире, слово промолви мне,
Утешь меня в печали. Что знаешь ты о коне? —
Так Эли, сын Умара, тогда Шамхалу сказал.
— Как сытый кобчик на ветке сидит, клонясь во сне,
Так чечен какой-то приехал верхом ко мне.
Мне сказал приезжий: «Купи у меня жеребца».
Спереди посмотрел я на этого жеребца —
Он был, как ясное солнце на утренней заре.
Сзади посмотрел я на этого жеребца —
Он был, как красное солнце на вечерней заре.
Не видел я красивей того коня ничего.
Не любил я, кроме того коня, ничего.
Отдал я полсостоянья и приобрел его.
О нем ты теперь скучаешь? В конюшню я ввел его!
— Есть у нас обычай: владелец находит коня,
И благородные люди всегда его отдают.
Уплаченное тобою сполна тебе возвращу;
Отдай мне коня гнедого, которого я ищу.
— Умри, чеченский ублюдок, хватит коня искать.
Коня вернуть не надейся и возвращайся вспять,
Не то я заставлю силой тебя из Тарки бежать.
— Придется мне возвратиться, раз так Шамхал велит,

Я человек неизвестный, а ты, Шамхал, именит.
Слава твоя по свету, Шамхал, разнеслась далеко.
Я думал, что ты и вправду князь большого Тарки.
А ты, как теперь посмотришь, бесчестный вор из Тарки.
Отъехав на край аула, Эли с коня сошел,
И себе в изголовье свое седло положил,
И по зеленым травам коня бродить отпустил.
Черной буркой укрылся, оружье к груди прижал.
Так, разъяренней медведя, Эли в тот вечер лег.
Уже в ауле спали, был полночный час недалек.
И выехал из аула таркинский молодец,
Увидел лежащего Эли таркинский молодец,
И сыну Умара — Эли — он в эту ночь сказал:
— Не будь никогда несчастен, лежащий молодец.
Зачем на траве зеленой ты, странник, лежишь без сил?
Иль нет гостеприимных в нашем большом Тарки? —
С такими словами рукою тронул и разбудил
Сына Умара — Эли — таркинский молодец.
— Много гостеприимных найдется в большом Тарки.
Только надежного друга мне найти нелегко.
И Эли тогда ответил таркинский молодец:
— Я отдам охотно все, что копил до сих пор.
Чем непроглядней полночь, тем лучше видит мой взор,
Любым оружьем сумею удар нанести в упор.
Поэтому мне поведай — зачем приехал в Тарки?
Ты рассказать мне должен, зачем приехал сюда?
Тому, кто помощи ищет, я помогу всегда.
— Тебе расскажу всю правду, таркинский молодец,
Больше души любимый был в моем табуне
Конь, прекрасный и резвый. Он у меня пропал.
И долго имя вора неведомо было мне,
Долго по белу свету я жеребца искал.
Теперь я знаю: гнедого присвоил сам Шамхал.
Есть у нас обычай: владелец находит коня
И возвращает деньги, отданные за коня.
И вот я лежу пред тобою, таркинский молодец.
— Есть конь в конюшне Шамхала, клянусь, он краше, чем твой,
И если коня Шамхала сведу ночною порой,
И будет тебя, чеченец, носить жеребец другой,
Ты будешь ли доволен, отважный молодец? —
Сказал— и пошел аульчанин, а Эли, Умаров сын,
За ним. И они проникли в неосвещенный двор,

У конюшни остановились, как нищие, они.
И молодец таркинский рукой ощупал затвор
И двери, прибитые прочно к бронзовым столбам.
Ощупал засов железный и висячий замок.
Собрал все свои силы таркинский молодец,
Схватил руками пониже и повыше плечом налег
И пошатнул большие шамхаловы столбы.
И говорил, негодуя, таркинский молодец:
— Да умрет ваш отец проклятый, шамхаловы столбы,
Неужто вы корни пустили, шамхаловы столбы?
Столбы шамхаловы проклял таркинский молодец.
И вот к нему обратился Эли, Умаров сын:
— Я сказать не посмею, что я сильнее тебя,
Я сказать не посмею, что я умнее тебя,
Дай-ка схвачу я покрепче проклятый шамхалов столб,
Тот, кто коня теряет, сердцем бывает зол.
Схватил он руками пониже, повыше плечом налег
И дернул, что было мочи, Эли шамхалов столб.
Об угол дома Шамхала ударил он этим столбом.
Вошел в конюшню Шамхала и руки он протянул,
Под рукой незнакомой вздрогнул чужой жеребец,
Не поддается Эли шамхалов жеребец.
— Да погибнет отец твой, шамхалов жеребец!
Тебя никогда не стану вареным пшеном кормить,
Тебя никогда не стану теплой водой поить!
И вздрогнул под тонкой плетью шамхалов жеребец.
У Эли в руках натянулась с чеканкой витой узда,
И жеребца из конюшни Эли вывел тогда.
Снял он седло с кобылы, на жеребца надел.
И свою кобылу поставил в стойло взамен жеребца.
Оставив за собой окраину Тарки,
Прилегли на мягкой траве два удалых молодца,
И так тогда промолвил таркинский молодец:
— Тебя, сын Умара, Эли, да сохранит аллах, —
Так тогда промолвил таркинский молодец, —
Я говорить не стану о свершенных мною делах.
Бери жеребца Шамхала и поезжай домой,
Буду тебе я нужен — ты приезжай за мной,
А я гостей отправлю — и пред твоим лицом
Не позже полдня предстану с гнедым твоим жеребцом.
— Этого не говори мне, таркинский молодец,
Я крепкую клятву нарушу, таркинский молодец,
Если в чужой конюшне останется мой жеребец,

И без него поеду в родимую Чечню,
Как я тогда возвратиться смогу в аул родной?
Будут тогда смеяться и дети надо мной.
Где, молодец таркинский, пасется шамхалов табун?
В том табуне, я знаю, и мой жеребец гнедой.—
Так тогда промолвил Эли, Умаров сын.
— Понапрасну об этом просишь, Эли, Умаров сын,
Вы ничем недовольны, так повелось в Чечне.
Я поклялся аллахом, клятва моя велика.
Если домой уедешь ты на этом коне,
Буду с гнедым до полдня в твоей родной стороне, —
Так обратился к Эли таркинский молодец.
Ни слова ему не ответил Эли, Умаров сын.
— Если меня ты просишь, то я отвечаю так:
Горы покрыты снегом, спустился шамхалов табун
К Тереку на зимовье, там, на речном берегу,
Средь камышей засохших пасется шамхалов табун.
Лучше по-моему сделай, я тебе говорю;
Если б табун шамхалов ты бы теперь угнал,
И началась тревога в нашем черном Тарки,
И за тобой в погоню кинулся бы Шамхал,
Опередив погоню, я бы к тебе прискакал. —
Так сказал и уехал таркинский молодец.
Не внял его совету Эли, Умаров сын.
И туда поехал Эли, где пасся шамхалов табун,
И вышел к нему охранщик шамхалова табуна.
— Ассалам алейкум, охранщик шамхалова табуна.
— Алейкум ва салам, чеченский молодец!
По делу ли ты приехал, чеченский молодец? —
Так спросил охранщик шамхалова табуна.
— Я приехал по делу, — Эли ему отвечал, —
К родственникам в гости хочет поехать Шамхал.
Он жеребца гнедого доставить ему приказал.
— Я часто бывал обманут, я эти слова слыхал.
Коль нужен конь Шамхалу, печать присылает Шамхал
Если печать имеешь, коня тебе отпущу, —
Так отвечал охранщик шамхалова табуна.
Мгновенно выхватил Эли свое ружье из чехла,
Он прицелился метко в охранщика табуна,
Пуля попала в то место, откуда, вдаль спеша,
Легко и быстро на волю выходит наша душа.
— Это печать Шамхала, и нет у меня другой.
Эли табун шамхалов обошел с четырех сторон,

Он свистнул — и хворостиной погнал табун пред собой.
Был неприятным известьем встревожен гордый Шамхал:
«Чеченский проходимец твой лучший табун угнал!
Скорей поднимай тревогу, скорей в погоню, Шамхал!»
Когда поднялась тревога в черном ауле Тарки,
Выехал из аула таркинский молодец.
И Эли, Умарова сына, он догнал наконец:
— Ассалам алейкум, Эли, Умаров сын!
Храни большую добычу, создатель мира, аллах!
— Алейкум ва салам, таркинский молодец,
Да будет жизнь твоя долгой, да любит тебя аллах!
И так тогда промолвил таркинский молодец:
— Когда стрелять в меня будешь, стреляй, чтоб ранить
меня,
Я буду целиться мимо, когда я буду стрелять. —
Так промолвив, стали они друг в друга стрелять.
Потом повернул обратно таркинский молодец,
И на обратной дороге Шамхала он повстречал.
— Ассалам алейкум, таркинский молодец.
Не встречал ли ты по дороге, таркинский молодец,
Чеченского проходимца, что мой табун угнал?
— Когда твой табун угнали, я тоже затосковал,
Выехал в час тревоги раньше тебя, Шамхал.
Быстрее ветра — лошадь чеченского молодца,
Хитрость лисицы и храбрость волка у того молодца.
Острая сабля не ранит чеченского молодца,
Пуля не настигает чеченского молодца,
Поедешь и не догонишь чеченского молодца,
Догонишь и не осилишь чеченского молодца.
Лучше меня послушай: вернись обратно, Шамхал!
— Ну что ж, погляжу поеду. — И мимо проскакал
Со свитою многолюдной гордый таркинский Шамхал.
И поднял ружье мгновенно таркинский молодец.
И пуля попала в то место, откуда, вдаль спеша,
Легко и быстро на волю выходит наша душа.
Упал Шамхал таркинский с высокого седла,
Ударился о землю гордым своим лицом.
Была остановлена свита таркинским молодцом,
И быстро тонкая шашка свистнула на лету,
Клинком молодец таркинский провел по земле черту.
— Гей, таркинские трусы, бегите скорей домой!
Сниму я головы ваши, коль перейдете черту. —
Так их вернул обратно таркинский молодец.

И был им настигнут вскоре Эли, Умаров сын.
— Ассалам алейкум, Эли, храбрый Умаров сын,
Тебя и твою добычу да сохранит аллах!
Нет за тобой погони, спокойно в черном Тарки.
Я тебя полюбил, как брата, встретив подле Тарки.
Тебя не забуду, покуда мир не падет во прах.
Не говорю, что вершил я доблестные дела,
Но приезжай непременно, если будут дела,
Если в наше селенье тебя призовут дела,
То будь уверен в успехе... А теперь такие дела:
Прямо по этой дороге князь могучий живет,
Богатой землей издревле владеет княжеский род,
Если, тебе оставив только двух жеребцов,
Тебе он топтать позволит землю своих отцов,
Остальной добычей пожертвуй и поезжай домой. —
Так сказал и уехал таркинский молодец.
И тронулся к дальнему дому Эли, Умаров сын,
И, наконец, добрался до княжеских земель.
И так обратился к Эли князь богатых земель:
— Самые быстрые птицы перья свои уронить,
Самые храбрые звери пятой своею ступить
На землю мою не смеют. Кто с табуном впереди?
Кто ты таков, скажи мне, отважный молодец?
Всадник ему отвечает: — Я — Эли, Умаров сын.
— Ну что ж, посмотри получше, Эли, Умаров сын,
Скажи мне: на этих кольях сколько круглых голов?
Вот кол стоит понапрасну, он для тебя готов.
Твоей голове придется торчать средь этих голов.
— Зачем мне смотреть напрасно, князь богатых земель?
Зачем считать мне, сколько на кольях круглых голов?
Ты сам погляди лучше, есть ли здесь голова,
С моей головою круглой схожая хоть едва, —
Когда так ответил князю Эли, Умаров сын,
Выстрелил по Эли князь богатых земель.
Но уклонился от пули Эли, Умаров сын,
Пулей ответил на пулю Эли, Умаров сын,
И пуля попала в то место, откуда, вдаль спеша,
Легко и быстро на волю выходит наша душа.
Он чучело сделал из князя, чтобы птицу пугать,
Он бурку накинул на князя, чтобы зверя пугать.
И с табуном Шамхала Эли поехал домой.
Долго ехал Эли прибыл в аул родной.
Резвый табун шамхалов Эли на площадь пригнал,

Бедных сирот аула на площади собрал
И роздал табун богатый, которым владел Шамхал.
А жеребца гнедого Эли повел домой.
Так со славой вернулся Эли в свой дом родной.
Со дня его возвращенья одна неделя прошла,
Умарова сына — Эли — вызвал сельский мулла.
— Ассалам алейкум, здравствуй, сельский мулла.
Меня по какой причине ты вызвал, сельский мулла?
— Я вызвал тебя по делу, ты недаром пришел.
(Мулла при этом слове письмо положил на стол.)
Скажи, ты верного друга имел ли в черном Тарки?
Своей рукой убил он Шамхала из Тарки.
Он сидит под арестом в городе Буре*,
Письмо прислал оттуда таркинский молодец,
Тебя полюбил он, как друга, встретив подле Тарки,
Тебя он помнит: так пишет таркинский молодец.
Тот молодец таркинский на утренней заре
Завтра будет повешен в городе Буре, —
Сельский мулла закончил горестный свой рассказ.
Почувствовал Эли: слезы, как дождик, льются из глаз.
Но, глубокие вздохи сдерживая в груди,
Домой направился быстро Эли, Умаров сын.
К себе тогда он вызвал Астемира, сына Шаты,
К себе тогда он вызвал сына Мади — Джаммирзу,
К себе тогда он вызвал Бейбулата, сына Тайми,
К себе тогда он вызвал сына Ады — Сурхо,
И с ними вместе он вызвал сына Ахи — Темарко.
Так сын Умара — Эли — в доме своем собрал
Самых отважных молодцев и вот что им сказал:
— Мне нужно выручить друга, таркинского молодца.
И сразу с ним согласились все лучшие молодцы,
Отправились немедля и прибыли в город Буре.
Приехали, остановились отважные молодцы
В гостеприимном доме русского молодца.
Издавна был с ним в дружбе Эли, Умаров сын.
Хозяин гостеприимный в конюшню отвел коней,
В чистую половину он пригласил гостей,
Мясо гостям предлагает русский молодец,
Водкой гостей угощает русский молодец.
Сидит с друзьями Эли за накрытым столом,
Сидит, нахмурясь, Эли за накрытым столом.
И обратился к Эли русский молодец:
— Скажи, зачем ты не весел, Эли, Умаров сын?

Чтоб вволю ты мог наесться — жирное мясо есть,
Чтоб вволю ты мог напиться — светлая водка есть,
Чтоб горем ты мог поделиться — друг у тебя есть.
Я ли тебя не утешу, Эли, в горе твоем?
Что же грустен, Эли, когда мы едим и пьем?
Что же ты голову клонишь за накрытым столом?
Выслушав, отвечает Эли, Умаров сын:
— Будь здоров и счастлив, русский молодец,
Новости мне поведай, русский молодец.
— Есть у нас в городе новость, Эли, Умаров сын:
К нам молодец доставлен из черного Тарки,
Его рукой молодецкой сражен таркинский Шамхал.
И за это будет повешен таркинский молодец,
И белый свет от горя черным, как полночь, стал.
Завтра будет повешен таркинский молодец.
Когда промолвил это русский молодец,
Такое вымолвил слово Эли, Умаров сын:
— Аллах да тебе поможет, русский молодец,
Был моим верным другом, русский молодец,
Можно ли что-нибудь сделать до завтрашнего дня,
Скажи, повидаться с другом пустят ли меня? —
К русскому так обратился Эли, Умаров сын.
И, слезы и горькие вздохи сдерживая в груди,
Вот что ответил русский молодец:
— Если мы сможем, Эли, сделаем что-нибудь,
Сидите дома спокойно, — сказал он и вышел вон.
Офицерские погоны покупать отправился он,
Ни с кем не торговался: что просили, то и платил.
Форменные мундиры быстро он купил,
Домой принес покупки русский молодец.
— Ты не печалься, друг мой Эли, Умаров сын,
Формы завтра утром наденем мы на себя,
Шашки и револьверы навесим мы на себя,
К виселице пробьемся, станем все вокруг,
Увидим, когда бесстрашно к ней подойдет твой друг.
Когда у помоста увидим таркинского молодца,
Стальные выхватим шашки — не дрогнут наши сердца,
В глаза врага заглянем, смело шагнем вперед.
Их первый залп, быть может, мимо аллах пронесет,
Второго дать не успеют, мы врежемся в их толпу,
Стальные острые шашки будут врага рубить,
Так мы с врагом покончим. Придется ему отступить.
Мы возвратим свободу таркинскому молодцу.

Ты не грусти напрасно, Эли, Умаров сын.
И наступило утро — белый прекрасный свет.
Они офицерские формы надели на себя,
Шашки и револьверы навесили на себя.
Стали возле помоста бесстрашные молодцы.
Синие солдаты расположились вокруг.
С завязанными глазами к виселице подошел
В сопровождении стражи таркинский молодец.
Тогда стальные шашки они обнажили вдруг
И на стражу напали бесстрашные молодцы,
Первый залп раздался, ветер пули отнес,
Второго дать не успели — врезались молодцы,
По стражникам заплясали тонкие шашки их,
Налево и направо рубили шашки их:
Тройное кольцо, которым был окружен их друг,
Они превратили в двойное, и сладив с двойным кольцом,
И третье кольцо разомкнули тонкие шашки их.
С поля битвы вместе с таркинским молодцом
Вернулись домой обратно бесстрашные молодцы.
Придя домой, пировали, сидя за круглым столом.
Да будет жизнь их долгой, да поможет им аллах!
Да будет тому удача, кто бесстрашен в бою,
Пусть на бегу задохнется спасающий жизнь свою!

Актола, сын Джуми

В дорогу коня снарядил Актола,
Себя окружил он стройными гончими.
Садятся на плечи к нему покорно
Серебряноклювые серые ястребы.
Отправился в путь отважный Актола.
Туда он погнал коня быстроногого,
Где диких кошек не сыщет охотник,
Где только птичьи крики разносятся.
К высоким горам, говорят, Актола,
Сын славного Джуми, примчался, странствуя.
В тот час опускалось все ниже солнце,
В тот час приближались медленно сумерки.
Тогда стремена оставил Актола,
На землю он спрыгнул с коня высокого,
Тогда скакуна своего стреножил
И лег отдыхать под покровом вечера.
Седло положил он под изголовье,

К бокам он придвинул сумки седельные.
Над ним загорелись первые звезды,
И ветер его убаюкал шорохом.
К нему прикоснулся холод рассвета,
И, словно олень под стрелой охотника,
Тотчас встрепенулся юный Актола,
Взглянул на седые вершины горные.
И Терек окинул он зорким взглядом —
На желтой земле островка песчаного,
Там, где шумят камышевые стебли,
Он увидел табуны черкесские...
Там люди стояли и песню пели,
Летела песня над синим Тереком.
И слушал молча юный Актола,
И мчался напев над вершиной горною.
И сын Шаби, Шахбулат, подъехал
На легком коне и сказал приветливо:
— Салам алейкум, храбрый Актола,
Да будет день твой отмечен радостью!
— Алейкум салам, Шахбулат отважный,
Прими мое простое приветствие!
Скажи, Шахбулат, какими вестями
Меня ты хочешь сейчас порадовать? —
Так обратился к нему Актола.
А Шахбулат отвечал задумчиво:
— Выслушай слово мое, Актола.
Брата ищу я, брата названого!
Спутник мне нужен, верный товарищ,
Чтоб разделял он со мною горести,
Чтобы делил он со мною радость.
Вот я какого ищу товарища! —
Так Шахбулат свою речь закончил.
И улыбнулся Актола ласково:
— Нелегкое дело ты задумал,
Но я помогу Шахбулату смелому!
Я честью своей поклянусь, товарищ,
Тебя никогда не покину в бедствии,
С тобой разделю я и радость и горе,
Во мне ты увидишь брата названого!
Они провели за беседой сутки.
Их речи были теплы и радостны.
Когда же им время пришло расстаться,
Обнялись они, словно братья кровные.

И сын Шаби, Шахбулат, явился
В дом Актолы, под кровлю желанную.
И вышла во двор сестра Актолы,
Прикрытая легкою шалью шелковой.
Она лицо свое закрывала—
Так месяц облаком заслоняется!
По имени гостя она назвала...
— Входи, Шахбулат, о тебе я слышала!
Правда ли то, что ты друг Актолы,
Верный товарищ брата любимого?
Я с почестью гостя такого встречу.
Слезай же скорее с коня высокого!
— То, что ты слышала, справедливо,
Но дай наглядеться сперва, прекрасная,
На стройный стан, на твою улыбку.
Потом я покину седло высокое.
И на эти слова Шахбулата
Гордо сестра Актолы ответила:
— Если ты голоден — в нашем доме
Пища для путника приготовлена.
Если сразила тебя усталость —
В доме готова постель для путника.
Но не гляди на меня так долго,
Но не гляди на меня так пристально!
То, что ты в сердце своем скрываешь,
Лучше с собой унеси далеко...
И Шахбулат повернул обратно,
Выслушав эти речи суровые.
И в этот день отважный Актола
Меж тем пригнал табуны черкесские
В большой аул. У мечети старой
Собрались большого аула жители.
— Сколько б у вас их ни угоняли,
Не переводятся кони быстрые! —
Слово такое молвив, Актола
Легких коней возвращает жителям.
Затем он в родной аул прибывает.
Сестра встречает его, печальная.
И, брови высоко подняв, Актола
К прекрасной сестре своей обращается:
— Я никого не убил в дороге
И сам невредим явился, сестра моя!
Зачем на меня глядишь так грустно?

Зачем слезой глаза затуманены?
И отвечает сестра Актоле:
— Я огорчу тебя этим признанием.
Брат твой названый сюда приехал.
Меня полюбил он любовью пылкою.
Любовь затаив, он домой вернулся. —
Сказала и опустила голову.
Тогда приказал ей юный Актола:
— Одежду невесты надень, сестра моя!
И отправляйся в дом Шахбулата.
Сестра исполнила приказание.
Быстрые кони ее примчали
В большой аул, к Шахбулату статному.
— Вот я к тебе, сын Шаби, явилась.
Гостью встречает хозяин радостно.
— Ты оказала честь Шахбулату.
— Ты полюбил меня...
Я приехала!
— Входи же в дом, о сестра Актолы!
Я отлучусь на одно мгновенье.
Есть у меня небольшое дело.
Он остается один, в раздумье...
— Не погуби меня злое сердце.
Многие шли навстречу желаньям,
Многие сердцу давали волю —
И навеки себя опозорили...
Я укрощу тебя, сердце злое!
Я нанесу тебе рану страшную!
Он пистолет берет восьмигранный,
В грудь посылает пулю свинцовую.
Падает он на твердую землю.
— Скоро ты сердце мое, успокоишься!
На выстрел вышла сестра Актолы.
— Горе, горе тебе, безрассудному!
Всадника вмиг она снаряжает.
Всадник помчался быстрее молнии.
— Выйди скорей, не медли, Актола!
Я привез тебе вести тревожные!
— Ты запыхался, я вижу, всадник.
С чем ты примчался ко мне? Рассказывай!
И, не слезая с коня, ответил
Всадник, дыша тяжело, прерывисто:

— Кровного друга беда постигла.
Твой брат названый лежит, не движется.
Он пистолет поднял восьмигранный
И прострелил себе грудь в отчаяньи.
И вышел Актола во двор поспешно,
Вывел коня из конюшни бревенчатой.
Его оседлал он седлом широким
И молчаливо в дорогу отправился.
Скакун летел, как быстрая птица.
Актола сзывал лекарей ученейших,
Искусных лекарей из аулов ближних,
Из дальних аулов мудрейших лекарей.
И прибыл Актола в дом Шахбулата.
На ложе горячем метался раненый.
Глаза покрывались пленкою смерти.
У ложа столпились лекари искусные.
И сын Шаби, Шахбулат, увидел
Актолу юного, брата названого.
И сын Шаби, Шахбулат, услышал
Слова Актолы, простые, теплые:
— Салам алейкум, Шахбулат отважный,
Ты встанешь, с постели живой и радостный.
— Алейкум салам, мой верный товарищ,
Спасибо тебе за речи хорошие!
Тогда на лекарей поглядел Актола
Суровым взглядом: —Лекари искусные!
Если он с этого ложа встанет,
Шелком я вас награжу и золотом.
Если померкнут глаза Шахбулата,
Острая сабля снесет вам головы!
И взялись за дело лекари не медля.
Не спали ночей ученые лекари.
И время летело. И встал с постели
Сын Шаби, Шахбулат отважный.
И в дом Шахбулата радость вернулась.
И жил Шахбулат с женою любимою.
Была нерушима дружба с Актолой,
И все изумлялись той дружбе пламенной.
И волосы им заснежила старость...
Они благородно и мудро жили.
И песня об этой дружбе осталась,
Которую поколенья сложили.

Три победы Шихмирзы

Росчерк лишь вывел он ручкою синею,
Весть с письмоносцами в даль посылая,
В Таркú молодцев лучших сзывая.
Важно они лишь уселись с княгинями,
Шамхáл из Тарки дал повеленье,
Чтобы посланцы с невестой-красавицей
Без промедления в Тарки явились.
Только средь путников дальнего края
Нет Шихмирзы. Шамхал ждет, дожидается,
А Шихмирза, как жених, одевается.
Вот, как невесту, коня наряжая,
Выехал в Тарки краше дня яркого.
— Ассалам алейкум, Шамхал из Тарки!
Если все — истина, ваша невеста
Вечно да здравствует! Честь ей и место!
— Ва алейкум салам! С края далекого,
О Шихмирза, Зайты сын, долго здравствуй!
Бравый! С коня соскочи крутобокого...
Ждут тебя добрые вина и яства.
Есть и княгини тут — лишь не скучай ты. —
Шамхал приветствовал так сына Зайты.
Слез Шихмирза с иноходца вороного.
Свадьбу справляли там гости три ночи,
А на четвертый день, горлицы кротче,
Мир лишь видавшая в окна стеклянные,
В сакле дотоле ступавшая наземь,
Вышла дочь Шамхала, чудная Заза.
Шелком в разводах себя нарядившая,
Серебром-золотом стан свой обвившая,
В окна стеклянные мир лишь видавшая,
Наземь лишь в сакле дотоле ступавшая,
Вышла к гостям после шумного пира
Заза, дочь Шамхала, жемчуг аула.
Чашу наполнивши брагою пенною,
Дочь свою к молодцам Шамхал направил.
— Здравствовать долго вам, гости почтенные!..
Но не нарушьте вы таркинских правил...
Чашу мне передал Шамхал из Тарки.
Кто из вас лучший — да выпьет он брагу.
Выпив, на скачках он, к склону дня жаркого,
Пусть на коне своем явит отвагу.

Если прискачет он первым — в награду
Стану я суженой, молодцу даденной.
А не прискачет — рад иль не рад он —
Будет болтаться под перекладиной.
Молодцы дрогнули, сжавшись от страха.
Плетью коня вдруг ударив с размаху,
Шихмирза выступил, весь полный удали:
— Ведать не ведаю, первым прибуду ли,
Буду ли лучшим; за здравие ваше
Пью я искристую пенную чашу,
Молодцы добрые, Заза прекрасная!
Шамхал наполнил ей чашу вторую,
Заза взяла эту чашу хмельную,
Вышла, как звездочка на небе ясная:
— Кубок второй выпьет молодец лучший,
Повелевает так Шамхал могучий.
А осушив его — медленно ль, быстро ли —
Только без промаху, молодец, выстрели.
Метко не выстрелив, знай неутешенный,
Будешь качаться ты нынче повешенный.
Молодцы дрогнули, сжавшись от страха.
Плетью коня вдруг ударив с размаху,
Шихмирза выступил, весь полный удали:
— Буду ль на стрельбищах метким, не буду ли,
Добрый стрелок я иль нет, а за ваше
Здравие выпью я пенную чашу,
Молодцы добрые, Заза-жемчужина!
К Шамхалу с воплями бросилась Заза:
— Участь такая ли мною заслужена?
Лучше родиться бы мне кривоглазой!
Смуглый чеченец ли будет мой суженый?
Мне ли к лицу убирать ему сакли?
— Стой, мои чаянья, дочь, не иссякли! —
Чашу наполнив, так молвил он дочери.
Дочь с третьей чашею вышла: — Чья очередь?
Молодцы добрые! С третьею чашей
Шамхал послал меня... С доблестью вашей
Не оттолкнете вы чашу последнюю.
Кто не решается, пусть отойдет он,
Чашу последнюю пусть и не пьет он.
Выпьет лишь доблестный чашу последнюю.
Так говорит гордый Шамхал.
Выпьет же молодец чашу, что пенится,

С клятвой святой, что жена — не изменница.
Так говорит гордый Шамхал.
Если ж — изменница, истинно, гости! —
Голову сложит он здесь, на помосте...
Так говорит гордый Шамхал.
Пусть умирает он смертью бесславной!
— Что же! Быть может, жена и изменница, —
Так говорил Шихмирза. —
Молодцы добрые! Чашей заздравной
Здесь поднимаю я чашу, что пенится!
Заза! Что думаю, то я и сделаю...
— Будьте же счастливы, молодцы смелые! —
Заза ответила, в саклю вбегая.
Глубже надвинув папаху мохнатую,
Остро отточенной саблей бряцая,
Словно за милую дочь свою ратуя,
К молодцам выскочил Шамхал суровый.
Кони их купаны, кони подкованы,
Кони к ристалищу натренированы,
Статные молодцы к скачкам готовы.
Вот оседлал коня и, не горюя,
Сел Шихмирза, ему молвив отечески:
— Хоть не беседуешь по-человечески,
Но понимаешь ты, что говорю я:
Конь чистокровный мой, ты не на привязи,
В скачках хозяина нынче ты вывези!
Солнце взошло только на кругозоре,
Рысью поехали всадники в горы.
Скоро, построившись, всадники черные
К цели намеченной с гор устремились.
Долго в трубу свою глядя подзорную,
Шамхал таркинский видит: пустились
Кони и тотчас же облаком пыли
Горы высокие густо покрыли.
Издали чудится: вот они около,
Только буланого не догоняют,
А Шихмирза его, трепля, ласкает:
— Поводья выпущу, легче ты сокола,
В бок стремя врежу, и прянешь ты сразу.
Видно, мне выиграть хочешь ты Зазу...
Остановились все молча у садика.
Шамхал, растерянный, выбежал к всадникам.
— Вижу, добился ты, Шихмирза, цели!

После приветствия, на расстоянии,
Так что заметил бы глаз еле-еле,
Шамхал и всадники — все в изумленьи,
Саблю заветную ставит мишенью.
Шихмирза целится. Быстро ль, не быстро ли.
Только не дрогнул он, метко он выстрелил.
Шамхал и всадники — все в изумленьи:
В самое лезвие пуля попала.
Шамхал не так уж горд, как бывало:
— Эй, Шихмирза! Этих молодцев нынче ты
Всех победил, видно, неполовинчатый!
Шамхал таркинский дал повеленье,
Чтобы пришли к нему без промедленья
Лучшие уздени. Лучшей одеждою
Двух наряжает он узденей верных.
Дал двух коней им и смотрит с надеждою:
— Жду от вас, уздени, дел беспримерных.
Если жену Шихмирзы соблазните вы,
Вам офицерские дам я погоны,
Каждый княгиню возьмет себе в жены.
Ныне же преданность мне докажите вы,
Не миновать тогда Шихмирзе казни.
Если ж с женой его не погуляете —
Оба вы жизнь свою вмиг потеряете.
Утром, одевшись благообразней,
Вы ей вскружите богатствами голову,
С ней погуляйте, и с пира веселого
Если с уликами явитесь оба,
Буду товарищем вам я до гроба!
А без улик вы вернетесь — быть гибели!
Под вечер в дом Шихмирзы оба прибыли.
— Дома ль ты, Шихмирза? Здесь ты, сын Зайты?
Если ты дома, то дверь открывай ты!
Шелком коричневым стан свой обвившая,
Голову шелковой шалью покрывшая,
Думая: «Поздно уж, кто б это, кто там?»
В миг Шихмирзы жена вышла к воротам.
— Путники добрые, мужи почтенные!
Муж мой на свадебный пир отлучился,
В Тарки Шамхала сын обручился.
Все же поверьте мне вы сокровенные
Помыслы, ваше я выполню дело
С чистою совестью, ладно, умело.

Гости, с коней своих быстро сходите!
Тотчас же кони их в стойло отправлены.
Бравые всадники входят в обитель.
Яства и чудные вина поставлены.
Лик рукавом она скрыла стыдливо,
Очи потупила: гости ей в диво.
Вдоволь наевшись, гости взволнованы.
Старший храбрится и молвит без страха:
— О Шихмирзы жена! Я ль, очарованный,
Не навлеку на себя гнев аллаха?
Плаха уж лучше — молчать не могу я.
Сколько есть золота с нами, красавица,
Все бы мы отдали той, кто понравится...
Может быть, девушку знаешь такую?..
— В саклю как только вы оба направились,
Тотчас же, статные, мне вы понравились,
Но опасалась, что муж мой нагрянет.
Ночью же ездить он, право, не станет.
Если не нравлюсь вам, дело понятное, —
Будут вам девушки, путники статные!
Нравлюсь — за них послужить я готова!
Золото принято ею без слова.
Приготовления сделав последние,
Горсточку золота взявши с собою,
Спрятавши бережно все остальное,
Кинулась к вдовушке в саклю соседнюю:
— Здравствуй, родимая! Здравствуй, соседка!
— Ты, Шихмирзы жена? Заходишь редко...
Чем бы помочь тебе нынче могла я?
— Два ко мне всадника вечером прибыли,
Золота дали, да толку что в прибыли!
Ты ж, одинокая, ты же, родная,
Кормишь сироток... Возьми это золото...
Может быть, грех тебе будет не в бремя!
Платье надев мое, выглядя молодо,
Ты проведи с ними весело время!..
Щеки намазав ей алою краскою,
Вдовушку в платье свое нарядила
К ним за себя ее на ночь впустила.
Гости, довольные жаркою лаской,
Утром готовятся в путь: — Шихмирзы жена!
Трижды аллахом будь благословенна!
Время покинуть нам мирную хижину,

К Шамхалу выехать надо мгновенно!..
— Лучше б вы, путники, не уезжали,
Жаль! Вместе б ночь еще мы скоротали!..
Только два узденя саклю оставили,
Вновь с Шихмирзы женой встретясь, вздохнула
Вдовушка: — Пир этот славно мы справили!..
Нет таких юношей в саклях аула —
Столь бесподобного телосложения,
Как эти путники! Веришь ли, мною
Обвороженные, в самозабвении
Косы остригли мне, взяв их с собою...
Злое почуяла тут Шихмирзы жена
И, помолившись от сердца аллаху,
Бурку набросив на плечи, папаху
На лоб надвинула, словно острижена,
Волосы скомкав, взяла Шихмирзы жена
Борзого и, точно хищная птица,
Что на утес одинокий садится,
Так на коня она быстро вскочила.
Так небеса оставляет светило,
Так Шихмирзы жена в даль укатила.
Скачет без устали конь разгоряченный.
Ездила всадница, ногу вдев в стремя.
А впереди нее долгое время
Уздени хвастали полной удачею,
Младший и старший. Они гарцевали,
В Тарки весело путь продолжали.
Борзого горячит пуще красавица,
Вот уже молвит им слово приветствия:
— Ассалам алейкум! Аллах да славится!
Всадники! Дома с барантой был в детстве я
И у отца ведал худшую долю.
Время приспело, и дал он мне волю...
Люди, на свадьбу поехал бы ныне я!..
— Знаем мы, малый! Есть свадьба такая.
Весть с письмоносцами в даль посылая,
В Тарки молодцев лучших сзывая,
Важно уселись они лишь с княгинями,
Шамхал таркинский дал повеленье.
Тотчас с невестою без промедленья
Прибыли слуги, и свадьба там сыграна
Сына любимого. Свадьбы нет краше!
А на четвертый день тешились играми.

Вызвался Шихмирза из страны вашей;
Спорят с хозяином, выпил три чаши.
Первым на скачках пришел он и выиграл.
Метко он выстрелил — снова он выиграл,
Но проиграл третью чашу чеченец,
Клялся он всем, что жена ему предана:
Ласка ж ее нами ночью изведана,
Косы остригли мы, как у изменниц!..
Шихмирза клялся своей головою,
Только напрасно он честью тщеславится:
Выдала храброго ночью лукавица.
Первым был конь его; с чашей второю
Метко он выстрелил; зря только, знай ты,
Чашу последнюю выпил сын Зайты:
Слишком уверен был, самонадеянный,
В верности женщины, нами осмеянной...
— Рад я беде его! Был он нам мукою.
Я вспоминаю: из нашего стада
Коз уводил он... Теперь погляжу-ка я,
Как он умрет. Чашу не пил бы третью! —
Сильно ударив коня своей плетью,
Узденям молвила так Шихмирзы жена.
Прибыли в Тарки. — Шамхал великий!
Вот две косы тебе, это улики —
Косы жены Шихмирзы, нами стриженной!
Шамхал допрашивал пленника гордо.
То — Шихмирза, по ногам уже связанный.
— Ну, Шихмирза! Ну, поганая морда!
К смерти готовься, жестоко наказанный!
Мнил я, когда все тебя величали,
Храбрый — ты, вот почему величали;
Люди ж тебя потому величали,
Что опозорен ты издавна!.. Здорово!
Зря третью чашу ты выпил... Хоть с норовом
Конь твой, жена-то твоя — потаскуха...
Что ж, помолясь, соберись-ка ты с духом!
Голову сложишь ты здесь, на помосте...
— Шамхал надменный! От сердца я чистого
Слово скажу тебе... Слушайте, гости!.. —
Так над конем своим вскинув неистово
Плетью, жена Шихмирзы подскочила.
— Ах, ты, гяур! Ах ты, глупое рыло!
Не за чеченца ли ты заступаешься?..

— Нет, Шамхал таркинский, ты ошибаешься:
Я за него заступаться не буду;
Только скажу тебе: было бы чудо,
Если бы косы, тебе привезенные,
Были жены его... Чванятся эдак,
Косы срезая у вдов и соседок,
Мнимой победою лишь упоенные!.. —
Молвила, быстро папаху снимая.
Как облепляет гумно птичья стая,
Так распустилися косы волнистые
Прямо до пояса. — Слушай, владыка
Высокомерный, из Тарки! Взгляни-ка:
Разве могли твои жалкие молодцы
Срезать волнистые, чудные волосы? —
Снова на всех она смело взглянула,
С плеч бурку сбросила, став средь аула,
И удивила их речью такою:
— Ну-ка, гляди, Шамхал, гордый и злобный!
Стан мой сравнится с чинарою стройною!
Плечи сияют красой бесподобной!
Думать осмелишься ль, гляди на плечи,
Что целовали их грязные таркинцы?..
Мнила я, слушая славные речи,
Слушая имя твое «Шамхал Таркинский»,
Что ты из дома Корейшитов-Таркинских *,
А оказалось, ты — мерзкий Таркинский!
Что ж, запрягай ты карету рессорную
И посади в нее нежную Зазу —
Заза прислугою будет мне черною!.. —
Села в карету дочь Шамхала сразу,
А Шихмирзы жена рядышком села.
— Дело! Езжайте! Пусть Таркинский кается!
Я ж — на коне... Едем в наши пределы.
И Шихмирза с ними, доблестный, смелый,
В путь, на буланом гарцуя, пускается.

Некий сын и Солса

Говорят — калмыцких степей властитель
Появился в ауле гордых сынов.
И такую речь он держал пред ними:
— Внимайте, о дети страны Нахчо!
Три коня мне нужны, три коня чистокровных,

Одинаковой масти, с одним тавром.
Тому, кто доставит коней быстроногих,
В жены тотчас отдам я красавицу-дочь!
Удалился калмыцких степей властитель.
Загудели в ауле гордых сынов,
В путь собрались джигиты, и каждый думал:
«Одинаковых я отыщу скакунов!»
И один из отважных сынов аула —
Некий юноша бедный — в тоске ушел.
«То, что детям больших богачей доступно,
Не под силу мне — сироте, бедняку.
Им тяжелый путь покажется легким,
Ну, а я от желанной цели далек.
Так устроено в мире — пути открыты
Тем, чей золотом туго набит кошелек!»
И взял он звонкий пондар * и нежно
Коснулся пальцами нежных струн.
Наливался печалью высокий голос,
И дрожала песня в ночной тиши.
До рассвета он с грустью не расставался...
А когда сверкнула полоска зари,
Очнулся юноша, встрепенулся,
Словно раненый зверь, метнулся вдруг.
Он коня увел из чужой конюшни,
Из чужой конюшни ушел с конем.
На рассвете он снарядил гнедого,
Кабардинским его оседлал седлом.
Гарцевал гнедой под всадником статным.
За синий Терек лежал их путь.
— Салам алейкум, на тебе, мой Терек,
Аллах наведет мосты для меня! —
Так сказал он. И Терек переплывает,
И на берег выносит его гнедой.
И без отдыха скачет юноша статный,
В кабардинские земли вступает он.
А на землю сумерки тихо пали,
Когда он приехал в большой аул.
На площади жители были в сборе,
И всадника встретил нестройный гул.
— Салам алейкум, сыновья аула!
Да будет вечер приветлив, тих!
Вы мне укажите доброго друга,
Знакомых нет у меня в Кабарде!

И, от толпы отделясь, выходит
Проворный малый и речь ведет:
— Алейкум салам, о гость приезжий,
Да будет радостен твой приезд!
Готовы помочь мы делам пришельца.
Если же наших не хватит услуг,
Наш славный Солса тебе поможет,
За мною следуй, любезный друг!
Рассыпался звездами синий вечер.
И юноша к Солсе въехал во двор.
— Салам алейкум, знаменитый Солса!
Да будет вечер тих над тобой!
— Алейкум салам, молодой наездник,
Великий аллах да продлит дни твои!
Оставь стремена, отпусти гнедого
И гостем желанным входи ко мне. —
Так говорил знаменитый Солса,
Но юноша молвил ему в ответ:
— Найди мне трех коней одноцветных,
Тогда я сойду с коня своего!
А славный Солса ему отвечает:
— Зойбуллу — невесту мне привезли.
Ну как я могу оставить невесту,
Ну как от любимой мне быть вдали?
— Какая важность — твоя Зойбулла!
Я не сойду с коня своего.
Калмыцкий властитель мне обещает
В жены отдать красавицу-дочь!
Придется коня повернуть обратно...
И снова Солса заговорил:
— Имя мое в горах известно,
А ты роняешь его небрежно,
Как утреннюю росу в траву.
Оставь стремена, отпусти гнедого! —
Сказал и в саклю гостя повел.
Собрался в путь знаменитый Солса,
Махнул рукою — и был таков...
И в эту ночь подошла Зойбулла
К постели гостя, чтоб с ним делить
Ночное ложе. К плечу Зойбуллы
Нечаянно прикоснулся гость...
Неверную он отстранил невесту,
А пальцы, коснувшиеся плеча,

Отрезал он хапипийским кинжалом,
И кровь на постель текла горяча.
Когда из-за гор подымалось солнце,
Приехал могучий Солса домой.
Он трех коней привел одноцветных,
Трех легких коней с одним тавром.
И встал он у ложа юного гостя,
Слегка потрогал его, разбудил.
— Я выполнил просьбу твою, пришелец.
Возьми быстроногих своих коней!
Приветливо с гостем расстался Солса:
— Да будет дорога твоя в цветах!
Вернулся в саклю могучий Солса
И видит Зойбуллу свою в слезах.
— Как слезы твои мне понять, невеста?
Быть может, мной тяготишься ты?
Что ж, если выбор мой неудачен,
В отцовскую саклю вернешься ты!
И отвечает ему Зойбулла:
— Нет, не тобой тяготилась я.
Выслушай, Солса, меня спокойно.
Только не гневайся на меня!
Спал на твоей постели пришелец,
А я за тебя его приняла.
После полуночи к ложу гостя
Слишком близко я подошла.
Но отстранил меня гость рукою
И отшатнулся в страхе назад.
Пальцы свои он кинжалом срезал —
В стеклянном блюдце они лежат.
Солса молчал. Только брови сдвинув,
Стал запрягать он своих гнедых.
Новая упряжь светло сияла.
Стал он грузить первосортный шелк.
И посадил он с собой Зойбуллу
И поскакал он в страну Нахчо.
Встретил его с почетом и лаской
Некий сын из страны Нахчо.
Три дня, три ночи они пировали,
Три дня наполнялись кубки вином,
И другу сказал знаменитый Солса,
Гостеприимный покинув дом:
— Вот тебе упряжь, гнедые кони,

Вот для жены первосортный шелк.
Мирно живи со своей Зойбуллой.
...И топот его скакуна замолк.
Мы кровную дружбу навек прославим!
За кровную дружбу, приятель, пей!
Пусть братский союз прославляют жены,
Отважных рожая нам сыновей!

Песня о Ленине

1.

Просо от засухи не колосится,
Градом побитая, гибнет пшеница,
Ярмо заставляет быка наклониться,
Засухой,
Градом,
Ярмом
Был царь.
Богатым и сытым давал он свободу,
Работать на них приказал он народу,
В тюрьму превратил он любимую родину.
Неравенство,
Гнет
И тюрьму
Дал царь.

Жажду свою нашей кровью питая,
Тьмой раньше срока глаза ослепляя,
Жить и надеяться нам не давая,
Смерть,
Слепоту,
Нищету
Нес царь.

2.

Боль наших душ в свою душу вместивший,
Солнцем высоким людей осветивший,
Право на жизнь беднякам подаривший,
Встал могучий Ленин.
Как храбрый охотник, идущий по следу,
Правде великой добыл он победу,

И, сбросив царя, нам о счастье поведал,
Наш великий Ленин.
После зимы он, как ветер весенний,
Миру дающий тепло и цветенье,
Людям несущий освобожденье, —
Наш сияющий Ленин.

Песня об Орджоникидзе

На горных вершинах ты был между нами
Льву разъяренному подобен,
Оберегающему детенышей,
Орджоникидзе!

На горных вершинах ты был между нами
Соколу смелому подобен,
Крыльями ветер задерживающему,
Орджоникидзе!

На горных вершинах ты был между нами
Вихрю могучему подобен,
Как песок, врагов рассеивающему,
Орджоникидзе!

Облика львиного твоего
Враги страшились,
Робкими зайцами убегали.
Духа крылатого твоего
Враги страшились,
Сбитыми воронами убегали.

Вихря могучего твоего
Враги страшились,
Рваными тучами убегали.

На вершинах гор Кавказских
Красное знамя водрузив,
Отважных к себе призвав джигитов,
Ты их повел на врагов.

На вершинах гор Кавказских
Ленинский закон утвердив,
Врывался ты во главе джигитов
В самую гущу врагов.

Когда поднимался туман серый
И кони ржали от запаха серы,
Плетью плетеной врага обжигая,
Смелых джигитов сердца зажигая,
Ты их водил на врагов.

Партия кликнула: «Освободи
Чеченцев и ингушей!»
Большевиков подобрав среди
Чеченцев и ингушей,
Ты в горах скакал впереди
Чеченцев и ингушей!

Эй, джигиты, всмотритесь получше
В горные ущелья!
Покинули туман и тучи
Горные ущелья!
Не забудут Орджоникидзе
Горные ущелья,
Освободил Орджоникидзе
Горные ущелья!

*Слово об Асланбеке**

Ленин — друг наш — призвал великанов земли
Ополчиться на тьму вековую.
Великаны земли весь народ повели,
Чтоб разрушил он тьму вековую.
Этот клич услыхал Асланбек издали,
Ненавидел он тьму вековую!
И за ним ингуши и чеченцы пошли,
Ополчившись на тьму вековую.

Богатеи с царем были тьмой вековой,
Но столкнул их народ — и упали!
Генералы тогда страшный подняли вой:
«О, как низко теперь мы упали!»
И пошли к англичанам покорной толпой,
На колени пред ними упали:
«Помогите! Вступите вы с Лениным в бой,
Чтобы вы, как и мы, не упали!»

Англичане пришли с генералами к нам,
Победить они думали горцев.
Но хвала нашим мудрым и храбрым вождям:
Эржкинез * оказался у горцев!
И джигитов повел Эржкинез на врагов —
Англичане бежали от горцев!
Научившийся мужеству большевиков,
Асланбек был героем у горцев!

Снова белая в горы ворвалась беда.
Кликнул клич Асланбек Шерипов,
И возглавил отряд партизанов тогда
Молодой Асланбек Шерипов.
«Путь у горцев — один, это — ленинский путь!—
Так учил Асланбек Шерипов.—
И как реки, нельзя нас назад повернуть»,—
Говорил джигитам Шерипов.

Уничтожить врага ты всегда поспевал,
Молодой Асланбек, я помню!
Сколько раз я тебе свои песни певал,
Им внимал Асланбек, я помню.
И любовь к трудовому народу твою,
Молодой Асланбек, я помню...
И печальную весть, что погиб ты в бою,
Молодой Асланбек, я помню...

Против рабства былого пошел Асланбек,
И сразили враги Асланбека.
Но свободен и счастлив теперь человек,
Стала жизнью мечта Асланбека.
Золотой наступил в нашей Родине век,
Стала садом страна Асланбека.
В сердце каждого горца живет Асланбек,
Не забудут в горах Асланбека!

ЛИРИКА

Песня из времен борьбы вольных горцев с феодалами

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром,
Под барса рев заревой,
А выросли мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедною головой.
Но поля там ты не встретишь,
Не будешь овец пасти ты,
Мы дрались с врагами жестоко.
Нас не одолели князья,
Как ястреба перья, уступы
Рыжеют, кровью покрыты,
Мы камни на них уронили,
Но честь уронить нам нельзя.
И мы никогда не сдадимся,
Накинем ветер, как бурку,
Постелью возьмем мы камни,
Подушками — корни сосны,
Проклятые князьям и рабам их,
Собакам лохматым и бурым,
Их кровью заставим мочиться,
Когда доживем до весны.
Костры мы поставим в пещерах
И наших шашек концами
Усилим огонь их, и пулями

Пробитые башлыки
Накинем на сыновей мы,
Пускай они за отцами
С князьями схватятся в битве,
Когда умрут старики.
А наши любимые скажут:
«Мы ждали с набега так долго,
Я ждала — и вот я целую —
Я ждала, не смела устать,
Я даже тогда целовала б,
Когда бы уста, как у волка,
В крови его были б враждебной,
Но я б целовала в уста.
Я дам ему рог с аракою,
Айрану и турьего мяса,
Я косы отрежу, чтоб косы
Пошли на его тетиву,
Сама наточу ему шашку,
Когда он уснет, утомясь.
А если он ранен и стонет,
И кровью он моет траву,
Спою ему песню и песней
Заставлю рану закрыться,
Напомнив о том, что весь род его
Вольный и боевой,
О том, что родился он ночью,
Когда щенилась волчица,
Что имя сыскали утром,
Под барса рев заревой».

Песня о Гамзате

Подымемте песню большой старины,
Как были гехинцы* Гамзату верны.

За Терек ушли от погони,
И лодками стали их кони

Нагайки их веслами стали,
Шли кони, пока не устали.

Тогда, окружены врагами,
Гехинцы легли за стогами.

«Сдавайтесь!» — враги им кричали,
Их пули в кольчуги стучали.

«Довольно сверкать вам очами,
Нет крыльев у вас за плечами,

Чтоб в небо взлететь бы ретивым,
Когтей нет, чтоб в землю уйти вам!»

Вскричал им Гамзат: «Вы забыли,
Что крымские ружья — нам крылья!

Что когти нам — шашки кривые,
И мы не сдадимся живые!»

Вскричал тут Гамзат муталимам*
«Сражайтеся неутомимо!

А вы, перелетные птицы,
В Гехи полетите проститься.

За нас долетите проститься,
Скажите, как стали мы биться,

Скажите красавицам ясным,
Что умерли мы не напрасно,

Что плечи свои не согнули,
Поставив, как стены, под пули,

Лежим на Черкесском холме мы,
Недвижны в крови мы и немы.

Мы голые шашки сжимаем,
К нам волки приходят, хромая,

И вороны к нам налетели,
Не сестры поют нам — метели.

Скажите народу вы, птицы,
Что нами он может гордиться...»

И бросились в бой муталимы,
Сражаяся неутомимо.

Так пали гехинцы, Гамзату верны,
У Терека пенистой, вольной волны.

Горы высокие

Гордо стоите вы, горы высокие,
Как необъятны вы, горы высокие!
Сколько голодных сирот, обездоленных
Вы приютили на скалах заоблачных.
Сколько джигитов в ущельях скитается,
И обжигает их солнце нещадное.
Что же за горе им горькое выпало?
Что за печаль, их сердца источившая?
Если беды настоящей не знавшие
Стонут, то сердце мое одинокое
Вмиг разорваться должно от страдания.
Если печали не испытавшие
Плачут, то здесь голова моя бедная
Вовсе должна бы остаться без разума.
Если б из сердца я горе мог выплеснуть
В синее небо, то небо низверглось бы,
Рухнуло, землю покрыв необъятную, —
Так необъятно и горе мое!
Если б печаль я мог выплеснуть на землю,
Грудь бы земная великая треснула —
Так безысходна печаль моя тяжкая!
Если бы пламенем горя зажег бы я
Реки, иссякли б они, многоводные,—
Так оно пламенно, горе мое!
Если печаль свою мог бы я выплакать
Темному лесу, в нем почки не вскрылись бы —
Вот как горька она, эта печаль!
Вот оно горе, мне в душу запавшее!
Солнце растопит все льдины на озере,
Иней под ласковым солнцем рассеется.
Кто же растопит лед горя холодного
В сердце усталом весеннею лаской?
Кто ж моих мыслей печаль беспросветную
Сможет рассеять весеннею лаской?

О сыне матери, живущей между двумя отрогами предгорья

В час, как вечер надвигался, ночь стояла у ограды,
В первой комнатке, что служит для гостей, которым рады,
Разостлав постель удобно для распластанного тела,

Лег сынок ее любимый, удалой молодчик, смелый.
Удалой молодчик думам, сердце давящим до боли,
До утра велел смиряться, до утра им не дал воли.
На заре, когда с молитвой люди набожные встали,
У сынка ее родного думы темные блуждали
Там, где павшие в сраженьи остаются без могилы,
Где за труп взимают выкуп, там — в краю ему постылом.
Словно зверь, что в сердце ранен, он вскочил, открывши вежды.
В сшитой женщиной кумыкской и черкешенкой одежде
Он сорвал с гвоздя оружье, как медведь, что рвется воя,
И кинжал в ножнах старинных нацепил на тонкий пояс.
Он к бревенчатой конюшне побежал, не молвя слова;
Из вревенчатой конюшни вывел он коня гнедого,
И серебряной уздечкой он во двор его направил;
Возле коновязи дремной гарцевать его заставил;
И коня он разукрасил, словно ждет его невеста,
Повернул, вскочил, нагнулся и уж тронулся он с места.
С плачем вышла мать родная, закричала возле тына:
— За тебя и я погибну, прославляя имя сына!

Песня каторжника

Утро ты сладкое, жизнь дорогая!
Сможешь ли, сердце, насытиться до края!
Ах, перестань трепетать, мое сердце!
В счастье высокой идешь ты горою,
Словно ребенок, ты нежно со мною.
В горе — сиротка ты на пепелище,
Словно медведь, в дикой ярости рыщешь,
Злобным становишься ты, мое сердце!
Отца я оставил в ауле, где жил...
Забудет отец, когда свалится камень могильный.
И мать я оставил в ауле, где жил...
Забыть ей, лишь прах мой травою покроется пыльной!
Сестру я оставил моложе себя...
Забудет сестра, когда встретит юнца удалого.
Я брата оставил, а жить он не мог без меня!
Ему не забыть. Он в могиле б хотел быть со мною.
Ах, если б, родная, я часа рожденья не ведал!
Ах, если бы мир меня сладостной жизни не предал!
Не зная вины, я томлюсь в этой мрачной Сибири!
Звенят кандалы на ногах, я навеки в безрадостной шири.

Вы умирайте, вечерние зори!
Всем вы, как девушки с лаской во взоре,
Схожи с волками голодными вы в моем горе.
Горы — как медь от вершин до подножий,
Многим всего они в мире дороже.
Только лишь с другом беседа была бы мне кладом!
Как серебро, эти снежные ложа —
Многим всего они в мире дороже.
Все бы я отдал за то, чтобы с братом быть рядом!
Вечером небо с червонцами схоже —
Многим всего они в мире дороже.
Все бы я отдал, чтоб с милою встретиться взглядом!

Есть рыба

Есть рыба, говорят, одна,
Осталась без воды она.
Была бы ей вода дана —
Наверно, плавала б она.
Есть ветка, говорят, одна,
Без листьев зыблется она.
Когда бы листья дали ей,
Она б качнулась веселей.
Есть птица, говорят, одна,
Без крыльев в горести она.
Когда б ей дали два крыла,
Лететь бы вдаль она могла.
Нам, молодцам, еще грустней:
У нас ведь нету нужных дней.
Когда б нам дали нужный год,
Мы все б отправились в поход.

К птице

Куда летишь, куда летишь ты, птица?
Куда твой лет над облаком стремится?
Я знаю, что не солнечный восход
Куда-то устремляет твой полет.
О, как свободно, быстро, без усилья
Тебя несут играющие крылья!
Тебе открыт свободный весь простор,

Весь этот свет твой обнимает взор!
А я в плену тюремного засова,
Закован я в булатные оковы.
За то, что полюбил свободу я,
Врагами воля связана моя.
Оповести ж, порхающая птица,
Что царская меня сковала власть.
Оповести ж, порхающая птица,
Что этой власти в будущем упасть!
Оповести ж, порхающая птица,
Всем в общий путь пора направить шаг.
Оповести, порхающая птица, —
Народ поднять свободный должен стяг!
Оповести, порхающая птица,
Что к делу славы все должны идти.
Оповести, порхающая птица,
Что правды свет на этом лишь пути!

* * *

Станет насыпь могилы моей просыхать —
И забудешь меня ты, родная мать;
Как заглушит трава все кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец;
А обсохнут глаза у сестры у моей,
Так и вылетит горе из сердца у ней.

* * *

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?

Земля черная, ты ли покроешь меня —
Не тебя ли топтал я ногами коня?

Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца;
Но я был властелином твоим до конца;

Свое тело в добычу земле отдаю,
Но зато небеса примут душу мою.

Скорбь о брате

Нет, не забуду, вовек не забуду
То, что ступни наши сжаты железом!
Нет, не забуду, вовек не забуду —
Шею стянули нам дьявольской петлей!
Воском базарным гладя веревку,
Врывши столбы с перекладиной грубой,

Под ноги ставя скамью из чинары,
Голову скрывши мешком парусинным, —
Знаю, любимого брата повесят.
Нет, не забуду, вовек не забуду
Брата, лежавшего в чреве родимой!
Нет, не забуду, того не забуду,
Кто говорил о неправде царящей!
Нет не забуду того, кто от жизни
Требовал истины, истины только!
Нет, не забуду того, кто отбросить
Требовал узы, гнетущие слабых!
Все вспоминается брат мой любимый
В утро цветущее!
Все вспоминается брат мой любимый
В утро встающее!
Все вспоминается, если увижу
Зелень травы у гробничных подножий!
Все вспоминается, если увижу
Белую ткань, что на саван похожа!

Во широкой степи...

Во широкой степи,
Там, где матери нет,
Чтоб оплакать тебя,
В дальней вражьей стране,
Там, где нету сестры
Причитать по тебе,—
Этот воющий волк
Разве мать не твоя,
Ворон черный, как ночь,
Не сестра ли твоя?
С птицей синей ты схож,
Что ночует всегда
Там, где ночь застает,
Лишь в опасном бою
Задержаться готов,
Добрый молодец, ты!
Неба синего свод
Лишь доступен глазам.
Поглядев в вышину,
Разве кто-нибудь мог
Неба синего свод,
Словно бурку свою,

На плечах износить?
Лоно черной земли
Пусть доступно ногам,
Но, на землю ступив,
Разве кто-нибудь мог
Это лоно земли,
Как подошвы сапог,
Истрепать, износить?
Красен солнечный мир —
Как же в нем не запеть,
Как веселым не быть,
Разве кто-нибудь пел,
Веселился в гробу?
А без песни в дому,
Без веселья в дому
Ни одна из невест
Не начнет вышивать.
А без песни в полях,
Без веселья в полях
Из старейших никто
Не возьмется за плуг.
Рев оленя в лесах
Раздается во мгле,
В синеве, в вышине
Слышен сокола крик.
То не дикий олень
Лань лесную зовет,
То не сокол степной
Вдаль подругу зовет,
То джигиты летят
На конях боевых,
То джигитов сердца
Устремляются в бой!

Что же тебя увели?

Что же тебя увели?
Что же ушел ты, Ризван?
Смертную жертву принес
Ты за аул свой, Ризван!
Пусть ты с другим молодцом
Сделался ратным, Ризван!
Вы у железных ворот
Вместе исчезли, Ризван!

Ах, да умрет твоя мать,
Ах, да умрет, о Ризван!
Думаю, вот он придет,
Вот он придет, о Ризван!
Вижу — тропа твоя к нам
Травкой покрылась, Ризван!
Здесь, на прибрежье Сунжи,
Виделся статный Ризван!
Все возрастают пески
Там, где стоял ты, Ризван!
Царский сказал человек:
Кончился сказ твой, Ризван!
Уж и мулла и хаджи
Саван готовят, Ризван!
Мать твоя, нежная мать,
Плачет да плачет, Ризван!
Ах, да умрет, да умрет
Мать с этим плачем, Ризван!
Плача, все бродит она,
Ей умереть бы, Ризван!

Олень

Там, где льется в скалах ледяной родник,
Он не смочит влагой высохший язык.
Вниз — на дно ущелий — сходит каждый
день,
Поводя ушами, пьет из луж олень,
Пьет, не напиваясь, никогда не спит:
Чуть отяжелеешь — враг подсторожит.
Чуток, осторожен, смотрит он кругом.
После лижет тело тонким языком.
Точит долго-долго о скалу рога,
Бьет нетерпеливо по корням нога.
И, рога закинув, бросившись вперед,
Он призывно ланям издали ревет.
Нет ему ответа. Он один... Джигит!
Так и ты любовью никогда не сыт!

Оставь меня

Оставь меня, милый отец.
Мой добрый, меня не терзай!
Ведь трудно в час смертный душе
Уйти от земли, говорят.

Но так же, отец, нелегко
И милого друга забыть.
Оставь меня, милая мать.
Не мучь, дорогая, меня.
Что матери трудно уйти
От дитятки, все говорят.
Но верь, дорогая моя,
Расстаться и нам нелегко.
Оставь меня, юный мой брат,
Красавец! Мне душу не мучь.
Ведь сердце, в котором свинец,
Ведь трудно ему, говорят,
Но раны такие же мне
С возлюбленным нанесены.

Сетования влюбленного

Молви, небо голубое,
Молви, черная земля,
Для чего я человеком
Уродился на земле?
Если б был я шалью белой,
Без труда б тогда и смело
Гладил косы дорогой,
Протянулся бы я смело
Рядом с жаркою щекой.
Молви, небо голубое,
Молви, черная земля,
Для чего я человеком
Уродился на земле?
Серебром бы я родился —
Я б наверно устремился
Шейку милой обогнуть,
Я б наверно устремился
Нежить розовую грудь.
Молви, небо голубое,
Молви, черная земля,
Для чего я человеком
Уродился на земле?
Был бы шелком я шуршащим —
Стал платочком бы блестящим
Плечи милой обвивать,
Стал бы поясом блестящим
Стан упругий обнимать.

Песня юноши

Как гусь кричит перед весной,
На Тереке жируя,
Ты споришь с матерью родной,
Боясь, что ненаглядный твой
Возьмет себе другую.

Не будет жизни с ним вдвоем
Благополучно-сладкой.
Ты затоскуешь о другом,
И в теле молодом твоем
Забьется лихорадка.

Ты ищешь, кто богат скотом,
Имеет много меди.
Ты не подумала о том,
Что сердце перепела в нем
И смелостью он беден.

Пожаром истребится медь,
А скот чума повалит.
И мужество — перетерпеть,
Унынием не заболеть,—
Отыщет он едва ли.

Тончайшие носить шелка
И с трусом спать — что толку?
Ты лучше сокола ласкай:
С ним жизнь и в шалаше сладка,
С ним — ситец лучше шелка.

Весенняя трава

Как весенняя трава, росли мы —
Молодые храбрецы,
Только были мы царем гонимы —
Молодые храбрецы.
Под крылом у хищной птицы стонет
Ветер горный, будто сирота.
Голову храбрец, бывало, клонит —
Бесприютный, будто сирота.
Горную вершину давят тучи,
Склоны душит медленно туман...

Нам казалось: не родиться лучше! —
Белый царь душил нас, как туман.
Для помещиков царь — добрый дядя —
Добрый, только не для нас!
Шли мы по базарам, жадно глядя:
Наши хлеб и мясо — не для нас!
Царские чиновники жирели —
Их труды не больно тяжелы,
Пьянствовали, нежились в постели,
Головы, как тыквы, тяжелы.
Мы работали, не отдыхая,
Ничего не говоря.
Длилась, длилась эта ночь глухая,
Ночь московского царя.
Солнышко выходит утром рано:
Красный Ленин — это ты!
Ветер с моря разогнал туманы:
Красный Ленин — это ты!
Ленин встал, как солнышко восходит,
Разгоняя тьму и ложь,
К бедняку он каждому подходит,
Спрашивает: как живешь?
Ленин отдал нашему народу
Все, что царь наворовал:
Безземельным землю дал и воду,
Корни зла повырывал.
Поглядел своим правдивым взглядом,
Дал нам полные права.
Пусть победа ходит с нами рядом!
Ленин — наша голова!

Письмо

Если море синее в чернила превратится,
Если станет облако большим листом бумажным —
Все равно словам не уместиться на страницах,
Да и слез не выплакать о юноше отважном!
И пускай вершины гор надвинутся высокие,
Ветки гибкие колышутся от гнева,
Пусть опять всплывают в памяти те дни далекие,
Грудь сжимается от грустного напева.
Лишь начну рассказ о гибели любимого,

Слышу сердца частые удары.
И горит, горит щека, слезой палимая.
Горе матери героя, горе старой!
К вам в аул пускай течет, блестя, слеза моя,
Престарелые родители героя!
Не забыл народ чеченский партизана,
Не забудется и время боевое.
Не утешит вас письмо мое печальное.
Горе давших жизнь и горе жен едино.
Вижу я отсюда и селенье ваше дальнее,
Ваши благородные седины...
На столе передо мною облик милого.
Снимок сделан был по вашему заказу,
На портрет его смотреть уже не в силах я,
Вот он — улыбающийся, остроглазый!
Хорошо сидит на нем шинель походная,
И надвинута папаха низко.
Вот рука его, по-зимнему холодная,
Возится с винтовкою австрийской.
Вспоминаю дни сражения великого.
Вот она тоски моей причина:
Светлый лоб его — по милости Деникина —
Красная пересекла морщина...
Пусть лежит на вас проклятье, банды белые!
Вы с убийством, с грабежом дружили.
Подожгли со всех сторон селенье целое.
И родителей наследника лишили.
Ваша память предана позору черному,
Вот он — список небывалых преступлений.
Разрушать пришли аулы наши горные,
Убивать садов весеннее цветение.
Вороны вам выклюют глаза несытные,
Кожееды искромсают спину.
Старики вам не простят вовек убитого —
Милого, единственного сына!
Весь аул запомнил облик юноши,
И его прославят поколенья.
Вся Чечня сложила песнь о юноше:
«Смелость льва и быстрота оленя...»
Я себе скроила, сшила платье темное,
Я ношу его как знак моей печали.
Не одна я со своей тоской огромною —
Ведь со мной портрет, что вы прислали.

И на этом прерываю я послание.
Больше я перо держать не в силах.
Навещу родной аул весною раннею,
Навещу любимого могилу!

Песня девушки

Мой друг детства саклю покидает:
Он в детдом идет на воспитанье,
Отданный туда родными.
Как его там воспитают?
Обращаются с чужими
Хорошо ли? Со вниманьем?
Мой друг детства саклю покидает,
В школу отданный на воспитанье
В город надолго родными.
Как его там воспитают?
Обращаются там с ними
Хорошо ли? Со вниманьем?
Вот мой милый снова уезжает
В техникум далекий на учебу,
Посланный аульцами своими.
Как его там обучают
И заботливы ли с ними?
Смотрят ли за ними в оба?
Окна все в колхозе расцветают,
Мне сказали, яркими огнями,
Как под вешнею зарею розы...
Это нового встречают
Председателя колхоза...
Мама, милый снова с нами!

Красное солнце

Каждым утром восходишь
Ты, красное солнце!
Каждый, вечер заходишь
Ты, красное солнце!
Моего голубочка
Не увидя, взошло ты.
Заходи, заходи же
Ты, красное солнце!
В час урочный приходишь
Ты, вечер красивый!

В час урочный уходишь
Ты, вечер красивый!
Ты, ударника-друга
Не увидя, уходишь!
Уходи, уходи же
Ты, вечер красивый!
Пусть он будет счастливым!
Ах, его не увидя,
Убываешь, уходишь
Ты, вечер красивый!
В синем небе сверкают
Созвездья,
Полыхают, играют
Созвездья,
Что же медлит с приходом
Магомет мой прекрасный?
Трепетать перестаньте,
Созвездья!
Пусть он будет счастливым!
Не пришел он, я сон потеряла.
Полыхать перестаньте,
Созвездья!

Спеши, моя сестричка

Любят все дети Саида-Ахмада.
Он второклассников грамоте учит.
Любят все дети Саида-Ахмада.
Девочки учатся очень охотно.
Любят все дети Саида-Ахмада.
Вот у него бы я тоже училась!
Как бы мне весело было там с ними!
Гулом уроков гудела бы школа.
Умный скользил карандаш бы в тетради,
Как бы мне весело было с ними!
Ну, собирайтесь скорее, сестрички,
В школу скорее пойдем мы учиться!
Выйдем на свет из всегдашнего мрака.
Весело, весело в школе советской!
Людям наука умы развивает,
Неучи ж вечно бродят во мраке —
Мрак не спасет от неволи и горя.
Ну, поспешим же в школы, сестрички!

В школе нас учат советским наукам,
Весело в школе советской учиться.
Как бы мне весело было с ними —
В классе втором у Саида-Ахмада!
Ну-ка, колхозники,
Бейте в ладоши!
Танец начнем мы!
Ла-ла-ла! Ла-ла!

Не надейся

Если доброго в колхозе
Ты не вырастил коня,
Если честною работой
Не порадовал меня,—
Участь горькая твоя:
За тебя не выйду я,
Не надейся!

Если наши распорядки
Для тебя нехороши,
Ни работать, ни учиться
Ты не хочешь от души,—
Участь горькая твоя:
За тебя не выйду я,
Не надейся!

Мой любимый

Солнцем восходящим освещается
Земля наша.
Солнцем заходящим украшается
Земля наша.
Хлебом, маслом, творогом прославилась
Артель наша.
Горцам по душе пришлась, понравилась
Артель наша.
Много есть ударников, но всех милей
Мой любимый.
Раньше всех колхозный хлеб убрал с полей
Мой любимый.
Станет солнце у меня оспаривать
Тебя, милый?

Станет ясный месяц отговаривать
Тебя, милый?
Гордость ты колхозников, ты — впереди,
Мой любимый.
День кончается. Ко мне скорей приди,
Мой любимый!
Если жажду чувствуют — всегда к воде
Спешат люди.
Если голод чувствуют — всегда к еде
Спешат люди.
Если я люблю, скажи, что делать мне,
Мой любимый?
Хорошо любить у нас, в родной стране,
Мой любимый!

Юный Али

Как заря, прекрасен
Мой любимый,
И, как месяц, ясен
Мой любимый!

Или мне просто кажется это
Из-за дневного яркого света,
Скажи мне, Али?

Человек серьезный
Мой любимый:
Бригадир колхозный
Мой любимый!

И потому-то мне месяцем ясным,
И потому-то мне солнцем прекрасным
Кажется юный Али!

Всех способней в школе
Мой любимый!
Всех проворней в поле
Мой любимый!

Или мне просто кажется это,
Сердце, быть может, мое задето,
Скажи мне, Али?

Честен и бесстрашен
Мой любимый!
Орденом украшен
Мой любимый!

И потому-то мне месяцем ясным,
И потому-то мне солнцем
прекрасным
Кажется юный Али!

*Автуринцам**

Как у вас дела идут
С новыми хлебами?
Очень недовольны мы,
Автуринцы, вами!
Мало ярости у вас
В полевой работе!
Вы неважную, друзья,
Жатву соберете!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Пользы в пахоте такой,
Автуринцы, мало!
Вы работали, друзья-
Автуринцы, вяло!
Вы примите наш совет —
Помните о сроках!
И пройдитесь по полям
Вспашкою глубокой!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Чтобы труд ваш полевой
Не пропал без толку,
Автуринцы, вовремя
Делайте прополку!
Вам поссориться пора
Со старинной ленью,
Скоро снежная зима
Явится в селенье!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Автуринцы, как мелка
Ваша кукуруза!

И не стыдно вам, друзья,
Перед всем Союзом?
Автуринцы, что же вы?
Даже нам неловко!
Где же гордость пахаря,
Где его сноровка?

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Автуринцы, честный труд
У страны в почете!
Ну, когда же вы большой
Урожай сберете?
Нам стыдиться нечего
Перед всем Союзом!
Тяжела, увесиста
Наша кукуруза.

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Вы безделие свое,
Автуринцы, бросьте!
Ведь на вашем поле мы —
Временные гости!
Надо вам свои поля
Привести в порядок.
После трудового дня
Отдых вдвое сладок!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Вы страдаете, друзья,
Вечною зевотой!
Дайте нам ответ прямой,
Но ответ работой!
Распрощайтесь поскорей
С леньюю и покоем!
И тогда своих похвал
Мы от вас не скроем!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Девушка, танцуй, танцуй
Танец легкий, дробный!
Легче ветра пробеги
По поляне ровной!
Мы работаем не так,
Как соседи наши!

Хороши у нас хлеба,
Хорошо и пляшем!
Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Что к чему подходит

Круглый плод, налитый соком,
Яблоне подходит,
Лист на дереве высоком
Яблоку подходит.
Рассветающему небу
Синева подходит,
Поспевающему хлебу
Вся земля подходит!
Старым крепостям — бойницы
Грозные подходят,
А горам — цветы, и птицы.
И ручьи подходят.
Шелковые — красным розам
Бабочки подходят,
А зажиточным колхозам —
Трудодни подходят.
И плоды садам колхозным
Хорошо подходят,
И хлеба полям колхозным
Хорошо подходят!
Бабушке баюкать внука
Малого — подходит,
А колхознику — наука
Хорошо подходит!
Огородам нашим — грядки
Крытые подходят,
А колхозные порядки —
Пахарю подходят.
Посещать с парнями школы —
Девушкам подходит.
Труд ударный, труд веселый —
Нашим дням подходит!

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ

МОРСКОЙ КОНЬ

В старые годы, когда на земле Нахчо росли большие черные леса, когда жил Нахчо в тех лесах спокойно и богато, пасли свои табуны у реки Аргуна трое братьев: Борз-кант, Кюйр-кант и Лом-кант *.

Старший брат, Борз-кант, владел стадом коров; средний, Кюйр-кант,— стадом овец и младший, Лом-кант,— табуном коней.

Под ногами стад их дрожала земля. Когда пили стада — на три часа ходу вниз по Аргуну воды высыхали... Вот сколько скота пасли братья Борз-кант, Кюйр-кант и Лом-кант!

Хорошие были коровы у старшего: крупные, круторогие, сильные. Кинжал, опущенный в их молоко, стоял и не падал.

Хороши были овцы у среднего: мясо — что белый сахар, молоко — что сладкий мед, шерсть — что нежный пушок на щеках красавицы девушки... Но лучше всего были кони у младшего, у Лом-канта: львы-кони, соколы-кони!

Из дальних земель присылали к нему за конями. За них, за таких коней, ханы и султаны сулили золото и дорогие камни. Но Лом-кант не отдавал ни одной кобылицы из своих табунов, ни за что! Берег он дивную породу своих коней, дорожил чистотою их крови.

— Куда гоняешь ты, брат, свой табун по весне? — спрашивали его братья.— Почему нет у тебя жеребца, вожака твоим кобылам?

Лом-кант ничего не отвечал братьям. Каждую весну тайно угонял он своих кобылиц в глухие лесные дебри за Хинкальским ущельем. На резвого коня садился Лом-кант и быстро гнал табун — как стрела летит... Много смотрели люди, мало видели.

Вот подходит светосеребряная весна: весело шумит оживающий лес, белыми конями бегут по небу облака, радостно поют птицы брачные песни. Но не гонит Лом-кант своих кобылиц. Как черный щит тучи, грусть упала на лицо его — мрачный сидит он на камне.

Подошли к нему старшие братья:

— Что с тобой, молодец Лом? Отчего грустишь ты так, будто потерял самое дорогое на свете?

Отвечал братьям Лом-кант, и такие были его слова:

— Сегодня надо мне гнать мой табун. Сегодня надо мне также увозить себе жену, но не выдаст отец девушки за немилого. Не погоню табуна — потеряю свое счастье: не увезу девицы — потеряю то же...

— Мы поможем тебе,— молвил старший брат, Борз-кант,— увезем тебе девушку. Кто она?

— Ее имя Коку *, — ответил ему Лом-кант.—Или вы не знаете нашей золотой голубки? Небесной ласточки не знаете, братья? Она — полная луна моя, освещающая ночью небо... Лебединая у ней шея; как снег днем — ее лицо; как снег горных вершин, окрашенный розовой зарей,— ее щеки. Счастлив я, когда вижу в зареве губ жемчужные ее зубы, когда кинут на меня взгляд ее соколиные очи — в блаженстве умираю...

— Девица Коку, дочь Кур-Корт, нам известна,— молвили старшие братья младшему.— Силен старик, большая у него дружина... А куда гнать твой табун?..

— За Хинкальское * ущелье его я гоню, через землю дальней Ичкерии * — на Восточное* синее море... Через три ночи выйдет из того моря дивный золотогривый жеребец — раз в год он выходит, и надо мне к той поре быть там с табуном моих кобылиц. Пропущу год — уйдет по ущелью мое счастье...

— Мы поведем твой табун к Восточному морю. Укажи лишь дорогу,— сказали Лому старшие братья.

Обрадовался Лом-кант, многими словами благодарил

братьев. Но не знал он, что злобная зависть давно уже точила их души...

Указал он им путь к Восточному морю и в радости поведал о том, как досталось ему его счастье. Так говорил он:

— Семь осеней прошло с той поры, как был я на охоте в шалинских* дремучих лесах. Целый день, от зари до зари, гнался я по следу за оленем и, только когда уже стемнело в лесу, нагнал его и убил верной стрелой. Разложил я костер и только стал свежевать добычу, как вдруг зашумели кусты, закачались деревья, выходит из тьмы огромный старик, весь поросший косматой шерстью. По широкому и острому лезвию топора, что блистало у него на груди, я узнал в том чудовище Гуин-падчах *, лесного царя, владыку зверей. А он сел у костра и молча стал смотреть на пламя. Мне сделалось жутко, мороз сковал члены: я знал, что смерти мне не избегнуть, если вдруг засну. А веки слипались, словно залитые медом. Тогда я пошел на хитрость.

Недалеко от костра, в чаще, лежал ствол толстого дуба длиной в человеческий рост. Я покрыл его своей буркой, а на конец положил папаху. Сам же притаился в чаще и замер, борясь с дремотой. При свете костра я увидел, как встал вдруг Гуин-падчах — огромный, косматый, страшный — и пошел в мою сторону тяжелой поступью. Увидев накрытый буркой ствол дуба и приняв его за меня, он упал на него грудью. Топор на груди его врезался в твердый, как камень, ствол дуба — так разрубил бы он меня пополам. Но из крепкого дуба не мог лесной царь вырвать свой топор, не мог поднять тяжелый брус. Тогда я выскочил из своей засады и занес над головой Гуина меч. Чудовище взмолилось о пощаде. И я пощадил его, а за это Гуин поведал мне о Хорд-Дине *, дивном морском коне, и рассказал, где и когда он выходит из волн моря.

От этого морского коня — мои кони, за которых не жалеют золота и дорогих камней ханы дальних земель и чужестранные султаны...

Так рассказывал Лом-кант братьям своим Борзу и Кюйру о том, как он встретился со счастьем. Он говорил, а зависть грызла и рвала грудь братьев.

Вскочив на коней, подаренных братом, быстро погнали они табун его через Хинкальское ущелье, через земли

дальней Ичкерии, к берегу Восточного моря. И сказал дорогой Борз-кант второму брату своему Кюйр-канту:

— Чем лучше нас брат наш Лом? Ему — и Коку-девицу, красотой затмевающую солнце, у него и кони, лучше которых не видно на земле... Будет с него и одного счастья — владеть красавицей-женой!

— Все стада овец и баранов своих я отдал бы за это,— отвечал Кюйр-кант старшему брату.

Между прибрежными скалами укрылись братья. Натянуты их самострелы, вложены тяжелые пули, нацелясь, ждут они, когда выйдет на берег к табуну золотогривый конь. И когда, поднявшись с набежавшей волной, осветил он тьму ночи, словно месяц, восходящий над морем, ударили братья Борз и Кюйр в него синими пулями из своих самострелов. Раненый конь взвился и бросился назад в гневно кипящее море. А за ним, за златогривым конем Хорд-Дином, кинулся с берега и весь табун кобылиц Лом-канта. Все до одной, как безумные, бросились кобылицы и навек погрузились в пучину.

— Дивное мы видели! — воскликнули братья, вернувшись к Лом-канту.— На зов златогривого Хорд-Дина все кобылицы твоего табуна бросились в море, и назад ни одна не вернулась. Мы звали и ждали их долго...

Как одержимый черным духом, оттолкнув от себя красавицу, юную жену, кинулся Лом-кант к своему коню... Птицей, быстрым фазаном на коня он взлетел и помчался как стрела в лесные дебри, за Хинкальское ущелье, через землю дальней Ичкерии, к далекому Восточному морю, и с той поры нет о нем слуха.

Только говорят люди, будто то место, где на берегу Восточного моря ранен был Хорд-Дин, стоит скала «Хорд-Дин», да из глубины морской по весне слышны ржанье коней да крик пастуха.

А что сталось с братьями Борз-кант и Кюйр-кант — о том говорят люди по-разному. Одни слыхали от своих дедов, будто быстрая Аргунь-река поглотила их вместе с их стадами: отомстила дочь-Аргунь за обиду отца-Моря. А другие сказывают, что убили они друг друга: оба хотели взять себе в жены жену брата. Из-за красавицы Коку вступили братья между собой в смертный бой, и в том бою оба погибли...

Как знать, что не знаешь? Одно только люди не разно говорят: «Злому и конец злой».

МЕДВЕЖЬЕ УХО

I.

Одна женщина шла со своим сыном по лесной тропинке домой к отцу. Навстречу ей показался медведь.

— Пожалуйста,— обратилась женщина к медведю,— пропусти меня!

— Я не пропущу! — сказал медведь, мотая головой. Он схватил женщину с мальчиком, закинул их к себе на спину и понес через лес, обрывы и кусты к себе в пещеру. Мальчика медведь назвал Медвежье ухо. Ему и его матери ежедневно приносил мясо.

— Кто заходит к нам в пещеру и приносит мясо? — спросил мальчик, когда подрос.— У него четыре ноги, длинные уши...

— Это твой отец,— пошутила мать.

— Разве у моего отца могут быть четыре ноги и такие уши? Нет, он не мой отец.

— Когда я шла с тобой домой к отцу, этот медведь схватил нас и насильно притащил сюда. С тех пор, вот, мы и живем в этой пещере.

— А если б я убил этого медведя, нашла бы ты дорогу домой? — спросил Медвежье ухо.

— Конечно, нашла бы,— ответила мать.

Тогда мальчик, притаившись за кустами, откуда медведь должен был возвращаться, стал поджидать.

Через некоторое время мимо прошел медведь с куском мяса во рту. Медвежье ухо выскочил из засады, ударил медведя топором и свалил его. После этого мальчик со своей матерью вернулся домой. Окружающие дети не давали мальчику покоя, дразня его:

— Ухо! Уши! Эй, уши!..

— Я все ваше село уничтожу, если разозлюсь,— сказал мальчик старшинам села.— Но я не хочу причинять вам такое зло. Лучше не быть мне здесь, я уйду! — И мальчик Медвежье ухо скрылся в лесу.

II.

Идя через лес, Медвежье ухо набрел на поместье князя.

— Не наймут ли здесь работника? — спросил Медвежье ухо, остановившись у ворот.

— Какую цену берешь? — спросил князь.

— Чуреки для еды да какую-нибудь одежду, если есть. Этого мне достаточно.

— Ну хорошо,— сказал князь,— завел мальчика в свое поместье и спросил:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Медвежье ухо.

— Так вот, Медвежье ухо, привези дров. В стойле — волы, на дворе — арба, а вот и ремни.

— Хорошо, я доставлю дрова, но волы и арба мне не нужны.

Медвежье ухо взял ремни и ушел. Он выкорчевал огромные чинары, сложил их, обвязал ремнями и поволок. Когда он вошел в село, одному хозяину сшиб ворота, другому — конюшню и затащил чинары в княжий двор.

— Эй, князь! — крикнул мальчик.— Я привез тебе дрова, а ты теперь коли!

Удивился князь такой силе Медвежьего уха и испугался.

«А что,— подумал он,— если этот мальчик разозлится, все мое село уничтожит».— И пустился он искать средство, чтобы погубить мальчика.

Долго разъезжал князь на своем коне, расспрашивал подвластных людей, но никто ничего ему посоветовать не мог. Наконец обратился он к одной старушке, проживавшей на окраине села.

— Там, за горою, есть дракон Акаты,— сказала старушка.— Пошли туда Медвежье ухо и скажи, что дракон якобы должен тебе два пятака. Пусть он вернет долг. Если он так скажет, дракон не выпустит его обратно.

III.

Возвратился князь домой и говорит мальчику:

— Вот что, Медвежье ухо! Сходи-ка за ту гору, там живет дракон. Он мне должен два пятака. Принеси мой долг.

— Хорошо, я схожу,— сказал Медвежье ухо и отправился. Когда он поднялся на гору, увидел дровосека.

— Здравствуй! — приветствовал он его.— Да будет счастье в твоем доме!

— Здравствуй! — отвечал дровосек.— Что тебе надобно, чужеземный гость?

— Что это за ложбина, которая там виднеется? — спросил Медвежье ухо.

— Это пещера дракона.

— А что это там синеет?

— Это озеро, в котором живет дракон.

— А над ним что темнеет?

— Это грива дракона.

— А что это за огонь сверкает?

— Это взлетают искры, когда дракон скрипит зубами.

После этого Медвежье ухо спустился в пещеру, где находился дракон, и крикнул:

— Эй, дракон!

— Сссссххх-уи-и-и! — засвистел дракон да так, что пещера затряслась.

— Князь прислал меня к тебе, чтоб ты вернул ему два пятака.

— Уходи, молодец! Ты — гость, а потому оставлю тебя невредимым, иначе — узнал бы ты! — сказал дракон.

— Я не об этом говорю с тобой—скорее отдай долг!— повторил Медвежье ухо. Дракон, скрипнув зубами, набросился на Медвежье ухо. А он схватил его за гриву, взобрался на него и, подгоняя ударами ладони, направил ко двору князя.

— Эй, князь! — крикнул Медвежье ухо.

— Что надо? — спросил князь и выглянул в окно.

— Я не могу отобрать у дракона два твоих пятака. Если сможешь, сам отбери!..

— Убери его! Убери скорее отсюда! — закричал князь.

— Да не стану я таскаться с ним туда-сюда! — сказал Медвежье ухо и, ударив дракона, отправил его туда, откуда тот пришел. Испугался дракон и скрылся за семью горами.

IV.

Князь пуще прежнего перетрусил и опять отправился к старушке.

— Что мне делать? Медвежье ухо и дракона прибрал ко мне! — сказал князь.

— Вот в том лесу живет страшный старик. Пошли его к нему и пусть он скажет, что за ним есть твой долг — две мерки кукурузы, за которыми пришел от тебя,

Старик его выслушает, но ничего не даст и обратно не отпустит,— посоветовала старуха.

Князь вернулся домой и сказал Медвежьему уху:

— Вон там, в лесу, живет старик. Он должен мне две мерки кукурузы. Так вот, сходи к нему и принеси их.

— Хорошо, я схожу и выполню, но не так, как ты предлагаешь!— громко ответил Медвежье ухо и пошел в лес.

— Эй, старик! — крикнул Медвежье ухо. Старик выглянул в окно, потом обернулся, схватил оселок и начал точить свои зубы.

— Выходи, леший! — опять крикнул Медвежье ухо.

— Что тебе надобно! — громко спросил старик, выходя из своего логова.

— Меня прислал князь. Ты должен ему две меры кукурузы. Отдай! Я отнесу их.

Старик заскрежетал острыми зубами и накинулся на Медвежье ухо. Медвежье ухо схватил старика за бороду, приволок его под сарай и, нагрузив на него мешок кукурузы, сам забрался на самый верх и направил его ко двору князя.

— Эй, князь! — крикнул Медвежье ухо.

— Что тебе? — выглянул князь в окно.

— Леший не отдает мне кукурузу! — ответил Медвежье ухо.— Ты сам забери, если он тебе должен! — и он поднял лешего к окну.

— Убери его! Убери скорее! — крикнул напуганный князь.— Отведи туда, откуда привел!

— Ну да! Стану я таскаться туда-сюда! — рассердился Медвежье ухо и, ударив лешего ладонью, прогнал его. За семь гор, за дальние леса удрал леший, испугавшись Медвежьего уха.

V.

Догадался Медвежье ухо о замыслах князя и сказал ему:

— Если бы я не ел твой хлеб и не носил данную тобой одежду, то отрубил бы тебе голову и повесил вот на том колу.

Сказав это, Медвежье ухо ушел от князя и отправился в лес.

Подумал-подумал князь и решил вернуть его.

— Подожди! Не уходи! — нагнал его князь.— Останься, пожалуйста, не уходи! Поживем вместе!..

— Нет,— сказал Медвежье ухо,— там, где появилось коварство, я жить не стану.

В лесу Медвежье ухо набрел на каких-то трех человек.

— Здравствуйте! — приветствовал он и спросил:

— Кто вы? Что за люди?

— Присоединяйся к нам — вместе будем жить,— ответили три человека. И Медвежье ухо стал с ними жить.

Однажды эти люди сказали одному из своих товарищей:

— Мы пойдем охотиться, а ты до нашего прихода приготовь нам обед — свари мясо с галушками.

Сказав это, они ушли, взяв с собой Медвежье ухо.

Оставшийся товарищ сделал все, что было сказано, и только хотел прилечь отдохнуть, как вдруг кто-то крикнул во дворе:

— Э-эй!

— Что такое?

— Здравствуй!— сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

— Здравствуй! — ответил хозяин.— Слезай с коня.

— Я-то, конечно, слезу, если бы ты даже и не приглашал.

Сказав так, нарт вошел в дом и присел со своим зайцем, а хозяин вытащил из котла мясо и галушки и стал делить на пять частей.

— Что ты делаешь? — спросил нарт.

— Нас двое, да еще трое придут, всего — пять человек. Потому я и делю еду на пять частей,— ответил хозяин.

— А ну тебя с твоими пятью частями! Знать ничего не знаю! — сказав так, нарт выдернул волос из хвоста зайца, связал им крепко-накрепко хозяина, потом схватил мясо с галушками, проглотил сразу всю еду, запил жирным наваром и ускакал на своем хромом зайце.

Хозяин дома с трудом освободился от пут, вновь приготовил еду и лег отдохнуть. Вскоре пришли охотники.

— Что ты улегся? — спросил его Медвежье ухо.

— Что-то живот заболел,— ответил тот.

На второй день они опять пошли на охоту, оставив дома другого.

Не успел он приготовить еду, кто-то крикнул во дворе:

— Э-эй!

— Что такое?

— Здравствуй! — сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

— Здравствуй! — ответил хозяин.— Слезай с коня.

— Приглашай не приглашай, я все равно слезу,— сказал нарт, вошел в дом и присел со своим хромым зайцем. Когда хозяин стал делить галушки и мясо на пять частей, нарт спросил:

— Что ты делаешь?

— Нас двое да еще трое придут, поэтому я и делю пищу на пять частей.

— А ну тебя с твоими пятью частями! Знать ничего не знаю! — сказав так, нарт выдернул волос из хвоста зайца, крепко-накрепко связал им хозяина. Потом он мигом проглотил мясо и галушки, запил наваром, вскочил на своего хромого зайца и ускакал.

Завязанный рвался-рвался и наконец с трудом освободился.

Снова сварил пищу и прилег отдохнуть.

— Что с тобой? Что ты лежишь? — спросил Медвежье ухо.

— Голова заболела,— ответил он.

На третий день Медвежье ухо отправил других на охоту, а сам остался хозяйничать. Как только он закончил свою работу, услышал:

— Э-эй!

— Что такое? — вышел Медвежье ухо.

— Здравствуй! — сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

— Здравствуй! — ответил хозяин.— Заходи.

— Я-то войду, если ты и не пригласишь,— ответил нарт.

— Нет, не войдешь, если не приглашу,— сказал Медвежье ухо и мигом схватил хромого зайца и хромого нарта, затащил их в комнату. Потом выдернул из хвоста зайца волос, связал им нарта с его зайцем и, в ожидании товарищей, прилег.

Когда товарищи вернулись с охоты, Медвежье ухо спросил у одного из них:

— Не тот ли это, из-за кого у тебя болел живот?

— Он самый,— ответил товарищ, указав на связанного нарта.

Потом Медвежье ухо спросил у второго товарища:

— Не из-за него ли болела твоя голова?

— Из-за него,— ответил второй товарищ.

— Если так, убейте его,— сказал Медвежье ухо.

— Пожалуйста, не убивайте меня,— стал умолять нарт.— Отпустите меня. Больше я не приду сюда.

— Ну, смотри, больше не показывайся. Если б ты не был гостем у нас, голову отсек бы твою.

Так сказал Медвежье ухо, освободил нарта, усадил его на хромого зайца и отправил.

Однажды, гуляя в лесу, Медвежье ухо увидел большие башни. Вернувшись домой, он спросил своих товарищей:

— Что это за башни стоят в лесу?

— Там живут очень сильные нарты,— сказали его товарищи.

— Пока не отберу у них эти башни, не успокоюсь,— сказал Медвежье ухо.

— Не делай этого. Нарты очень сильны: у одного из них — одна голова, у другого — две, у третьего — три, у четвертого — четыре, у пятого — пять, у шестого — шесть, у седьмого — семь, у восьмого — восемь, у девятого — девять голов. Не нам тягаться с ними.

— Как бы сильны они ни были, я все же пойду,— сказал Медвежье ухо и отправился к нартам.

Когда Медвежье ухо пришел туда, двери крепости были открыты. Внутри не оказалось ни одного человека. У стен было расставлено девять мечей. Медвежье ухо выбрал себе самый лучший. После этого он выкопал за дверью большой ров и спрятался возле него с мечом в руке.

Вернулись нарты. Каждый входивший в дверь падал в ров от удара меча. Так погибло восемь нартов. Девятый же, потеряв семь голов, полетел вниз с двумя головами.

Медвежье ухо засыпал ров, привез свою мать, младшего брата и остался жить в этих башнях.

МУЦУЛ И СЕККИ

Жил-был когда-то богатырь джайцев*, князь, по имени Муцул. Он ходил на чеченцев и брал с них дань. Так же поступал он и в Мелькистане.

В те времена один аул в Мелькистане был заселен шестьюдесятью слепыми и шестьюдесятью конями. В этом селении у старой вдовы рос сын богатырь, по имени Секки. Секки обладал неимоверной силой и был очень храбр. Об этом стало известно Муцулу и его народу.

Однажды, когда Муцул пошел на мелькистанцев за данью, по пути на горе Кул-Лам он сделал привал и послал к мелькистанцам людей, чтобы они узнали: дадут ли они ему дань и допустит ли до этого их герой Секки.

Когда послы прибыли к месту, Секки сидел около бога Цуу и мял в руках цельную бычью кожу. Когда эти люди ему сообщили о том, что Муцул идет на них, он от гнева побледнел, разорвал кожу на два куска и бросил на землю. При этом он сказал, что ни он, ни мелькистанцы отныне не будут платить ни Муцулу и ни какому-либо другому князю никакой дани. Когда Муцулу передали слова Секки, он покинул гору Кул-Лам и отступил домой.

Как-то Секки пахал вдали от селения на паре волов. Одной рукой он держал соху, другой — сеял, а к ноге была привязана борона. Вдруг прибежала его жена и сообщила, что князь джайцев Муцул вошел в их селение и угоняет скот. Как только услышал об этом Секки, схватил лемех и погнался за Муцулом. Он победил врага, отобрал скот и вернул его жителям.

Убедившись в силе и храбрости Секки, мелькистанцы выбрали его своим князем. И когда мелькистанцы спросили, что они должны давать ему, он сказал, что каждый дом обязан дать по мерке зерна и что все невесты, которые будут выходить замуж, должны проводить с ним первые три ночи и только после этого они получат права на мужа.

Жители приняли эти требования, и жизнь пошла своим чередом.

Одного жениха очень тревожила предстоящая свадьба: он не знал, как провести свою невесту мимо Секки. Тогда этот молодой человек обратился к одному старику

и спросил у него, что нужно сделать, чтобы уберечь невесту от Секки. Старик ответил, что для этого нужно убить Секки. А убить его можно только его собственной шашкой, ибо другая шашка не возьмет.

Молодому человеку удалось украсть у Секки его шашку. Он отдал ее мастеру для переделки и с новой по виду шашкой пошел к Секки.

— Ты наш великий князь! Я хочу стать твоим верным воином, а для этого — купить у одного грузина вот эту шашку. Посмотри и скажи мне, можно ли эту шашку купить?

Секки посмотрел с одной стороны, с другой стороны и сказал, что это его шашка. Молодой человек уверял, что шашка украдена у грузинского князя и ее привезли в Мельхистан, чтобы продать.

Тогда Секки передал эту шашку молодому человеку и сказал:

— Если эта шашка моя, то она поразит меня, если не моя,— не поразит. Испробуй, ударь меня этой шашкой.

Он повернулся к нему спиной. Молодой человек этого и хотел. Ударом большой силы он отсек у Секки голову. Голова покатилась с горы вниз и дважды пробормотала:

— Отныне нет больше князя в Мельхистах! Отныне нет князя в Мельхистах!

А все мельхистанцы стали вторить:

— И не будет князя в Мельхистах! И не будет князя в Мельхистах!

Люди похоронили Секки в глубокой пещере. А того молодого человека, что отсек князю голову, женили на любимой девушке.

С тех пор в Мельхистах не стало князей, и мельхистанцы живут, как горные орлы.

О ТОМ, КАК ПРОСТОЙ АНДИЕЦ * КАРНАЙ БЛАГОДАРЯ СВОЕЙ ХОЛОПКЕ ЗАДАЙ ЖЕНИЛСЯ НА КНЯЖЕСКОЙ ДОЧЕРИ

В одном френгском * государстве жил-был князь. У него была красавица-дочь, какой не сыскать во всем свете. Когда наступила пора замужества, отец объявил по всем соседним государствам, что отдаст свою дочь замуж за того, кто сумеет вызвать ее на разговор с собой.

Но предупредил, что всякий, не добившийся успеха, потеряет голову.

Надо сказать, что при княжеской дочери находилось тридцать слуг и тридцать прислужниц, которые должны были доносить обо всем князю. Много перебывало у князя княжеских детей и других знаменитых людей, никому не удалось заставить княжескую дочь заговорить с собою, и князь всем отрубил головы.

В то время в Андии жил один человек, по имени Карнай, который никогда еще в жизни не любил женщины. И задумал он отправиться к княжеской дочери, заставить ее заговорить с собою, а потом жениться на ней. Была у Карная холопка Задай. Видит она, что Карнай собирается куда-то в дорогу, и спрашивает его, куда он собирается? Карнай ответил, что едет к княжеской дочери — хочет заставить ее заговорить с собою, а потом жениться на ней.

— Возьми и меня с собою,— попросила Задай,— я тебе пригожусь. Только я поеду с таким условием: когда ты женишься на княжеской дочери, то сделаешь мне подарок, какой я пожелаю.

Карнай согласился и вместе с Задай отправился туда, где жил князь со своей дочерью.

Когда они стали подъезжать к дому князя, Задай говорит Карнаю:

— Как только мы приедем к дочери князя, я спрячусь в стене ее сакли, а ты расскажи ей что-нибудь и попроси ее решения. Остальное потом узнаешь.

Приехал Карнай со своей холопкой Задай в дом князя. Задай, по уговору, спряталась в стене, а Карнай вошел в саклю княжеской дочери, произнес обычное приветствие, на которое не получил никакого ответа, и начал свою речь так:

— Я пришел не милостыню просить или приюта, а по очень важному делу. Поэтому выслушай меня, а потом решай.

После этого он приступил к рассказу:

В одной стране жили три брата, и каждый из них имел по тысяче рублей золотом. Захотели братья заняться торговлей и поехали разыскивать большие торговые города. Ехали они три месяца и приехали в город Рим. Здесь старший брат купил за тысячу рублей такое зеркало, что если посмотришься в него, увидишь все, что

есть на небе и на земле. Средний за свою тысячу рублей купил такую бурку, что если сядешь на нее, то в один час пролетишь все пространство между небом и землей. А младший брат, тоже за тысячу рублей, купил чашку, имевшую такое свойство: если напоить из нее только что умершего, то он в ту же минуту воскреснет.

Каждый из братьев оставил на родине любимую девушку, и вот, когда они сделали свои покупки, младшие братья стали упрашивать старшего посмотреть в зеркало, что делают их возлюбленные. Он посмотрел и увидел, что невеста одного из них лежит мертвая. Не мешкая, братья сели на бурку, купленную средним братом, и в один миг прилетели на родину. Здесь они отправились в дом умершей девушки, и младший брат, набрав в свою чашку немного воды, влил ее в рот покойной, которая в ту же минуту ожила. Тогда братья заспорили между собою о том, кому должна принадлежать ожившая девушка. Старший говорил: «Мне, потому что я через свое зеркало узнал, что она умерла. Только поэтому мы поспешили домой и оживили ее». Средний брат говорил: «Мне, потому что мы прилетели вовремя, чтобы оживить покойную». Младший же брат говорил: «Нет, мне, потому что не важно то, что мы узнали о смерти девушки и прилетели домой, а важно то, что я вернул ее к жизни, напоив водой из своей чудесной чаши».

Теперь прошу тебя, княжескую дочь, решить, кто же из трех братьев должен получить девушку?

Задай, сидевшая в стене, крикнула:

— Тот, у которого было зеркало!

— Что ты знаешь, стена! — произнесла княжеская дочь рассердившись.— Разве не тот сделал больше всех, кто оживил мертвое тело?

Тотчас дали знать князю, что дочь его говорила с таким-то.

— Хорошо,— сказал князь,— если она говорила с ним сегодня, то посмотрим, заговорит ли она еще завтра?

Выйдя от княжеской дочери, Задай сказала Карнаю:

— Завтра ты опять расскажи подобный же случай. Я спрячусь в кровати дочери князя и, когда ты кончишь рассказ, увидишь, что она опять заговорит с тобой.

На другой день Карнай и холопка его Задай отправились к дочери князя. Задай спряталась в кровати, а Кар-

най, войдя в комнату, сказал обычное приветствие и начал свою речь так:

— Я пришел не милостыню просить или чего другого, а чтобы рассказать об одном деле, которое прошу тебя, княжеская дочь, разрешить мне. Жили два брата и поехали они путешествовать, а с ним и жена одного из них. К ночи они приехали в лес и, выбрав полянку, расположились на ночлег. При этом один из братьев, оставив своих спутников, отправился разыскивать воду для омовения и питья. Прошло довольно много времени, а ушедший не возвращался. Тогда пошел за ним другой брат и тоже пропал. Так как ночь была очень темная, то женщина не посмела идти разыскивать братьев и ночевала там, где находилась. Когда же занялась утренняя заря, она встала и пошла разыскивать братьев. Подходит она к речке и видит: оба брата лежат мертвые и каждый из них разрублен по пояс на две части, а части разбросаны как попало. Женщина собрала части убитых и сложила вместе, но того не заметила, что к верхней части мужа она приложила нижнюю часть брата его, а к верхней части брата приложила нижнюю часть мужа. Исполнив это, она начала усердно молить бога, чтобы он оживил братьев, и когда она молилась, над головой ее вдруг пролетела стая птиц и набросала много перьев. Женщина догадалась, что перья эти — помощь, посланная от бога, и, собрав их, потерла ими тела убитых. Мертвые братья ожили, как будто пробужденные от глубокого сна, и, вернувшись к жизни, заспорили между собою из-за того, кто из них муж женщины, вернувшей их к жизни? Тот, у которого была нижняя часть тела настоящего мужа, утверждал, что муж он, потому что он отец ее детей. Имевший же верхнюю часть тела мужа говорил: «Нет, она моя жена, потому что языком своим и рукой своей я повенчался с нею».

Прошу княжескую дочь решить, который же из двух братьев муж этой женщины?

Задай, спрятанная в кровати, крикнула:

— Тот, у которого нижняя часть тела ее прежнего мужа.

— Неправда! — возразила княжеская дочь рассердившись,— разве не голова, хранительница разума, самая важная часть тела человеческого?

В ту же минуту доложили князю, что дочь его снова говорила с таким-то.

— Хорошо! — сказал князь.— Посмотрим, заговорит ли она с ним в третий раз?

По выходе от княжеской дочери Задай сказала Карнаю:

— Завтра я спрячусь в свечке, а ты опять расскажи дочери князя какой-нибудь случай, похожий на рассказанный сегодня. Когда же ты потребуешь ответа на свой вопрос, я, как и сегодня, скажу одно, а княжеская дочь не утерпит и скажет другое, значит, заговорит в третий раз.

На другой день Задай спряталась в свечке, а Карнай вошел к княжеской дочери, поздоровался с нею, причем на него не обратили никакого внимания, и начал так:

— Я пришел не милостыню просить или чего другого, а чтобы рассказать об одном деле, и прошу решить мне его. В одном месте, в лесу, были четыре человека: кадий, серебряк, столяр и купец. Было это в лунную ночь, и все они спали. Столяр, проснувшись, нашел около себя круглое дерево, и так как ему спать не хотелось, то он взял и сделал из дерева фигуру женщины и затем лег и снова заснул. Проснулся после того купец и, увидев фигуру женщины, одел ее в самое лучшее платье, затем лег и заснул. Потом проснулся серебряк, увидел ту же фигуру женщины, надел на нее самые лучшие серебряные украшения, лег и заснул. Наконец проснулся кадий, видит фигуру женщины и думает про себя: «Этому подобию женщины только души недостает, чтобы быть настоящей красавицей-женщиной». И начал усердно просить бога вложить в фигуру женщины душу. Он молился усердно, и бог услышал его молитву: фигура женщины вдруг превратилась в живую девушку. В это время проснулись и все другие товарищи муллы, и каждый из них стал уверять, что девушка должна принадлежать ему. Столяр говорит: «Девушка моя, потому что я первый сделал фигуру ее». Купец говорит: «Нет, она моя, потому что, если б я не одел ее в лучшее платье, она бы не была так красива и на нее никто не обратил бы внимания». Серебряк говорит: «Оба вы ошибаетесь: она моя, потому что я украсил ее серебром и после того она действительно стала привлекательна, а ваши украшения ничто против моих». Кадий же говорил, что девушка при-

надлежит ему, так как по его молитве бог вложил в нее душу.

Прошу тебя, княжеская дочь, решить, кому следует отдать девушку?

Холопка Задай ответила из свечки:

— Столяру, потому что ведь он сделал ее.

— Ты, свечка, совсем без рассудка,— с сердцем сказала княжеская дочь,— только душа делает человека человеком, и по чьей молитве бог дал фигуре душу, тому он и предназначил девушку.

Тотчас дали знать князю, что дочь его в третий раз говорила с таким-то.

— Хорошо!— сказал князь и выдал ее замуж за андийца Карная. Справили они свадьбу, и Карнай, получив от князя богатые подарки, уехал с женой домой, а приехав домой, отблагодарил холопку, как она сама пожелала.

ЧЕРНЫЙ ХОЖА

В одном ауле жил необыкновенно сильный человек, по прозвищу Черный Хожа, которого все в окружности страшно боялись. Он свободно перетаскивал с места на место целые дома.

А в другом ауле жил один охотник, по имени Асби. И повадился Черный Хожа заглядывать в этот аул. На жителей аула, слышавших, что Черный Хожа таскает целые дома, напал ужас.

Однажды охотник Асби возвращался на своем коне с охоты на диких зверей и вдруг увидел дом, двигающийся ему навстречу.

«Этот дом не сам идет, его тащит тот самый Черный Хожа, о котором я слышал столько разговоров. Что же мне делать? Пойти ли навстречу или отойти в сторону?»— подумал охотник Асби. Только он подумал об этом, как вдруг услышал из приближающегося дома голос:

— Нас Черный Хожа везет, чтобы выпить нашу кровь! Неужели нет мужественного человека, который бы спас нас?

Охотник Асби перестал колебаться. И вот, когда они встретились, Черный Хожа повелительно сказал охотнику:

— Сейчас же вместе с конем заходи в дом! Если не войдешь, я убью тебя!

Охотник отказался. Недолго поговорив, они бросились друг на друга и стали биться. Конь охотника оказался сильней самого седока, и они вдвоем осилили Черного Хожу.

От усталости охотник не мог тащить дом. Он передохнул и крикнул сидевшим внутри дома:

— Выходите-ка оттуда!

Услышав такой повелительный, но знакомый голос, из дома выскочили прекрасные, как весеннее солнце, три молодые девушки и двое юношей. Это были пять сирот, у которых незадолго до этого Черный Хожа съел отца и мать.

Охотник привез их в свой аул.

Жители того аула, откуда был родом Хожа, прослышав про геройский поступок охотника, стали переезжать целыми семьями в его аул.

Однако жители аула, где жил охотник, были недовольны: боялись, чтобы Черный Хожа не повадился и в их аул.

Охотник говорил им:

— Не бойтесь: пока жив я и мои три сына, ничего худого он вам не сделает.

Но вот однажды охотник смертельно заболел. Он подозвал к своему смертному одру трех сыновей и сказал:

— Мои дорогие сыновья, я умираю и оставляю вам следующие заветы: работайте всегда вместе—работа будет спорой.

Не обижайте слабых — и совесть ваша будет ясной. И не позволяйте сильным обижать обездоленных — люди вас будут уважать.

Будьте чистоплотными — люди вас не будут избегать.

Не кушайте много на ночь — тело ваше будет легким.

Будьте дружны между собой и благородны — люди вас будут уважать.

С женщинами не препирайтесь — это позорно.

Поболыше путешествуйте — вы разгадаете тайны природы.

Решившись на трудное дело, вспять не поворачивайте — иначе вам не будет удачи.

Пусть каждый из вас знает всегда о всех поступках и местонахождении другого — вы этим избежите многих опасностей.

Слушайтесь всегда голоса чести — и вам не придется краснеть.

Будьте дружны, помните: одну хворостину легко сломать, а целую охапку не сломать. Двое сильнее одного, трое — двух, четверо — троих. Черный Хожа не таскал бы домов, если бы у жителей его аула была взаимная поддержка. Смотрите же, следите, чтобы жители нашего аула жили дружно, следите, чтобы Черный Хожа не таскал домов.

С этими словами охотник Асби умер.

Когда закончились поминки, два старших брата отправились на охоту, оставив дома младшего и наказав ему, чтобы он не позволял Черному Хоже таскать дома.

В ауле, где жили сыновья охотника, появился Черный Хожа. Конь его метал огненные искры изо рта и опалял придорожную траву.

Младший сын охотника испугался, не оказал сопротивления Черному Хоже — и тот унес один дом из аула.

В следующий раз дома остался средний, а другие братья выехали на охоту.

Средний тоже испугался, когда приехал Черный Хожа и унес дом.

Оставив дома старшего, на охоту отправились младшие братья. Еще более разъяренный, чем раньше, явился Черный Хожа. Сын охотника выстрелил из лука и убил Черного Хожу.

В тот же день приехал другой Черный Хожа, такой же свирепый, как первый. И его убил старший сын охотника выстрелом из лука. Таким образом он приобрел двух коней.

Коня своего отца и одного из этих двух коней он отдал двум братьям, а себе решил оставить похуже, но он оказался лучшим.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГОВДЫ

I.

Давно, очень давно, когда не было на свете не только нас, но и отцов и дедов наших, на одной горе жил человек, по имени Говда. Сила у Говды была такая, что никто из соседей не смел не только обидеть его, но даже посмеяться над ним. Только зазнался он очень и стал хвастаться, что на всем свете нет человека сильнее его.

Раз сказал он это своей жене, другой раз сказал, а та не утерпи и ответь ему:

— Напрасно, муж мой, ты хвалишься так своей силой. Слыхала я, что на свете есть богатыри, куда сильнее тебя!

Рассердился Говда на жену за такое слово и крикнул ей:

— Женщина! Собери мужа в дорогу; вот я изъезжу весь свет и посмотрю, кто поспорит со мною силой!

Собрала жена мужа в дорогу: оседлала ему коня, подала оружие, плеть. Говда сел на коня и поехал. Ехал он, ехал — сколько времени, того и сам сказать не мог, и доехал до одного большого города. На окраине города видит двор, а во дворе у столба с кольцами стоят семь оседланных лошадей. Говда поставил около этих лошадей и свою лошадь, а потом направился в кунацкую. Но не сделал он и десятка шагов, как дверь кунацкой отворилась и из нее вышло семь страшных великанов. Один из них подошел к Говде, поднял его на руки и, как щепку, перебросил к другому богатырю, этот перебросил его к третьему, третий — к четвертому, и так они его перебрасывали, пока он не попал в руки последнего богатыря, младшего из семи братьев. Младший великан осмотрел его и потом крикнул остальным:

— Теперь нам нечего хлопотать о закуске: вот она сама явилась к нам! Раскладывайте поскорее огонь и приготовим себе завтрак!

Надо сказать, что великаны были язычники и людоеды.

На счастье Говды, когда братья переговаривались между собою, его увидела мать их и сжалилась над ним. Она выбежала из сакли, вырвала его из рук сыновей и отпустила со словами:

— Скачи отсюда, что есть духу!

Говда вскочил на своего коня и полетел, как ветер. Летел он так и заслышал позади себя конский топот. Оглянулся — а это великаны скачут за ним в погоню: должно быть, не захотели остаться без закуски.

Богатырь наш страшно испугался и стал еще сильнее погонять своего коня. Но великаны ехали быстрее его и, наверное, нагнали бы молодца, если бы он не наехал в лесу на одного слепого великана, который вырывал из

земли огромные чинары и строил себе из них шалаш. Говда подскакал к великану и стал просить его:

— О могучий богатырь! Защити меня от злых людоедов, которые скачут за мною!

Слепой богатырь сжалился над нашим молодцем, взял и сунул его себе за пазуху вместе с конем и оружием. Тем временем к слепому великану подскакали людоеды и спрашивают его:

— Не проезжал ли тут всадник?

— Кажется, проехал,— сказал слепой и указал людоедам в сторону.

Великаны-людоеды бросились по указанию слепого и вскоре скрылись из виду.

После этого слепец вынул нашего богатыря из-за пазухи, поставил его себе на ладонь и спрашивает:

— Кто ты и откуда?

Говда рассказал все: из какого он аула, как и почему попал в эту сторону.

Великан дослушал его до конца, рассмеялся, а потом говорит:

— Нас было семь братьев, и мы тоже думали, что таких силачей, как мы, нет во всем свете. Вот и пустились мы, как и ты, путешествовать, искать, кто бы мог осилить нас. Приехали мы в один город и встретили там таких великанов, против которых сами казались мальчиками. Великаны переловили нас и хотели убить, но пока они решали это дело, мы вскочили на своих коней и ускакали. Великаны помчались за нами в погоню и, наверное, изловили бы нас, если бы мы, к счастью нашему, не заметили впереди себя, в степи, огромного человеческого черепа. В этом черепе мы и спрятались с нашими конями и оружием. Доскакали до черепа великаны и начали разыскивать нас: искали и не нашли, так мы хорошо спрятались. Великаны махнули рукой и уехали, а мы все еще боялись выглянуть и просидели в черепе до полудня. В полдень к месту, где лежал череп, какой-то пастух пригнал свое стадо. Посидел он около черепа, прикрываясь им от солнца, а когда жара спала, он встал, осмотрел череп со всех сторон и со словами: «Какая хорошая кость, возьму-ка ее и повешу перед своим шалашом»— поднял его и понес одной рукой, как небольшой камушек. До самого вечера пастух таскал череп, а потом — надоел он ему что ли — только он взял да и швырнул его.

Череп попал на камень и разбился на мелкие осколки, при этом шестеро моих братьев убились до смерти, а я хотя и жив остался, но зато не знаю с тех пор, когда день, когда ночь.

После этих слов слепой богатырь опустил нашего богатыря на землю. Поблагодарил Говда слепого великана и поскакал домой шибче, чем олень бегает от волков. И рад был, что жив остался, а силою своею уж больше не хвастался.

КОЛДУНЬИ-ВЕЛИКАНШИ

Поколений семь тому назад жили три брата-охотника. Отправились они однажды в лес поохотиться на зверей. Проходили они по лесу целый день и, уж должно быть их счастье такое было, ничего не нашли. Наконец к вечеру бог сжалился над ними и послал им козу. Старший брат прицелился и выстрелил — коза только подпрыгнула на месте и тут же упала, раненная прямо в сердце. Подняли братья свою добычу и весело пошли себе домой. Шли-шли они, уже и солнце закатилось и луна появилась на небе, а дороги все нет, как нет, только лес становится все гуще. Догадались братья, что над ними алмас * издевается, и стали думать, что же им делать теперь? В это время один из них заметил вдали пещеру, братья обрадовались и направились к ней в надежде спокойно переночевать.

Подходят они к пещере, а навстречу им — три страшные одноглазые женщины-великанши. Братья остановились, не зная, что им делать. А великанши подошли к ним и сказали так:

— Вы не бойтесь нас. Пещера эта — наше жилище. Будьте нашими гостями.

Охотники успокоились и вслед за женщинами вошли в их пещеру, а когда вошли, то старший из них взял убитую им козу и предложил ее женщинам со словами:

— Вот бог послал нам добычу, возьмите ее и приготовьте на ужин.

— Ой! — воскликнула старшая женщина — мать остальных двух.— Зачем нам ваш козел? Разве мы не найдем, чем поужинать?

Сказав так, она обратилась к своим дочерям и велела им принести из лесу какого-нибудь зверя. Дочери вышли из пещеры и через некоторое время вернулись, та-

ща за собой серну. Серну зарезали и начали готовить ужин, а когда он был приготовлен, сестры пригласили своих гостей утолить голод. Но при этом сказали, чтобы костей серны они не разбрасывали, а складывали в одну кучу. Братья подумали: «Тут что-нибудь неладно»,— и когда ужинали, то один из них незаметно для женщин спрятал за пазуху одну лопатку серны.

После ужина женщины стали собирать кости и видят: одной лопатки недостает. Не сказав братьям ни слова, они взяли кусок дерева, сделали из него другую лопатку. Затем кости серны и с ними деревянную лопатку вложили в шкуру и крикнули: «Серна! Вернись в лес!» Серна ожила и, выскочив из пещеры, скрылась в лесу.

После этого женщины-колдуньи вызвали своих гостей на площадку перед пещерой и принялись плясать при луне. И так плясали, что братья дрожали как в лихорадке, страшно было им смотреть, как одноглазые кружились с поднятыми вверх руками и с закинутыми на спину грудями, хохотали и хлопали в ладоши. Наплясались колдуньи и тут же упали и заснули. Братья же спать не могли и просидели без сна вплоть до утра.

Утром они поблагодарили страшных женщин за ночлег и отправились опять на охоту. Когда они уже выходили из лесу, наскочила на них серна. Средний брат прицелился из своего ружья, раздалось «тау!»—и серна упала, убитая наповал. Теперь братья уже не мешкали: подняв свою добычу, они отправились с ней домой, а пришедши, приказали своим женщинам приготовить ее на ужин. Между тем в ауле услышали о прибытии охотников и начали собираться в их дом, чтобы узнать, как шла охота, и обо всем другом. Один по одному сошлись родственники и все хорошие знакомые братьев и стали по обычаю ужинать с ними. Вдруг один из гостей вытаскивает из мяса серны деревянную лопатку и показывает ее собравшимся. Тут только братья догадались, какая серна попалась им сегодня на выстрел, и рассказали обо всем случившемся своим гостям.

ХРАБРЫЙ СЫН

Однажды сын просил у отца:

— Что за башни виднеются в горах?

— В них живут нарты,—ответил отец,—семь братьев.

— А что если я посостязаюсь с ними,— сказал сын, взял свой меч и пошел к ним.

Когда он приблизился к башням, мать нартов сказала своим сыновьям:

— Какой-то человек идет сюда, похоже, что он — сильный человек. Что нам делать с ним? Давайте на него напустим наших собак. Если этот молодец слабый, собаки разорвут его, если же он храбрец, то ничего они с ним не сделают.

Нарты напустили на молодца собак. Храбрый молодец перебил мечом всех псов и направился к крепостной башне.

Нарты испугались и решили, что надо с ним побрататься и жить вместе. Они вышли к нему навстречу с приветствием:

— У кого нет брата, тому нашелся брат!

Сказав это, нарты обняли его, завели к себе и отдали за него свою сестру.

После нескольких лет совместной жизни храбрый молодец сказал:

— Много времени прошло, как я видел своих родителей. Соскучился я по ним. Если бы вы не обиделись, я поехал бы домой навестить родителей.

— Ладно, в таком случае — езжай,— сказали ему. Нарты снарядили свою сестру — жену отъезжающего, посадили в арбу и проводили их, сказав на прощание:

— По дороге, где будете ехать, у узкого брода на вас наведут зеркало. Но вы не бойтесь. Погоните быков, чтоб они пробежали то место. Если же растеряетесь и испугаетесь, то полетите в подземный мир.

Когда подъехали к тому месту, на них навели зеркало. Быки пустились вскачь и полетели в пропасть вместе с женой молодца, который еле-еле спасся, ухватившись за край обрыва.

— Что же теперь делать? — стал он думать, оглядел ся вокруг и нашел какой-то шалаш. Вскоре туда же вошли три человека.

— Здравствуй! — обняли они храброго молодца и сказали:—Ты брат тому, кто без брата.

— Здравствуйте, здравствуйте! — ответил храбрый молодец и обнялся с пришедшими. Полюбили они друг друга, побратались и зажили вместе, скитаясь по свету.

Однажды храбрый молодец встретил красивую де-

вушку, но она скрылась от него под землю. Придя домой, он рассказал об этом своим товарищам.

— Эту девушку мы давно видели,— сказали они.— Она живет в подземном мире.

— А нельзя ли попасть туда? — спросил храбрый молодец.

— Легко сказать — спуститься под землю! — ответили товарищи.— Всех, кто спускается туда, там жгут.

— Что бы ни случилось со мной — спущусь,— решил храбрый молодец.

— Ну если так, то пойдем вместе.

Когда прибыли на место, товарищи сказали:

— Ты — гость наш. Нехорошо в опасное место пускать тебя первым. Сперва мы спустимся.

Вот один из них обвязал себя веревкой и говорит:

— Я спущусь первым, но когда я закричу: «Горю, горю!» — подымайте меня.

Спустился он под землю, а через некоторое время послышался крик: «Горю! Горю!»

Товарищи вытащили его.

После него спустился второй, но тоже вскоре закричал: «Горю!» Вытащили и его.

Третьим спустился храбрый молодец, но предупредил их:

— Когда крикну, что горю не подымайте меня, а, наоборот, опустите вниз.

Через некоторое время они услышали его крик и быстро опустили. С шумом и треском он упал в подземный мир. Вскочил молодец, оглянулся и видит: стоят вокруг золотые здания, столы, накрытые разнообразными яствами и напитками, а за ними — сидят три прекрасные девушки. Две из них подошли к храбрецу и обняли его со словами:

— Нашелся брат тому, кто без брата! Здравствуй!

При этих словах одна из подошедших красавиц смутилась, покраснела и отвернулась.

После того, как храбрый молодец спросил их о здоровье и самочувствии, предложил им:

— Давайте подымемся наверх.

— Если мы подымемся первыми,—сказали девушки,— то твои товарищи изменят тебе и оставят внизу, чтобы завладеть нами. Поэтому подымайся первым ты.

— Нет,— сказал храбрый молодец,— я хорошо знаю

своих товарищей и не подымусь первым, оставив вас внизу.

Сказав это, храбрый молодец отправил их вверх поодиночке. А когда сам стал подыматься, товарищи его, прельщенные красотою девушек, взяли и обрезали веревку. Падая вниз, храбрец так ударился о землю, что весь подземный мир дрогнул. Он мигом вскочил, оглянулся и увидел, что на этот раз упал еще глубже, в третий подземный мир.

«Что же мне делать?» — подумал он, стал оглядываться и увидел какое-то село. Вскоре он встретил женщину.

— Скажи, пожалуйста,— обратился храбрец,— как тут живут?

— Ой, молодец, дела у нас в селе нехорошие: появился дракон. Он закрыл воду и губит нас жаждой.

— Не горюй, старуха, я справлюсь с ним,— сказал храбрый молодец и отправился к дракону.

А дракон тем временем лежал и скрипел зубами, а изо рта так и сыпались искры. Как только он заметил храбреца, так свистнул, словно небо и землю хотел взорвать, и, выбрасывая длинный язык, кинулся на молодца. А тот взмахнул мечом и отсек ему язык. Ошеломленный дракон встал на хвост и снова набросился на храбреца.

— Или умру, или останусь! — крикнул храбрец и стал наносить ему мечом удар за ударом, пока не рассек на девять частей.

После этого храбрец сказал старухе, что она может жить спокойно. Понравился молодец ей — она усыновила его и увела к себе.

Много ли мало прошло времени, но храбрый молодец стал все чаще вспоминать своих родителей и заскучал. Однажды он обратился к старушке с просьбой:

— Я очень соскучился по своим родителям и хочу поехать к ним. Объясни мне, как найти дорогу к выходу.

— Кому, как не тебе, объяснить. Я прямо-таки не знаю, чем тебе угодить. Вон там (она указала рукой) подымается одна дорога. На той дороге увидишь трех племенных баранов: один — черный, другой — белый, третий — серый. Если твоя рука коснется белого, он понесет тебя вверх, а если рука твоя коснется других, то ты полетишь в нижний мир.

Храбрец так и поступил, как посоветовала старуха,— он коснулся белого барана и был поднят наверх.

Только хотел он идти, как увидел человека, бегущего за зайцем. Заяц бежал навстречу храбрецу, и тот сильно ударил его ногой.

— Зачем ты ударил этого зайца? — заплакал гнавшийся за ним человек.

— Я сделал это для тебя. Ведь ты же гнался за ним? Почему же ты плачешь?

— Давным-давно ищу я своего пропавшего сына. Один человек сказал мне: «Ты найдешь сына, когда поймаешь зайца». Разве ты не видел, как я гнался за зайцем? Вот-вот поймал бы и нашел бы своего сына. Но ты лишил меня радости встречи с ним,— сказал человек и снова заплакал.

— Я и есть твой сын! Ты нашел его! — и храбрец обнял своего отца. Радуясь, они пошли домой.

В тот час, когда они прибыли домой, товарищи храбреца, присвоившие себе трех красавиц, справляли большую свадьбу. Увидел это храбрый молодец и рассказал народу, как они с ним поступили. Узнал об этом старшина села и изгнал предателей.

После этого храбрый молодец женился на той из сестер, которую полюбил.

Находчивый храбрец, встречаясь с трудностями, не теряется. Он и огонь и воду пройдет. Храброго народ не забывает.

Умный отец рассказывает сыну о честных и смелых. Того же, кто изменил другу, проклинает.

О ХАСАНЕ И АХМЕДЕ

I.

В старое время в одном селе жил князь, прославившийся своим богатством и силой. И так как он был суровый и беспощадный, народ прозвал его Черным князем.

В соседнем селе жили два близнеца-сироты. Одного звали Хасан, другого Ахмед. Им было чуть больше шести лет. Черный князь решил усыновить этих двух мальчиков. Он сам поехал за ними и привез их к себе. В Хасане Черный князь обнаружил и ум и красоту. Ахмед не был таким, как Хасан, но все же и он отличался умом и кра-

сотой. Когда мальчикам исполнилось по десять лет, они вошли в силу и еще больше похорошели.

С Хасаном Черный князь обращался хорошо. Выезжая куда-нибудь из дому, он не давал ему ни наставлений, ни советов, говоря, что мальчик и сам знает, что делать. Ахмеду же давал наставления, а порой и покрикивал на него.

Однажды Черный князь был приглашен на пир другим князем из соседнего аула. Перед тем как отлучиться, он вызвал Ахмеда и сказал ему:

— Ахмед, я выезжаю. Смотри за порядком, чтобы скот был цел, сыт и чист. Держи двор чистым. Но смотри: не отмыкай замок передней комнаты и дверь даже не приоткрывай. Смотри же!

Что касается Хасана, то я ничего не скажу ему: он и без этого знает, что ему делать.

Закончив наставления, Черный князь поехал на пир и стал веселиться с князьями и княгинями.

Ахмед все исполнил, что было сказано князем, кроме одного: он отомкнул замок передней комнаты и открыл дверь. Оттуда хлынуло ослепляющее сияние и осветило весь мир. Ахмед увидел серебряный отблеск прекрасной царевны. Ее образ и красота взволновали его. Он удивился и испугался, но быстро пришел в себя и сейчас же замкнул дверь.

Черный князь недолго побыл на пиру и поспешно вернулся домой.

Хотя Ахмед успел закрыть дверь, князь все же узнал, что он открывал ее, так как серебристое сияние еще не рассеялось.

Черный князь немедленно наказал Ахмеда, бросив его в колодец в своем саду. Никто, даже Хасан, не знал, куда делся его брат.

— Дядя, куда делся Ахмед? — спросил Хасан у князя.

— Не знаю! — коротко ответил князь.

Прошло два-три дня, а Хасан все еще не знал, куда девался его брат.

Думая о нем, Хасан гулял по саду. Проходя мимо колодца, он вдруг услышал стон. Хасан подошел ближе к колодцу, заглянул вниз и увидел плачущего брата — голодного, замерзшего, истощенного...

— Ахмед! — крикнул Хасан.— Как ты попал в колодец? Что это значит?

Ахмед ответил:

— Я не сам сюда попал, Хасан. Князь бросил меня в колодец! Уходи отсюда, а то он и тебя загубит!

— Нет. Я принесу веревку.

Хасан побежал и быстро вернулся с веревкой. Опуская ее в колодец, он сказал:

— Ахмед, вот тебе веревка, быстрей взбирайся вверх!

На это Ахмед ответил:

— Хасан, не вытаскивай меня: я боюсь князя. Он убьет нас обоих.

— Если убьет, то пусть убьет обоих, — сказал Хасан,— а не убьет, так оба останемся в живых... Взбирайся же!

Когда Ахмед выбрался из колодца, Хасан спрятал его в саду, чтобы никто не нашел.

Оставив Ахмеда в надежном месте, Хасан ушел, но каждый день навещал брата, приносил ему еду и питье.

II.

По окраине аула протекала красивая река. Женщины и девушки брали там воду. Здесь же, на берегу, собирались молодые люди. А такие ребята, как Хасан и постарше, пригоняли скот на водопой.

Как-то Хасан приехал сюда на своем жеребце. Все обратили на него внимание. Возвращаясь, Хасан слышал, как о нем говорят и хвалят его.

Проезжая мимо девушек, шедших с наполненными кувшинами, он поздоровался с ними, и они, увлеченные разговором о нем, ответили ему приветливым взглядом.

Одна из них сказала:

— Был ли когда-нибудь на свете такой красавец и умник, как Хасан? Какой он вежливый! Отсюда на расстоянии двенадцати лет пути есть, говорят, царевна, одна из красивейших в мире. Если б он услышал о ней, то, наверно, поехал бы за нею...

Все это Хасан слышал и решил во что бы то ни стало поехать к той царевне со своим братом Ахмедом.

По дороге Хасан встретился с Черным князем, который спросил:

— О чем ты думаешь? Почему лицо твое так печально?

Хасан ему ответил:

— Я думаю о том, что слышал у речки, куда я водил жеребца на водопой. У меня крепкое желание поехать далеко-далеко.

— Это, наверно, к царевне? Вряд ли, Хасан, сможешь ты доехать туда. К ней стремились и князья и прочие знатные люди, даже цари пытались, но никто из них не сумел ее увидеть. Никому, кроме меня и моего приятеля-князя не удалось снять с нее изображение и отлить его из серебра. А мой приятель-князь живет отсюда за десять-одиннадцать лет пути.

В первой комнате нашего дома хранится изображение царевны. Если же ты решил найти живую царевну, то я помогу снарядить тебя в дорогу. Приготовим еду на одиннадцать лет и одежду припасем. Есть два коня, так что собирайся в путь.

Хасан поспешно собрался и Ахмеду сообщил, что им предстоит далекий путь.

И вот Хасан взял еды на одиннадцать лет, одежду и выехал с братом в далекий путь.

III.

Прошло ровно одиннадцать лет, они все еще были в пути. Давно кончилась еда, одежда износилась. Погибли и кони их, не доехав до цели. Братья шли пешком и подходили к какому-то городу. Издали они увидели высокий дом. Перед этим домом был мост, к которому они и подошли. Так как братья были очень оборваны, то постеснялись войти в этот дом и спустились под мост.

В высоком доме жил князь, который видел, как какие-то два человека спустились под мост. Он вызвал своего слугу и послал его узнать, что это за люди, и привести их к нему.

Слуга пошел и сказал Хасану и Ахмеду:

— Меня прислал мой властелин, здешний князь, чтобы узнать, кто вы такие, и привести вас к нему.

На это братья ответили:

— Как мы пойдем к твоему владельцу? Нам стыдно показаться в таком виде — видишь: мы оборваны. Передай своему князю, что мы ехали и пешком шли одиннадцать лет. Скажи, что мы — сыновья Черного князя.

Слуга ушел обратно и передал сказанное братьями.

Князь послал им одежду и велел явиться к нему. Когда Хасан и Ахмед вошли, князь усадил их. Все, увидавшие Хасана, удивились его красоте.

Хасан рассказал князю о том, зачем и куда они идут. Князь повторил им сказанное Черным князем и показал братьям чудесное изображение царевны. Изумились они, увидев ее.

Наговорившись, братья снова пустились в путь, чтобы скорей найти царевну.

Приятель Черного князя дал братьям на дорогу еду, питье, одежду и коней, вышел их провожать и сказал на прощание:

— Отец той красавицы, к которой вы идете, хочет выдать ее замуж за одного царевича.

Сказав это, князь вернулся к себе, а братья тронулись в путь.

IV.

Когда Хасан и Ахмед въехали в город, где жила царевна, они пришли к мастеру золотых дел, отдали ему своих коней и заказали у него золотого оленя, в котором можно было бы уместиться человеку с барабаном и гармошкой. Олень должен был двигаться на колесах, да так, чтобы их не было заметно со стороны.

Купил Хасан хорошую гармошку и барабан и с этими покупками забрался во внутрь оленя. Ахмед держал оленя за повод, и они пошли по двору. Хасан начал играть, и проходившие мимо люди с удивлением смотрели на оленя, от которого разносилась музыка. Много народа собралось посмотреть на него.

Перед тем, как забраться во внутрь оленя, Хасан сказал Ахмеду:

— Когда царевна увидит золотого оленя, она велит привести его к себе. Ее придворные позовут тебя. После их двукратной просьбы привести оленя ты ответь: «Спешу я!» — и не отдавай его. Если же попросят в третий раз, то отдай его, но скажи: «Я очень спешу, прошу не задерживать и поскорей вернуть оленя». Сказав так, ты как ни в чем не бывало, отойди и жди. Царевну я посажу в оленя, которого вернут тебе обратно, сам же я останусь в доме. А ты, как только получишь оленя, не ожидай меня, уезжай. Я догоню вас.

И вот Ахмед повел оленя по той улице, где жила царевна. А Хасан, сидя внутри оленя, играл. Люди удивлялись этому чуду. Ахмед, ведя золотого оленя, за которым шла толпа людей, подошел к воротам дворца царевны.

Царевна подошла к окну, выглянула, увидела оленя и юношу. И услышала прекрасную музыку. Прислушалась царевна и задумалась. А рядом в комнате веселились приехавшие сватать ее. Царевна сказала придворному, который дежурил у двери:

— У ворот стоит олень на поводу у мальчика. Приведи этого оленя.

Придворный вместе с другими пошел за оленем и стал просить Ахмеда показать царевне оленя. Ахмед сказал, что спешит, и не дал оленя. Стал просить вторично. Ахмед и на этот раз не дал. Когда в третий раз попросил, ответил:

— Так как оленя просит царевна, я даю, чтобы показать ей, но прошу вас: я очень спешу, не задерживайте, приведите обратно оленя.

Сказав так, Ахмед присел у стены дворца и стал ждать.

V.

Когда привели золотого оленя к царевне, девушка засмотрелась на него и не могла оторвать глаз. Подошла к оленю, а у него на лбу какая-то пуговица. Царевна нажала пальцем на эту пуговицу — и послышалась красивая музыка. Она очень успокаивала сердце девушки, и она задремала. Улучив момент, Хасан осторожно вышел из оленя и, слегка тронув девушку, спрятался. Царевна проснулась, схватила оружие и крикнула:

— Кто осмелился войти сюда? — но никто не отозвался.

Хасан начал играть еще лучше. Царевна опять задремала. Хасан вновь вышел из оленя, тронул царевну и снова спрятался. Девушка проснулась, вскочила и схватила оружие. Но опять никого не оказалось. Хасан снова заиграл, и она тут же уснула. Хасан вновь хотел ее разбудить, но не успел он войти внутрь оленя, как царевна настигла его. Хасан обернулся. Царевна была поражена красотой молодого человека.

— Не ты ли тот Хасан, о котором я так много слыхала? — спросила она.

— Я и есть тот Хасан, о котором ты слышала. Сбылась моя давнишняя мечта: увидел тебя. Теперь мне и умереть не жалко. Много лет путешествовал я и, наконец, нашел, к чему стремился. Теперь, если хочешь, можешь убить меня.

У царевны навернулись на глаза слезы. Она обняла Хасана и заплакала. Хасан поцеловал ее.

— Мой дорогой Хасан, я согласна выйти за тебя замуж. Но как ты отсюда вывезешь меня? Стража стоит, и сватать меня приехали.

— Дай мне свое платье,— сказал Хасан,— а себе возьми мое и оденься в него. Потом залезь внутрь этого оленя, а я немного погодя выйду и подойду к тебе.

— Хорошо, — сказала царевна, — только не задерживайся.

Царевна быстро надела на себя одежду и забралась внутрь оленя. А Хасан, нарядившись в платье царевны, приказал придворному:

— Отведи золотого оленя и отдай владельцу, а когда вернешься, скажи сватам, приехавшим за мной, что я — готова.

VI.

Переодетый Хасан и сваты поехали к жениху. «Царевна» сидела с сестрой царевича. Больше никого не было с ними, кроме возницы.

Вот «невеста» и говорит:

— Ой, как мне грустно, как тяжело расставаться с родными местами... Я хочу ехать не спеша. Не смотрите на меня. Вы все езжайте. Наш экипаж нагонит вас.

Хасан отправил всех вперед и обратился к сестре царевича, за которого просватали красавицу-царевну:

— Ты, прелестная девушка, последний раз глядишь на этот край. Теперь мы едем в дальний путь. Не удивляйся и не сердись: я — не царевна, как вы все думаете, и везу тебя своему брату Ахмеду. Стало быть, сейчас ты — моя невестка. А ты, — обратился Хасан к вознице,— либо с нами поезжай, либо слезай и иди, куда желаешь, но если сделаешь донос, то будешь убит.

— Я желаю здесь остаться,— сказал возница, — но я — не доносчик. Прощайте! — сказав это, он слез, а Хасан с девушкой уехали.

Прекрасная девушка, которую вез Хасан, то краснея, то бледнея, со сверкающими глазами сказала ему:

— Прости меня за откровенность: смотрю на тебя и думаю — не Хасан ли ты, который признан самым красивым юношей во всем мире... Ты красивее царевны. Я рада, что буду женой твоего брата.

В это время Хасан догнал Ахмеда и передал ему девушку.

Ахмед и эта девушка очень понравились друг другу.

Царевна вышла из оленя и села рядом с невестой Ахмеда. Уложив золотого оленя в экипаж, Ахмед пустил коня вскачь.

Проделав годовой путь за полгода, они прибыли к приятелю Черного князя. Князь поразился, когда увидел двух братьев, Хасана и Ахмеда, да еще с такими невестами.

«Не во сне ли я это вижу?» — думал он.

Князь сделал им богатые подарки. Дал на дорогу все необходимое и проводил с почетом.

VII.

Одиннадцатилетний путь они проделали за пять лет и прибыли домой.

Прошло восемнадцать лет, как Хасан и Ахмед ушли отсюда. Им уже исполнилось по двадцать восемь лет каждому, а женам их — обеим царевнам — по двадцать лет.

Черный князь решил, что царевны привезены для него. А когда узнал, что это невесты его сыновей, то очень рассердился на Хасана, не говоря уже об Ахмеде. Он поклялся убить их обоих, а невест оставить себе.

Жена Ахмеда заподозрила что-то нехорошее и о своих подозрениях сказала мужу:

— Мы четверо оказываем князю большое уважение и честь, он же с нами зол и суров. Кроме того, к чему-то готовит оружие. Может быть, против тебя и Хасана? Будьте с ним осторожны, иначе он погубит наше счастье.

После этого Ахмед с женой, ничего не говоря Хасану и его жене, начали охранять их и следить за Черным князем.

Как-то вечером Черный князь подкрался с обнажен-

ной шашкой к Хасану и только хотел нанести ему удар, как Ахмед, карауливший князя, отсек ему голову. Ахмед с женой в ту же ночь тайно похоронили князя.

Прошло три дня, и спросил Хасан Ахмеда:

— Что-то не видно князя? Куда он делся?

— Да, не видно, — ответил Ахмед, но не стал ничего рассказывать. Хасан так и не узнал о судьбе Черного князя. Обе семьи жили спокойно и в полном согласии.

ЗАВИСТЬ

В старину жили в соседстве два князя и мулла. Каждый из них старался стать богаче другого. Мулла был бездетным, а князья имели детей. Один из князей имел трех красивых дочерей. Второй князь хотел жениться на одной из его дочерей, которая окажется в работе умнее и способнее всех. С этой целью он пригласил их к себе и задал каждой в отдельности вопрос:

— Чем можешь отличиться? В чем твоя способность?

Старшая дочь ответила:

— Из одной четверти сафьяна я могу сделать чувяки и пуговицы на шестьдесят три человека.

Вторая дочь ответила:

— Из одного блюда муки я могу выпечь столько хлеба, что хватит на шестьдесят три человека.

Самая младшая дочь ответила:

— Я могу родить мужу своему золотого сына или дочь.

Тогда князь женился на младшей дочери, а две другие сестры стали его свояченицами.

Прошло некоторое время. Младшая должна была скоро родить.

Две старшие сестры знали, что их младшая сестра родит золотого сына или дочь, а поэтому старались развести князя с нею.

«Тогда,— думали они,— он женится на одной из нас».

Из-за этого они часто ссорились между собой.

Однажды, когда князь был в отъезде, жена его родила золотого сына и дочь. Две ее старшие сестры скрыли новорожденных и пошли к мулле. По его совету они спрятали младенцев в сундук и бросили его в реку, а взамен их положили двух маленьких щенят.

Когда князь вернулся домой, две старшие сестры сказали ему:

— Твоя жена родила двух щенят и опозорила тебя.

Рассердившийся князь избил свою жену, в чем помогали старшие сестры, и выгнал ее из дома со словами:

— Больше никогда не показывайся нам на глаза!

После этого князь женился на двух старших сестрах, а младшая сестра ходила по чужим дворам, и никто не пускал ее к себе.

Как-то бедные супруги мололи на мельнице кукурузу. Вдруг мельница остановилась.

«Почему мельница остановилась?» — подумали бедные старики. Они вышли и увидели сундук, застрявший в колесе.

В сундуке они нашли золотого мальчика и девочку, которые смеялись и сияли, словно солнце.

— Мы бездетные, оставим этих двух детей себе,— сказали они и понесли их домой.

Золотые дети выросли, стали большими. Как-то случилось, что старики рассказали им о том, как они нашли их.

— Тогда мы жить с вами не будем, — сказали брат и сестра.

Они перешли на землю князя, устроили себе шалаш на лесной поляне и поселились в нем. Золотой мальчик ходил в лес, бил диких баранов, а золотая девочка оставалась в шалаше и готовила пищу. Так и жили они вдвоем.

Однажды князь, отец этих детей, поехал осматривать свои земли. В лесу он заметил шалаш, вошел в него и увидел золотого мальчика и золотую девочку.

Долго смотрел князь на них молча, очень удивился и вернулся домой.

Дома он сказал своим двум женам:

— Удивительное дело! Видел я золотого мальчика и золотую девочку, они живут на лесной поляне.

— Какой ты глупый! — сказали его жены. — Почему ты это принимаешь за правду? Это шайтан тебя обманывает. Откуда могут быть там золотой мальчик и девочка?

Сказав так, сестры забеспокоились:

— Наше преступление скоро откроется, пойдем скорей к мулле, надо посоветоваться с ним.

Пришли они к мулле и сказали ему:

— Тот золотой мальчик и золотая девочка, которых мы выбросили по твоему совету, говорят, живут у нас в лесу, на поляне. Может раскрыться, что мы их подменили. Что бы такое сделать, чтобы их уничтожить?..

— Хорошо, — отвечает мулла, — я дам совет, только не выдавайте меня. Золотого мальчика я отправлю в такое место, откуда он не вернется, а за это время погибнет и золотая девочка.

И мулла пошел в лес, на поляну, где жили золотой мальчик с сестрой. В шалаше была одна девочка.

Мулла подошел к ней и сказал:

— Ты живешь как в сказке, ни в чем не нуждаешься. Только не хватает тебе золотого козла, который пасется с отарой где-то за семью горами. Веселил бы он тебя своими танцами, готовил бы тебе обед. Ты бы тогда жила еще лучше.

Сказал это мулла и ушел. Золотая девочка стала сильно грустить, все думала о золотом козле и захотела его иметь.

В это время пришел домой золотой брат.

— Почему ты такая грустная? — спросил он. — Что с тобой случилось?

Сестра ответила:

— Говорят, что где-то за семью горами пасется с барантой золотой козел. Мне очень хочется иметь его. Вот причина моей грусти.

— Если так, то я поеду за ним и без него не вернусь, — сказал золотой мальчик и ушел.

Перешел он через шесть гор и за седьмой горой увидел большую отару без хозяина, а впереди ходил золотой козел.

Долго любовался он золотым козлом и играл с ним, наконец тронулся с ним в обратный путь.

Через некоторое время князь еще раз выехал осматривать свою землю и застал на том же месте золотого мальчика и девочку, а с ними — золотого козла, который забавлял их своими танцами и готовил им разную еду.

Князь долго смотрел на них, удивился и, не сказав им ни слова, вернулся домой. Обо всем виденном он рассказал своим женам.

— Все это тебе только кажется, — ответили жены.— Не может быть такого.

Жены князя опять пошли за советом к мулле и сказали ему:

— Говорят, что золотой мальчик и девочка хорошо живут: имеют золотого козла. Он им готовит еду и забавляет своими танцами.

— Если так, то я пошлю золотого мальчика в такое место, откуда он живым не вернется, а золотая девочка за это время погибнет. Но смотрите — не проговоритесь об этом князю.

И мулла опять пошел на лесную поляну, увидел золотую девочку, которая забавлялась танцами с золотым козлом, и сказал ей:

— Все у тебя хорошо, только недостает одного: где-то за горами есть чудесная яблоня, на которой никогда не переводятся золотые яблоки. Эта яблоня была бы здесь очень к месту.

После этих слов золотая девочка стала грустить и мечтать о чудесной яблоне. В это время вернулся брат.

— Почему ты грустная, что с тобой случилось? — спросил он.

Сестра ответила:

— Говорят, что где-то за горами цветет чудесная яблоня, на которой никогда не переводятся золотые яблоки. Думала я о ней и вот загрустила.

Золотой мальчик сказал своей сестре:

— Эх, сестричка моя! Кто-то рассказывает тебе об этом, чтобы разлучить нас с тобой. Я не уверен, что если пойду за этой яблоней, вернусь живым, но все же пойду, так как тебе хочется иметь ее.

И он пошел. Только успел мальчик пройти одну гору, как перед ним конь.

— Стой, молодец,—сказал конь человеческим голосом. — Я вижу — далеко собрался ты и на трудное дело идешь. Садись на меня — довезу тебя, куда надо, и обратно доставлю.

Золотой мальчик сел на этого коня и выехал в путь-дорогу.

Проехав большое расстояние, конь спросил:

— Мальчик, куда мы с тобой едем и по какому делу?

— За чудесной яблоней, — ответил мальчик.

— Ой-ой! — воскликнул конь. — Многие ездили за ней и не достигли цели — погибли. Чтобы завладеть той яблоней, мы должны вернуться обратно и захватить с

собою шестьдесят три овцы, шестьдесят три курицы и шестьдесят три войлочных ковра.

Они вернулись, взяли все это и снова тронулись в путь-дорогу.

Когда они проехали три горы, конь сказал мальчику:

— Мы скоро с тобою доедем до одной маленькой речки. Когда мы доедем до нее, то ты слезь с меня, похвали речку, выпей из нее воды, поблагодари ее и продолжай свой путь дальше. Если эта речка обидится на нас, то она на обратном пути нашем превратится в море и погубит нас с тобой.

Они доехали до этой речки. Мальчик, как ему советовал конь, спешился, похвалил речку, выпил из нее воды, поблагодарил ее и тронулся дальше.

Спустя некоторое время конь опять сказал:

— Мы с тобою скоро встретим стаю волков. Как только доедем до них, ты отдай им всех овец. Если не сделаем этого, они рассердятся на нас и на обратном пути нападут на нас и погубят.

Они доехали до стаи волков. Золотой мальчик отдал им овец, как посоветовал конь, и поехал дальше.

После этого конь опять заговорил человеческим языком:

— Теперь мы с тобой скоро доедем до спящих кабанов. Ты сейчас же набрось на них войлочные ковры, иначе они рассердятся на нас и на обратном пути погубят нас.

Когда они доехали до спящих кабанов, золотой мальчик накрыл их войлочными коврами, и они поехали дальше.

Через некоторое время конь опять сказал:

— Скоро мы встретим медведей. Как только доедем до них, то брось им всех кур, иначе они рассердятся и на обратном пути погубят нас.

Когда золотой мальчик увидел медведей, бросил им шестьдесят три курицы и поехал дальше.

Спустя некоторое время конь снова заговорил человеческим языком:

— Скоро мы с тобой доедем до чудесной яблони. Там в золотую чашу налита вода, и в ней посажена эта яблоня. Ее стережет ишак, который никогда не ложится спать. Как только мы доедем до чудесной яблони, быстро схвати ее, стегни меня плетью и скачи обратно.

Золотой мальчик доехал до чудесной яблони и, как советовал ему конь, схватил яблоню, ударил плетью коня и поскакал обратно.

Ишак бросился за мальчиком и так закричал, будто небо и землю хотел разорвать. Как только мальчик подъехал к медведям, ишак им крикнул:

— Не пропускайте мальчика, он чудесную яблоню увозит!

Медведи ответили:

— Нет! Мы не тронем его! Этот мальчик сделал нам такое добро, которого ты никогда не делал. Мы лучше будем сидеть и есть своих кур, чем преследовать.

Тогда ишак поднял тревогу среди кабанов, но кабаны ответили:

— Ты от нас не получишь помощи, ибо мы лежали на солнце, которое пекло нас, и нам было тяжело. А этот мальчик накинул на нас войлочные ковры, и теперь мы лежим в тени и благоденствуем. Такого добра ты нам никогда не делал.

Ишак поднял тревогу и среди волков. Волки ответили:

— Мы почти умирали с голоду. Мальчик этот нам дал много овец. Мы не выйдем против него, а, наоборот, если он нуждается в помощи, поможем ему.

Ни от кого не получив помощи, ишак дошел до той маленькой речки и сказал ей:

— Скорей превратись в море и погуби мальчика, который увез чудесную яблоню!

Маленькая речка ответила:

— Я ни за что не погублю его: никто так не хвалил и не благодарил меня, как он. Наоборот, если он нуждается в помощи, то я готова помочь ему.

Так преодолел золотой мальчик все препятствия и невредимым вернулся домой.

Спустя некоторое время после этого князь выехал осматривать свою землю и увидел в лесу на поляне золотую яблоню, а под ней танцующего козла и веселившихся золотого мальчика и девочку.

Князь долго на них смотрел, любовался и, не сказав ни слова, уехал домой. Прибыв домой, князь сказал своим женам:

— Удивительно! Золотой мальчик и девочка сидят

под золотой яблоней и любуются танцами золотого козла.

Жены ему ответили:

— Ты сошел с ума! Тебе все это только кажется. Разве может быть такое?

Жены князя опять пошли к мулле и рассказали ему:

— Говорят, что золотой мальчик и девочка сидят под золотой яблоней и любуются танцами золотого козла.

Мулла им ответил:

— Вы молчите и ждите. Я пошлю его теперь, в последний раз, в такое место, откуда он не вернется живым.

Мулла пошел в лес, к шалашу, и увидел под золотой яблоней золотую девочку, которая любовалась танцами золотого козла.

И сказал мулла девочке:

— Ты живешь лучше всех. Все это ты получила по моему совету. Ты приобрела золотого козла и золотую яблоню. Если же ты женишь своего брата на Малха-Азани, которая живет за девятью горами, то будешь самой счастливой во всем мире.

Услышав такие слова, девочка снова загрустила.

В это время вернулся ее брат и спросил:

— Почему ты грустишь? Чего тебе не хватает?

Сестра ответила:

— Говорят, что за девятью горами живет красавица-девица, по имени Малха-Азани. Если ты не женишься на ней, то я и жить на этом свете не стану.

Брат сказал сестре:

— Кто-то старается разлучить нас и потому учит тебя всему этому. Я-то постараюсь поехать туда, так как ты хочешь этого, но живым оттуда не вернусь,— и пустился он в путь-дорогу.

— Куда мы едем и по какому делу? — спросил конь.

— Мы едем к Малха-Азани, моей будущей жене,— ответил золотой мальчик.

— Трудное дело,— сказал конь,— почти невозможное. Много людей погубила она, превратив в камни всех, кто пытался жениться на ней. Но слушай: когда мы подъедем к этой красавице, ты должен три раза приветствовать ее. Если она не ответит на три приветствия, то мы превратимся в камни. Но чтобы этого не случилось, ты не торопись и приветствия произноси пореже.

Когда подъехали, золотой мальчик произнес приветствие, но ответа не последовало. Он произнес приветствие во второй раз. Опять не было ответа. Мальчик с конем наполовину провалились в землю. Когда мальчик произнес приветствие в третий раз, Малха-Азани ответила приветствием, и конь с золотым мальчиком каким-то чудом немедленно выбрались из земли.

Красавица Малха-Азани никого не принимала к себе и жила одна, ожидая того, за которого она должна выйти замуж. Теперь же она села на круп коня золотого мальчика и поехала к ним.

По дороге Малха-Азани показывала на степь и говорила:

— Видишь камни, похожие на людей? Все это окаменелые люди. Когда-то они пытались жениться на мне, и я превратила их в камни.

— Зачем ты так делала? — спросил золотой мальчик.

— Все тебя ждала...

— Если ты не оживишь их, то я не возьму тебя. Ведь они тоже хотели жить, как мы с тобою хотим.

Малха-Азани вытащила из кармана зеркало и как только направила его на камни, все они превратились в людей. После этого золотой мальчик и Малха-Азани поехали дальше.

Как только они доехали до того места, где стоял шалаш, Малха-Азани вытащила из кармана золотую катушку и развернула на этом месте красивый город.

И стали они счастливо жить в этом городе.

ЭШИРП, СЫН ГАРАПА

Жили-были отец и сын. Они всю жизнь свою пасли телят. Были они бедные. Однажды сыну приснилось, что где-то есть какой-то Эширп, сын Гарапа. Если человек научится говорить на языке, которым владеет Эширп, все желания его исполнятся.

Проснувшись, сын сказал отцу:

— Ну, теперь пойдем домой...

Отец с сыном оставили телят и пошли домой.

На второй день сын сказал отцу:

— Пойди сегодня к нашему славному князю и посватай за меня его дочь.

Отец считал это неосуществимым, но, боясь сына,

пошел. Когда отец дошел до высокого дома князя, обнесенного большой стеной, он не знал, как войти во двор, опечалился и сел на крыльцо.

Князь, который смотрел в окно, увидел мрачного старика и, подумав, что он пришел за милостыней, послал своего слугу привести его в дом, чтобы накормить.

Когда отец вернулся домой, сын спросил у отца:

— Посватал ли ты мне княжескую дочь?

Отец ответил:

— Князь позвал меня к себе, накормил и отпустил меня. Мне было неудобно сватать его дочь.

Сын вторично сказал отцу:

— Пойди и посватай княжескую дочь за меня. Если ты и теперь этого не сделаешь, то я тебя убью.

Отец направился опять к князю, но, подойдя к его дому, побоялся собак и не вошел. Как и в прошлый раз, сел он на крыльцо.

Увидел его князь и опять позвал к себе, накормил, отогнал собак и отпустил домой. Отец пришел домой.

— Что сказал князь? — спросил сын.— Выдаст ли он свою дочь за меня?

Отец ответил:

— Князь зовет меня к себе, кормит и мне неудобно становится говорить с ним о таких вещах... Если я буду сватать его дочь, все равно он ее за тебя не выдаст, да и мне не сдобровать.

Сын рассердился на отца, выругал его и сказал:

— Пойди сейчас же к князю, посватай за меня его дочь. Если ты этого не сделаешь, то клянусь тебе, что я тебя убью.

Побоялся отец сына, пошел к князю сватать его дочь и, боясь войти во двор, остановился у крыльца и сел.

Князь через окно увидел старика и послал человека за ним, накормил его, хотел дать милостыню, но старик не принял.

— Почему не принимаешь милостыню? И почему ты такой печальный? — спросил князь.

Старик ответил:

— Я не знаю, как мне быть. Если я передам тебе поручение сына, то боюсь, что ты убьешь меня. Если не передам, то он убьет меня, — и рассказал князю, что сын прислал его сватать за себя княжескую дочь.

Вскочил князь, топнул ногой и стал в гневе говорить:

— Сам тебя не убью! И сыну не позволю убивать! Я брошу тебя собакам! Пусть они загрызут тебя! — с этими словами князь выбросил его на двор — собакам на съедение.

Собаки окружили старика. Дочь князя увидела это и обратилась к отцу:

— Да не будешь ты несчастлив, мой отец! Нельзя так поступать с человеком. Лучше прикажи выполнить невозможное: скажи, что если сделает то-то, можно будет выдать дочку.

— Ты права,— сказал отец и, прогнав собак, притащил старика в дом и сказал ему: — Я выдам свою дочь за твоего сына, если у него хватит богатства построить семиэтажный дом и обнести этот дом плетнем из золота и меди...

Отец очень обрадовался, ибо ему только и нужно было получить ответ, и направился домой.

— Выдаст ли князь свою дочь? — спросил сын.

— Выдаст,— ответил отец,— если у нас хватит силы выполнить то, что он требует,— и рассказал о требовании князя.

— Хорошо, сказал сын,— я ухожу и не вернусь до тех пор, пока у нас не соберется столько денег, сколько нужно для постройки такого дома, о котором говорит князь. А ты оставайся дома.

Шел он шел и дошел до места, где проживает известный сын Гарапа — Эширп.

— Будешь ли ухаживать за лошадьми, вывозить навоз и жить у меня? — спросил Эширп.

Малый согласился и на три месяца поступил на работу. В этот день Эширп уехал по делам, поручил малому ухаживать за лошадьми и работать.

Засучив штаны до колен, малый горячо работал, ухаживал за лошадьми и убирал навоз.

Дочь Эширпа из окна увидела малого, так горячо работающего у них во дворе. Она вызвала его к себе в комнату и спросила:

— Знаешь ли ты, кто мой отец?

— Нет, — ответил малый,—не знаю, но знаю, что я беден, а он богат, и я пришел работать у него.

— Я тебе расскажу, кто отец,— сказала дочь Эширпа.— Посмотри в эту комнату, ты видишь — колья торчат, девяносто девять штук, и на них надеты головы. А

один кол свободный, вероятно, твоей голове суждено попасть на этот кол. Почему отец мой убивает людей? Все, так же, как и ты сейчас, поступают к нему работать на три месяца. По прошествии трех месяцев отец задает вопрос: «Научился ли ты моему языку?» Тот, считая неудобным сказать, что не научился, отвечает: «Да, я научился». Тогда отец отрубает ему голову и сажает ее на кол. Это он делает потому, что, кроме нас, ни один человек не должен знать его языка, если же еще кто-либо этому языку научится, то или отец должен погибнуть, или тот, кто научился говорить...

Дочь Эширпа взяла малого к себе в услужение, а на его место до возвращения отца наняла другого работника. Живя у нее, малый быстро научился говорить на их языке.

Когда прошло три месяца и Эширп должен был вернуться домой, дочь его сказала малому:

— Завтра приедет отец. Рано утром ты засучи свои штаны и приступай к работе. Отец мой спросит тебя: «Научился ли ты моему языку?» Отвечай: «Нет, не научился. Как же я научусь, когда в день моего поступления на работу ты уехал и приехал лишь сегодня, когда исполнилось только три месяца».

В день возвращения Эширпа малый засучил штаны до колен и с усердием принялся за свою работу.

Приехал Эширп и сейчас же спросил малого:

— Научился ли ты говорить по-моему?

— Нет, не научился,— ответил малый.— Как же я мог научиться, когда в день моего поступления ты уехал и вернулся через три месяца, как раз в день моего увольнения. Я только второй раз вижу тебя...

— Ты прав,— сказал Эширп,— ты не мог научиться моему языку. Многие люди не умели так отвечать, и я их убивал. Ты можешь сегодня получить все, что причитается, и ехать домой...

Эширп отдал все, что должен был, и отпустил малого домой. Приехал он домой и через два дня, ложась спать, сказал своему отцу:

— Смотри, я превращусь в хорошего коня, утром ты меня отведи к кумыкам и продай. Но помни: недоуздок не давай никому, а то я останусь у них. Если же ты вернешься с недоуздком, то следом за тобой вернусь и я.

Утром, как было сказано, малый превратился в коня. Отец, как указал сын, надел недоуздок, отправился к кумыкам и продал коня за шестьдесят туманов, взял недоуздок и вернулся домой. За ним следом пришел домой и малый.

На вторую ночь он сказал отцу:

— Сегодня я лягу спать, а утром превращусь в красивую девушку. Утром возьми меня и продай армянам, но только наброшенный на голову платок не оставляй им, бери с собой — и я вернусь сейчас же. Если же оставишь у них платок, я останусь там.

Наутро отец видит, что действительно сын превратился в красивую девицу. Отец пошел с нею к армянам. Так как девица была очень красива, за нее заплатили триста туманов. Отец получил деньги, взял платок и вернулся домой.

Спустя недолго вернулся и сын.

После всего этого сын стал угрюмым и задумчивым.

— Что случилось с тобой, почему ты такой грустный? — спросил отец.

Сын ответил:

— Теперь, если и в третий раз будет такая же удача, то я убью Эширпа, а если нет — он убьет меня.

Ночью, ложась спать, малый предупредил отца:

— Утром я превращусь в козла. Возьми меня, перевяжи рога, отведи и продай. Первым тебя встретит Эширп. Смотри только — перевязку не отдавай ему, а то он меня убьет и я не смогу домой вернуться. Если же перевязку возьмешь с собой, то я сейчас же приду домой...

Утром видит отец — сын в козла превратился.

Он перевязал ему рога и отправился продавать. На дороге встретился Эширп.

— Продаешь козла? — спросил он сердито.

— Продаю, — ответил отец и продал его за семь рублей. Хотел он развязать веревку, а Эширп не дал. Долго они спорили, но веревка досталась Эширпу, и отец вернулся без веревки.

Эширп запер ворота, положил козла на землю и встал на него, заставляя его жалобно блеять. Потом он сказал своей дочери:

— Принеси кинжал — козла надо зарезать!

— Я не найду его! — ответила дочь.
— Ну тогда неси шашку!
— И шашки не нахожу!..
— Тогда неси какое-нибудь оружие.
— Все оружие спрятано! Ничего не нахожу!..
Тогда отец сказал дочери:
— Иди сюда, подержи козла, я сам поищу.

Дочка пришла и стала держать козла, а сама говорит ему:

— Отец пошел искать оружие, чтобы зарезать тебя.— Когда он будет возвращаться, я тебя освобожу, и ты убегай.

Отец возвратился с кинжалом, а в это время дочь его, будто не удержав, освободила козла, который превратился в лисицу — и давай бежать. Эширп превратился в гончую собаку и помчался за лисицей.

В это время князь, у которого сын бедняка сватал себе дочку, стоял на высоком месте и следил за ними, прося бога пощадить лисицу. Вдруг лисица превратилась в голубя, а гончая — в ястреба. Ястреб взвился вверх и не давал голубю хода. Тогда голубь превратился в яйцо и упал на князя, смотревшего на них. Ястреб превратился в красивого человека, сидящего на стуле с пондаром в руке, пел песни и восхвалял князя, умоляя дать ему яйцо. Князь долго отказывался, но наконец отдал ему яйцо.

Тогда яйцо превратилось в зернышки, которые сразу же рассыпались, а пондарист превратился в курицу с девятью цыплятами и стал быстро собирать зернышки. Одно зернышко попало в обувь князя, и курица не могла его достать. Зернышко это превратилось в дикую кошку и моментально задушило курицу с девятью цыплятами. Под конец кот превратился в сына бедняка и обратился к князю:

— Если хочешь теперь, выдай за меня свою дочь, — и направился домой.

Как только он прибыл к отцу, быстро построил дом лучше княжеского. Вокруг дома сделал забор из золота и меди. Дорогу, идущую от дома князя к его дому, превратил в золотую и по этой дороге послал людей к князю — сватать его дочь за себя. Князь дал согласие.

МАТЬ И ДОЧЬ

Жила в ауле вдова. Жила небогато. У нее была одна дочь. Она была краше солнца. За ней ухаживали три друга: сын муллы, сын купца и сын бедняка.

Как-то раз красавица пошла по воду и вызвала всех троих друзей. Те пришли, и красавица сказала им:

— Вы все трое ухаживаете за мной. Вы все трое любите меня. Не хочется мне обидеть вас, но должна дать вам троим задание, и лишь тот из вас, кто его выполнит, получит право на меня.

— Скорее скажи! Скорее задавай! — сказали все трое.

— Я выйду замуж за того, кто принесет мне самое лучшее сокровище в мире.

— Согласны! — ответили три друга. Они наметили себе города и разъехались в далекие края.

После долгих скитаний сын купца нашел бездонный жемчужный стакан, вода из которого спасает от смерти.

Сын муллы нашел золотую бурку, на которой можно летать куда угодно, в любой край.

Сын бедняка нашел зеркало, за которое отдал два пятака. Продавец этого зеркала не знал, что с его помощью можно видеть все происходящее в мире и даже узнавать мысли человека. А сын бедняка догадался и купил.

Все три друга после долгих скитаний съехались в назначенный город и там встретились. Как-то раз сыну бедняка захотелось увидеть красавицу. Посмотрев в зеркало, он увидел ее умирающей, окруженной отцом, матерью и родственниками. Владелец зеркала рассказал об этом своим друзьям. Они тоже посмотрели в зеркало и убедились, что красавица лежит при смерти. Все трое сели на золотую бурку и прилетели домой. Они пошли к красавице. Владелец жемчужного стакана дал выпить из него красавице, и она выздоровела.

После этого завязался спор. Владелец золотой бурки сказал:

— Не будь моей бурки, мы не поспели бы к ней вовремя и красавица умерла бы.

Владелец жемчужного стакана сказал:

— Не будь моего лекарства, красавица не выздоровела бы.

Владелец зеркала сказал:

— Если бы не было моего зеркала, то ни лекарство, ни золотая бурка не помогли бы.

Мать красавицы после долгого раздумья сказала:

— Владельцу жемчужного стакана следует заплатить за лекарство, владельцу золотой бурки следует заплатить за доставку, а владельцу зеркала принадлежит моя дочь.

Первые двое не согласились, и спор между тремя друзьями продолжался.

Тогда красавица сказала:

— Да, все вы правы: не будь зеркала, вы меня не увидели бы умирающей. Не будь золотой бурки, вы вовремя не прилетели бы. Не будь стакана, я не выздоровела бы... Я вам дам новое задание, и тот, кто первый исполнит, получит право на меня.

— Скажи, что исполнить? — спросили все трое.

И красавица сказала:

— Принесите мне такую вещь, которую можно кушать, но которая, если сварить с медом, не станет слаще и вкуса не потеряет, если сварить с маслом, жиру не примет, и если даже сварить со свининой, то ее может кушать каждый магометанин.

Все трое задумались и начали разгадывать.

Через некоторое время владелец зеркала, сын бедняка, явился к красавице, преподнес яйцо и сказал:

Свари его с медом, оно слаще не станет, свари его с маслом, оно с маслом не соединится, и если даже сваришь со свининой, то выброси скорлупу, и его можно кушать каждому мусульманину...

— Я — твоя! — сказала красавица и обняла молодого человека.

— Ты — мое солнце! Все звезды ради нас светят! Луна на наше счастье блестит. Я ради тебя рожден, ты ради меня рождена! — говорил молодой человек, ведя невесту в свой дом.

С тех пор они живут вместе. Они видят все мысли и знают все тайны своих и чужих сердец в своем волшебном зеркале.

ХОРОШИЙ БРАК

Были у одного отца и матери две дочери. Они славились своей красотой. Как-то раз на рассвете сестры проснулись, услышав нежное щебетание птиц. Красавицы сели у окна и улыбнулись друг другу.

Вдруг они увидели бегущую по улице ведьму и закричали от испуга. Услышав крик, ведьма остановилась, оглянулась и подошла к окну.

— Красавицы! — заговорила ведьма. — Вон бежит дракон! Он преследует меня. Если вы скажете дракону, что не видели меня, то я сделаю вам добро и приду к вам завтра.

Девицы согласились, и ведьма спокойно ушла.

Когда дракон подбежал, красавицы сделали так, как просила их ведьма.

После того, как дракон скрылся, младшая сестра спросила у старшей:

— А что ты попросишь у ведьмы?

Старшая ответила:

— Я попрошу богатого жениха. А ты что попросишь?

— Я попрошу жениха красивого, хорошего и неженатого.

— Давай лучше у матери спросим, — сказала старшая.

Придя к матери, сестры рассказали ей о ведьме и о драконе. Выслушав дочерей, мать сказала:

— У ведьмы не надо просить золота, серебра, табунов лошадей, больших домов.

— А что же просить?

— Сына помещика, сына купца в женихи и красоты не надо просить у ведьмы.

— А что же просить?

— Слушайте меня внимательно. Я — ваша мать, но не знающие нас люди всегда говорят, что я — ваша средняя сестра и даже что я моложе вас. Я так же красива, как вы, так же молода, как вы, оттого, что мой муж, а ваш отец был человеком с чистым сердцем, относился ко мне хорошо. Он любил меня, не только не бил, но и не ругал. Он не только не взял второй жены, но и думать об этом не хотел. И я относилась к нему очень хорошо. Поэтому я осталась такой молодой, не по-

старела душой и телом. Мой вам совет — попросите хороших, добрых мужей...

— А я хочу богатого мужа, чтобы меня не заставляли работать. Вот что для меня самое главное, — сказала старшая сестра и, рассердившись, ушла.

— Будешь каяться, — сказала вслед мать и обратилась к младшей дочери:

— А ты что скажешь?

— Я хочу, мать, красивого, хорошего, молодого, доброго человека, и больше мне ничего не надо.

— А если он бедный? — спросила мать.

— Ведь ты же говорила: не в богатстве счастье, а в человеке.

— Правильно, — сказала мать.

И младшая дочь, по совету матери, решила попросить у ведьмы хорошего доброго мужа.

На рассвете следующего дня обе сестры ждали у окна ведьму. Придя к ним, ведьма спросила:

— Что вы желаете?

Старшая сестра попросила богатого мужа, а младшая — хорошего мужа.

— Ваша просьба будет исполнена,— сказала ведьма и ушла.

Спустя несколько месяцев обе сестры вышли замуж. Старшая — за богатого, а младшая — за бедного, но хорошего человека.

Прошло пятнадцать лет. Старшая сестра ни разу за это время не бывала у матери.

В один прекрасный день младшая сестра пришла повидаться с матерью. Мать и дочь, беседуя о том, о сем, сидели дома и изредка посматривали через окошко во двор. Вдруг мать увидела — во двор зашла какая-то старушка.

— Вот зашла женщина,— сказала мать,— может, она нищая; отнеси ей кусок хлеба.

Выйдя во двор, дочь увидела горбатую женщину, у которой в одной руке — палочка, а в другой — небольшой узелок.

Когда младшая дочь подошла к старухе поближе, то ей показалось, что на нее смотрят чьи-то знакомые глаза.

Долго смотрели они друг на друга, и вдруг младшая дочь, уронив хлеб, отшатнулась и зарыдала.

На крик выбежала мать и узнала в пришелице старшую, так сильно постаревшую дочь.

Когда старушка пришла в себя, она услышала слова матери:

— Дитя мое, взгляни на меня! Если у постороннего спросить, кем я тебе довожусь, то скажут, что ты являешься мне и моей дочери матерью, что я с моими дочерьми родилась в одну и ту же ночь... Нужно знать, что богатство — до приближения бури; что красота — не вечна, а только до вечера; чистое же сердце и любовь — вечность и не знает границ...

Сказав это, она обняла плачущую дочь и сама заплакала.

БАЛО

В свой черед наступило утро, в свой черед пришел вечер. Глубокая ночь наступила за ними. Когда погрузились в сон жители аула, к Бало обратился его младший брат:

— Вставай, брат, и послушай меня: живет тут недалеко князь Кагерман*. Много имеет он в горах баранты. Много табунов лошадей пасется у него в предгорьях. Много народа он в своей власти держит. Собирает с него не водившуюся там дань. Сестер насилует, устрашая братьев. Деверей устрашая, невесток насилует. Притесняет, губит он аул. Мы должны с тобой поехать, ты — старший мой брат! Поехать во дворец князя Кагермана, о Бало! И должны показать мы надменному князю, что в соседстве с ним живут удалые чеченцы. Мы должны наказать его, о брат мой Бало, так, чтобы он никогда народ не обирал. Ты долго странствовал по чужим землям. Ты приехал теперь домой, наш вождь, Бало!

Когда младший брат кончил говорить, быстро вскочил на ноги храбрый Бало.

Снарядили, как невест, они своих коней и, сами вооружившись, черной ночью прискакали ко дворцу Кагермана.

Старший брат остался с конями, младший ловко перепрыгнул через ограду. За оградой он увидел каменный дворец. Цепляясь за камни, он влез на крышу, а оттуда спрыгнул во внутренний двор. Золота набрал, сколько

мог унести, и пришел к Бало тот младший брат. Ловко вспрыгнули братья на гнедых лошадей. Стрелой понеслись братья в свой родной аул, словно со стройной ланью в беге состязались, словно с чернокрылым соколом в быстроте соревновались.

Когда на смену черной ночи наступил светлый день, князь Кагерман собрал своих приближенных и стал говорить им:

— Слушайте внимательно. Ни дверь, ни окна не взломав, унесли у меня столько золота, сколько может унести один человек. Что делать мне — советуюсь я с вами, мои благородные приближенные?..

Тогда позвали его приближенные старую колдунью и привели ее к Кагерману. Он рассказал ей о том, как пропало золото. Тогда стала говорить старая колдунья:

— Слушайте вы меня: принесите мне скорее с базара вату, принесите также масла.

Принесли все просимое и отдали ей.

Она смочила вату маслом, положила посреди комнаты, плотно закупорила двери и окна, подожгла ее. Потом вышла — и остальные за ней вышли из комнаты. Вышла на широкий двор и стала смотреть на крышу той сакли, куда зашел похититель золота. Вскоре из щелей показался дымок. Тогда дряхлая колдунья стала им говорить:

— Послушай меня, ты, князь Кагерман: похитившие твое золото — дружные молодцы, иначе один бы не взял на себя такую тяжесть. Унесено золота меньше оставшегося. Они не утерпят, чтобы за ним не вернуться. Ты должен приготовить им капкан, но не такой, как для волков. Ты должен приготовить им капкан, как для львов, чтобы выстрелил капкан двадцать раз, чтобы наверняка убил их.

Получила подарок за свой совет от князя Кагермана старая колдунья и пошла к себе домой. А князь Кагерман поставил капкан, как для львов, и спокойно лег спать.

Когда наступила ночь, два брата, приехав домой, собрали бедняков и разделили между ними привезенное золото, а потом, коней расседлав, быстро пошли в свой дом и спать легли.

Среди ночи проснулся младший брат, сел у ног своего старшего брата и запел:

Вставайка-ка ты, чеченский вождь.
Мы привезли казну с тобой для бедняков,
Чтобы показать нашу чеченскую удаль,
Теперь мы должны поехать с тобой,
Чтобы для себя богатство привезти!..

Когда пропел это младший брат, вскочил на ноги Бало.

Вооружившись, стали в дорогу собираться. Как молодых невест, легких коней снарядили, ловко вскочили на них и за ворота выехали. Когда выехали, Бало говорит:

— Мы вместе в дорогу пустились и как равные товарищи с взаимного согласия тяготы нести должны.

И приехали два славных тех брата к ограде дворца.

Стал говорить вождь Бало:

— Когда мы в первый раз сюда прибыли, ты выскочил вперед и перепрыгнул через ограду дворца. Теперь очередь за мной ту казну забирать.

— Нет, — ответил младший брат, — слушай внимательно, Бало. Чеченским вождем тебя называя, я гордился, и будет неправильно, старший мой брат, между нами равенство соблюдать. Тебя осудят, если во дворец меня не пустишь. Будет больно и мне, если с лошадьми ты не останешься...

Сказав это своему брату Бало, он поручил ему славных коней.

Чутко прислушивался вождь Бало. Вдруг он услышал громовой удар, дворец сотрясающий, барабанные перепонки оглушающий.

Удар этот смутил Бало. Он быстро прыгнул через ограду и нашел своего младшего брата, крепко схваченного капканами для львов.

Увидев Бало, раненый брат ему сказал:

— Слушай меня внимательно, мой любимый брат: если не снимешь ты круглую мою голову, если на моем теле эту голову оставишь, то не даст тебе жизни князь Кагерман. Ты должен снять мою круглую голову, положить в суму и скорей-скорей домой отвезти. Кроме того, прошу я тебя, мой брат Бало: если будет возмож-

ность, если хватит удачи — отомсти за меня, чтобы быть тебе спокойным.

С тяжелым сердцем из ножен вынул Бало острый кинжал и голову снял любимого брата. Горячая кровь на землю хлынула. Со стесненным сердцем в суму положил голову брата вождь Бало. Домой он поехал, потупившись, суму с головой брата положил на луку.

Своей сестры тонкое платье на себя надев, с длинными краями покрывало на голову накинув и острый кинжал свой в широкий рукав платья запрятав, в грустном раздумье ждал рассвета Бало.

На второй день князь Кагерман спешно собрал молодых приближенных, привели к нему ту дряхлую ведьму, и стал говорить князь Кагерман:

— Старая ведьма, что ты мне говорила? Воры приходившие оказались безголовыми ворами!..

Тогда стала говорить та старая ведьма:

— Слушай хорошенько, князь Кагерман: приходившие к тебе — не безголовые. Приходившие к тебе — дружные братья. Взял эту голову брата его старший брат. А заставил снять свою голову младший, чтобы ты не напал на след. В аул, где Бало живет, пусти ты необъезженного коня, к его хвосту труп привязав. Своего брата труп увидев, он выдаст себя. И поймаешь ты этих воров...

Сказав это, ушла старая колдунья. Быстро нашли тонконогого, необъезженного коня, к его хвосту привязали безголовый труп и пустили коня по улицам аула.

Когда необъезженный конь с привязанным трупом поравнялся с воротами дома, где жил Бало, он его быстро остановил, отвязал и снял труп своего брата.

Одним рукавом слезы на глазах вытирая, в другом рукаве кинжал крепко сжимая, вокруг трупа метался тот вождь Бало.

Рассказали все это князю Кагерману, что сестра, мол, плачет над трупом брата.

Тогда вооружился, говорят, князь Кагерман и, окружив себя приближенными, в аул Бало приехал.

Во дворе, где лежал безголовый труп, князь Кагерман стал говорить:

— Вы, наверно, думали, что золото Кагермана легко можно похищать чеченским удальцам?..

С трудом крепился вождь Бало. Рукавом рот закры-

вая, сдерживал слезы. Затем выхватил острый кинжал и снял голову Кагермана, и она покатилась. Затем стремительно бросился к старой колдунье, снял он кинжалом и ее дряхлую голову.

После этого окреп вождь Бало. Его вождем выбрали того аула жители. И с тех пор не брали с них тяжелой дани. С тех пор не приезжал князь с них дань требовать.

НАУКА ДОРОЖЕ БОГАТСТВА

В старину жил купец со своим единственным сыном. Сын учился в школе. Купец и его жена состарились. Однажды купец сказал своему сыну:

— Слушай, сын, мы с твоей матерью состарились, обессилели и не можем пополнять наше достояние. А если не умножить его, оно быстро истощится. Придется тебе бросить школу и приняться за торговлю. Я хочу послать тебя с купцами, едущими продавать товары.

Сын согласился. И вот отец дал ему тысячу золотых и послал его с караваном купцов.

Долго ехали те и прибыли, наконец, в далекую страну, в большой богатый город.

Как-то раз юноша, бродя по городу, набрел на необыкновенно красивое здание. У ворот сидел старик. Юноша спросил его:

— Что это за здание и что в нем находится?

Сторож сказал:

— Это школа, где учатся дети знатных военных людей.

Тогда юноша спросил у сторожа, не примут ли его в эту школу? И хотя сторож ответил, что не примут, юноша не отставал, просил узнать, и сторожу пришлось пойти и спросить начальника. Когда сторож передал начальнику просьбу юноши, тот велел привести его к себе. Юноша пошел. Начальник подробно расспросил его, кто он такой. И когда получил ответ на все вопросы, а также тысячу золотых, разрешил юноше учиться, и тот остался в школе.

Купцы-попутчики долго искали юношу и, наконец, вынуждены были уехать домой без него. Когда отец и мать юноши узнали, что сын пропал, то с горя заболели.

Через год, успешно окончив школу, юноша приехал домой. Он рассказал матери и отцу о своем поступке. Те

ему простили и через некоторое время дали ему еще тысячу золотых и отправили с другой партией купцов за товарами.

И эта партия приехала в большой город. Оставив молодого человека в одном месте, купцы отправились по городу искать товары. Как только они скрылись из виду, юноша пошел бродить по городу.

И, как в первом городе, он и здесь набрел на красивое здание, красивее прежнего. Юноша спросил у сторожа, сидевшего у ворот:

— Что это за здание?

Сторож ответил, что это школа, в которой учат музыке детей очень знатных родителей.

Юноша спросил:

— А не примут ли меня?

Сторож ответил, что его не примут, но юноша все же пошел к начальнику школы и настойчиво просил его, а также вручил ему тысячу золотых, и начальник принял его.

А купцы, поискав и не найдя его, отправились домой.

Родители юноши сильно горевали. Через год, окончив одним из первых эту школу, юноша вернулся к родителям. Обрадованные возвращением, родители простили его.

Через некоторое время отец призвал сына и сказал:

— Теперь у нас осталась всего-навсего тысяча золотых. Если и их лишимся, то станем нищими. Я посылаю тебя в последний раз, смотри же, займись делом, а не оставайся учиться.

И опять с купцами, которые ехали за товарами, он отправил своего единственного сына, вручив ему последние деньги.

Приехали они в прекрасный город. Купцы, приторговав вначале по очень дешевой цене товар для юноши, оставили его расплачиваться, а сами пошли по своим делам.

Только они скрылись из виду, как юноша, бросив продавца, отправился бродить по городу в сторону, противоположную той, в которую ушли купцы.

И юноша опять набрел на прекрасное здание, гораздо лучше прежних. У сторожа, сидящего у ворот этого здания, юноша спросил, что здесь помещается? Сторож объяснил, что это — школа, где учат играть в шахматы.

Юноша таким же путем, как и раньше, добился, чтобы его приняли. А купцы, не найдя его, поехали домой.

Когда родители юноши узнали, что он опять не приехал, совсем потеряли голову. Теперь у них не было ни сына, ни денег.

А их сын, окончив и эту школу одним из первых, приехал домой через год.

Отец сказал сыну:

— Ну, сын, ты меня не слушал, и три тысячи золотых у нас пропало. Теперь нам здесь, где нас видели богатыми и сильными, оставаться нельзя, мы должны уехать отсюда.

Они продали свой дом соседям, а сами ночью тайком уехали в далекую чужую сторону. Там они наняли недорогую комнату и поселились. Однажды с последними оставшимися у них деньгами отец пошел в лавку. Там жулики вытащили их из его кармана. Старик пришел домой в полном отчаянии.

Он сказал жене и сыну:

— Теперь мы погибли: у меня украли последние деньги.

В этом городе был обычай торговать рабами. Сын сказал отцу:

— Вот что, отец: ты поведи меня на базар, продай там и живите на вырученные деньги, а я все равно вернусь к вам через некоторое время.

Отец набросил на его шею веревку и повел продавать на базар. В то время, когда другие просили за продаваемых ими рабов десять золотых, старик просил за своего сына тридцать.

Какой-то князь, приехавший из далекой страны, купил юношу, заплатив за него тридцать золотых, и вместе с другими рабами отправил к себе домой.

Во дворе у князя была глубокая яма, наподобие колодца, из которого рабы набирали воду. Для того чтобы ее набрать, они спускались в яму с ведром, привешенным на веревке.

Обыкновенно рабы отправлялись по воду по очереди.

Однажды и юноша отправился туда, хотя и не пришла его очередь. Он наполнил водой ведро, и его подняли. Сам же он остался в яме и стал осматриваться — нет ли чего интересного в колодце.

И вот он заметил окно, а посмотрев в него, увидел

шайтана, который сидел, скорчив ноги. Юноша влез через окно в комнату, где сидел шайтан. Там он нашел много золота и драгоценных камней. На стене же висел музыкальный инструмент. Воспользовавшись тем, что шайтан спал, юноша вылез через окно обратно и крикнул вверх:

— Скорей спустите ведро!

Когда спустили ведро, он наполнил его золотом, драгоценными камнями и отправил вверх. Проделав так несколько раз, он переправил вверх много золота, брильянтов и других драгоценных камней.

Князь, который стоял наверху у края ямы, каждый раз, когда поднимали новое ведро с драгоценностями, спрашивал юношу:

— Есть ли там еще?

— Есть, — отвечал юноша и, наконец, крикнул: — Нет больше! Подымите меня!..

Тогда князь стал раздумывать:

«Если я его подниму — станет известно, что это богатство я добыл благодаря рабу, и мне не будет такого почета среди князей. Они станут презирать меня за то, что не сам я добыл добро...»

Князь оставил юношу в колодце, а сам отправился со своими караванами, рабами и имуществом в другую страну, где было его семейство и где он обыкновенно жил.

Юноша долго ждал, чтобы его вытащили и, догадавшись, что его оставили, пошел в ту комнату, где сидел шайтан.

Он взял со стены пондар * и стал играть.

— Что ты за человек, как ты осмелился разбудить меня? — спросил шайтан. — Как хорошо ты играешь!

Слушая музыку, шайтан стал рассказывать:

— У меня был единственный сын, которого царь послал на войну, а жена моя умерла, сам я ослеп и сижу здесь уже много лет, оберегая казну. Не было случая, чтобы соблазнившиеся богатством спускались сюда и оставались живыми: я их убивал.... Но ты пробудил меня от сна. Твоя прекрасная музыка вернула мне зрение... Теперь ты можешь брать сколько угодно богатства и требовать какой тебе нужно помощи.

Юноша ответил:

— Казну, которую ты стерег, я переправил наверх, а князь в благодарность за добро, которое я ему сделал,

оставил меня здесь и уехал. Сейчас я больше всего хотел бы догнать его. Можешь ли ты поднять меня наверх?

Шайтан поднял его на землю и указал путь, по которому мог ехать князь.

Юноша быстро догнал караван и, никому ничего не говоря, скрылся в толпе рабов и стал выполнять свою обычную работу. Другие рабы удивлялись его безропотности. Не менее удивленный князь написал письмо и, передавая юноше, сказал:

— Иди в тот город и там отдай его моей жене, она тебя хорошо одарит — ведь ты мне сделал много хорошего, и я хочу тебя отблагодарить.

Юноша как будто поверил и отправился в путь. В дороге он стал раздумывать:

«Он меня и тогда подвел, оставив в яме; наверно, и теперь затеял против меня что-то нехорошее. Надо посмотреть, что написано в этом письме».

Он распечатал письмо и стал читать: «Моя верная жена! Шлю тебе, во-первых, привет, а, во-вторых, сообщаю тебе, что человека, который передаст тебе письмо, необходимо убить и труп его спрятать. Сама приезжай завтра навстречу мне со слугами и со всем богатством».

«Благодаря хорошей игре на пондаре я спасся от шайтана, даже получил его благодарность. Посмотрим, какую службу сослужит мне грамотность».

Юноша уничтожил это письмо и написал другое таким же почерком:

«Моя горячо любимая жена! Во-первых, шлю тебе поклон, а затем сообщаю, что я послезавтра приезжаю домой. До моего приезда отдай нашу дочь за подателя этого письма!..»

Юноша приехал в город, где жило семейство князя, и отдал это письмо его жене. Получив письмо, княгиня и княжна очень обрадовались.

Юноша был красив собой. В тот же день княжна стала его женой. Через некоторое время после этого он пошел в город, сказав, что скоро вернется.

Он боялся, что князь, приехав домой, узнает, в чем дело, и убьет его, а потому решил бежать. Но прежде чем он выехал за стены города, спустились сумерки и наступила ночь. Он очутился перед дворцом необыкновенной красоты. Вокруг этого дворца и у ворот стояла стража.

— Что это за дворец? — спросил юноша у охранявших здание.

— Это игорный дом для знатных людей... Тут царь играет в шахматы. Царь дал обещание: кто три раза подряд победит его в шахматной игре, тому он передаст государство. Если же возьмется и не победит, то снимет голову.

Испросив у царя через стражу разрешение зайти в игорный дом, он подошел к царю и предложил играть с ним в шахматы с условием, что если победит царь, то он снимет голову с юноши, а если победит юноша, то царь уступит ему свое государство.

Они сели играть.

Вокруг стояли военачальники, чиновники и царедворцы, все в блестящих нарядах, и внимательно следили за игрой.

Три раза юноша выиграл у царя.

Пришлось царю передать свое государство юноше. Об этом было сообщено всему народу.

Как только юноша стал царем, он приказал своему подчиненному:

— Завтра в полдень у городских ворот ты встретишь князя с караваном и рабами, приведи их всех ко мне во дворец...

На другой день перед грозными очами юноши-царя предстал князь со своим караваном, золотом и драгоценностями.

Окруженный главными судьями и царедворцами юноша-царь сказал:

— Собрал я вас за тем, чтобы вы разрешили одну тяжбу...

И он рассказал всю свою жизнь: как попал в рабство к князю, как обогатил его и как тот «отблагодарил» его.

Придворные решили отрубить князю голову.

Тогда юноша сказал:

— Все это уже прошло, теперь он мой тесть, и я просил бы простить его на первый раз, как я прощаю.

Суд внял просьбе царя и простил князя.

Юноша-царь с большим почетом привез своих отца и мать и стал править государством. Отцу он сказал:

— Три тысячи золотых мной были израсходованы впрок. Благодаря трем наукам я трижды спасся от смерти, достиг богатства, славы и царства. Наука доро-

же золота: наука останется всегда при человеке, а золота и богатства можно лишиться. Наука спасет от рабства, обмана и бедности.

И отец, склонив свою седую голову, безмолвно согласился со словами сына.

МАГОМАТ МЕСКИТИНСКИЙ

Магомат Мескитинский и с ним два чеченца поехали в Грузию за добычей. Оттуда они привезли пленником знатного грузинского князя. Этого князя они должны были кормить по очереди до тех пор, пока не объявится желающий взять его за большой выкуп.

Как-то этот князь ночевал у Магомата. В эту ночь, оставив князя дома, Магомат уехал в набег. Ночью князю показалось, что жена Магомата изменяет мужу с пастухом. Князь сказал себе:

«Хотя у Магомата хватило мужества взять меня в плен и увезти из Грузии, однако у него не хватает мужской смекалки проверить поведение своей жены».

Проходили дни за днями, недели за неделями, и, наконец, Магомат приехал домой с дольшой добычей.

После того как он отдохнул с дороги, князь сказал ему:

— Магомат, уже много дней я живу у тебя, и никто обо мне не вспомнил. Отпусти меня домой, и я скоро вернусь с назначенным тобой выкупом. А порукой этому пусть будет мое мужское слово. Если же я не вернусь, у тебя хватит силы снова пленить меня.

Магомат согласился и сказал:

— Если ты сдержишь свое обещание и вернешься в назначенный срок с выкупом, то мы станем кунаками, и я отпущу тебя домой. Если же ты не сдержишь своего слова и останешься дома, то я тебя снова захвачу в плен.

Снарядил Магомат своего коня, посадил на него князя и проводил в дорогу.

Спустя несколько дней после этого друзья Магомата узнали, что князь уехал домой, и спросили его:

— Почему ты отпустил князя домой?

Магомат ответил:

— Князь просил меня отпустить, и я разрешил ему поехать на родину. Я думал, что вы не станете возра-

жать против этого. В назначенный срок он вернется к нам.

Друзья сказали:

— Наверное, ты получил от него деньги и поэтому отпустил домой.

Магомат страшно рассердился и сказал своим товарищам:

— В таком случае мы поедем в Грузию, чтобы снова пленить князя.

Магомат и с ним два товарища собрались ехать в Грузию. Ночью они прибыли к дому князя.

Оставив своих двух товарищей неподалеку от дома князя и пообещав вернуться с пленником, Магомат отправился к князю один.

Никем не замеченный вошел он во двор, подобрался к окну и стал подслушивать.

В эту ночь в доме князя было большое пиршество. Приглашенные князья приветствовали возвращение хозяина. Собравшиеся стали расспрашивать бывшего пленника:

— Что за человек этот Магомат, кто пленил тебя?

На это князь отвечал:

— У себя на родине он известен как доблестный мужчина. Однако он так и не знает, что его жена любит его же пастуха. Вы помните, как я поступил со своей развратной женой: приковал ее к стене и повесил на шею отрубленную голову ее любовника. Не знаю, жива она сейчас или нет.

Притаившийся у окна Магомат, услышав такой разговор, тихонько отошел, вернулся к своим друзьям и сказал им:

— Я был во дворе у князя, и когда стал подслушивать в окна, то услышал в комнате плач и слезы. Я счел неудобным в такую минуту забирать князя и вернулся один. Отправимся домой, а в следующий раз приедем и заберем князя.

Они хлестнули коней и направились домой.

Поздно ночью вернулись они в аул. Товарищи отправились восвояси, а Магомат слез с коня, привязал его за воротами своего дома, а сам подкрался к окну и стал смотреть в щелочку. И что же он увидел? Его жена и пастух обнимались и целовались перед накрытым столом.

«Что же мне делать? — подумал он.— Если я их обоих

убью, то люди будут упрекать меня, говоря: «Магомат убил своего пастуха и жену».

— Нет, я этого не сделаю,— проговорил он и отвязал свою лошадь, сел на нее и проскакал мимо двора, чтобы жена и пастух услышали топот лошади, а потом постучался в ворота.

Жена быстро привела комнату в порядок и вышла к воротам. Магомат въехал во двор, жена помогла ему сойти с лошади, привязала ее к коновязи и вместе с мужем вошла в комнату.

Тогда Магомат сказал жене:

— Разбуди пастуха и скажи ему, чтобы он убрал лошадь.

Жена ответила:

— Смогу ли я его разбудить? Он жаловался, что сегодня много работал, и поэтому рано лег спать.

Магомат сказал:

— Все равно надо разбудить.

Жена пошла и позвала пастуха, заставив его убирать лошадь, сама вошла в комнату и спросила мужа:

— Почему ты так скоро вернулся домой? Привез ли ты такую-нибудь добычу?

Магомат ответил:

— В дороге мне досталась большая добыча и удалось скоро вернуться. Из золота и серебра, которые я привез, хочу часть уделить твоему брату. Иди скорее к нему домой и приведи его сюда.

Отослав свою жену, Магомат вызвал пастуха и послал его за муллой.

Вскоре жена явилась со своим братом, а вслед за ними — пастух с муллой. Тогда Магомат сказал, обратившись к жене:

— Скорее приготовь им кушать!

Жена сделала вид, что приготовила, и подала то, что было раньше приготовлено для себя и пастуха. Мулла и брат жены принялись кушать. По их настоянию сел и Магомат.

Когда кончили кушать, Магомат вызвал пастуха и жену и в присутствии муллы и брата жены сказал:

— Так вот, мулла, если ты или все вы сейчас не сделаете то, что я прикажу, или будете порицать то, что будет сделано по моему желанию,— будете убиты.

После этого, встав перед ними, он сказал:

— В присутствии вас и бога я даю развод моей жене.

После такого обращения ко всем он повернулся к брату жены и сказал:

— Ты должен выдать замуж за этого пастуха свою сестру, а обряд венчания совершит мулла.

Брат согласился.

Мулла совершил обряд бракосочетания, и женщина эта стала женою пастуха. После этого Магомат сказал пастуху и бывшей своей жене:

— Не выезжайте с моего двора, поселитесь в соседнем помещении и жить будете за мой счет.

Пастух с женой поселились по указанию Магомата.

Мулла не выдержал и спросил:

— Скажи, Магомат, чем вызвано то, что ты сделал?

Магомат ответил:

— Больше об этом не стоит говорить. Если я сделал это, значит вынужден был так поступить.

Не затевая больше никаких разговоров, мулла и брат жены ушли домой.

Сильно расстроенный, Магомат лег спать. Через некоторое время он услышал стук.

— Кто стучит? — спросил Магомат.

— Это я,— раздался женский голос.— Если откроешь, я бы вошла.

Когда Магомат открыл дверь, перед ним предстала красавица, подобная солнцу.

— Доброй ночи, Магомат,— сказала она, держа в руке узелок.

— Добро пожаловать! — ответил Магомат и, пригласив гостью в комнату, спросил ее:

— Что тебя привело ко мне?

Девица ответила:

— Я и сама не знаю. Сегодня ночью, придя откуда-то домой, мой отец — мулла — разбудил нас, трех дочерей, и сказал нам:

— Слушайте: есть ли среди вас, трех моих дочерей, хоть одна, которая была бы готова и умереть по первому моему желанию?

Мои две сестры — старшая и средняя — не дали никакого ответа. Я же, чтобы не обидеть отца, ответила:

— Я готова и умереть и броситься с кручи, если это тебе нужно.

— Тогда собери свои вещи и отправляйся к Магомату, чтобы стать его женой,— сказал отец.— Вот почему пришла я к тебе, больше мне ничего неизвестно.

Лицо Магомата просияло. На следующий день он женился на ней, а рано утром нового дня ушел со своими товарищами в Грузию, чтобы вторично пленить князя.

Поздно ночью они уже были у дома князя. Магомат подкрался к окну и стал подслушивать. Убедившись, что князь дома, он постучал в окно и крикнул:

— Князь! Выйди ко мне!

— А-а-а! Это ты? — сказал князь. Какие вы, чеченцы, нетерпеливые! Ты так рано приехал за мной? Ведь я и так бы вернулся в срок с выкупом, который ты назначил...

На это Магомат ответил:

— Я не заслуживаю такого упрека. Мои товарищи заподозрили меня в том, что я получил от тебя выкуп и потому отпустил тебя домой. Из-за этого мне пришлось явиться сюда, оставив товарищей недалеко отсюда.

— Ну что же, пусть будет так,— ответил князь.— Ты войди в дом, здесь будет безопаснее. А я пойду и приведу твоих друзей. Раз уж вы приехали, я дам вам обещанный выкуп...

Усадив Магомата, князь отправился за его двумя друзьями. Затем он обильно их угостил, а утром передал им условленный выкуп.

— Ты оставайся у меня дома,— сказал князь Магомату, — а я с твоими двумя товарищами поеду в набег, чтобы вы вернулись домой с добычей.

Выезжая из дома, князь передал Магомату ключи от комнат.

— Всем этим домом ты волен распоряжаться,— сказал князь. — Не передаю тебе ключа только от одной комнаты, так как у тебя не будет надобности входить туда.

С этими словами князь передал ему все ключи, кроме одного, и уехал.

Вскоре услышал Магомат стон, который доносился из запертой комнаты. Магомат подошел к двери и спросил:

— Кто здесь находится?

— Если бы ты вошел сюда и посмотрел на меня, то узнал бы, кто здесь находится.

Когда Магомат сломал замок и вошел, то увидел

прикованную к стене женщину, у которой на шее висел череп.

— Кто ты такая? — спросил пораженный Магомат.

— Я была женой князя, хозяина этого дома, — ответила женщина. — Узнав, что я нахожусь в любовной связи с одним человеком, череп которого висит на моей шее, он подверг меня этой ужасной пытке.

Магомат немедленно снял женщину со стены, отвел в комнату и уложил в постель. Затем он прислал лекаря.

Вскоре приехал князь и с ним два товарища Магомата с большой добычей.

Узнав, что Магомат освободил его жену, князь сильно разгневался и сказал ему:

— Вы, чеченцы, не можете не злоупотреблять доверием. Ведь я просил тебя не входить в одну из моих комнат. А ты все-таки вошел туда, освободил женщину и сидишь, как будто бы ничего не случилось. Ты бы лучше у себя дома распорядился: возможно, что и у тебя дома также не все благополучно.

Магомат ответил князю:

— Не тебе меня учить — не мужчина ты и не князь. Если бы ты был настоящим мужчиной, то не подверг бы свою жену таким пыткам. Неужели от этого тебе лучше стало? Ты не по-княжески поступил. Ты ведь и мне бросил вызов, сказав, что и в моем доме есть измена. Да, но послушай, как я поступил в этом случае.

И Магомат рассказал князю, что произошло у него в доме.

— Если бы ты был мужчиной, ты бы выдал свою жену за человека, которого она любит, и поселил бы их у себя.

— Пусть будет так,— промолвил князь, ты прав, Магомат. То, что было, прошло, я даю тебе слово распорядиться моею женой так, как ты захочешь.

Когда она совсем поправилась, Магомат собрался домой. Князь выделил им часть добычи и поехал их провожать.

Когда они проезжали границу княжеских владений, Магомат поблагодарил князя и попросил его вернуться домой.

Один из двух товарищей сказал Магомату, что ему очень понравилось ружье, которое висело за плечами у

князя, и что он хочет нагнать князя и отобрать у него это ружье.

На это Магомат ответил:

— Он хорошо нас угостил и хорошо одарил, этого делать не надо.

Но товарищ не послушался и повернул коня.

Тогда Магомат снял с плеча ружье и выстрелил в своего товарища, после чего он с другим товарищем подошел к раненому. Достав из кармана трубку и закурив, Магомат сказал:

— Стоять над ним и ждать, пока он умрет, у нас нет времени. Чтобы он скорее умер и удобнее было навьючить его на лошадь, надо сломать ему спинной хребет.

С этими словами он согнул спину раненого и переломил ему хребет. Быстро умертвив его, они привязали труп к седлу и тронулись в путь.

Князь же, услышав выстрел, вернулся и, нагнав двух товарищей, спросил:

— Кто убил вашего товарища? Кто на вас напал?

На это Магомат ответил:

— На нас никто не нападал. Товарищ убит случайным выстрелом из своего же ружья. Ты поезжай домой, так как в твоей помощи мы не нуждаемся.

— Скажи мне правду, кто убил его? Вы едете от меня, и я не имею права вернуться обратно, не узнав правды.

Убедившись в том, что князь не отстанет, пока не узнает правды, Магомат рассказал ему, что произошло.

— Раз он погиб из-за моего ружья, то я поеду вместе с вами и отдам себя в полное распоряжение его родственников, и пусть они убьют меня в отместку за своего человека.

Никакие уговоры не помогли; князь привязал свое ружье к седлу коня, на котором был труп, и они поехали дальше.

Когда убитого привезли домой — не было предела горю отца, матери и братьев.

Открыли тезет *. Затем начали задавать вопросы Магомату и его товарищу, как и кем убит их сын. Князь заявил, что их сына убил он и что приехал для того, чтобы дать им возможность убить себя в отместку за сына. Вмешался Магомат и сказал, что князь говорит неправ-

ду. Сына их убил он, Магомат, и рассказал о причине убийства.

— Когда ваш сын собрался ехать за князем, чтобы отобрать у него ружье, я его просил не делать этого, так как князь оказал нам большое гостеприимство. Но он не послушал меня и собрался ехать за князем. Тогда выстрелом из ружья я убил его.

Узнав эти подробности убийства, родственники отменили тезет. Отец и мать убитого заявили:

— Во всем случившемся вы не виноваты. Убитого вами сына нашего мы теперь не признаем за своего сына: он должен был во всем слушаться Магомата как старшего.

Убитого похоронили, а князь повесил свое ружье на памятник погребенного.

Магомат вернулся к своей красавице-жене и счастливо стал с нею жить.

Мужество заключается в том, чтобы в своих действиях не горячиться, а прежде подумать о последствиях поступка.

БОГАТЫРЬ

В ауле Нижний Наур, на правом берегу Терека, жил один человек по имени Садык. Он был пожилой, среднего роста, с широкими плечами. Грудь — тоже широкая да высокая, а ладони рук, как две лопаты. Несмотря на то, что Садык был беден, богатые никогда не решались обидеть его или возразить ему.

У Садыка ничего не было — ни арбы, ни забора вокруг двора, ни быков, ни лошадей — ничего не было, кроме жены Зели. Он думал, думал и решил обзавестись кое-каким хозяйством.

И вот однажды холодным зимним утром Садык взял топор, нож, ремни из сыромятины и пошел в лес за двенадцать верст. Забрался в чащу, нарубил разных деревьев, очистил их от сучков, собрал часть, вернулся к опушке и начал делать сани. Когда наладил сани, вернулся в чащу и стал перетаскивать бревна к саням, которые к полудню были доверху нагружены лесом. После этого Садык передохнул, потом поднял дышла, рванул грудью сани и поволок, не останавливаясь до самого дома.

— Ой! Ой! Смотрите! Смотрите! — закричали шед-

шие по улице люди.— Идемте смотреть и, если нужно, поможем ему!..

Молодые односельчане пошли за Садыком, остановились около его дома, подошли к саням, протянули руки к бревнам, чтобы помочь их выгрузить. Садык удивленно посмотрел на них и сказал:

— А ну, ребята, отойдите-ка.

Он вытянул руки, поддел ими бревно, поднял его и свалил наземь. Так, бревно за бревном, он выгрузил весь лес.

К весне Садык огородил свой дом, построил сарай, куда поставил сани, сделал еще кое-что и как-то в обеденное время пошел к Тереку. В это время на берегу Терека стояло человек тридцать. Они пытались перетащить водяную мельницу на новое место. Для этого они привязали к мельнице веревки (мельницы на Тереке строятся на двух больших лодках, между которыми — колесо. Лодки закреплены на месте) и начали тянуть против течения. Но как они ни старались, мельница не поддавалась. Но вот один из толпы крикнул:

— Не выпускайте веревки! Крепче держите!

— А что такое?

— Разве не видите — Садык идет! Держите, пока он не подойдет!

— В чем тут дело? — спросил Садык.

— Да вот, никак не перетянем мельницу на новое место...

— А ну дайте мне среднюю веревку...

Садык взял самую толстую веревку, обвязался ею и потянул мельницу против течения. Он сделал один шаг вперед, за ним — другой — и дотянул мельницу до нужного места.

Через три дня к Садыку торопливо вошли люди:

— Ради аллаха — помоги нам! — сказали они.— Помоги, не знаем, что делать!

— Что такое? — спокойно спросил Садык.

— Мельничный вал испортился — железный зуб в шестерне сломался...

— Ну что ж, пойдемте, если в силах — помогу.

Пришли к мосту. Садык вошел внутрь мельницы и стал смотреть, как она вертится, и вдруг схватил рукой шестеренку. Мельница перестала вертеться. Долго держал Садык, пока люди не починили сломанную часть.

Не успел Садык вернуться домой, как к нему пришли два односельчанина, братья Музи и Цикати:

— Эй, Садык! Пожалуйста, помоги.

— Чем помочь вам? — спросил Садык.

— Ты знаешь Джаутхана, сына Ибри?

— Знаю. Горделивый такой.

— Так вот этот Джаутхан захватил наш огород, где мы издавна сеем кукурузу, и стал пахать под бахчу. Мы сказали ему, что огород наш, что он этим захватом лишает нас куска хлеба. Как ни просили, он все свое: я, мол, пашу, а потому — огород мой.

— Что ж,— сказал Садык,— идем туда, Джаутхан вернет огород.

Через час были на огороде. Подошли к захватчику.

— Эй, Джаутхан! — обратился Садык.— Почему обижаешь бедных братьев? Брось пахать чужой огород и верни его хозяину.

Гордый Джаутхан презрительно ответил:

— Брось о пустяках говорить! Раз я взялся вспахать, значит — будет моим.

— Постой, не храбрись,— сказал Садык,— лучше верни огород.

— Нет! Не верну!

— Оставь глупости. Не к лицу тебе заниматься такими делами. Верни чужой огород.

— Как бы не так!..

Садык слегка ткнул ему в грудь своим кулаком. Джаутхан, сын Ибри, не устоял и тут же свалился, как сноп.

— Ну, Цикати! Ну, Музи! Идите домой,— сказал Садык.— Идите. Этот горец встанет и тоже пойдет домой, а завтра вы спокойно займитесь своим делом.

Не успел Садык сделать и полпути к себе домой, как его остановил мчавшийся навстречу друг и сосед Жебб. Лицо и глаза его выражали такую озабоченность, что Садык невольно спросил:

— Что с тобой, Жебб? Что случилось?

— По правде сказать — ничего особенного, но без твоей помощи я не обойдусь.

— Хорошо, Жебб... так что же?

— Как ты знаешь, я строил себе дом... Потолок был готов, поверх потолка я наложил жерди, на жерди — солому. Теперь я прошу тебя помочь набросать лопатой землю поверх соломы.

— Можно, идем...

Когда пришли к дому, Жебб сказал:

— Слушай, Садык: пока я сделаю намаз *, ты набросай землю поверх соломы, да быстрее и побольше, чтоб к моему выходу дом был готов.

— Побыстрее и побольше, говоришь?

— Да, пожалуйста, вот отсюда копай,— указал Жебб, а сам пошел на моление. Садык взял самую большую лопату и так быстро начал копать да через плечо бросать на крышу, что Жебб не успел закончить моление, как потолок стал проваливаться. Тут и стена начала клониться набок. Но Садык вовремя подставил плечо и держал ее до тех пор, пока не подошли люди и не завершили остальное.

— Ну, Жебб,— сказал Садык,— теперь я уйду, мне нужно сделать себе арбу и колеса.

Садык пришел к себе во двор, подошел к заранее приготовленным жердям, взял из них две самые длинные и положил на костер, чтобы отпарить и смягчить. После этого он начал их сгибать для колеса. Но одна согнутая жердь неожиданно распрямилась и сильно ударила Садыка в бок, сломав два ребра. Садык выпрямился, пощупал бок рукой и пошел в свою саклю.

— Ой-ой! Что с тобой? — удивилась жена его, Зели.— Ты никогда не приходил таким хмурым.

— Ну-ка,— сказал Садык,— свари мне целый казан каши да живее!

Зели быстро сварила пшенную кашу, поставила перед ним целый казан и принесла кислого молока. Садык взял деревянную ложку и стал есть. Когда съел все, выпрямился, набрал в себя воздух и так надулся, что сломанные ребра встали на свое место. Садык пощупал бок и, убедившись, что ребра целы, к вечеру снова вышел во двор, доделал свою работу и подвел двух купленных в долг быков под ярмо арбы. Когда запряг, запасся кукурузной будылкой и темной ночью выехал в поле.

В глубоком небе висели звезды. Садык смотрел на них, на белесую полосу, пересекающую все небо, на большую неподвижную звезду — и не заметил, как с рассветом подъехал к месту прополки.

Весь день полол Садык, всю кукурузу очистил от сорняков. Отдохнул, запряг быков и обратно выехал. Ехал

долго — быки не спешили и медленно тащили арбу.

Совсем стемнело. Садык сидел и опять смотрел на небо, любуясь звездными россыпями. Вдруг там, где дорога расходилась на три стороны, у арбы сломалась ось. Садык остановил быков, снял огоромные колеса и начал осматривать.

В это время к Садыку подошло несколько человек.

— Эй! — сказал один из них.— Куда ведут эти дороги?

Садык посмотрел на них и не спешил с ответом. Те опять:

— Нет ли огня, чтоб прикурить?

Но Садык не курил.

Люди показались ему подозрительными.

«Наверно, недобрые люди»,— подумал он и сказал:

— Так вы спрашиваете — куда ведут эти дороги?

— Да! Глухой ты что ли?..

Садык взял одной рукой за шейку толстой оси, поднял ее вместе с большим колесом и, размахивая, ответил:

— Если пойдете этой дорогой, то дойдете до Нижнего Наура!— он взмахнул колесом, как веточкой.— Вторая дорога доведет вас до Зебир-Юрта! — и опять махнул рукой.

Подозрительные люди перепугались. Никогда не видели они такого сильного человека. Они попятились и пустились бежать, а Садык махнул рукой в третий раз и крикнул вслед:

— А та дорога, по которой вы бежите, доведет вас до быстрой реки, где прячутся воры, трусы, бездельники, дармоеды и всякий сброд!

Починил Садык арбу и погнал быков дальше. Недалеко от своего дома увидел он, как девять человек возятся с большим дубовым бревном, но никак не могут сдвинуть его. Пыхтели, тужились, упирались ногами о землю, а бревно — ни с места.

— А ну-ка отойдите! — сказал Садык, нагнулся, расправил широкие плечи, обхватил бревно могучими руками, поднял, донес до своего двора и положил около своей сакли.

Люди так удивились, что даже не стали возражать.

Внуки Садыка Мумад и Саид-Эли живы. Они унаследовали силу деда и этим славятся в народе.

КАК ОСЕЛ СДЕЛАЛСЯ ШЕЙХОМ *

Жил один шейх. У него было очень много последователей—мюридов *. Во дворе у этого шейха был склеп другого, еще более знаменитого шейха, к которому приезжали люди на поклонение. От этого шейх сильно разбогател.

Своих мюридов он заставлял работать на себя и становился все более и более жадным. У него было двенадцать жен и многочисленная семья, которая тоже требовала многого. Мюриды бесплатно работали на полях, в лесу, на покосе, на перевозках...

Кроме верблюдов и прочего скота, шейх имел много ослов.

Был у него один верный мюрид, который не считался ни с семьей своей, ни с родственниками, всецело был предан шейху и работал исключительно на него, а для своего дома отводил очень малое время.

Однажды этот мюрид по какому-то случаю не явился на работу. Шейх сильно разгневался на своего верного мюрида за то, что он не явился на работу, выругал его и не простил своему мюриду этого случая.

— Чтобы я тебя больше в глаза не видел в этой стране! — закричал шейх на своего мюрида, дал ему одного осла и выгнал из своей страны.

Мюриду не так было тяжело расставаться с семьей, как с шейхом. Дальнейшую свою жизнь без шейха он не считал за жизнь и рад был смерти.

С такими мыслями мюрид оставил родной край и тронулся на своем осле в далекий путь, в чужие края. В полдень наступила такая жара, что все движение остановилось, а мюрид, не считаясь ни с чем, продолжал свой путь. Голодный и изнуренный осел не выдержал всего этого и околел.

Остался мюрид один, растерялся и подумал:

«Вероятно, шейх, чтобы еще более наказать меня, убил моего осла».

Считая неудобным оставить на дороге осла, где проезжают люди, мюрид оттащил его немного в сторону, закопал и сверху засыпал песком.

Лишившись последнего своего спутника — осла, мюрид присел у могилы, призадумался и заплакал:

«Каким я оказался несчастным человеком: расстал-

ся я с любимым своим шейхом, родным краем, родной семьей и всеми родственниками и, наконец, лишился своего осла. Куда идти? Что мне делать?»

В это время показались купцы, ехавшие по торговым делам. Они подъехали к нему, поздоровались и стали около могилы молиться за упокой души. Когда кончили молиться, спросили мюрида:

— Царство ему небесное — кто это умер в такой дали от аулов?..

Мюриду было неудобно сказать, что это осел. Во-первых, по обычаю не полагается произносить слово «осел» в присутствии едущих по делам, ибо это — знак несчастия. Во-вторых, купцы сочли бы его за дурака,— похоронив осла, сидит в чужой стране и плачет. Мюрид им ответил:

— Это шейх, который умер на этом месте.

Тогда купцы стали щедро жертвовать деньгами и товарами. При этом сказали:

— На этой могиле надо построить красивый склеп. Мы поедем домой, расскажем всем мусульманам, что здесь похоронен шейх и могилу эту сторожит один из его верных мюридов. Люди сейчас же приедут, построят склеп над могилой, пожертвуют деньгами и сделают тебе также место, где жить.

Купцы уехали и по дороге извещали всех встречных, что там-то умер шейх, надо построить склеп. Новость эта быстро обошла весь край, и стал к мюриду приходить народ и приносить деньги и другое добро.

Через короткое время был построен красивый склеп на могиле, а рядом — хороший дом для сторожа-мюрида. Мюрид разбогател. А люди без конца ходили на поклонение к этому месту, и каждый жертвовал.

В конце концов мюрид тоже превратился в шейха. Слух о нем прошел по всему миру.

Шейх, который выгнал его из края, услышал о новом знаменитом шейхе и приехал к нему на поклонение. На пятый день после приезда шейх был принят мюридом.

При встрече они друг друга узнали. Приезжий шейх спросил его:

— Слушай, скажи, пожалуйста, каким образом добился ты такого богатства и славы?

Бывший мюрид, принимая приезжего как гостя, откровенно рассказал все, как было:

— Сдох по дороге осел, подаренный тобой, я его зарыл в землю и грустным сидел возле этой могилы. Приезжие приняли ее за могилу святого человека, стали жертвовать деньгами и построили склеп, а мне — дом. Постепенно я разбогател и стал известен.

Приезжий шейх сказал:

— Ты помнишь склеп в моем дворе? Так вот, там похоронена мать того осла, которого я тебе дал, и все вы, мои мюриды, поклонялись могиле этого осла...

МУЛЛА

Это было лет сто тому назад. В маленьком ауле, где всего-то с полсотни труб, жил мулла. Мулла был старый-старый. В сакле у него жило шестнадцать жен. Надоели они ему, и решил он жениться в семнадцатый раз. А денег на женитьбу не было.

Сильно загрустил мулла. Вдруг неожиданно является к нему бедный человек и говорит:

— Я к тебе с большой просьбой, мулла! Заболела у меня жена. Нужно вести ее в большой город к доктору. Уеду, дома никого не останется. А у меня есть сорок рублей — несколько лет копил их. Хочу купить себе двух волов и арбу. В пустой сакле боюсь оставить деньги. Привез к тебе, сохрани их!

— Давай, давай деньги, — обрадовался мулла. — С помощью аллаха я сохраню их в целости.

На второй день к вечеру мулла собрался ехать за невестой. Сидит, подстригает он свою белую бороду и улыбается. Вдруг слышит, что кто-то стучит в его окошко. Подошел мулла к окну и видит вчерашнего бедняка.

Говорит ему бедняк:

— На дороге скончалась моя жена. Вчера же я ее похоронил. Спасибо тебе за услугу, теперь отдай мои деньги...

— Какие деньги? — удивился мулла.— Ты с ума сошел? Я тебя не знаю и знать не хочу!..

Растерялся бедняк. Один из близких друзей посоветовал ему поговорить с женой сына одной аульской вдовы. Считалась эта женщина мудрой и многим помогала в несчастьях.

— Сейчас я пошлю за муллой, — сказала женщина

и добавила: — Когда он придет, ты спрячься и не выходи, пока не услышишь мой кашель.

Вскоре явился мулла.

— Ты, мулла, когда-то ухаживал за мной. Я любила тебя, люблю и до сих пор. Муж мой, ты знаешь, уехал в Орси-Мохк и умер там. У меня осталось много денег. Теперь я свободна. Я хочу жить под твоим крылом, чтобы заслужить у аллаха прощение моим грехам, — сказала она мулле и закашляла. В это время в комнату вошел бедняк.

— А, это ты! — закричал обрадованный привалившим ему богатством мулла. — Прости меня, вчера я пошутил, возьми, пожалуйста, свои деньги.

Вторично закашляла женщина. В дверях появилась маленькая девочка и сказала:

— Мама, отец приехал!..

Мулла вскочил, бросил второпях и чужие и свои деньги и убежал.

Так бедняк и вдова обманули жадного муллу.

ШЕЙХ И МЮРИД

Был один шейх; он имел много тысяч мюридов. Он был известен всюду, и про него говорили, что такого шейха нет в мире. Мюридов он заставлял на себя работать и заниматься торговлей в его пользу.

Кроме того, шейх обязал своих мюридов вносить ему с каждой дойной коровы по две кружки молока. Кто не приносил молока, тот лишался звания мюрида. В то время это считалось позорным делом.

Был у шейха один бедный мюрид, обремененный большой семьей. У этого мюрида вдобавок еще родились близнецы. Жена его была худая, нездоровая женщина и не могла своей грудью кормить близнецов. Тощая корова их давала очень мало молока. Все же мюрид аккуратно вносил шейху две кружки молока, а дети его оставались голодными, с каждым днем худели и начали болеть.

Какая большая разница была между детьми шейха и мюрида! Дети мюрида были с синими жилами на животе и худенькие, а дети шейха — с красными щечками, упитанные и веселые.

Однажды жена мюрида сказала своему мужу:

— Слушай, как нам быть? Не отдавать молока шей-

ху ни в коем случае нам нельзя, а отдавать — дети наши остаются голодными. А что, если рассказать ему подробно о нашем положении, может быть, он откажется от нашего молока. Конечно, все это нужно сделать так, чтобы шейх не обиделся.

— Что же делать? — ответил муж. — Нельзя же, на самом деле, с голоду умирать детям. Надо будет шейху написать письмо и описать в нем наше тяжелое положение.

Подумав, он послал такое письмо:

«Мой дорогой и уважаемый шейх! Прошу тебя не обидеться и простить мне за мою просьбу. Хотя мне очень неудобно такими пустяками беспокоить тебя. Лицо свое прикрываю и обращаюсь к тебе со следующей просьбой. У меня всего одна корова, которая дает очень мало молока. Я имею много детей, а самые маленькие— близнецы. Жена моя нездорова и не может своей грудью кормить детей. Если доставлять тебе молоко, то дети остаются голодными, а если детей кормить молоком, то не сможем тебе носить его. Если тебе не особенно тяжело, то прошу освободить меня от доставки молока, ибо дети за последнее время стали худеть и болеть».

Письмо это было передано шейху через другого мюрида. Шейх прочел письмо и ответил:

«Хорошо, если ты по утрам сумеешь раньше других моих мюридов приходить ко мне, то исполню твою просьбу».

Мюрид очень обрадовался этому и рано утром, чуть свет, вставал и ходил к шейху и здоровался с ним. Шейх ему всегда отвечал:

— Ты опоздал, до тебя пятнадцать-шестнадцать человек у меня побывало.

И продолжал мюрид носить шейху молоко. Тогда подумал мюрид:

«Мне придется пойти ночью, влезть на яблоню, которая стоит перед окном шейха, и ждать утра. Как только утром шейх откроет окно, крикну ему с яблони: «Доброго утра, уважаемый шейх!»

В эту же ночь мюрид пошел и осторожно влез на яблоню.

Ночь была лунная, и звезды висели на небе, как будто вот-вот все посыплются вниз. Он сидел на дереве и,

боясь, что может заснуть и упасть, бодрствовал: смотрел на небо, на падающие звезды, размышляя о своем житье-бытье. А когда смотрел на пятна луны, думал:

«Ух, как много баранов пасется там... Как справляется пастух?»

В эту ночь к шейху приехали с разных сторон его мюриды, пели назма и зикр * и долго сидели у шейха.

Мюрид долго на яблоне слушал пение и разговоры их, сожалел, что не может принять участие в пении. Но самое главное — он хотел освободиться от доставки молока и, сидя на дереве, успокаивал себя тем, что он на этот раз покажется утром раньше всех мюридов.

Все мюриды разошлись по домам поздно ночью. Шейх остался один в своей комнате. Спустя некоторое время самые любимые шейхом два мюрида явились и остановились под яблоней, на которой сидел мюрид, и постучали в окно шейху.

Шейх открыл окно. Два его любимца спросили шейха:

— Все ли ушли? Есть ли кто-либо, кроме тебя?..

— Все разошлись, я — один! — ответил шейх и добавил:—Скорее принесите крепкие напитки, закуски... тащите девушек и возвращайтесь: сегодня немножечко повеселимся!..

Любимцы спросили шейха:

— Какую из девушек притащить тебе?

Шейх ответил:

— Высокую, с золотистыми волосами, тоненькую, но с широким задом.

Мюрид слышал весь разговор и удивлялся. Но он остался ждать утра, чтобы показаться шейху раньше всех других.

Скоро вернулись два любимца шейха и принесли напитки, закуски и трех девушек привели.

Они пели, ели и гуляли, все это слышал мюрид на яблоне и удивлялся. Когда ночь подходила к концу, опасаясь, что люди могут проснуться, два мюрида взяли трех девушек и ушли.

Мюриды не успели повернуть за угол, как шейх открыл окно, которое находилось под яблоней, и крикнул им вслед:

— Из трех одну кобылицу буланой масти верните обратно, а с двумя другими можете уходить!..

Мюриды впустили к шейху девушку с золотыми волосами и сами ушли.

Наевшись, напившись, шейх лежал на мягкой постели с молоденькой девушкой. Окно оставалось открытым, и свежий воздух, дувший в окно, нежил шейха.

Видевший все это с яблони мюрид подумал:

«Ой-ей! А я-то думал, что шейхи — как мы, грешные».

Шейх и девушка заснули, оставив окно открытым. Стало рассветать. Куры с шестов начали слетать вниз. Мюрид подумал:

«Уже становится светло. Люди встанут, меня увидят на дереве — и все пропало, а будить шейха от сладкого сна нельзя. Что мне делать?..»

В это время шейх вдруг проснулся и бросился к окну, чтобы закрыть его. Но прежде чем закрыть, он выглянул наружу. Мюрид, сидевший на дереве, сказал:

— Доброе утро, мой чистейший и уважаемый шейх!..

Шейх посмотрел вверх и спросил заикаясь:

— Д-д-давно ты там с-с-сидишь?

— С тех пор, как ты начал возиться с той, что... золотистой масти, — ответил мюрид.

— Х-хорошо, ты о-освобожден от доставки м-молока, — сказал шейх и пригласил его к себе в комнату. Шейх подарил ему одну корову и сказал:

— То, что ты видел вчера ночью, никому не рассказывай!..

ЖЕНЩИНА И МУЛЛА

Жили муж и жена в крайней бедности. Не было у них никакой скотины, не было у них никаких припасов.

Стали они думать о том, как прокормиться. Думала-думала жена и говорит своему мужу:

— Закутайся ты в свою шубу и садись, как нищий, у края дороги, где живет мулла. И когда будешь встречать людей, приговаривай: «Спаси нас, аллах, от хитрости жены!» Тогда, может быть, что-нибудь перепадет нам от муллы.

Сказала она и отправила своего мужа.

Вышел мулла и увидел человека.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Тогда человек говорит:

— Спаси нас, аллах, от хитрости жены!

— Спаси нас, аллах! — повторил за ним мулла и пошел.

В этот же день мулла встретился с шедшей по воду женой этого человека. Она игриво подмигнула ему и прошла к источнику. Мулла остался стоять на месте, думая о происшедшем и обрадовавшись этому случаю. Когда женщина, возвращаясь обратно, поравнялась с ним, он сказал ей:

— О тебе сердце так страдает, что не могу не взглянуть на тебя каждый раз, когда ты идешь по воду.

— Зная, что ты ходишь взглянуть на меня, я также имела тебя в сердце, но, остерегаясь мужа, до сих пор не подавала вида. Теперь он — пусть его аллах уберет совсем — на неделю уезжает из дому. Мы эту неделю проведем вместе. Приходи сегодня ночью и принеси съестного,— сказала женщина и ушла.

Ночью мулла набрал лучшее, что было у него из съестного, послал все это с прислугой к женщине и сам отправился. Мулла беспечно сидел, изредка потирая руки и повторяя имя аллаха, довольный всем случившимся.

— Ну, дорогой мулла, кушай хорошенько! — говорила она, подавая ему кушать и поглядывая на него с веселым видом. Она подложила ему подушки и только собралась усесться рядом с ним, как в дверь постучали. Растерялся мулла и говорит:

— Что теперь делать? Ай, сгорим мы теперь в огне! Это он вернулся домой, видно, забыл что-нибудь!

Жена заметалась, а мулла закричал:

— Отпусти! Отпусти меня! — и, сбросив с себя одежду, приготовился выскочить в окно.

— Ай, не бросайся оттуда! Спрячься в этот сундук! А то ты от него не уйдешь! — крикнула она, посадила муллу в сундук и закрыла его на замок.

Зашел муж.

— Это что такое? — закричал он, как будто не знал, откуда взялись припасы.— Когда меня не бывает дома, ты бываешь с другими, и они тебя угощают? Кто тебе принес все это? Кто здесь был? — и с бранными словами ударил муж палкой по кожаному мешку с крупой, при-

несенной муллой. — Куда он делся? — бил он палкой по мешку.— Скажи, кто он? Кто?

Заплакала жена притворно и сказала:

— Если бы я знала, что ты так поступишь, я продала бы вот этот сундук и принесла тебе пищу.

Тут же сели они и съели приготовленную еду, а когда кончили, муж подошел к сундуку, вытащил его на середину комнаты и сказал:

— Завтра же я продам этот сундук и куплю нам съестного.

Он взял сундук и хотел поднять, но он оказался тяжелым.

— Что в нем лежит? — спрашивает муж, прикидываясь незнающим.

— Ничего нет, ничего нет, — ласковым голосом ответила жена.

— Давай-ка ключ,—сказал муж и, взяв ключ, пододвинул поближе сундук и лег спать; легла и жена.

Утром он нанял человека, такого же бедняка, как сам, и, послав его с сундуком на базар, сказал:

— Я догоню тебя.

Идет бедняк с сундуком на спине. Когда он отошел на небольшое расстояние, сидевший в сундуке постучал пальцем. Бедняк удивился, остановился и оглянулся вокруг себя.

— Видно, это дело аллаха, — проговорил он и пошел дальше.

Мулла снова постучал пальцем и крикнул:

— Видно, дьявола это дело!

Бедняк опять оглянулся и, не зная, в чем дело, от испуга хотел пуститься бежать. Когда же мулла постучал в третий раз, бедняк рискнул спросить:

— Человек ты или дьявол?

— Я — не дьявол, я — мулла. Как только поставишь этот сундук на базаре, пойди к моему сыну и скажи ему, чтобы он купил этот сундук, уплатив за него любую цену.

Сильно удивился бедняк, побежал и все передал сыну. Хозяин подошел к своему сундуку и на вопрос покупателей: «Продаешь ли сундук» — отвечал:

— Продаю тому, кто даст сто золотых. Купи — он внутри очень хороший, — сказав так, он открыл замок и чуть приоткрыл крышку.

Подоспевший сын муллы отдал сто золотых и унес сундук. Принес он сундук домой, вытащил из него муллу и сказал:

— Хорошую славу ты принес, хорошую пользу ты принес нашему дому...

По истечении двух-трех дней человек опять подошел к дому муллы и сел недалеко от окна, через которое смотрел мулла. Мулла выглянул в окно и слышит:

— Пусть аллах спасет нас от хитрости жены!..

— Да спасет нас аллах от предательства жены! — произнес мулла и захлопнул окно.

ЧТО ГОВОРЯТ ПРО МУЛЛ И ХАДЖИ*

I.

— Слушай, — обращается один к другому,— муллы все время твердят: «Раздавайте милостыню, за это получите вознаграждение на том свете», а сами они никогда не раздают милостыни — почему?

Тот ответил:

— Однажды шайтан с зурной за плечами сидел на перекрестке, где проходило много людей. Один прохожий спросил у шайтана:

— Слушай, это что за зурна висит у тебя за плечами?

Шайтан ответил:

— Это зурна, на которой я играю, когда мулла дает милостыню.

— Много приходится тебе играть на ней?

— За последние триста лет ни разу не сыграл. Думаю, что и через три тысячи лет будет так.

II.

— Знаешь что,— говорит дочь отцу,— я слышала, как один чеченец из нашего аула ругал мулл, грешно ведь?

— Иногда не вредно ругать их, а то они будут еще хуже: они не такие хорошие, как мы думаем. У чеченцев есть пословица: «Если мулле подарить барана, он разрешит и собаку похоронить на кладбище».

III.

Однажды в сад забрались буйвол и мулла. Мальчик, заметив их, вбежал в комнату и говорит своему отцу:

— В нашем саду находятся буйвол и мулла.

Отец ответил:

— Муллу выгони, а буйвола оставь: буйвол, когда наестся, уйдет, а мулла, наевшись, не удовлетворится, а еще с собой заберет плоды.

IV.

Как-то сельчанин из аула Дуба-Юрт по дороге привязал своего коня к кустику и стал молиться богу. В это время конь развязался и ускакал. Дуба-юртовец не мог бросить молитвы и очень волновался.

Шедший навстречу хаджи поймал коня, привел его к молящемуся, подержал за стремя и посадил его на коня.

Довольный поступком хаджи, дуба-юртовец сказал:

— Большое тебе спасибо, да полюбит тебя бог, хотя ты и хаджи, но все же — хороший человек

Когда дуба-юртовец пришел домой и от усталости заснул, то во сне увидел много хаджи. Обрадовавшись этому и предчувствуя благие дела, он пошел в большой аул, где жил Сугаип-мулла.

— Пожалуйста, мулла, истолкуй мне сон, — и дуба-юртовец рассказал ему сон.

Сугаип-мулла ответил:

— Я не могу сказать, что предвещает тебе, когда ты видишь во сне хаджи, а вот если ты наяву видишь его, с уверенностью могу сказать, что это к худому.

V.

Как-то мулла сказал, что он на днях был на кладбище, и так как у многих нет памятников и он не знал имен, не мог помолиться за умерших. Поэтому он потребовал, чтобы все аульчане зарезали по одному барану, раздали милостыню муллам и поставили памятники на могилах, чтобы он знал, где кто похоронен.

Поверив этому, сельчане зарезали по барану, подарили мулле мясо, шкуру и поставили памятники на мо-

гилах своих родственников. Сам же мулла не поставил памятника своей матери.

Однажды в мечети один сельчанин обратился к мулле:

— Мулла, ты нас просил поставить памятники на могилах, чтобы знать, где кто похоронен, и при этом говорил, что большой грех тому, кто этого не сделает. Мы все поставили памятники, так что теперь можно узнать, где кто похоронен. Между тем могила твоей матери осталась без памятника. Почему ты, мулла, не поставишь памятник на могиле своей матери?

Мулла ответил:

— Если вы все поставили памятники на могилах своих родственников, то могила моей матери может быть и без памятника. Теперь будет очень легко найти ее могилу.

СУД НАД ДВУМЯ

Однажды два человека пошли к мулле для разбора судебного дела.

Еще до начала суда один из судившихся незаметно для других показал мулле рукой на карман.

Мулла подумал, что у него много денег и что он просит за взятку вынести решение в его пользу.

Подумав так, мулла вынес решение в его пользу, обвинив другого.

По окончании суда подсудимые поднялись со своих мест, чтобы уйти. Мулла обратился к тому, который показывал на карман, и сказал:

— Ты подожди, я имею к тебе дело, — и, отпустив другого, добавил: — Ну, отдай мне обещанные деньги.

Подсудимый ответил:

— Я ничего тебе не обещал.

Мулла спросил:

— А зачем же ты указывал на карман?

Подсудимый ответил:

— У меня там лежал камень. Если бы ты вынес решение не в мою пользу, то я этим камнем размозжил бы тебе голову.

Всем взяточникам нужно было бы разбивать головы камнями!

ПРОДЕЛКИ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ МОЛЛЫ НАСР-ЭДДИНА *

Однажды молла Наср-Эддин купил себе ворона.

— Что это ты несешь? — спросил его сосед, встретившись с ним на площади.

— Ворона, — ответил молла.

— А зачем он тебе? — удивился сосед.

— Хочу убедиться, точно ли вороны живут до трехсот лет.

Сосед пожал плечами и ушел... А молла Наср-Эддин думал, думал и надумал от нечего делать подшутить над аульчанами. Идет по аулу и делает вид, что куда-то спешит. Кто его ни встретит, спрашивает:

— Куда ты так торопишься, молла Наср-Эддин?

— Тороплюсь домой за блюдами: на площади инжир раздают даром! — на ходу ответил молла и побежал дальше.

Весь аул переполошился. Все люди побежали на площадь за даровым инжиром.

Прибежал домой молла, отдышался и говорит жене:

— Дай-ка мне блюдо!

— Зачем? — удивилась жена.

— А, может быть, в самом деле дают инжир?.. Видишь, сколько народу бежит за ним?

Жена рассмеялась, а в это время молле очень захотелось утолить жажду. Она томила его, потому что день был жаркий.

— Надо пойти на базар,— сказал молла Наср-Эддин,— и пошел туда.

Там он купил большой арбуз и решил съесть его тут же, на людях.

Не успел он устроиться под тенью ветвистого дерева, как тут же его окружила толпа зевак.

Вынув из ножен кинжал и обтерев его о полу бешмета, молла разрезал арбуз пополам.

— Буду есть арбуз, как хан! — гордо заявил молла и вырезал всю середину из арбуза. Съев ее, молла сказал:

— Ну, а теперь я буду есть, как раб!

И принялся за края.

Покончив с краями, провозгласил:

— Теперь же — как осел! — И под хохот зевак съел корки от арбуза.

— А теперь — как петух! — и принялся щелкать арбузные семечки.

Когда он кончил щелкать семечки, у него вдруг сильно разболелся зуб. И это — как раз в самый праздник, когда предстоят приглашения на разные яства.

«Что делать?» — подумал он и обратился к жене:

— Хоть ты скажи, пожалуйста, что делать? Разве не видишь — щека пухнет от зубной боли?

На это жена ответила:

— Положи теплый коровий помет.

Молла положил — не помогает. Вызвали одну старушку. Пробовала она заговорить боль, но и это не помогло. Тогда решил молла отправиться к знахарю.

Пришел он к нему, а от боли у него уже в глазах потемнело.

— Покажи, какой зуб болит? — спрашивает знахарь.

— Вай, вай, вай! — причитает молла Наср-Эддин, боясь открыть рот.

После долгих уговоров знахаря молла все же раскрыл рот. Посмотрел ему в рот знахарь, потрогал пальцем шатающийся зуб и заявил:

— Плохой зуб, молла. Вырвать его нужно.

— Как вырвать? — вскричал молла Наср-Эддин.— Глаз у меня тоже плохой — значит, по-твоему, и его нужно вырвать?

И возмущенный молла Наср-Эддин покинул знахаря.

Как бы то ни было, на третий день праздника молла Наср-Эддин чувствовал себя хорошо и с удовольствием принял приглашение пойти в гости к соседу, который справлял свадьбу сына. Собралось много почетных гостей. Вдоволь было съедено вареного и жареного и выпито крепкой бузы.

Под конец подали целого жареного барашка с чесночной подливой.

Среди прочих гостей был известный старый лакомка. Подливка пришлась ему по вкусу, он беззастенчиво обмакивал в нее чурек и ел один кусок за другим. Боясь, что он съест всю подливку, один из сидящих толкнул его в бок, но нечаянно попал в моллу Наср-Эддина.

— За что ты меня толкаешь, почтенный Хаджи-Магомед? — вскричал молла.— Ведь не я макаю чурек в подливку! — добавил он, выдав этим обжору.

Вернувшись домой, молла сел на ковер, поджав под

себя ноги, и предался разным мыслям, а веки его то и дело смыкались — сон брал. Спать же было невозможно—стало очень холодно, даже снег пошел. Молла Наср-Эддин любил тепло, а в сакле дуло со всех сторон, и дров не было. Тогда молла лег в постель и укрылся всем теплым, что было в доме.

Лежит он день, лежит два, лежит неделю. Не видя его, аульчане забеспокоились и начали спрашивать жену моллы, что с ним. Но жена ничего не отвечала. Тогда они решили пойти проведать моллу.

Войдя в саклю и видя, что на молле лежат три шубы и несколько овчин, они вскричали:

— Что с тобой, молла Наср-Эддин? Ты болен?..

— Бо...лен,— еле слышно, лязгая зубами, ответил из-под шубы молла Наср-Эддин.

— Какая же у тебя болезнь? — спросили соседи.

— Зима...— еще тише ответил молла Наср-Эддин.

— Это что же — новая болезнь?

— На...верно...

Не успел молла как следует окрепнуть, как жена Наср-Эддина послала его купить масла. Взял молла большой кувшин и пошел в лавку.

— Салам алейкум, молла Наср-Эддин! — приветствовал его купец.— Что прикажешь тебе отпустить?

— Ва-алейкум салам! — ответил на приветствие молла.— Налей-ка мне масла.

Подставил молла Наср-Эддин к бочке кувшин горлышком кверху. Купец налил ему масла до самых краев.

— Эх, и хитер же ты, — сказал молла, — в горлышко налил, а на дно-то ничего не налил. Я с пустым дном не уйду!

Опрокинул молла Наср-Эддин кувшин и подставил его к бочке дном. Купец налил на дно чуть-чуть масла, и молла тихонько пошел домой, боясь расплескать его.

Пришел домой. Передал кувшин жене.

— Смотри, какой я умный! Как ни хитер купец, а я все же хитрее его. Он хотел меня обмануть, налил масла только сюда,— показывает молла жене горлышко. Наклонилась жена, посмотрела — кувшин пустой.

Удивился молла Наср-Эддин.

— Странно,— говорит,— ведь он наливал при мне и туда, и сюда!

Перевернула кувшин дном вверх — и там ничего нет.

— Видно, купца не проведешь! — вздохнул молла Наср-Эддин.

В это время к нему пришел самый богатый и почтенный в ауле человек и попросил помочь советом.

— Я всегда рад быть тебе полезным, дорогой гость,— ответил молла.— Говори, что тебя привело ко мне.

— Дорогой молла Наср-Эддин, ты знаешь, что я стар, а жена моя молода. И вот вчера она сказала мне, что готовится быть матерью, тогда как я уже давно не чувствую в себе способностей быть отцом. Как же мне быть?

Задумался молла Наср-Эддин. Что можно посоветовать? Сказать, что это чудо — никто теперь в чудеса не верит. И решил рассказать старику одну поучительную историю.

— Послушай, что я тебе расскажу, а потом решай, как хочешь. Один святой человек надумал для спасения души к концу своей жизни удалиться от людей в пустыню. Однажды на него напал лев. Лев был голоден и зол, а у старика была только палка в руках. Когда лев приготовился к прыжку, он бросил в него эту палку. И вдруг лев упал мертвым. Старик возблагодарил аллаха за его помощь, а когда встал и оглянулся — увидел позади себя охотника.

— Понял, понял,— сказал богач и ушел.

Молла пришел домой, приготовил большой кувшин бузы и хороший ужин. В это время, под вечер, к нему постучался путник, прося приюта. Молла Наср-Эддин принял его и накормил.

Когда гость насытился, молла налил ему кружку крепкого напитка. Гость от бузы захмелел, и язык его развязался.

— Вот ты, добрый человек, накормил меня ужином и предложил постель в своей сакле. А знаешь ли ты, для кого это ты делаешь?

— Я делаю для гостя, посланного мне аллахом,— ответил молла Наср-Эддин.

— О, я не простой гость! — вскричал хвастливо путник.— Я самый близкий друг и помощник шейха Мансура! *

— Да будет благословен шейх и потомство его! — ответил молла и налил гостю еще кружку бузы.

Гость выпил бузу и опять обратился с тем же вопросом к хозяину:

— Да знаешь ли ты, кто я?

— Ты друг шейха Мансура,— ответил молла.

— Нет,— вскричал гость,— я сам шейх Мансур! Дайка мне еще кружку бузы!

— Нет, дорогой гость, довольно. Выпив третью кружку, ты скажешь, что ты пророк Магомет, а то и сам аллах,— ответил молла Наср-Эддин, убирая бузу подальше.

На другой день молла Наср-Эддин пошел в поле. На обратном пути его застал дождь. Чтобы не промокнуть, он спрятался в харчевне, где готовили вкусный плов. Когда дождь кончился и молла собрался уходить, харчевник подошел к нему и говорит:

— Постой, прежде чем уходить — плати деньги.

— За что? — удивился молла.

— Как за что? — ответил харчевник. — Ты нюхал запах плова?

— Нюхал.

— Ну и плати деньги. Не даром же тебе нюхать плов!

Как ни отпирался молла Наср-Эддин, ничего не помогло. Наконец, он сказал харчевнику:

— Разреши мне сходить домой и взять деньги, а то их у меня с собой нет.— Хозяин согласился. Через некоторое время молла Наср-Эддин вернулся.

— Ну, принес деньги? — спросил харчевник.

— А как же! — ответил молла. — Зачем же я ходил? — и, запустив руку в карман, начал звенеть монетами.

— Слышишь их звон? — задал он вопрос харчевнику.

— Слышу.

— Ну, вот мы и в расчете.

— Как?

— А вот так! Я нюхал твой плов? Нюхал. Ты слышал звон моих денег? Слышал. Ну, вот мы и в расчете!

Харчевнику ничего не оставалось делать, как согласиться.

Вскоре у моллы ни одной монеты не стало в кармане, и съестные припасы пришли к концу. Наступили тяжелые дни. Бранится жена, называя моллу лодырем. Думал, думал он и решил пойти в огород к соседу — украсть овощей. Набрал он целый мешок огурцов, кар-

тошки, моркови, баклажан, помидоров, как вдруг появился хозяин.

— Как ты попал сюда, дорогой сосед, и что у тебя в мешке?

— Ах, знаешь, я шел домой, как вдруг подул сильный ветер и забросил меня вместо моего двора в твой огород.

— Вот чудеса! — рассердился хозяин огорода. — Ну, а как же ты нарвал овощей?

— А это я хватался за все, что было под руками, чтобы не упасть, ибо ветер был необыкновенно сильный. Ну и ясно, что все обрывалось.

— Так... предположим...— сказал задумчиво сосед.— А кто же сложил эти овощи в мешок?

— Вот об этом-то я как раз и думал перед твоим приходом! — обрадованно сказал молла Наср-Эддин.

Вернувшись в свой двор, молла Наср-Эддин решил продать свою корову, которая молока давала мало, а неприятностей причиняла много. Она была упряма, как осел, бодлива, как бык, и прожорлива.

Долго мучился с ней молла, но видя, что толку от коровы не будет, решил продать ее. В один из четвергов вывел корову на базар, встал на самом видном месте и начал ее расхваливать. Но, как назло, корова почему-то пришла в неистовство, начала прыгать и бодаться. Толпа, обступившая моллу и его корову, разбежалась, и больше уже никто не подходил к молле.

Долго стоял молла Наср-Эддин с коровой, но никто не интересовался его товаром. Наконец, один человек посоветовал ему:

— Иди-ка ты лучше домой, молла, разве кто-нибудь купит такого шайтана?

— О аллах! — хватаясь за голову, взмолился молла.— Да разве я ее продавать привел!

— А зачем же? — удивились люди.

— Чтобы вы мне посочувствовали, добрые люди, глядя на это наказание!

И молла Наср-Эддин опустил голову и горько заплакал. Плакал, плакал и заметил, что один чувяк у него разорвался. Отвел корову и пошел к сапожнику.

— Продай мне чувяк на правую ногу,— обратился он.

— Как на правую ногу? — удивился сапожник.— Кто же продает один чувяк?

— А зачем мне покупать два, когда разорвался один? — в свою очередь удивился молла.

— Но что же я буду делать со вторым чувяком?

— Э-э, не горюй! Через два месяца явится к тебе покупатель за ним.

Посмеялся сапожник, но любя моллу Наср-Эддина за веселость, продал ему один чувяк, вовсе не рассчитывая продать второй. Но вот прошло два месяца, и опять пришел молла.

— Ты что, молла Наср-Эддин, пришел узнать продал ли я второй чувяк? — спросил его сапожник. — Прошло два обещанных тобой месяца, а покупателя нет как нет.

— Неправда, покупатель есть.

— Где же он? — удивился сапожник.

— Да вот я сам. Теперь у меня разорвался левый чувяк, и я пришел его у тебя купить.

— Чудак ты! — засмеялся сапожник. — Чего же сразу не покупал оба чувяка?

— Сразу на два чувяка у меня денег не было!..

Довольный такой удачей, он пришел домой, разделся и заснул.

Неожиданно среди ночи он разбудил жену:

— Вставай скорей! Дай мне мои очки, пока я не проснулся окончательно!

Жена достала очки и подала их Наср-Эддину. Молла моментально одел их на нос, залез под одеяло и закрыл глаза.

Ничего не понимая, жена смотрела на мужа, но затем, не утерпев, спросила:

— Скажи, зачем тебе понадобились очки? Ведь ты же спишь!

— Не мешай, — ответил Наср-Эддин. — Я вижу замечательный сон, но без очков некоторые места не совсем ясны мне.

— Эй, эй! — Вставай! — будила жена моллу. — Пора буйвола на выгон гнать! Да посмотри, что делается с нашей саклей — самой ветхой в нашем ауле!

Посмотрел молла Наср-Эддин и обрадованно крикнул:

— Ой, ой-о-о-ой! Вся крыша покрылась травой! Настоящий луг!

Долго смотрел он на зеленую поросль и подумал:

«Зря пропадает трава...»

Взял он своего буйвола за рога и ну тащить его на крышу. Буйвол упирается, не хочет идти, кричит на весь аул. Выбежал из сакли сосед, спрашивает:

— Что ты делаешь с буйволом, молла Наср-Эддин?

— Хочу его покормить,— отвечает молла.

— Так куда же ты его тащишь? — удивился сосед.

— На крышу.

— Зачем на крышу?

— Разве ты не видишь, какая там трава выросла? Не пропадать же ей даром!

— Вот чудак! — рассмеялся сосед.— Разве для этого обязательно втаскивать туда буйвола?

— Ведь я же собираюсь кормить его, а не себя,— рассердился молла.— Не мешай мне заниматься делом!

— Да влезь на крышу один, нарви травы и снеси ее вниз,— посоветовал сосед.

— Ой, ой! Какой ты умный! Я бы не додумался.— Он так и сделал, потом вышел за ворота.

Проходя мимо сада своего богатого соседа, молла Наср-Эддин увидел его сидящим на дереве. Дерево было старое и толстое — в три обхвата.

— Эй, сосед,— закричал молла,— смотри не свались!

— Да разве можно с такого дерева свалиться? — ответил сосед.

— Еще как можно-то! — сказал молла Наср-Эддин.— Хочешь давай поспорим: я ударю три раза по дереву топором, и оно рухнет сейчас же.

— А что будет, если оно не рухнет? — спросил, посмеиваясь, сосед.

— Если рухнет — ты дашь мне золотой, а если нет — я тебе,— ответил молла Наср-Эддин.

— Идет! — согласился сосед.

Молла Наср-Эддин пошел за топором, принес его и ударил по дереву раз. Оно даже не покачнулось. Сосед засмеялся. Тогда молла ударил второй раз. Дерево и не думало падать. Молла Наср-Эддин бросил топор и ушел в свой сад.

— Эй, эй, молла Наср-Эддин! — закричал с дерева сосед.— Ты проиграл, давай золотой!

— Как проиграл? — закричал из своего сада молла.— Ведь я ударил всего два раза. Неизвестно, что получилось бы, если бы я ударил в третий раз!

— Ну что ж, ударяй в третий раз!

— В третий раз я ударю будущей весной! — и ушел к себе домой. Дома он увидел молодого барашка.

— Откуда это? — спросил он у жены.

— Наши аульчане подарили тебе...

Аульская молодежь знала, что молла любит ягнят, как детей, и часто подшучивала по этому поводу над моллой Наср-Эддином. И вот однажды один из молодых парней обратился к молле с таким вопросом:

— Знаешь ли ты, молла Наср-Эддин, что завтра ожидается конец света?

— Нет, этого я не знал, — ответил молла. — А тебе откуда известно?

— По аулу проезжал святой и передал это известие. Он велел всем правоверным готовиться к смерти.

— Если так, то что ж — будем ждать конца света,— ответил невозмутимо молла Наср-Эддин.

— Жалко, что и барашек твой погибнет,— продолжал парень.— Уж лучше его зарезать...

— Пожалуй, ты прав,— согласился молла Наср-Эддин. Парень, не долго думая, собрал ватагу молодежи за аул, на пастбище, где паслась аульская отара, и рассказал им, как он застращал моллу Наср-Эддина. Туда же пришел и молла.

Общими усилиями барашек был пойман и зарезан. Парни освежевали его, разложили костер, а сами разделись и пошли купаться, поручив молле Наср-Эддину наблюдать за костром.

Как только молодежь скрылась из глаз, молла Наср-Эддин собрал всю их одежду, кинжалы и побросал в костер. Вернулись парни, смотрят, а их одежды нет.

— Молла Наср-Эддин,— спрашивают они его,— а где наша одежда?

— А зачем вам одежда,— отвечает молла Наср-Эддин,— завтра конец света. Ночь как-нибудь переспите и голые...

Прошло несколько дней. Наступили тяжелые дни у моллы Наср-Эддина: не на что ему жить с женой. Жена ворчит с утра до ночи, а он все раздумывает, как бы найти легкий и доходный заработок.

Однажды утром он заявил жене:

— Ну, жена, я придумал, как нам разбогатеть!

Собрал он черепки разбитого горшка, истолок их в по-

рошок, ссыпал в мешочек и пошел по аулу, крича во все горло:

— Эй, правоверные! У кого есть крысы, покупайте порошок для их истребления!

Услышал его один аульчанин, у которого в сакле было несметное количество крыс. Выбежал он из сакли, сторговался с Наср-Эддином, получил от него порошок и заплатил деньги.

Молла Наср-Эддин, довольный почином, пошел дальше, продолжая кричать. А купивший порошок тем временем сообразил, что он забыл справиться, как нужно употреблять средство от крыс. Нагнал он торговца и спрашивает его:

— А скажи мне, молла Наср-Эддин, как же этим порошком истреблять крыс?

— О, это дело нетрудное! — ответил молла.— Нужно поймать крысу и насыпать ей немножко порошка в нос. Моментально околеет.

— Но ведь если я поймаю крысу, то проще убить ее,— ответил на это покупатель.

— Какой ты умный человек! Ведь это еще лучше: тогда и крысы переведутся, и, порошок будет цел!..

Прошло некоторое время. Какой-то человек издалека прислал молле Наср-Эддину в подарок лошадь. Но ему нечего было пахать и возить, он решил продать ее.

— Сколько же просить за нее? — спросил молла жену.

— Проси пятьдесят пять. За пятьдесят не отдавай. После продажи купи мне рубаху, чувяки, а себе папаху, материю на матрац и двадцать пять рублей неси домой.

Когда они так беседовали ночью между собой, богатый и хитрый сосед стоял у окна и подслушивал.

«Ага,— подумал сосед,— я его как-нибудь обману».

На рассвете молла Наср-Эддин сел на лошадь и тронулся в путь-дорогу. Следом за ним выехал и сосед. В дороге молла Наср-Эддин остановился, отпустил коня на траву, положил рядом с собой чалму, халат, лег и заснул крепким сном. Сосед взял его чалму, халат, сел на коня моллы Наср-Эддина, а свою папаху и черкеску положил около него, и поехал на базар.

Когда молла Наср-Эддин проснулся, не нашел ни чалмы, ни халата, ни лошади. Взял он чужую черкеску и

папаху, надел их и тоже пошел на базар. Когда пришел туда — направился в конный ряд и там увидел свою лошадь, а рядом своего соседа с чалмой на голове.

— Здравствуй, сосед! Ты что тут делаешь?— спросил Наср-Эддин.

— Продаю свою лошадь, — ответил сосед.

Молла Наср-Эддин стал рядом с ним, чтобы присматриваться и прислушиваться. Ему показалось, что эта лошадь, чалма и халат похожи на его лошадь, чалму и халат.

«Торгуется так же, как и я предполагал торговать: за пятьдесят рублей не отдает коня, а просит пятьдесят пять. Мало ли бывает на свете похожих друг на друга вещей? Может быть, и эти вещи не мои? Лучше молчать и ничего не говорить»,— подумал молла.

Много людей подходило к соседу покупать лошадь, но сосед меньше, чем за пятьдесят пять рублей, не отдавал коня. Молла Наср-Эддин совсем потерял голову и опять подумал:

«Может быть, он и есть настоящий молла Наср-Эддин?»

Не сговорившись с покупателями, сосед отправился в другой аул продавать лошадь, как до этого думал и молла Наср-Эддин, который совсем теперь обалдел, но все же пошел за ним следом в другой аул. Там сосед продал коня за пятьдесят пять рублей.

Тогда молла Наср-Эддин подошел к соседу и спросил:

— Что ты думаешь теперь предпринять?

— Пойду на базар, куплю жене рубаху, чувяки, а себе папаху, материю на одеяло и матрац, а остальные двадцать пять рублей понесу домой,— сказал сосед.

Тут уже молла Наср-Эддин принял своего соседа за настоящего моллу Наср-Эддина и следом за ним поплелся домой. Когда дошли они до дома моллы Наср-Эддина, оба вошли во двор. Жена моллы Наср-Эддина, увидев их, с радостью выскочила во двор и, приняв соседа за своего мужа, бросилась к нему в объятия.

Сосед с нею вошел в комнату, а молла Наср-Эддин остался во дворе и задумался:

«Кто же настоящий молла Наср-Эддин — я или мой сосед?»

Спустя немного времени сосед вышел из комнаты и сказал молле Наср-Эддину:

— Возьми свои вещи и заходи к себе в дом. Я давно хотел тебя обмануть, но никак не удавалось. Сегодня я тебя обманул.

Сказав это, он переоделся в свое платье и ушел.

Молла Наср-Эддин вслед ему крикнул:

— Теперь я знаю, что кто будет крепко держаться за хвост своего коня, то конь того не пропадет!

Не успел молла Наср-Эддин войти в свою саклю, как его остановил сын другого богатого человека.

— Что случилось? — спросил молла.

— Уважаемый молла Наср-Эддин! — сказал молодой человек.— Мой покойный отец...

— Что, что? Умер? — перебил молла.— Ай-ай-а-ай!— сделал он печальное лицо и подумал:

«Как известно, богатый и после смерти пользуется почетом».

Подумав так, сказал вслух:

— Слушаю тебя, слушаю.

— ...Покойный отец очень тебя любил за твой ум и веселость. Я знаю, что и ты его уважал. Весь аул собрался провожать его на кладбище.

— Конечно... да... я тоже приду, — сказал молла.

— Нет, нет.... Если ты появишься, то всем станет весело, и злые языки скажут, что никто не жалеет моего отца. Я дам тебе все, что будет самого лучшего на поминках, только прошу тебя — посиди в этот день дома!

Молла Наср-Эддин охотно согласился исполнить просьбу осиротевшего сына.

Наступил день похорон. Весь аул вышел провожать умершего, не было только моллы Наср-Эддина. Опустили в могилу покойника, поплакали и пошли обратно в аул. Идут люди и вспоминают о добрых делах похороненного, жалеют вдову и сына. Вдруг на дороге показался ишак с пустыми переметными сумами, а следом за ишаком — молла Наср-Эддин. Как назло, ишак заупрямился и не захотел идти дальше. Пришлось молле пустить в ход палку, но сколько он ни прыгал вокруг ишака, тот не сдвинулся ни на локоть. В это время люди подошли к молле. Наср-Эддин был так смешон в своем гневе на упрямого осла, что все начали весело смеяться, забыв, что они идут с кладбища.

Рассерженный сын покойника подошел к молле и спросил его:

— Почему ты вышел из дома? Ведь я же просил тебя не выходить! Видишь, что ты наделал? Все смеются, словно идут со свадьбы, а не с похорон! Каково это видеть мне и моей матери? Зачем ты вышел из дома и куда идешь? Я только что думал послать тебе обещанные подарки, а ты ушел из дома.

— Ва, вот за этим-то я и вышел! Я побоялся, что, будучи расстроен, ты забудешь обо мне, и решил, что самое верное—получить самому! Наполни мои сумы, и тогда я оставлю тебя и твоих гостей!

— Возвращайся домой и жди моего батрака! — ответил ему сын умершего.

— Нет, уж лучше я здесь его подожду — на виду у всего аула! — ответил молла Наср-Эддин и, сев подле упрямой своей скотины, начал развлекать аульчан смешными историями. Пришлось богатею послать домой работника и наполнить огромные сумы моллы Наср-Эддина разной снедью, чтобы прекратить веселье.

Когда Наср-Эддин вернулся домой, застал свою семью — жену и дочь — в слезах.

— Что вы плачете? — рассердился молла.

— Да как же не плакать, когда твоя дочь засунула правую руку в кувшин и не может ее вытащить! — ответила жена.— Горе нам, горе! Кто ее теперь возьмет замуж с кувшином на руке!..

Молла Наср-Эддин подошел к плачущей дочери и, разбив палкой кувшин, освободил ее руку.

— Какой ты умный, молла Наср-Эддин! — сказала жена.— Как просто ты это сделал!..

— А таких дур, как вы, днем с огнем не найти! Надоели вы мне своими глупостями — уйду я от вас!

— Что ты, молла Наср-Эддин! — заголосила жена.— Ну, мы глупые, а много ли таких умных людей, как ты? Куда ни глянешь — всюду не умнее нас!

— Ну, хорошо, если я найду людей глупее вас, то вернусь обратно! — сказал молла Наср-Эддин, взял посох и ушел из дома.

Пришел он в соседний аул, вышел на площадь и видит: сидят люди кучкой и о чем-то спорят.

— О чем вы спорите, добрые люди? — спросил их молла Наср-Эддин.

— Может быть, ты нас разведешь, добрый человек!—

ответили ему люди. — Сели в кучу, перемешали ноги, а теперь не можем разобрать: где чьи.

— Ну, так я вас быстро разведу! — сказал молла Наср-Эддин и ну их бить толстой палкой по спинам.

Те вскочили и разбежались в разные стороны.

— Ну, теперь разобрались? — спросил молла Наср-Эддин.

— Спасибо тебе, добрый человек! — ответили ему глупые люди.

Убедившись, что на свете есть дураки еще большие, чем его жена, молла Наср-Эддин вернулся домой и застал там хорошего знакомого, охотника, которому он толок серу для изготовления пороха. Охотник за это подарил ему убитых зайцев, распрощался и ушел. После него к молле Наср-Эддину пришли гости, и жена подала им на угощенье жареного зайца.

— Ва! А мы и не знали, что ты охотник! — сказали гости, попробовав жаркое.

— О, и еще какой! — заявил с гордостью молла Наср-Эддин, а сам в это время подумал:

«Беда, если кто-нибудь проведает о моей сделке с охотником! Тогда пропадут мои зайцы: люди завистливы, и кто-нибудь отобьет у меня это доходное дело!»

Но гости поверили молле Наср-Эддину и предложили вместе пойти на охоту. Молла начал отговариваться тем, что его ружье взял оружейник в починку. Тогда один из гостей предложил ему свое, и молле ничего не оставалось делать, как согласиться.

И вот — молла Наср-Эддин, закинув ружье за плечи, отправился на охоту. Гости ходили по пятам за ним, чтобы подивиться меткому выстрелу моллы. Но заяц, как назло, все не попадался. Исходили все ближайшие равнины, а зайца нет и нет. Совсем уже решили возвращаться домой, как вдруг дорогу перебежал заяц.

— Стреляй! — закричали в один голос гости моллы Наср-Эддина.

Молла вскинул ружье, выстрелил и, конечно, промахнулся. Заяц, изменив направление, кинулся вниз по дороге.

— Смотрите, смотрите! — закричал молла Наср-Эддин, предугадывая попреки гостей за свой промах.— Заяц побежал прямой дорогой ко мне в дом!

Гости начали бранить моллу, так как никто не пове-

рил ему. Но домой все же пошли. Войдя к себе в саклю, молла крикнул жене:

— А ну-ка покажи убитого зайца!

Жена спустилась в погреб и принесла зайца.

Тогда молла пригласил всех гостей в саклю.

— Входите, входите — заяц уже здесь!

Так навсегда упрочилась за моллой Наср-Эддином слава хорошего охотника. Но были и недруги у него. Об этом один из тех, кто хвалил моллу, сказал ему:

— Будь осторожен, молла Наср-Эддин: в ауле говорят, что ты надоел людям своими проделками, и они решили сжечь твой дом, чтобы ты покинул этот аул.

Молла улыбнулся, и глаза его заблестели, а в это время с улицы донесся крик:

— Выходи, молла Наср-Эддин, из сакли! Мы ее сейчас подожжем!

— Что вы, добрые люди? Чем я вас так прогневал?— закричал молла.

— Надоели нам твои шутки — покинь наш аул! А чтобы тебе некуда было вернуться — мы сожжем твой дом!

— Дом мой и без того развалился — жгите!— сказал молла. — Вот только сарай оставьте!

Чтобы сильнее досадить молле Наср-Эддину, аульчане сожгли именно сарай — пусть сильнее жалеет!

Прошло несколько дней, а молла Наср-Эддин и не думает покидать аул. Тогда пришли к нему люди и говорят:

— Уходи!

Взял молла переметные сумы, положил на дно их все свои сбережения — два золотых, насыпал сверху углей от сгоревшего сарая и пошел к хану. Пришел в ханский дворец, оставил сумы в сенях, а сам пошел в ханские покои. Посидел у хана, поговорил с ним о том, о сем и собрался уходить. Вышел в сени, взял в руки свои сумы и вдруг как закричит на весь дворец.

— Что с тобой, молла Наср-Эддин? Что ты кричишь?

— Как же мне не кричать? — ответил молла.— Твоя челядь меня обокрала, а я должен молчать?

— Что ты говоришь, молла Наср-Эддин,— удивился хан.— Что же у тебя украли?

— Все мое имущество!—отвечал молла Наср-Эддин.—

Я решил уйти из этого аула, насыпал в сумы золота, а твоя челядь подменила золото углями.

— Что ты мне сказки рассказываешь? — засмеялся хан.— Откуда у тебя могло быть золото?

— Всю жизнь копил, чтобы на старости лет не умереть с голоду, а ханские люди меня обокрали! — продолжал причитать молла Наср-Эддин.

— Перестань, глупый выдумщик! — рассердился хан.— Никакого золота у тебя и не было в твоих сумах. Это — вечные твои шутки!

— Как не было? — в свою очередь рассердился молла Наср-Эддин.— Давай вытрясем сумы — не может быть, чтобы где-нибудь не завалялся золотой!

Вытряхнул на пол угли — и два золотых покатились в разные стороны.

— Теперь ты мне веришь? — спросил молла хана.

— Да...— ответил хан.— Кто же тебя обокрал?

— Если бы я знал, то, поверь, сумел бы расправиться с вором! — ответил молла.— Но я знаю только одно, что меня обокрали в твоем доме, и чтобы на этом доме не было позора, тебе придется украденное мне вернуть.

Делать нечего — пришлось хану насыпать молле Наср-Эддину полные сумы золота. Веселый и довольный вернулся молла в аул и начал всем рассказывать, что хан за угли от сгоревших домов дает золото. Тогда все его соседи сожгли свои дома, насыпали в переметные сумы углей и пошли к хану. Тот их прогнал с позором. Вернувшись в аул, они решили отомстить молле Наср-Эддину. Схватили они его, посадили в мешок, привязали к перилам моста, а сами пошли в лес, чтобы срубить палки и покрепче избить ими коварного моллу.

А молла Наср-Эддин висит над мостом и слышит: на мост ступила отара.

— Не хочу быть ханом! Не хочу быть ханом! — начал вопить молла из мешка.

Остановился пастух, спрашивает:

— Это кто кричит?

— Это я! Молла Наср-Эддин!

— Что же ты кричишь и почему ты в мешке?

— А это меня посадили потому, что хотят сделать меня ханом, а я отказываюсь.

— Вот чудак! — удивился пастух.— Кто же не хочет быть ханом?

— Я не хочу! — ответил молла Наср-Эддин.

— Ну если ты не хочешь, тогда давай буду я,— предложил пастух.

— Спасибо тебе, братец! — сказал молла.— Развяжи меня и спусти на землю, а сам полезай в мешок.

Так и сделали. Влез пастух в мешок, а молла Наср-Эддин быстро погнал его отару прочь от моста. Вернулись соседи моллы с дубинками и начали колотить пастуха.

А пастух знай кричит:

— Хочу быть ханом! Хочу быть ханом!..

— Слышите? Он еще хочет быть ханом! Бейте его сильнее!

Избили люди пастуха и бросили его в реку.

— Ну, теперь-то мы уж окончательно избавились от этого старого болтуна! — радовались они.

Прошло несколько дней, и вдруг в ауле появился живой молла Наср-Эддин да еще с большой отарой черных овец. Удивились люди, спрашивают:

— Как ты жив остался и откуда у тебя овцы?

— А это когда вы меня сбросили с моста в реку, я и набрал овец,— ответил молла Наср-Эддин.

— Откуда же ты их набрал? — еще больше удивились соседи.

— А вы видели на дне реки черные и белые камни?— задал им вопрос молла Наср-Эддин.

— Видели...— недоуменно ответили соседи, не зная, к чему клонит молла Наср-Эддин.

— Ну так вот: черные камни — это черные овцы, а белые — белые. Когда я упал, то крепко ухватился за черных, а потом вместе с ними вылез из реки.

Завидно стало аульчанам: везет же этому молле Наср-Эддину! И решили они сделать так же: побросались в реку, разбились о камни, а молла Наср-Эддин избавился от своих недругов. Только время от времени жена раздражала его. Во время рамазана *, когда правоверные постились целыми днями, молла Наср-Эддин не выдержал поста, положил себе на тарелку плов и начал есть. В это время вошла жена и закричала:

— Что ты делаешь, старый греховодник? Ты нарушаешь законы пророка? Разве можно есть, когда начинается ураза *?

— Ну вот, ты всегда предупреждаешь меня или

слишком рано, или слишком поздно,— ответил невозмутимо молла Наср-Эддин.

Вскоре он сильно заболел и сказал жене:

— Чувствую, что пришел мой последний час. Если я умру, то тебе трудно будет жить одинокой. Выходи замуж за нашего соседа. Он вдовец, и дом у него богатый.

— Да я всю жизнь об этом думала! — вскричала жена.

— Ты правду говоришь? — молла повернул голову к жене.

— Конечно, правду, — ответила жена.

— В таком случае я не умру,— сказал молла.

— Не умрешь? — обрадовалась жена.— Ой, как сильно заколотилось сердце оттого, что не умрешь... Вот послушай...

Через некоторое время жена моллы родила ребенка. Но сама она была злая, сварливая, особенно, когда ребенок плакал, и во всем винила моллу.

Как-то ночью ребенок сильно раскричался. Жене было лень подняться с теплой постели. Она толкнула моллу в бок:

— Вставай, лодырь! Ребенок плачет, а тебе хоть бы что! Будто не знаешь, что это и твой ребенок! В нем и твоя половина есть!

Молла Наср-Эддин ответил:

— Пусть моя половина плачет, а ты свою укачай! — и повернулся на другой бок.

Проснувшись наутро, вышел молла из дома. Навстречу — аульчанин, останавливает моллу и говорит:

— Э-э, молла Наср-Эддин, ты знаешь что?

— Что?

— Плохо говорят о твоей жене!

— А что же говорят? — поинтересовался молла.

— Говорят, будто она ходит по аулу и заходит в каждую саклю.

— Ну, это неверно! — рассмеялся молла Наср-Эддин.— Если бы она ходила по всем саклям, уж, наверное, зашла бы ко мне, а то вот идет вторая пятница, а ее все нет!...

Всю ночь не спал молла Наср-Эддин, думал:

«Я уже в преклонных годах, надо взять себе вторую жену — молодую». Через три дня взял вторую жену.

Старая и молодая жена очень любили моллу и стали

сильно ревновать друг к другу. И каждая старалась сделать так, чтобы молла больше подходил к ней по виду: когда он приходил к молодой жене, она вырывала у него на голове седые волосы, а когда приходил к старой, она вырывала все черные. За короткий срок молла Наср-Эддин стал совсем лысым.

Но ссоры между женами продолжались. Однажды они крепко поспорили между собой о том, кого из них молла больше любит. Каждая утверждала, что ее любит сильнее. Молодая говорила, что он любит сильнее ее, так как она молода и красива, и не может любить старуху. А старая отвечала, что к ней он сильнее привязан, так как она прожила с ним долгую жизнь и всегда его любила. Не решив спора между собою, жены обратились с вопросом к самому молле Наср-Эддину.

Молла Наср-Эддин глубокомысленно помолчал и ответил, что скажет свое мнение через сутки, а сам поехал в город и купил там две совершенно одинаковые нитки синих бус.

Вернувшись домой, молла позвал сначала старую жену и очень таинственно, не велев об этом говорить молодой жене, подарил ей бусы. Потом вызвал молодую жену и с ней поступил так же, прося подарок не показывать старой жене, чтобы не вызвать ее зависти. Молодая поверила, что он привез бусы только ей одной, очень обрадовалась и обещала хранить тайну.

На другой день жены обратились к молле с просьбой ответить на их вопрос. Тогда молла многозначительно сказал:

— Я люблю больше ту, у которой синие бусы!

Жены облегченно вздохнули и спокойно легли спать.

Молла Наср-Эддин тоже спокойно заснул, а когда проснулся чуть свет — нет одной жены. Звал, звал — нет. Вышел из сакли — и во дворе нет.

«Может, конюшню чистит от навоза?» — подумал он. Зашел в конюшню, посмотрел туда-сюда — нет ее. Глядит — и осла нет. Кличет, зовет — пропал осел! Поднялся на крышу и ну вопить:

— Жена с ослом сбежала!

На крики моллы сбежались соседи.

— Что ты надрываешься, молла Наср-Эддин? Твоя жена вышла искать осла, найдет — вернется.

— Что вы мне рассказываете! — отмахнулся молла.—

Когда-то одна моя жена сбежала с одним ослом, да так и не вернулась. Вот я и боюсь, что и эта не вернется! — и вошел в саклю. Долго лежал, не разговаривая, до самого обеда.

— Вставай, молла,— сказала старшая жена,— я тебе вкусный суп сварила,— и подала ему обед. И себе налила супу. Хлебнула она ложку, обожглась и закашлялась до слез.

— Что с тобой? — спросил молла, держа ложку в руках.

— Ах, я вспомнила свою мать, и мне стало грустно до слез,— ответила хитрая женщина.

Молла Наср-Эддин покачал головою и начал есть суп. Проглотил ложку и тоже обжегся. Вскочил с ковра и забегал по сакле.

— Что с тобой, молла Наср-Эддин? — лицемерно спросила жена.— Чем ты расстроен?

— Я жалею, что твоя мать, умирая, не захватила тебя с собой!— ответил молла Наср-Эддин и лег. Лежит, смотрит на жену и вспоминает, как он женился на ней, будучи молодым.

— Я хочу жениться, — сказал он отцу, но тот запретил ему об этом даже заикаться.

— Подрастешь, поумнеешь, тогда и женишься...

Но, несмотря на запрещение, молла Наср-Эддин каждый день приставал к отцу. Наконец, тому это надоело, и он сказал:

— Ну, ладно. Женись. Пойди завтра рано утром на речку, спрячься в кусты около того места, куда наши женщины ходят за водой, и первая, которая придет, будет твоей женой.

Нечего делать — согласился молла Наср-Эддин, хотя невеста давно уже была у него на примете.

На другой день чуть свет пошел он на речку и спрятался около того места, куда приходят все женщины, чтобы набрать воды. Сидит и ждет. Приходит одна — он из засады не выходит, приходит другая, третья, четвертая, а молла все сидит. Женщины набирают воду и уходят с речки, а он все сидит и сидит.

Наконец, приходит на речку его родная бабушка с отцовской стороны. Недолго думая, молла Наср-Эддин выскочил из засады, обхватил ее руками и заявил, что хочет на ней жениться.

Разгневанная бабушка бросилась домой и нажаловалась своему сыну, что внук хочет на ней жениться. Отец Наср-Эддина вышел из себя от такой наглости, схватил ружье и бросился разыскивать сына, чтобы пристрелить его, как собаку, и нашел его на том же месте, где оставила его бабушка.

— Ну, подлое животное, приготовься к смерти! Я тебя сейчас убью! — вскричал отец.

— За что же? — удивился молла Наср-Эддин.

— Как за что? За то, что ты хотел жениться на моей матери!..

— За это?.. Тогда дай мне ружье — я сначала застрелю тебя.

— Негодный щенок! — вскипел отец, окончательно выведенный из терпенья.—За что же меня-то ты хочешь застрелить?

— А за то, что ты на моей матери женат уже тридцать лет. Если ты хочешь меня убить только за то, что я собирался жениться на твоей матери — тогда почему же я не могу убить тебя?

Отцу ничего не оставалось, как разрешить молле Наср-Эддину жениться, на ком он хочет.

Вспомнив все это, молла Наср-Эддин еще раз посмотрел на свою жену. Ночью он встал и решил обокрасть одного князя, на которого давно был зол.

Молла раздобыл лестницу и отправился с нею к дому князя. Была тьма, весь аул спал. Но все же молла побоялся оставить лестницу снаружи. Влез в окно и втащил за собой лестницу в комнату. Князь от шума проснулся и закричал:

— Что ты здесь делаешь, старый дурак?

— Продаю лестницу,— ответил молла Наср-Эддин не растерявшись.

— Вот тоже, нашел место, где продавать лестницу!

— А почему же нет? Лестницу везде можно продавать — это не баран! — ответил молла.

Князь рассмеялся и отпустил моллу Наср-Эддина с миром. За то, что князь не причинил ему вреда, молла Наср-Эддин решил сделать ему подарок. Зарезал гуся, велел жене зажарить и пошел к князю.

По дороге молла соблазнился гусем и съел от него ногу.

Пришел молла к князю и подает ему гуся:

— Прими, князь, скромное приношение.

Взял князь гуся в руки и удивился:

— А где же вторая нога?

Ничуть не смутившись, молла ответил:

— У наших гусей только по одной ноге.

— Как так? Не может этого быть! — возразил князь.

— Если ты мне не веришь, то вот посмотри! — сказал молла, указывая на гусей, только что вышедших из пруда.

Посмотрел князь в окно и видит: действительно гуси стоят на одной ноге. Тогда князь бросил палку — и гуси побежали.

— Что же ты меня обманываешь — у них по две ноги! — вскричал князь.

— Что же тут удивительного! Если бы такой палкой бросить в тебя, так у тебя стало бы четыре ноги!

Князь посмеялся, подарил молле Наср-Эддину дорогой бешмет и отпустил домой. Возвращался молла домой, и вдруг кто-то сильно ударил его по шее. Разгневанный молла обернулся и закричал на незнакомого ему человека:

— За что ты ударил меня, и какое право имеешь ты это делать?

— Прости меня, добрый человек, я обознался. Принял тебя за моего старого знакомого.

Несмотря на извинения, молла Наср-Эддин не простил и подал на него жалобу судье. Но судья был другом его обидчика, и они еще до суда сговорились, как поступить с моллой.

Настал день суда. Молла Наср-Эддин начал жаловаться судье на дерзость незнакомца, причинившего ему неслыханную обиду, а судья его и слушать не хочет. Все же, видя, что ему не избавиться от моллы, судья решил:

— Возьми от обвиняемого рубль, и на этом мы покончим дело.

— У меня нет денег при себе,— сказал обвиняемый.

— Сходи домой и принеси,— сказал судья.

Тот так и сделал. Проходит час, проходит два, три, а обидчик все не возвращается. Поняв, что его обманули, молла пошел к судье, ударил его изо всей силы по шее и говорит:

— Ждать больше у меня нет времени. Так как я при-

чинил тебе такую же обиду, то возьми у обвиняемого мой рубль, и мы квиты!..

Когда молла подходил к своему дому, кто-то остановил его и сказал:

— Князь собрался на охоту. Велел, чтобы ты пришел к нему.

Молла Наср-Эддин пошел и видит — все на конях. Князь распорядился дать ему коня из своей конюшни. Слуги князя, потехи ради, дали ему старую-престарую клячу.

Не успели охотники выехать в поле, как ударил гром и хлынул ливень. На молле Наср-Эддине был новый бешмет, который он очень берег. Недолго думая, молла Наср-Эддин разделся, спрятал одежду под седло и голый поехал к дому. Когда дождь перестал, молла Наср-Эддин, не доезжая до аула, оделся. В аул молла въехал сухим и остановился у ворот, дожидаясь князя.

Через некоторое время подъехал князь, весь вымокший.

— Почему ты сухой? — удивленно спросил князь моллу Наср-Эддина.— Посмотри на меня — ручьи бегут с моей одежды!

— А потому, что конь мой — самый быстрый из всех твоих коней,— ответил молла.— Я первым прискакал сюда и встал под навес.

Удивился князь, ибо с виду конь моллы не казался хорошим...

Прошло несколько дней, и князь опять отправился на охоту. На этот раз, к удивлению всей челяди, он велел оседлать себе клячу, на которой ездил на охоту молла Наср-Эддин, а молле дать своего скакуна.

И опять охотников застал дождь. Молла поступил так же, как в прошлый раз, и в аул вернулся сухим. Князь же на своей кляче вымок так, что на него жалко было смотреть.

— Ты меня обманул. На этой кляче я вымок еще пуще прежнего!

— Если бы ты снял с себя одежду и спрятал ее под седло, то был бы таким же сухим, как я! — ответил молла Наср-Эддин и, никем не задержанный, вернулся домой. Поспал ночь и утром ушел поохотиться на перепелов. Как известно, для этой охоты нужен обученный ястреб, но его у моллы не было. Тогда молла поймал во-

рона и спустил его на дичь. Ворон полетел и вдруг сел на дойную буйволицу.

— Вот это добыча, пожалуй, лучше перепелов! — сказал молла Наср-Эддин, взял буйволицу за веревку и повел ее домой.

Обрадовалась жена моллы, поставила буйволицу в хлев и тотчас же подоила ее. Выпил молла Наср-Эддин густого буйволиного молока и еще пуще обрадовался своей находке.

Но радоваться ему пришлось недолго. Прибежал хозяин буйволицы и закричал:

— Как ты смел взять мою скотину? Отдай ее мне!

Молла не смутился:

— Я не брал у тебя буйволицы — это моя охотничья добыча. Как же ты хочешь ее у меня отнять? Тогда ты должен потребовать от всех охотников, чтобы они вернули перепелок.

Но хозяина буйволицы этот ответ не удовлетворил. Он пошел к судье и подал на моллу Наср-Эддина прошение. Узнав об этом, молла как-то вечером отправился к судье. Шел он задворками, чтобы его никто не увидел. Пришел к судье и говорит:

— Я знаю, что хозяин буйволицы, которую я поймал на охоте, подал на меня прошение, чтобы я вернул ему его скотину. Но какая же тебе от этого будет польза? Ты ему ее вернешь, а сам останешься ни с чем, тогда как я буйволицу оставлю себе, а молоко ее буду каждый день носить тебе.

Судья остался доволен таким оборотом дела, и когда настал день суда, присудил буйволицу молле Наср-Эддину.

Первое время молла честно исполнял свое обещание — носил судье молоко каждый день, но вскоре это ему надоело. А судье так нравилось буйволиное молоко, что он стал требовать, чтобы молла носил ему молоко два раза в день.

И вот однажды молла совсем не понес судье молоко. Тот, прождав до вечера, послал свою служанку, чтобы узнать, в чем дело. Молла сам пришел вместе со служанкой к судье и говорит:

— Моя буйволица отелилась. Какой у нас с тобой был уговор? Что буйволица принадлежит мне, а молоко тебе. Ну, так вот: буйволица по-прежнему моя, а молоко

теперь нужно буйволенку. Значит, я ни в чем перед тобой не виноват, ничего теперь не должен.

Так, перехитрив судью, молла Наср-Эддин пошел в соседний аул к своему знакомому. Оттуда к себе возвращался ночью. На краю аула протекала речка, через которую был перекинут мост. Когда молла подошел к мосту, весь аул уже спал. Вдруг на другой стороне моста показался всадник. Он очень спешил, все время подгоняя своего коня плетью.

«Кто бы это мог быть и куда это всадник спешит?»— подумал любопытный молла Наср-Эддин. Не желая быть узнанным, он спустился под мост и стал ждать всадника. Когда тот подъехал, молла узнал в нем старшину своего аула.

«Куда же он едет в такую позднюю пору один? Уж не случилось ли чего? — опять подумал встревоженный молла.— Обязательно прослежу, куда он поедет...»

Хотя и трудно было бежать за конем, все же молла Наср-Эддин одновременно с всадником был в соседнем ауле. Старшина подъехал к крайней сакле, вошел во двор, привязав коня к столбу у ворот. Молла спрятался за углом, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Старшина постучал в дверь. Дверь открылась. Старшина стремительно вошел в комнату и, быстро захлопнув дверь, запер ее на замок. Молла подошел к двери и прислушался.

За дверью раздавался гневный женский голос. Женщина говорила:

— Какое право ты имеешь насильно входить в мой дом? Уходи отсюда немедля!..

Вслед за этим послышались крики и женский плач.

Молла сразу догадался, в чем дело, сел на лошадь старшины и поехал домой. Поставив лошадь в конюшню, он спокойно лег спать. Утром молла вышел прогуляться. Проходя мимо мечети, увидел около нее много народа. Подойдя ближе, разглядел старшину, бледного, с исцарапанным лицом, который, обращаясь к народу, говорил:

— Правоверные, у нас начались кражи. Вчера ночью у меня из конюшни украли лошадь. Я с раннего утра ее ищу, но никто ничего не знает. Все говорят, что не видели ее и не знают, кто вор. Так знайте же: у кого эта лошадь найдется, тот будет всенародно осужден и не получит пощады.

Тогда молла, подкравшись тихонько к старшине, сказал ему на ухо:

— Зачем ты так шумишь? Твоя лошадь у меня, я на ней буду ездить и не отдам ее тебе.

Старшина вскочил взбешенный.

— Как это так? Если ты говоришь правду, то сейчас же приведи лошадь ко мне! Тогда мы посмотрим, что с тобой делать!

Молла пошел домой, сел верхом на лошадь и подъехал на ней к старшине. Увидев своего коня, старшина пришел в бешенство:

— Тебе голову мало отрезать, негодный вор! Говори: как эта лошадь попала к тебе?

Молла Наср-Эддин, ничуть не испугавшись гнева старшины, ответил:

— Напрасно ты гневаешься. Все равно лошадь я тебе не отдам.

— Как так не отдашь? — закричал старшина.— Говори, как эта лошадь попала к тебе?

— Ночью, когда ты воевал с женщинами, я взял эту лошадь в плен,— ответил спокойно молла Наср-Эддин.

Старшина испугался, как бы весь народ их не услышал, отвел моллу Наср-Эддина в сторону и говорит:

— Молла Наср-Эддин, я всегда любил и уважал тебя больше всех других аульчан. Ты умный, почтенный человек. Пусть этот конь останется у тебя, только обещай ни одному человеку не рассказывать ни о чем. Тогда мы с тобой будем друзьями.

Молла согласился. Успокоенный старшина пошел домой, а молла верхом на его коне поехал по аулу. Едет он и — только увидит двух или трех человек — сейчас же останавливает коня — рассказать о ночном приключении старшины. Старшина узнал об этом, пришел к молле и говорит:

— Как тебе не стыдно, молла Наср-Эддин! Ведь я тебе подарил коня и просил ни одному человеку не рассказывать, как он тебе достался. А ты что делаешь?

Молла ответил ему:

— Ты просил меня ни одному не говорить — верно! Я исполняю условие: я говорю не одному, а тысяче людей, — и молла, вернувшись домой, лег отдохнуть. Только растянулся, как вошел богатый сосед:

— Дай мне на время осла перевезти сено.

Осел у моллы был старый, и он пожалел его дать.

— Осла нет дома! — сказал молла.

— Жаль, жаль! — сказал сосед и пошел уже к калитке, но в это время, как на грех, осел в конюшне закричал трубным голосом.

— Что же ты говоришь неправду, молла Наср-Эддин? — укоризненно сказал сосед.— Ведь твой осел в конюшне.

— Ах ты, старый дурак, невежа! — закричал молла Наср-Эддин. — Ты что же — ослу больше веришь, чем мне?!

А когда богатый сосед ушел, через час молла Наср-Эддин отправился на осле в лес за хворостом. День был жаркий, осел шел медленно, моллу начала томить жажда. Сняв с себя бешмет, он положил его на спину осла и сказал:

— Пойди к жене, отнеси мой бешмет и принеси мне кувшин с водою!

Повернув осла обратно и дав ему хорошего пинка ногой, молла Наср-Эддин прилег отдохнуть. Солнце уже клонилось к закату, когда он проснулся. Поглядел вокруг — осла все еще нет.

— Вот подлое животное! — разгневался он.— До сих пор еще не вернулся!

Молла встал и отправился ему навстречу.

Идет и все поглядывает, не видать ли осла.

Прошел уже больше половины пути, а осла все нет и нет.

Вдруг на зеленой лужайке увидел его: осел мирно пощипывал травку.

— Так-то ты исполняешь мои приказания! — закричал молла Наср-Эддин на осла.— Ну ладно, я с тобой разделаюсь!..

Гневные слова хозяина на осла ничуть не подействовали: он продолжал щипать сочную траву.

— Ах так! Ты меня даже слушать не хочешь! — все больше гневаясь, кричал молла Наср-Эддин и тут только увидел, что его бешмета на осле нет: осел потерял его.

Сорвав с осла седло, молла Наср-Эддин сказал с угрозой:

— Пока ты не вернешь мне бешмета, не получишь седла!..

Этот осел у моллы Наср-Эддина был самый упрямый во всем ауле. Кое-как пригнал он его домой, взвалил на него мешок пшеницы и погнал на мельницу. Там он встретил много знакомых, за шутками и смехом не заметил, как наступила ночь. Спохватился молла, заторопился домой, еле попрощавшись с мельником и знакомыми.

Поехали. Пока ехали ровным местом, осел шел без понуканий, но вот подъехали к горе, которую нужно было перевалить, чтобы попасть домой, и тут осел заупрямился. Сколько ни бил его молла палкой, не мог сдвинуть с места.

— Ах ты, упрямая скотина! — вскричал он, приходя в ярость.— Этак я с тобой всю жизнь здесь простою!

Схватил осла за уши и стал тянуть вперед, а осел — пятится назад.

— Э-э! — закричал молла Наср-Эддин.— Теперь я знаю, как с тобой поступить, подлая скотина!

Обошел осла, схватил его за хвост и с силой потянул назад.— И — не успел охнуть — как осел был уже на вершине горы.

Шел молла за ослом и думал, не отправиться ли на своем упрямом осле в город? Сел на него и поехал туда.

Подъехал он к базару, привязал осла к столбу, а сам сел под навесом и попросил дать ему чаю.

В это время какой-то человек остановился, слез с осла и начал его привязывать рядом с ослом моллы Наср-Эддина.

— Не делай этого, почтеннейший,— сказал ему молла,— мой осел на весь аул славится своим норовом. Как бы чего не случилось!..

Человек промолчал и, подойдя к молле, сел рядом с ним.

«Видно, глухонемой»,— подумал молла, встал и пошел к ослу с намерением перевязать его к другому столбу. Но в это время осел моллы так брыкнул чужого осла, что тот замертво упал с распоротым животом.

Хозяин осла вскочил и начал ругать моллу Наср-Эддина.

— Ведь я же тебя предупреждал,— ответил ему молла.— Сам виноват.

Но человек не слушал его доводов:

— Твой осел убил моего осла, и ты должен мне за него заплатить!

— Что еще выдумал,— рассмеялся молла.— И не подумаю...

Тогда человек пошел к судье и подал ему жалобу на Наср-Эддина.

Судья вызвал к себе моллу и начал его допрашивать. Но молла Наср-Эддин упорно молчал.

Судья покачал головой и сказал:

— Я вижу, что этот человек немой. Какая же на нем может быть вина?

Тогда истец рассердился:

— С чего это ты решил, что он немой? Когда я подъехал к базару он мне сказал, что его осел славится на весь аул норовом, и потому не советовал привязывать моего осла рядом с ним. А ты говоришь, он немой!

— Так чего же ты требуешь с него денег за убитого осла, если он тебя предупреждал? — спросил судья.— Этот человек ни в чем не виноват!

— Правильно!—закричал обрадованно молла Наср-Эддин.— Я ему то же самое говорю, а он не поверил.— Так молла Наср-Эддин доказал свою правоту.

На другой день молла Наср-Эддин отправился в соседний аул на базар потолкаться среди народа. Возвращаясь домой, он почувствовал усталось, прилег на камень, завернулся в шубу и заснул.

В это время по дороге шел нищий. Увидел он спящего человека, подкрался к нему и отрезал полу его шубы. Молла Наср-Эддин продолжал спать, и тогда нищий решил отрезать и вторую полу. Но в это время молла открыл глаза и сказал:

— Ну ладно, ладно! На папаху тебе хватит, а уж шубу оставь мне!..

Рано утром молла вернулся в свою саклю.

Отдохнул день-два и хотел поехать в дальний аул, но случилась беда: украли единственного осла. Молла очень рассердился, начал упрекать жену. На его крики сбежались соседи.

— Ты сам в этом виноват, молла Наср-Эддин.— сказал один,— не умел беречь свое добро от воров.

— Нет, уж если кто виноват, так это моя жена! — кричал молла.— Это она обязана была следить за ослом!

— Вот видите, какой мой муж: вора оправдывает, а свою жену обвиняет,— сказала жена моллы. Она повернулась к молле и давай его ругать и позорить:

— Лентяй! Жить любишь хорошо! Вечно занимаешь деньги! Бездельник! Ты только и умеешь, что брать взаймы! Ты должен и аллаху, и шайтану!..

— Ха-ха-ха-ха-а-а! — рассмеялся молла Наср-Эддин.—Ты как раз назвала тех, которым я ничего не должен!..

Люди разошлись. Скрылась и жена, а молла Наср-Эддин долго стоял в раздумье перед большим ореховым деревом, на котором было много доспевающих орехов. Стоял, стоял, а затем обратился к аллаху с вопросом:

— О всемилостливый, всемогущий, почему ты так странно сотворил природу: на таком большом и красивом дереве растут маленькие и ничтожные плоды, в то время как на какой-то травке, ползущей по земле, прекрасные сочные арбузы?..

Долго стоял молла Наср-Эддин под деревом, дожидаясь ответа, но его не последовало. Тогда он улегся под тенью его и сладко заснул. С дерева сорвался орех и упал ему прямо на лоб.

— Вай! — вскричал испуганно молла Наср-Эддин, хватаясь за шишку на лбу.— Твоей мудрости нет предела, милосердный аллах! Что было бы, если бы на этом дереве росли арбузы? Он встал и пошел за аул, глубоко задумавшись. Шел по дороге, которая была размыта дождями. Молла поскользнулся и упал. С трудом поднявшись, он увидел, что вся его одежда в грязи. Не желая показываться на людях в таком виде, он снял с себя все и развесил сушить на солнце. Но не стоять же на дороге голым? Вдруг кто-нибудь пройдет!

Неподалеку молла Наср-Эддин заметил кладбище. Направился туда и влез в только что вырытую могилу. На дороге было пусто, молла начал подремливать, как вдруг услышал звон бубенчиков, топот, крики. Молла, забыв, что он голый, выглянул из могилы. По дороге проходил караван.

Увидев голого человека, ослы испугались, смешались в кучу и, перебив все горшки, которыми были нагружены, бросились наутек. Караванщики подбежали к молле Наср-Эддину, крича в исступлении:

— Почему ты вылезаешь из могилы? Откуда ты? Кто такой?

— Я с того света. Вылез узнать, какие новости на земле,— смиренно ответил перепуганный молла.

— Новости? — закричали погонщики.— Мы покажем тебе новости! — Вытащили моллу из могилы и избили его до крови.

Забыв про сушившуюся одежду, молла Наср-Эддин побежал что есть духу домой. Жена, увидев его голым и израненным, испуганно спросила:

— Откуда ты, несчастный?

— С того света,— ответил молла.

— Ва-аллах! Горе мне! Неужели на том свете так избивают правоверных? Видно, нигде нет счастья! — и жена горько заплакала.

— Не плачь, жена,— ответил молла,— ничего страшного с правоверными на том свете не случится. Не нужно только пугать ослов — и все будет в порядке.

После того, как жена дала молле сухую одежду, Наср-Эддин пошел в город, сел передохнуть и начал разглядывать прохожих.

— Вот времена настали! — сказал молла, обращаясь к рядом сидящему человеку.— Папах никто не носит, бешметов тоже... Прямо глядеть не хочется!

В это время мимо базара проходили девушки в коротких юбках и со стриженными волосами.

— А вот здесь можно поглядеть! — заулыбался молла Наср-Эддин. — Если бы в наше время женщины ходили в таких платьях, то мы так скоро не состарились бы!

— А сколько тебе лет, уважаемый? — спросил собеседник.

Чуть задумавшись, молла ответил:

— Семьдесят четыре года, три месяца, десять дней и три часа!

— Откуда у тебя такая точность? Даже часы помнишь!

— А как же! Моя мать говорила, что я родился после обеда.

НЕДОВЕРЧИВЫЕ СОСЕДИ

Жили медведь, волк и дикий кабан, а по соседству с ними — заяц, лиса и дикий кот. Однажды медведь, волк и дикий кабан остались без пищи.

— Ну-ка, — сказал их вожак-медведь, обращаясь к волку,—сходи к соседке-лисе и займи у нее мяса.

— Здравствуйте! — сказал волк, заходя к лисе.— Да будет добро вам!

Лиса встала и ответила:

— Здравствуйте! Добро пожаловать! Что ты бродишь?

— Мы сегодня остались без еды,— ответил волк.— Наш вожак сказал мне, чтобы я пошел к тебе и занял мяса.

Лиса сказала зайцу и коту:

— Ну-ка дайте ему волчью голову и волчью грудинку!..

— Ух ты! И волчье мясо едите? — струсил волк и бегом пустился обратно.

— Ты почему не принес мяса? — спросил медведь.

— Лисы не было дома,— соврал волк, боясь выдать свою трусость.

— Не будет от тебя толку,— сказал медведь.

— Ну-ка ты сходи,— послал медведь кабана.

— Хрю-хрю! — захрюкал кабан и побежал к лисе.— Я за мясом пришел. Медведь велел.

— Ну-ка,— сказала лиса своим товарищам,— отдайте ему кабанью голову и кабанью грудинку.

— Ой-ой! Вы и такое мясо едите? — струсил кабан и обратно понесся.

— И ты вернулся ни с чем? — зарычал медведь.

— Хрю-хрю! Я никого не застал из соседей.

— Толку нет от вас! — и медведь сам отправился к лисе.

— Здравствуйте! Да будет добро вам! — сказал косолапый.

— Добро пожаловать! — приветствовала лиса вставши.— Что ты бродишь? Что надобно?

— Я пришел, чтобы занять мяса на сегодня. Нынче мы остались без еды.

— Ну-ка дайте ему медвежью голову и медвежью грудинку! — приказала лиса.

— Ух-х-х!— зарычал медведь испугавшись. — Вы и медвежье мясо едите? — и помчался домой. Своим товарищам он сказал:

— Ничего не получается у нас. Придется их пригласить к себе и угостить яствами. Для этого ты, волк, притащи одну овцу, а ты, кабан,— мешок проса для бузы. Ну, живее! Так сидеть без дела — ничего не выйдет! С

соседями надо ладить, иначе они нас уничтожат: всякое мясо они едят!

Привели овцу, наварили бузы и пригласили лису с товарищами.

Лиса сказала своим:

— Нас пригласили на веселье. Они намерены убить нас. Если же мы не пойдем, то станем в их глазах трусами. Надо пойти. Я знаю, что надо сделать: подайте мне мое ружье.— Сказав это, лиса двинулась в сопровождении своих товарищей и стала кричать:

— Никому, кроме меня, не достанется медвежья голова и грудинка.

При этом она стреляла и распевала:

— Дай-дай! Дай-дай!

Друзья косолапого испугались и разбежались кто куда. Медведь забрался на грушу, кабан зарылся под кучу сена, а волк оказался на краю обрыва.

Пришли соседи — заяц, лиса и дикий кот — в дом медведя, а там — ни души, только накрытые столы, полные яств и питья. Расселись они и приступили к еде и питью.

Через некоторое время кот вышел посмотреть, что делается за домом? И показалось ему, что кто-то шевелится под кучей сена. Подумал он, что это — мышь, и бросился разгребать. Вдруг оттуда вынырнул кабан и бросился наутек. А кот, испугавшись кабана, взобрался на грушу.

«Ну, конец мне,— подумал медведь,— съест меня кот!»

Он заревел, спрыгнул с дерева, ударился о землю и убился. А волк, услышав крик медведя, прыгнул в сторону и полетел в пропасть.

Воодушевленные полученной свободой, заяц, лиса и кот три дня и три ночи пили и ели. После этого они вернулись домой и стали себе преспокойно жить да поживать.

КАК КОШКА ХОДИЛА В СВЯТЫЕ МЕСТА НА ПОКЛОНЕНИЕ

Когда кошка постарела, начала печалиться. Она вспомнила о всех своих черных делах.

«Как бы мне заслужить прощение,— подумала она.—

Соберу всех мышей и, добившись у них прощения, отправлюсь в святые места на поклонение».

Решив так, она созвала всех мышей к себе. Мыши сперва посоветовались между собой: пойти или не пойти. После раздумий одна пожилая мышь сказала:

— Я не верю в то, о чем говорит эта кошка. Она питалась плотью наших родителей, братьев и сестер. Кошка никогда не помирится с нами. Я не согласна идти к ней.

— Нет, неправильно ты говоришь. Надо пойти и постараться ее выпроводить из нашего края. Тогда мы заживем свободно.

И пошли мыши к кошке. Только старая мышь не вошла к кошке и спряталась за дверью.

Когда мыши вошли, кошка начала ласково вилять хвостом и облизывать их, стараясь задобрить. После этого она сказала:

— Я виновата во многих грехах — убивала ваших родителей, братьев и сестер. Теперь я раскаиваюсь во всем содеянном. Я виновата перед вами. Прошу вас забыть прошлое и простить меня. Я собираюсь поехать в святые места на поклонение. Живите теперь привольно.

— Мы прощаем тебе твои грехи, только ты уезжай поскорей,— сказали мыши.

— Хорошо. Спасибо вам, только разрешите на прощание спросить вас об одном, — сказала кошка мышам.

— Спроси,— разрешили мыши.

— Дело прошлое. Скажите, пожалуйста, только правду. Почему вы, когда едите зерно, то еще и мешки портите, в которых зерно хранится!

— Это наш обычай, унаследованный от дедов,— ответили мыши,— мы не в силах отказаться от него.

— Ах вот что? Значит, и я не виновата была перед вами, так как и у меня обычай, унаследованный от дедов своих! Так будьте вы прокляты! — и кошка кинулась на мышей и растерзала всех.

Та мышь, которая спряталась за дверью, прибежала домой и рассказала о случившемся всему своему роду. С тех пор кошка совершенно потеряла доверие мышей.

ОТТОК

Однажды в одном кумыкском ауле сидела у окна молодая невеста и шила себе чувяки из красного сафьяна.

Когда она натянула сшитый чувяк на ногу и начала шить второй, к окну подъехал верхом пожилой человек и стал просить принять от него лошадь, пока он сходит в мечеть. Невеста вышла, приняла от него лошадь и привязала ее к колу во дворе.

Гость пошел в мечеть, она же возвратилась в комнату и продолжала шить второй чувяк. Через некоторое время она выглянула во двор, а лошади не оказалось. Вышла во двор, походила кругом, а лошади и след простыл. Нет как нет, пропала лошадь. Выбежала она за аул, и там лошади нет. Тогда она опустилась на колени и начала молиться:

— Великий ты, могучий аллах! Преврати меня в птицу!

Бог пожалел ее и превратил девушку в птицу.

Люди вышли из мечети. Гость, который оставил лошадь, пришел за ней. Одновременно вернулся домой отец невесты.

Когда гость заявил отцу девушки, что он оставил у них лошадь, а она исчезла, отец забеспокоился. Он побежал в комнату — невесты не было. Старик искал ее повсюду и не нашел.

Тогда у отца зародилось подозрение, что исчезновение невесты связано с гостем. А у гостя были другие подозрения: исчезновение невесты он считал обманом, думал, что хотят скрыть его лошадь. И когда у гостя и у отца начался спор, над ними пролетала какая-то птица, которую они до сих пор не видели. Птица заговорила человеческим языком:

— Ат йок! Ат йок! Ат йок![1]

Тогда старики заметили, что у этой птицы одна нога черная, а другая — красная, а во дворе лежал недошитый чувяк. Старики поняли, что птица, сообщившая им об исчезновении лошади, и была исчезнувшая девушка. С тех пор кумыки эту птицу стали называть «ат-йок», а чеченцы «отток», а по-русски эту птицу зовут кукушкой.

[1] По-кумыкски — лошади нет.

ВОЛК-ДУРЕНЬ

Голодный волк на дороге ожидал добычу. Встретился ему бык. Волк и говорит ему:

— Я тебя съем.

— Нет, подожди, пожалуйста, волк,— говорит ему бык.— Перед моей смертью ты поцелуй меня сначала в губы!

— Ну, хорошо,— сказал волк и с этими словами протянул свою морду. Бык нагнул свою голову и вслед за этим так поддал рогами, что волк взлетел на воздух и едва удрал от быка.

По дороге волку встретился конь. Волк говорит ему:

— Я тебя съем.

— Нет, подожди волк! — ответил конь.— Сними сначала у меня с правой задней ноги подкову, а не то ты подавишься.

— Хорошо, — сказал обрадованный волк и стал подходить к задним ногам коня. Конь в это время так его лягнул подкованной ногой, что волк едва унес ноги.

Бредет волк дальше, и на дороге встречается осел.

— Я тебя съем,— сказал волк.

— Подожди, волк, дай мне перед смертью спеть свою песню...

— Ну, пой скорей,— сказал волк. Осел так сильно и беспокойно начал кричать, что стал сбегаться народ. Волк заметил это и убежал.

После стольких неудач волк забрался на курган, сел там и громко стал жаловаться на бога и на свою судьбу, приговаривая:

— Зачем меня бог держит, такого глупого, на свете? Разве бык — моя любимая женщина, что я вздумал целоваться с ним? Разве я кузнец, что хотел оторвать подкову у лошади? Разве я на свадьбе гулял, что слушал песни осла?

СТАРЕЦ И ЗМЕЯ

Под большим камнем извивалась в предсмертных мучениях змея. Мимо проходил какой-то старец. Змея обратилась к нему:

— Если ты меня вытащишь из-под камня, то сделаю тебе добро.

Поверил ей старик и вытащил ее из-под камня.

Как только змея освободилась, бросилась на старика, обвилась вокруг его тела и стала душить.

Старец сказал змее:

— Ведь я тебя спас от верной смерти. Не души и не убивай меня! Давай попросим первого встречного разрешить наш спор. Тогда поступай так, как тебе посоветуют.

Змея согласилась, и они пошли.

Встретили они собаку, которая лежала на куче навоза. Старец и змея рассказали ей все подробно и попросили разрешить их спор. Собака сказала змее:

— Конечно, надо убить этого старца, ибо такой же старец, как этот, кормил меня, пока я была полезна. А как только постарела, выгнал меня из своего дома. И я, как видишь, валяюсь на навозе.

Старец с этим не согласился, и они пошли дальше.

На окраине села они встретили старенькую, никому не нужную клячу, которая паслась без всякого надзора. Старец и змея рассказали про свое дело. Выслушав их, лошадь сказала змее:

— Конечно, надо убить этого старца, ибо такой же старец, как он, кормил меня, пока я ему была полезной. А как только я состарилась, выгнал меня со двора. И вот теперь я брожу по окраине села, никому не нужная.

Старец не согласился и с этим решением, и они пошли дальше. Шли-шли — и встретили лисицу. Старец сказал лисице:

— Мы со змеей имеем спорное дело, пожалуйста, разреши его,— и рассказал, о чем идет спор.

— Я разрешу ваш спор. Но мне надо посмотреть, как все это произошло. Пусть змея подлезет под камень, а ты, старец, вытащи ее из-под камня на моих глазах,— сказала лисица.

Змея залезла под камень. В это время лисица сказала старцу:

— Теперь размозжи ей голову и в другой раз будь умнее!

НЕ ВЕРЬ НЕВОЗМОЖНОМУ

Один человек поймал в роще маленькую птичку. Сильно напуганная, с бьющимся сердцем и вся дрожа, птичка сказала:

— Отпусти меня. За это я дам тебе четыре полезных совета.

— Хорошо,— сказал человек и отпустил ее. Птичка полетела, села на ветку грушевого дерева и сказала:

— Слушай мои четыре полезных совета.

Первый: как бы тебя ни уговаривали, как бы красиво и увлекательно ни говорили — не верь невозможному. Второй: не кайся после совершившегося, все равно это будет бесполезно. Третий: чужого не желай, только твое, тобою сделанное, принадлежит тебе. Четвертый: как следует ухаживай за своей женой, чужих жен не желай, ибо будешь жить бедно.

После этого птичка продолжала.

— Ты, дурак, почему отпустил меня? Если бы ты убил меня, то в зобу у меня нашел бы два фунта чистого золота.

Поверив ей, человек стал каяться и горевать, что отпустил птичку.

Тогда птичка сказала:

— Моего совета, как видно, ты не принял... Я же тебе сказала: не верь невозможному и не кайся после совершившегося. Я весом только четверть фунта, как могло поместиться у меня в зобу два фунта золота? Ты стал горевать и поверил невозможному.

Сказав это, птичка улетела.

ДЕВУШКА И СУДЬЯ

Жил-был бедняк. Понадобилось ему по делу съездить. Оседлал он свою единственную кобыленку и тронулся в дальний путь. Едет, едет, уже вечер, он устал, и лошадь устала. Думает, где бы переночевать.

Видит — среди поля арба стоит. Подъехал, поздоровался. Оказывается — купец едет с товаром, ночь в пути его застала, и вот он заночевал под открытым небом. Перекусили оба чем пришлось и легли спать.

Среди ночи кобыленка бедняка возьми и роди жеребенка. Жеребеночек от холода забрался под арбу купца и лежит. Утром бедняк просыпается и видит — жеребеночек. От радости будит купца, показывает:

— Смотри, моя-то кобыла что принесла!

Купец посмотрел, почесался и говорит:

— Ты думаешь, кобыла?

— А кто же еще?

Купец усмехнулся и говорит:

— Клянусь аллахом, это не кобыла, а моя арба родила жеребенка.

Заспорили. А купец даже спорить не хочет:

— Если не веришь, — говорит, — едем к судье. Он тебе докажет, что моя правда.

Приехали они к почетному кадию*. Тот выслушал обоих, пригладил седую бороду и хмыкнул:

— Трудно сказать, кто из вас прав. Вот что: идите и принесите мне что-нибудь самое жирное, что бы оно ни было, самое красивое, что есть в мире, и самое быстрое, в чем бы оно ни заключалось. Идите, и тот, кто все это принесет, тому и достанется жеребенок.

Ушел бедняк от судьи в горестном раздумье: где ему все достать, о чем кадий наговорил? Приходит домой пригорюнившись. Дочка подает похлебку на ужин и спрашивает:

— Что ты, отец, печален? Какая беда приключилась? Может, я помогу?..

Рассказал отец дочери о том, как вышел у него с купцом спор за жеребеночка, и о том, как рассудил кадий. Дочь подумала, подумала и улыбнулась:

— Знаю, отец, как горю твоему помочь,— сказала она и дала ему совет, с чем нужно идти к судье.

Наутро являются к судье оба: бедняк и купец. Бедняк — с голыми руками, а купец привел жирного-прежирного барана, красивую девушку и кровного скакуна. Баран блеет: бэ-бэ-э... Девушка улыбается судье, а конь бьет копытом и ржет. Кадий сидит довольный, кивает купцу. Потом обернулся к бедняку и сухо спрашивает:

— Ну, а ты что принес?

Отвечает бедняк:

— О кадий! Ничего я не принес. Как я мог принести самое жирное, если это — осень с ее плодородием! Как я мог принести самое красивое, если это — цветущая весна! И как можно принести самое быстрое, если это — мысль, обгоняющая любого скакуна!

Нахмурился кадий, бороду свою дергает:

«Ловко ответил бедняк. Не признай мудрости его слов, еще глупцом назовут».

Скрепя сердце, кадий сказал:

— Ответ твой правилен, но, кажется мне, не твоего он ума дело. Скажи, кто тебя научил так отвечать?

И тогда бедняк по простодушию своему признался, что так отвечать ему посоветовала дочь.

— Ага,— говорит кадий,— ты нарушил наш уговор: прибегнул к посторонней помощи. Поэтому ты не получишь жеребенка, пока не выполнишь еще одного условия. Пускай-ка твоя дочь, если она такая умница, придет ко мне с чем-нибудь и без ничего. Ты понял? С чем-нибудь и без ничего. И еще скажи, чтоб не шла она по дороге и мимо дороги, а все-таки ко мне бы обязательно пришла. Иди и передай это дочери. Сумеет прийти — получишь жеребенка...

И кадий улыбнулся удачной своей загадке. Купец тоже засмеялся — быть ему с жеребенком.

Идет бедняк, пригорюнился. Как быть? Разве можно прийти с чем-нибудь и без ничего? Не по дороге и не мимо дороги?

«Пропал жеребенок!»

Пришел домой, дочь подает на обед кукурузную лепешку и спрашивает:

— Почему печален? Не отдали жеребенка?

Бедняк передал, что требует кадий. Дочь подумала, подумала и говорит:

— Ладно, попытаюсь к нему сходить.

Она попросила отца поймать ей воробья.

На другое утро собралась и пошла к судье: пройдет десять шагов по дороге — свернет в сторону; пройдет сбоку десять шагов — и снова на дорогу.

Так пришла она к дому кадия. Вошла в кунацкую, раскрыла руку, в которой держала воробья, и он выпорхнул в открытую дверь.

Кадий вышел ей навстречу, спрашивает:

— Ну, как пришла?

Она рассказывает, что шла и по дороге и не по дороге, и шла мимо дороги и не мимо дороги.

— А что принесла?

— Да вот воробья хотела принести, а он улетел. Выходит, что без ничего пришла.

Кадий не выдержал:

— И кто только тебя уму-разуму учил? Может, тебя чем-нибудь особенным кормили?

Девушка стоит, улыбается:

— Люди выбрасывали золу из аула. Мой отец в этой золе рыбу ловил и меня ею кормил...

Кадий рассердился:

— Ну, кто поверит, будто в золе рыба водится?

Девушка рассмеялась.

— Почему не поверит? Ведь ты же поверил, что жеребенок от арбы родился?

И, взяв жеребенка, она ушла, оставив кадия созерцать собственную алчность и глупость.

ТРИ СОВЕТА СТАРЦЕВ

Жил в старину богатый человек. Случилось, что он обеднел и у него остались одна лошадь и три раба. Он сел на свою лошадь, взял с собою своих рабов и пустился в далекий путь, чтобы продать их.

По дороге он встретил одного старца.

— Что ты делаешь, добрый молодец? — спросил старец.

— Да вот, по бедности своей хочу попытаться продать своих рабов.

— Не продашь ли одного раба за полезное слово старца?

— Продам,— ответил человек и, выбрав лучшего раба, сказал старцу:

— Скажи свое полезное слово!

Старец сказал: «Будь честным в отношении хозяина дома, где бы ни остановился».

Взяв раба, старец ушел.

Человек со своими двумя рабами и с лошадью двинулся дальше.

Когда он доехал до одного города, то встретил его другой старец и спросил:

— Куда ты едешь, добрый молодец?

— Да вот, по бедности своей веду продавать двух своих рабов.

— Не продашь ли мне одного раба за полезное слово?

— Хорошо.

— Тогда слушай: «Когда будешь куда-либо ехать, остановись там, где застанет тебя ночь».

Старец взял раба и ушел, а человек с одним рабом двинулся дальше. Так он доехал до другого города.

Опять встретился старец и спросил:

— Куда ты едешь, добрый молодец?

— Да вот, по бедности своей веду продавать своего раба.

— Не продашь ли его мне за полезное слово?

— Продам, скажи мне полезное слово.

— Хорошо, слушай же: «Когда выйдешь из себя — имей терпение...»

Старец взял раба и ушел.

Оставшись без рабов, человек сел на свою лошадь и поехал дальше. Ехал, ехал он по далекой чужой стране и остановился недалеко от города, у речки. Пустил коня на траву, положил седло под голову и, лежа, стал думать о своем житье-бытье.

Красивая, как солнышко, молодая женщина пришла по воду на эту речку. Наполнив свой кувшин водой, женщина подошла к человеку, поздоровалась с ним и стала просить, чтобы он вошел в их дом. Как женщина ни просила, он не пошел к ней.

Вторично пришла по воду эта женщина, наполнила водою кувшин, подошла к нему и стала просить его зайти к ним в дом. Как она ни просила, он не пошел, и женщина ушла.

Через некоторое время женщина опять пришла по воду, наполнила кувшин водой, поставила его на землю, подошла к нему, взяла седло из подголовья его, поймала лошадь, оседлала ее и за уздцы повела лошадь за собой и таким образом привела его в дом свой.

Это была очень красивая женщина, и он с удовольствием с нею беседовал.

Ночью женщина постлала постель и сказала ему:

— Ложись на постель — будем спать вместе, у нас никого нет дома и некого бояться.

— Нет,— ответил он,— я не буду с тобой спать, потому что я продал своего раба старцу за одно слово — «быть честным в гостях».

Женщина убедилась, что он не ляжет с ней спать, ушла в другую комнату и дала ему возможность спать одному.

Когда он уснул, женщина пришла опять и легла рядом с ним. Он проснулся, вскочил и больше не ложился.

В это время в окно следил за гостем муж этой женщины.

Когда гость наотрез отказался от женщины, то муж, стоявший до сих пор у окна, вошел к ним в комнату. Они поздоровались, пожали друг другу руки, и муж этой женщины сказал:

— С давних пор искал я честного друга, но не находил его. Теперь, наконец, нашел его. Я хочу быть твоим другом и дружить с тобой.

Они крепко пожали друг другу руки.

Хозяин сказал:

— Отныне будем ходить друг к другу в гости и сделаемся большими друзьями.

При этих словах хозяина гость призадумался. Заметив это, хозяин спросил:

— Почему мои слова о том, чтобы мы ходили в гости друг к другу, удручают тебя? Не хочешь, чтобы я ходил к тебе?

Гость ответил:

— Что ты будешь ходить ко мне в гости, это хорошо. Но я бедный человек и не могу тебя принять хорошо — как гостя и друга.

После таких слов хозяин подарил ему целые куржины золота и серебра.

Проводив гостя как полагается, хозяин вернулся домой, а гость тронулся в путь, по дороге нагнал семь человек хаджи и поехал с ними дальше. Вечером они дошли до одного города. Хаджи двинулись дальше, а человек тот, как его ни упрашивали, продолжать с ними дорогу отказался и остановился в городе. Сделал он это потому, что, когда продавал старцу раба, тот сказал ему полезное слово: «Остановись там, где тебя застанет ночь».

Переночевав в городе, на второй день он тронулся в путь и на дороге наткнулся на семь убитых хаджи.

После многолетнего скитания человек этот ночью прибыл домой. Увидев дома свет, он заглянул в окно и увидел красивого молодого человека рядом с женой. Он принял его за любовника своей жены. Снял с плеча свое ружье и прицелился через окно в молодого человека. Но вдруг вспомнил слова: «Когда выйдешь из себя — имей терпение».

Вспомнив это изречение старца, он опустил ружье и постучал в окно.

Молодой человек выбежал во двор, взял лошадь и остался с нею, а он вошел в комнату.

Войдя в дом, он сказал женщине:

— Я твой муж...

— Нет, ты не мой муж,— ответила та,— мой муж давно пропал без вести.

Он засучил рукава и показал жене знакомый ей шрам. Тогда она убедилась, что он действительно муж ее.

— Иди скорее сюда — отец твой приехал! — крикнула она сыну, стоявшему во дворе с конем. Молодой человек прибежал в комнату.

Когда хозяин этого дома уехал продавать рабов, юноша этот находился еще в утробе матери, поэтому отец и не мог узнать его.

Недаром мудрые старцы говорят:

«Ничего не предпринимай, прежде чем не подумаешь о последствии».

СЧАСТЬЕ И РАЗУМ

Заспорили между собой Счастье и Разум.

Счастье сказало:

— Человеку в мире нужен не ум, а счастье. Человек, который имеет счастье, живет в радости и довольствии.

Разум сказал:

— Нет, не согласен я с тобой. Человеку прежде всего нужен разум.

Так спорили Счастье и Разум между собой и двинулись в путь, доказывая друг другу, что более всего необходимо человеку...

У одного человека было три сына, а из имущества — два ишака и одно деревянное седло. Когда умер этот человек, то два ишака достались старшим братьям, а деревянное седло — меньшему брату. И стали за этими братьями следить Счастье и Разум. Увидев меньшего брата, Счастье сказало: «Я из него сделаю счастливого человека» — и осталось с ним. А Разум стал ждать, чем это кончится.

В один прекрасный день младший брат вышел из дома странствовать. По дороге он увидел толпу людей.

Оказалось, что этих людей собрал князь, который обещал отдать свою единственную дочь тому, кто сумеет своим рассказом рассмешить красавицу.

Многие рассказывали, но красавица не смеялась. Наконец, когда очередь рассказывать дошла до меньшего брата, он подумал, подумал и, ничего не придумав, сказал:

— У нашего отца было пять душ, из них три сына и два ишака.

Вдруг красавица захохотала, и князь сказал, что дочь принадлежит молодому человеку, у отца которого было три сына и два ишака.

Спустя некоторое время этого молодого человека одели и повели беседовать с красавицей женой.

Молодой человек стеснялся, не зная, что делать. Не выдержав и не проронив ни слова, он бросился бежать и скрылся за дверью. В это время Разум посетил молодого человека, и он, осознав свою ошибку, сразу вернулся, хотел открыть дверь. Но дверь была закрыта.

— Откройте дверь! — сказал молодой человек.

— Не открою,— ответила красавица.— Ты не считал себя достойным быть моим мужем, и я не хочу разговаривать с тобой!..

— Я тебе расскажу о причине, открой! — просил молодой человек. Красавица потребовала, чтобы он сначала рассказал.

— Быть ли нам с тобой мужем и женой — должно было подтвердиться соединением сегодня ночью двух звезд. И я выбежал взглянуть на них. Я их видел! Я видел, как соединились две золотые звездочки. Мы должны, красавица, стать с тобой такими же близкими.

Красавица быстро открыла дверь и поцеловала своего мужа.

ЛОЖЬ И ПРАВДА

Поспорили друг с другом Ложь и Правда.

— Ты должна превратиться в пар и, поднявшись в небо, исчезнуть,— сказала Ложь.

— В мире не нужна ты. Превратившись в пепел, ты должна удалиться из мира,— заявила Правда.

— Нет, Правда, твоих следов не должно быть в мире.

— Нет, я — как вода с песком, соединенная с землей, а ты, Ложь, должна покинуть мир.

— Нашему спору конца не будет. Мы должны с кем-нибудь посоветоваться,— сказала Ложь. Правда согласилась, и они вместе пустились в дорогу. По дороге Правда спросила:

— С кем же мы будем советоваться?

Ложь ухмыльнулась, потом приняла серьезный вид и ответила:

— В большом ауле есть большой мулла, самый близкий к аллаху человек и самый честный. Мы пойдем к нему.

Пошли они, вдруг встретился шайтан и спрашивает:

— Вы куда?

Они подробно рассказали шайтану о своем споре. Выслушал их шайтан и сказал:

— Я не знаю, смогут ли люди жить без Правды и без Лжи, но я, шайтан, должен из двух вас взять одну. Мой совет такой — мы должны пойти к мулле и спросить у него.

— Мы туда и шли, — ответила Ложь, и они втроем пошли к мулле.

Когда они подошли к большому дому, шайтан сказал:

— Вы здесь подождите, а я зайду и узнаю, дома ли мулла.

Те остались на улице, а шайтан зашел и увидел, что мулла и купец сидят под деревьями, пьют чай и едят плов с бараниной.

— Я привел Правду и Ложь, — сказал шайтан.

— Долой Правду! Тащи Ложь! Каждый год будешь получать пуд золота, — сказал купец.

— Гнать Правду! Давай Ложь! Буду молиться за тебя, — сказал мулла.

— Кроме молитвы, может, что-нибудь добавишь? — спросил шайтан.

— Ну, ладно, из всего того, что я получаю от народа, я буду давать тебе ежегодно десятую часть.

Так заключили сделку мулла, купец и шайтан.

С большой радостью выбежал Шайтан. Он взял Ложь, погладил по головке и сказал, чтобы она шла к мулле и купцу. А Правду он схватил за глотку, сунул за пазуху и сказал:

— А тебя, Правда, я брошу в море.

Мулла, когда вошла Ложь, встал и поздоровался с нею, и купец также встал и поздоровался.

Видя такой теплый прием, шайтан заплакал от радости. А Ложь сказала:

— Среди всех людей вы двое — самые лучшие, жалейте и любите меня.

С этими словами Ложь разделилась на две части, обняла муллу и купца и, прилипившись, осталась в их объятиях.

Шайтан же каждый год приходил к мулле и к купцу получать золото.

ДВА ГРЕХА

Один человек убил сотню других, таких хороших, что за каждого из них сто человек можно было отправить в ад. Этот убийца раскаялся: пошел к старцу и плачет.

— Что ты плачешь? — спросил старец.

— Я пла́чу, чтобы бог простил меня,— ответил тот и рассказал все.

Старец выслушал и сказал:

Пойди на перекресток четырех дорог и живи там. Мимо будут проезжать люди. Не пропускай никого без того, чтобы не дать милостыни.

Убийца так и сделал. Поехал и, поселившись у стыка четырех дорог, не пропускал никого мимо, не дав милостыни.

Прошло некоторое время. Однажды кто-то едет верхом. Кающийся вышел, стал посреди дороги и машет рукой:

— Подожди, человек! — крикнул он. — Сделай остановку — я не имею права пропустить тебя, не дав милостыни.

— Убирайся прочь с твоей милостыней! — ответил всадник не останавливаясь. Кающийся рассердился, вынул кинжал и пустил тому в спину. Пронзенный всадник свалился с лошади.

— Ой, теперь я совсем пропал! Бог никогда не простит меня! — и с этими словами пошел к старцу.

Выслушав, старец сказал:

— Не горюй: ты хорошо сделал, что убил всадника, ибо он ехал расстроить сватовство.

— Значит, сватовство — дело очень большое и важное? — спросил убийца. И на это получил ответ:

— Первый грех — убить человека, второй грех — расстроить сватовство.

О НЕБЫЛИЦАХ

Один богатый чеченец, владелец мельницы, любил состязаться на лучшее рассказывание небылиц. В этих спорах он выигрывал у бедных людей по одной мере пшеницы.

Однажды один чеченец пришел к нему на мельницу помолоть меру пшеницы.

Владелец мельницы сказал ему:

— Давай поставим по одной мере пшеницы и посмотрим, кто из нас лучше расскажет небылицу?

— Давай, — ответил бедный человек.

В первую очередь начал рассказывать богатый.

— Была у меня одна курица, которую я отлично кормил и за которой ухаживал. Однажды я запер курицу в комнате и сам ушел по своим делам. На второй день вернулся домой и осмотрел комнату, в которой оставил курицу. И увидел, что комната полна яиц, через дымовую трубу яйца вываливались наружу, а на трубе сидела моя курица. Не зная, как поступить, я нанял много рабочих с лопатами. Как зерно, стали они высыпать яйца во двор, а я — молотить. Из этих яиц вывелся полный двор кур и петухов. Тогда со злости я взял длинную хворостину и стал гнать их по двору. После этого все эти куры и петухи превратились в одну курицу и петуха.

Вот это и есть моя небылица.

— Хорошо, — сказал бедный человек, — теперь я буду рассказывать. Был у меня длинный пчельник и много ульев. Среди пчел была одна большая пчела, которая охраняла весь пчельник. Однажды пчела эта пропала без вести.

Я вышел из дому и долго искал ее. Через некоторое время услышал, что она находится в какой-то отдаленной местности, и отправился туда. Когда дошел до этой местности, то увидел, что пчелу запрягли, и она вместе с шестью быками пахала землю и сильно натерла себе шею.

Освободив свою пчелу, я вернулся с нею домой и об-

ратился к людям: «Чем лечить шею пчелы?» Умные люди мне ответили: «Смешать жир с орехами и эту смесь накладывать на шею: это — самое верное средство».

Я смешал жир и орехи и положил на шею пчелы. Ночью лег спать, а утром пошел продавать пчелу и вижу: на шее пчелы выросло большое ореховое дерево, а на дереве — орехи. Чтобы сбить орехи, я взял ком земли и бросил, но ком застрял на дереве. Из этого кома выросла поляна, для запашки которой потребовалось три дня времени. Поляну вспахал и посадил там арбузы и дыни. Когда они поспели, я пошел на бахчу и увидел среди множества арбузов и дынь одну большую дыню. Не имея возможности привезти ее домой, я стал клинком делить ее на части. В это время из дыни выскочил заяц, а за ним — много охотников. Тогда я размахнулся и сильно ударил зайца топором, отчего заяц из-под хвоста выбросил бумажку. Посмотрел я на бумажку, а на бумажке было написано: «Не отбирай у бедного человека меру пшеницы»...

ОХОТНИКИ

Однажды три охотника из аула Бено-Юрт пошли на охоту и в лесу стали выслеживать медведя. Подошли к толстому дубу, а в дубе — дупло.

— Залезай в дупло,— говорят двое третьему,— и посмотри, нет ли там медведя?

— Хорошо! — храбро сказал охотник и живо полез в дупло, головой вперед. А двое других стали держать его за ноги.

Вдруг ноги, за которые держались два охотника, дрыгнули.

«Сто-ой, что-то есть»,— подумали охотники и спросили:

— Ну как — есть медведь?

Тот из дупла не ответил. Стояли, стояли два охотника и не дождались.

— Давай вытащим его,— сказал один из двоих.

— Что ж, придется,— ответил другой.

Вытащили его, а он — без головы.

— Что это такое? — удивился один.— Была у него голова?

— А кто его знает? Не знаю,— сказал другой,— да-

вай понесем его домой к его жене и спросим.— Посоветовались и понесли его в аул.

Вечером охотники подошли к дому, где жил их товарищ, и постучались в ворота.

— Кто там? — спросила женщина.

— А ну-ка выйди сюда!

— Не могу выйти! Я — одна! Муж ушел на охоту!..

— Да это — мы! С охоты пришли — выйди!

— А-а-а... это — вы? Сейчас выйду...

Когда женщина вышла, ее спросили:

— Скажи, женщина, была у твоего мужа голова на плечах или не была?

— Не знаю, но я каждый год шила ему шапку.

3 ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

За вознаграждение мулла разрешил даже овчарку похоронить на кладбище.

Бездонная кадушка не наполнилась водой, а торговец не насытился богатством.

Сестра, не имеющая брата,— голая веточка.

Лучше сосед вблизи, нежели сородичи вдали.

Когда подрастает сын сестры — освобождаешься от обязанностей шурина.

Если отец поест, сын не насытится.

Без брата брат — что сокол без крыла.

Отец семи сыновей — храбр на сходке.

Два врага в одной комнате не уживаются.

Белые ручки любят то, что чужим трудом сделано.

У кого летом мозг не варит, у того зимой котел не кипит.

Повадился кувшин по воду ходить, да и остался на берегу.

Ружье одного убило, а язык — тысячу.

Летом поленишься — зимой помучаешься.

Чтобы отстоять один берег, нужно бороться за овладение другим берегом.

Терпение гору взяло, нетерпение душу взяло.

Где засветит солнце — сей пшеницу, где посеешь пшеницу—появится тень (мирный отдых).

Не бойся зимы, за которой следует весна, а бойся осени, за которой следует зима.

Один летний день кормит зимний месяц.

Трудно быть хорошим, а плохим — легко.

Усвоенное в молодости — подобно надписи на камне.

Богатством ума не купишь.

«Не знаю», «нет» — одно слово, а «узнал», «увидел» — тысяча слов.

Задвигать засов после кражи коров — бесполезно.

Девушка, которую хвалит мать, не оценивается.

Волка без зубов не бывает.

Чистого и огонь не обожжет, а грязного и вода не отмоет.

Без мороза на земле не покроется льдом озеро.

Курица, попытавшаяся запеть по-петушиному, лопнула.

Красота — до вечера, а доброта — навеки.

Тихому не верь, вспыльчивого не бойся.

Как без тучи на небе не прольется дождь, так и без горя на сердце не заплачет глаз.

Когда много покушаешь — и мед горчит.

Когда предложили принести самую красивую вещь, ворона доставила своего детеныша.

Один удар плетью на целый год хватает хорошему коню.

Обильная осень лучше плохой весны.

Храбрость дома — это трусость вне дома.

Что прошло в желудок — сила; наваленное на спину — груз.

Человек, когда он насытится, думает, что никогда не проголодается, а когда проголодается, думает, что никогда не насытится.

Когда клонит ко сну, не думаешь об изголовье, а когда влюбишься, не считаешься с красотой.

Когда обворовали вора, даже бог засмеялся.

У чабана, боявшегося волка, не размножалась отара.

Необдуманно сделанное горем завершается.

Живущий у берега реки всегда знает, где брод.

Воющему волку оленя не поймать.

Не торопись и не забывайся.

От красивого слова и Казбек растаял.

Ласковое слово змею из норы выманило.

Чем больше прислушиваешься, тем больше шуму.

От постоянного течения вода не убывает.

Шашечно-ружейная рана залечивается, а словесная рана — нет.

Постареешь — молодость не вернется, умрешь — не воскреснешь.

Рука врача — десять целебных свойств.

В дерево не бросают палкой, когда на нем нет плодов.

Не обжигая шомпол, не сделаешь шашлыка.

Только вор хвалит вора.

Состарившийся волк охотится за кузнечиками.

Вода чиста у истока.

Если приготовить на троих, насытится и четвертый.

Если не сдержишь слова, то не сдержишь и клятвы.

Одной рукой два арбуза не удержишь.

Если у себя дома не будешь иметь уважения, то не будешь иметь его и вне дома.

Кто пошел без приглашения, тот вернулся без угощения.

Не ищи богатства, а ищи скот.

Силу своей арбы владелец лучше знает.

Когда ценишь имеющееся в наличии, множится богатство.

Сорванное яблочко к яблоне не пристанет.

Солома — не корм, осел — не богатство, сыворотка — не милостыня.

Умер любимый — поднялся плач.

Обреченный на гибель волк взбирается на холм.

Красавица и в старом платье хороша.

Спасаясь от дождя, попал под водопад.

Не знаешь, кто бросил в тебя грушей и кто бросил камнем (добро и зло).

Спасаясь от воды, попал под мельницу.

Не будь халвой: кто бы ни пришел — съест тебя, не будь зеленым (неспелым) плодом: кто бы ни откусил — выбросит тебя.

Ты лиса, а я — лисий хвост.

Вода ушла, а камень остался.

ЧЕЧЕНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПО СОДЕРЖАНИЮ РУССКИМ

Чеченские:	Русские:
У съевшего чужую козу горит голова.	На воре шапка горит.
Спасаясь от воды, попал под мельницу.	Из огня, да в полымя.

Спасаясь от дождя, попал под водопад.

Откладывающий на завтра то, что необходимо сделать, будет жить с жаждой желанного.

Не случится беда без последующего добра.

Не подытоживай, в путь отправляясь, а подытоживай, с пути возвращаясь.

За двумя благами погнавшийся без ничего остается.

Безглазый, а в чужом глазу бельмо подметил.

Лучше перепелка в руках, нежели осенью олень.

В вырытую яму для других сам попадешь.

Куда коза, туда и козленок.

Когда в голове нет ума, страдают ноги.

При пахоте сказанное, при молотьбе нашлось.

Ожегшись супом, дует на воду.

Увидевший летом змею боялся бечевки зимой.

Если хочешь узнать человека — изучи его связи.

По коврику протягивай и ножки.

Долю опоздавшего кошка съела.

Что на уме — лезет через уста.

Из огня, да в полымя.

Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

Нет худа без добра.

Не хвались, идучи в бой, а хвались, идучи из боя.

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

В чужом глазу сучок видит, а в своем бревна не замечает.

Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Не рой яму другому — сам в нее попадешь.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Беда ногам с дурной головой.

Что посеешь, то и пожнешь.

Ожегшись на молоке, дует на воду.

Пуганая ворона и куста боится.

Скажи, с кем ты водишься, скажу, кто ты.

По одежке протягивай ножки.

Кто зевает, тот воду хлебает.

Что на уме, то на языке.

ИНГУШСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ЛИРИКА

Правдивые слова

Если ты отправился
В дальнюю дорогу,—
То хлестнуть достаточно
Доброго коня.
Если ты на площади
При честном народе, —
То сказать достаточно
Правдивые слова.

Горе матери

— Мой примите привет!
Встретить странников рада...

— И тебе наш привет
Добрый,
Мать неродная.
Ты по воле своей,
По нужде ль оказалась
В чужедальней стране,
На пути незнакомом.

— Я по воле пошла,
По нужде оказалась
В чужедальной стране,
На пути незнакомом.
Птенчик мой Сулейман
Сгинул, сын мой родимый,
Не встречался ли вам

Сулейман мой несчастный
В чужедальней стране,
На пути незнакомом?
— В чужедальней стране,
На пути незнакомом
Мы однажды его,
Проходя, увидали,
Спит на гальке морской
Среди синего моря
Твой родной Сулейман,
Сулейман твой несчастный,
Неподвижно лежит он,
Изрубленный шашкой,
Причитает по нем
Море бурное, воя,
Труп купают его
Разъяренные волны,
Отпевают его
Лишь небесные птицы...

— О, как жажда томит —
Я бы выпила все
Это синее море,
О, я так голодна —
Съесть могла бы я всю
Эту гальку морскую.
Птенчик мой Сулейман,
Мать родную возьми
В это синее море.

Молодец, слез не лей...

Сестры нет оплакать тебя —
Здесь вражья страна,
И матери нет причитать —
Здесь вражья страна.
А разве она не сестра,
И не оплачет тебя —
Синяя птица та?
А разве не матерь твоя,
Чтоб по тебе причитать, —
Черная птица та?
Джигитов погибших не счесть —
Здесь вражья страна!

О том, что ты одинок,—
Мо́лодец, слез не лей,
О том, что ты одинок, —
Мо́лодец, не жалей.
Здесь вражья страна!

Ручей

Ручей, текущий с гор,— пусть будет золотом.
А гравий в том ручье — пусть будет серебром,
А горы, что над ним,— пусть будут медными,
А на горах трава — пусть будет шелковой,
А шелком ласковым — пусть позабавится
Маржан красивая, Маржан прекрасная.

Любя, по тебе я все плачу...

Когда кабардинский напиток ты стал лакать,
Когда с напитками чаши ты стал поднимать,
Когда тебя стали мои слова раздражать,
Я поняла — ты чужой, да умрет твоя мать!
Ах, небеса эти синие — так высоки,
А эти черные земли — совсем близки,
А ты, мой юный, мой голубь,— как ты далек.
Любя, по тебе все плачу — как ты далек!

Девичья песня

На верх Казбека — иней пал, говорят,
А Терек синий — лед сковал, говорят,
Но ветер развеет иней тот, говорят,
Но солнце растопит синий лед, говорят.
А кто ж развеет иней в косе моей?
А кто же лед растопит в груди моей?

Я тебя больше жизни люблю

Лучше б я на отцовском дворе никогда
Не ходила б, газовый шарф повязав,
Лучше б веником таловым никогда
Не мела бы просторный отцовский двор.
Ты мне мил — да отец не любит тебя,
Медью горница не полна, говорит;
Ты мне дорог — да мать не любит тебя,

Ходишь в бедной одежде ты, говорит;
Ты мне мил — да братья не любят тебя,
Конь твой не очень хорош, говорят;
«Черен»,— люди все про тебя говорят,
Но белей всех лицом мне кажешься ты;
Ты высок, а все — «ростом мал» — говорят,
Но мне кажется рост твой как раз для меня.
То одно, то другое вокруг говорят...
Ну и пусть — я тебя больше жизни люблю.

Песня о Серго

И немолчными дубровами
Горцы шли.
И нагорьями суровыми
Горцы шли.
Со знаменами багровыми
Горцы шли.
С пистолетами кремневыми
Горцы шли.

Увидали: в далях туманных —
Белые господа.
У могильников безымянных —
Вражья стоит орда.
У могильников безымянных —
Бой закипел тогда.

Над могилами у надгробий
Стояли горцы.
Под защитой старых надгробий
Стреляли горцы.
Немного имели железа
Ингуши,
Имели зато Эржкинеза
Ингуши!
Имели вождя бедноты
Ингуши!
И свергли власть темноты
Ингуши!
И попала тогда гадючья пуля
В седовласого партизана.
Крохотная была эта пуля —

Заалела большая рана.
Наклонился над стариком
Серго Эржкинез.
Повязал ему рану платком
Серго Эржкинез.
Был великим большевиком
Серго Эржкинез.
Был у соколов вожаком
Серго Эржкинез!

Поглядите на полет
Ласточки чернокрылой,
Певуньи чернокрылой,
Опустилась — и поет
Над высокою могилой,
Над братскою могилой.
О нашем крае она поет,
О нашем счастье она поет,
О партизанах боевых,
За нас боровшихся, поет.
О том, кого уж нет в живых,
Об Эржкинезе она поет.

Партизанская песня

В тот день, когда сера горит
Синим огнем,
В тот день, когда стелется дым
Черный, как ночь,
В тот день, когда пули летят
Свинцовым дождем,—
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.
В тот день, когда пороха взрыв
Ресницы палит,
В тот день, когда насмерть стоят
Мужчины в бою,
В тот день, когда в женском кругу
Трусы одни,—
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.
В тот день, когда между высот
Аргуна, где тур не пройдет,
Тачанки летят,

В тот день, когда роты солдат
На склонах Казбека на льду
Ставят шатры,
В тот день, когда в смертном бою
Старейшего слово звучит
И враг отступил,—
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.
В тот день, когда деверей вдруг
Невестки стыдливые их
На помощь зовут,
В тот день, когда девушек вдруг
Кидают, за локти схватив,
На спины коней,—
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.
В тот день, когда мягкий свинец
Обжигает грудь,
В тот день, когда пороха взрыв
Щеки палит,—
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.
Пусть наши джигиты живут!
Пусть счастье сопутствует им!
Ты сердце для боя готовь!
Когда идти надо вперед,
Дым выстрелов опережай —
К тебе пусть удача придет!
Коль сердце
От бегства забьется,
Пусть на бегу
Задохнется!

Ответ врагу

Солнце желтое на небе
Захватило власть —
Сохнут ветви, вянут листья,
И трава горит...
Подошедшая к горам
Деникинская власть
«Ингушей всех
Уничтожить надо»,— говорит.

«Все народы Дагестана
Подчинились нам.
Ингушетия же вся
Уместится в горсти! —
Так, погонами блестя,
Сказал Деникин нам.—
Мы и вас повинную
Заставим принести,
Как несли повинную
Другие страны нам!»

Ингуши ответили Деникину:
«Не жди!»

Так, ответ наш услыхав,
Узнал незваный гость,
Что в стальной кулак сжиматься
Может наша «горсть».

«Уничтожим муравейник
Злобных ингушей!» —
Глупый враг сказал, не зная,
Как народ наш горд.

Лишь поднялась против белых
Сила ингушей,
Стал похож на «муравейник»
Древний Беш-лам-Корт *.
Не позволил
На поля свои
Ступить ногой
Поганому врагу.

Мужеством и гордостью
Подобная цветку,
Голову поднявшему
Среди травы сухой,
Встала Ингушетия,
Прекрасна и смела,
Биться за великие
Советские дела.

«Ныне в полдень,
Лишь часы пробьют,—

Сказал нам враг,—
Ваши сакли и поля
Побьет свинцовый дождь,
Если не укажете вы, где,—
Сказал нам враг, —
Кроется Орджоникидзе —
Большевистский вождь!»

Так сказав,
Занял границы
Жирный, белый враг,
Потянулись к нам десятки
Орудийных шей,
Чтоб поля полить горячей
Кровью ингушей.

«Не братоубийцы мы,—
Сказали старики,—
Раз Серго наш гость —
Врагам не выдадим его.
Все, кто в силах взять ружье,—
Сказали старики,—
Выходите защищать
Гостя своего —
Друга всех трудящихся!»
Встали старики
Вместе с юношами, взяв винтовки и
ножи,
Вот как на угрозы отвечают ингуши!

Выходи за меня

Бежать за тобой, как горною серной,—
Не советуй мне.
Добыть тебя, девушка, саблею верной —
Не советуй мне.
С тобой проститься в печали безмерной —
Не советуй мне.
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!
Баранов пригнать необъятное стадо —
Не требуй ты.
Кармана большого, богатого клада —

Не требуй ты.
Для нашей любви нам калыма не надо —
Не требуй ты!
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!
Никчемных адатов * мы скинули бремя,
И горы — в цвету.
Настало в аулах колхозное время,
И горы — в цвету.
Цветет молодое, веселое племя,
И горы — в цвету.
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!
Везде, где ты будешь, я буду с тобою,
Любимая.
Пойдешь по горам — побегу я рекою,
Любимая.
Пойдешь по долине — я стану травою,
Любимая.
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!

СКАЗКИ

БАЛАЙ И БОТИ

Говорила мне старая ворона, будто случилось это тогда, когда один богач умер, а его три сына остались живы. Может быть, так, а может — и иначе. Недаром про ворону люди говорят, что она «и лису обманула».

Я хотел было рассказать вам эту сказку по-вороньи — в длинных словах, да вспомнил, что умные люди говорят: «Хороша веревка длинная, а речь короткая». Слушайте и не перебивайте, а то из короткого ничего и не останется.

Умер богатый человек... К его трем сыновьям пришла старуха — и хитрая же была ведьма, потому что повела она такую речь:

— Эх-хе-хе, богатые молодцы, удалые красавцы! Что сидите и молчите, повесивши носы, словно соловей, которому кошка хвост оторвала? Развеселитесь-ка и меня, старуху, хорошенько наградите, потому что я принесла вам весть о девушке-красавице.

И так рассказала хитрая старуха о красоте этой девушки, дочери царя с южной стороны, так расписала ее, что все три молодца в один голос закричали:

— Я хочу на ней жениться!

А старуха им:

— По очереди, молодцы! Не все сразу. Сперва ты, старший Берзек, поедешь... Давай мне, старухе, награду за то, что укажу тебе дорогу... Поедешь ты по этой дороге, добудешь себе девушку, твое счастье. Я твоим братьям других невест найду. А не добудешь, как и до тебя никто еще не смог добыть,— пусть твои братья по очереди едут. За тобой средний — Оздемир, а за ним младший — Али.

Вот и поехал старший брат Берзек добывать себе в жены дивную красавицу, дочь царя с южной стороны. Поехал прямо. Долго ли, коротко ли ехал, днем гнал, ночью не отдыхал. Нашу гору переехал, вашу перевалил, чужих две-три одолел, холмов четыре-пять перескочил, с десяток ущелий перепрыгнул, таких широких, как от носа до рта... И вдруг — откуда ни возьмись — старик, такой древний, что в два кольца согнулся и голова из подмышки назад выглядывает.

— Выпрями бог твою дорогу, молодец! За девицей, дочерью царя с южной стороны, идешь? Что дороже: девица или совет?

— Эх ты, старый ослиный сыр, куриная твоя голова! На что мне твой совет! Хочешь, я тебе десять советов дам, да еще и жену твою, и дочерей, и внучек, и правнучек прибавлю в придачу за девицу, дочь царя с южной стороны.

А дочь царя с южной стороны давно уже сказала своему отцу:

— Хочешь, чтобы я вышла замуж?.. Пусть жених осилит меня в борьбе.

Приехал жених Берзек. Ему и говорят:

— Поборешь девушку — твоя будет, не сделаешь — быть твоей голове на коле остром!

Берзек только улыбнулся.

И вот ведут его на борьбу через темную горницу, царскую дочь тоже выводят. Борьба началась... Схватились... И вдруг, точно солнце ударило ему в глаза, когда он взглянул в лицо девице, так изумительно красива была девушка, а она взяла его, остолбенелого, и положила на землю.

— Девяносто восьмую голову отрубите от шеи и посадите на кол! — сказала девица палачам. И по слову ее все было выполнено...

Так же, как старший брат, и Оздемир погиб бес-

славной смертью; на девяносто девятый кол была посажена его голова.

Седлает младший брат, Али, своего вороного коня, едет по указанной дороге.

— Дай бог тебе прямого пути, молодой удалец!— говорит ему встречный старик.— Знаю, куда и зачем едешь. Что тебе дороже: красавица, дочь царя с южной стороны, или разумный совет?

— Совет мудрого старца дороже сокровища, так же как и добрая жена,— ответил старику молодец Али.

— Слушай же, юноша! Девица, за которой ты едешь, не будет тебе доброй женой. Можешь ли ты отказаться от нее?

— Нет, отец! Сам знаешь: стыдно не довести до конца начатое дело.

— Поезжай же, если так, но помни: станешь бороться с девицей — не поднимай глаз на лицо ее.

По совету старца поступил Али, поборол девицу, дочь царя с южной стороны, никем еще не побежденную. Тогда стали его чествовать. Устроили ради него богатый пир, и на том пиру невеста угощала Али семилетней бузой, а всех других — семидневной.

— Как хочешь, витязь, взять меня в жены: насильно или чтоб я вышла за тебя по моей доброй воле? — спросила царевна, когда Али выпил из рук ее семь чаш семилетней бузы.

— Пусть молоко матери моей будет мне позором, если не пролью я всей моей крови за то, чтобы стала ты моей женой по доброй воле!

— Узнай же, за что гневается Балай на жену свою Боти,— молвила жениху девица, дочь царя с южной стороны.

Не знал молодец Али, кто этот Балай и где его дом. Но слово данное, что пущенная стрела, назад не возвращается. И поехал он искать неведомого в неизвестном краю.

Много ли ехал Али, мало ли, про то я не знаю, а он позабыл... Дни за днями летели, как сухие листья, что гонит ветер по дороге. И очутился Али в чужой стороне, в таком краю, где и небо другое, и земля невиданная: в жару — грязь, в дождь — пыль... Ночь застигла его среди леса. Под высоким деревом сошел он с коня и расположился ночевать.

В этом дремучем лесу, на том самом дереве, под которым лег Али, свила себе гнездо орлица. Не простая орлица — каждым крылом она прикрыла бы большую усадьбу и, схватив когтями четырехлетнего быка, она могла унести его в поднебесье. Не было равной по силе той орлице ни среди зверей, ни среди птиц. Был у нее только один лютый враг — серый змей Нал, кольцами тела своего обвивавший вековой дуб от корня до вершины. И тот змей не смел все же вступать с ней в открытый бой. Когда улетала орлица за добычей, он хитро подбирался к ее гнезду и пожирал птенцов ее, малых орлят. Оттого с сотворения мира не было потомства у великой орлицы...

Ночью вдруг забился, громко заржал вороной конь, привязанный к дереву: подползает змей, серый Нал, смело ползет, потому что великая орлица отлетела от гнезда на добычу.

— Боже богов! Пошли мою стрелу в хорошую цель! — молвил Али и, натянув лук свой, пустил черную стрелу в голову змея. В левый глаз угодила стрела, оперенная орлиными перьями.

Вторую стрелу пустил Али, воткнулась стрела змею в правый глаз. И ослеп огромный страшный змей. Шашкой своей, спасая коня, рубил Али злобно шипящего змея... Затрещали, зашатались деревья от ударов змеиного хвоста, закричали в гнездах громко орлята. На крик, на шум боя, на змеиный свист и шипенье кинулась с поднебесья великая орлица. Своим железным клювом расклевала она голову змея, своими стальными когтями растерзала его тело.

— Чем одарю тебя, молодец, за то, что спас ты мне моих птенцов, помог мне отмстить губителю моего рода? — спросила орлица Али.

Али рассказал ей про то, куда и зачем послала его девица, дочь царя с южной стороны.

— На погибель послан ты, молодец! Воротись лучше домой подобру-поздорову, — сказала ему орлица.

— Я поклялся молоком матери, — отвечал ей Али. — И лучше погибнуть, чем вернуться бесславно!

Тогда взяла его орлица на свои могучие крылья, поднялась с ним в поднебесье и понеслась, словно черная туча в бурю, туда, где на дальнем краю света жил страшный Балай с женой своей Боти.

Скоро увидал Али высокие серые башни жилища Балая, зубчатые башни упирались вершинами в небо.

— Слушай, молодец,— сказала ему тогда орлица,— я буду ждать у ворот. Ты войди, скажи, что нужно, спроси, что следует, а потом, улучив минуту, беги ко мне. Если есть у тебя счастье, Балай не пустит стрелу в тебя, пока мы будем еще близко. А пустит — не спастись тебе, как и прежде никто не спасался и впредь не спасется...

На середине темного каменного двора кормит Балай, свирепый богатырь, собак своих гнилым мясом дохлых овец... И те куски, которые не едят нечистые псы, те гнилые огрызки кладет в рот жены своей Боти. С ног до пояса окаменелая, стоит красавица недвижно перед мужем, слезы горным ручьем льются из ее джалулевых глаз, но в сердце его нет к ней жалости: он бьет ее раскаленными железными прутьями по белым плечам.

— Мир тебе, богатырь Балай! — молвил Али, переступивший порог.— Пришел я к тебе как друг, с добрыми помыслами, и жду от тебя привета...

Но не отдал молодцу привета суровый Балай. Ненавидел он род людской.

— Скажи, что нужно, чужой человек?

Али рассказал Балаю, почему и зачем он приехал.

— Поведай мне, суровый богатырь Балай: отчего гневаешься на жену твою Боти! Возлюбленная моя, дочь царя с южной стороны, мной побежденная в борьбе, обещала стать женой моей по своей доброй воле, если я узнаю это.

Ответил ему суровый Балай, и речь его была такая:

— Я, Балай, сын Баркума, был кроток, как нежный ягненок, сосущий матку-овцу. Гостеприимство мое ведал весь мир — приходили ко мне враги со злыми помыслами и уходили от меня верными друзьями моими, щедро одаренные. А теперь я пущу стрелу мою в сердце друга!

Восемь лет я с любовью смотрел в глаза девицы, говорил ей нежные речи любви, и слава подвигов, что совершил я в честь ее и ради нее, гремела от края до края земли. И стала девица моей женой. Любил я ее, как иссохшая летом земля любит дождь; оберегал, как великая орлица, что принесла тебя сюда, оберегает своих птенцов. И так сберег... Пусть остынет грудь моя — пущу я стрелу в сердце друга!

Раз ночью, проснувшись от чуткого сна, я увидел, что возлюбленной нет возле меня. Я встал, вышел во двор — она отворяла ворота, чтобы ехать куда-то. Глубокой ночью, одна...

Лишь выехала она, я вскочил на коня — и за ней. По дороге стала перед ней стена колючих кустов. Трижды махнула она рукой, трижды промолвив: «Волей лесного царя, что носит острый топор на груди, пусть будет дорога!» — и перед ней открылась тропа. Дальше нам встретились горы, отвесной стеной поднимались они, касались вершинами неба. «Пусть будет здесь путь мне волей царя гор, господина подземных сил!» — закляла те горы жена. И явилась дорога... Перед глубокой пещерой сошла жена моя с коня и вошла туда. В пещере, сидя у костра, ждал ее молодой нарт Эрстхо. Она кинулась к нему, кинулась быстро... Как быстро пущу я стрелу в сердце друга!

«Отчего так долго не приезжала ты, нечистая псина!» — крикнул он ей. И стал бить плетью по ее белому телу. Она же, и пальцем мной никогда не тронутая, стояла перед ним на коленях, целовала плеть в руках его и, с любовью глядя ему в глаза, говорила: «Прости, возлюбленный! Дьявол-муж долго не засыпал».

О!.. Вспомнил об этом — я пущу стрелу свою в сердце друга!

Я кинулся в пещеру; в сердце моем, как горный ключ, кипела злоба... Но жена моя вырвалась из моих рук, вскочила на коня и умчалась. И нарт Эрстхо, только раненный мной, скрылся от мести моей. Дома, когда я вернулся, жена встретила меня у порога, в руке ее была та самая плеть, которой нарт ее бил. Той плетью ударила она меня, громко воскликнув: «Будь ты псом, по воле царя всех зверей!» Теперь я опять человек, но в сердце моем закипела злоба... И я пущу стрелу в сердце друга!

И я стал собакой. Семь лет бродил я по свету нечистым псом.

Через семь лет жена увидела меня и — безжалостная — обратила в осла.

Семь лет работал я на людей серым ослом и семь лет еще кормился падалью, обращенный женой в бурого коршуна... Она не пожалела меня, когда, измученный, до костей избитый, с глазами, льющими кровавые слезы, я

стоял перед ней, опустив покорно длинноухую голову. И я не жалею теперь ее... И пущу стрелу мою в сердце друга.

Научил меня хитрый ведун, сам того не зная, как вернуть человеческий образ. Влетел я коршуном в мой прежний дом, похитил у жены волшебную ее плеть; ударившись об нее трижды, крикнул, как я мог: «Пусть буду я человеком опять, по воле бога богов, Сердцеведа!» И стал человеком. Но в сердце моем трижды семь лет накипела месть. А месть — что буза: чем дольше ты ждешь, тем слаще пьешь...

Я пью теперь месть полной чашей, и одно лишь горчит мое сладкое питье — злодей, мой обидчик, нарт Эрстхо. В подземелье своего отца скрывает его дочь царя с южной стороны — родная сестра моей жены, которая не уйдет от меня теперь, обращенная мной до половины в камень той же волшебной плетью. В крепком подземелье скрывает моего врага дочь царя с южной стороны — оттого и нет еще другого такого несчастливца, как я... Ты хочешь стать ее мужем... Но лучше уж я пущу стрелу мою в сердце друга!

И с теми словами встал Балай, сын Баркума, и вышел в соседний покой... Мгновенье — и молодец Али уже на крыльях великой орлицы, и летит она в даль от страшного дворца, словно буря несет ее.

Но со свистом догоняет орлицу стрела, с громом ударяет в крыло — посыпались перья, окутавши тучей летящих.

— Ты ранен, Али? — спросила орлица.

— Нет,— ответил молодец, — просвистела стрела мимо уха. А ты?

— Клянусь моими птенцами, ты счастливее всех живущих на свете. И мне стрела прошла сквозь крыло, не тронувши кости... Ты вдвойне счастлив, Али: и остался живым, и узнал о коварстве Боти, сестры той девицы, которую хотел ты взять в жены. Куда теперь нести тебя? В дом ее? Она злей и коварней сестры. Или в край твой родной, на милую родину?

— Неси, куда знаешь, мудрая орлица,— промолвил Али.

Говорила мне старая ворона и о том, что было дальше с Али: как вернулся он в родную землю, как счаст-

ливо прожил свой век, взяв себе добрую жену из своего племени. Все рассказала ворона, ничего не пропустив. И была речь ее длинная.

Но длинная — хороша веревка, а речь чем короче, тем лучше.

КАК ФУШТ-БЕЙГ ЗАРАБОТАЛ У ВЕДЬМЫ ЖЕРЕБЕНКА И УВЕЗ ЖЕНУ ОТ ГОРБАШ*

У одного князя родился сын, которого назвали Фушт-Бейг. Мальчик, лежа в люльке, то и дело плакал, а отец, успокаивая его, говорил:

— Не плачь, сынок, когда вырастешь, то для тебя будет женою девица Джинагаз.

Это отец говорил очень часто. Когда мальчик вырос, то однажды отец заметил, что он сидит очень печальный. Отец спросил о его печали. Сын ответил:

— С детства ты говорил мне, что возьмешь мне в жены девицу Джинагаз. Теперь сверстники мои уже поженились, а я все еще остаюсь неженатым...

Отец сказал:

— Я не знаю, что это за девица Джинагаз и где она находится. Но давно слышал про нее. Если ты, сын, хочешь жениться, то у разных князей есть много хороших девушек и можно посватать любую.

Но сын хотел жениться именно на девице Джинагаз. Как бы то ни было, но отец стал готовить своего сына для женитьбы и выбрал для него в подарок четырех хороших лошадей. Когда лошади вернулись на зиму с гор, отец осмотрел ноги лошадей, и они оказались с мозгом в костях. Он этих лошадей отправил туда же и на другой год. Лишь на третий год лошади стали пригодными, и из них он выбрал самого лучшего и быстроногого коня, у которого кости ног были совсем без мозга, как стальные. Как-то сын оседлал этого скакуна, взял хорошее оружие и непортящуюся пищу и выехал в далекие страны искать свою невесту. Долго он ездил по свету, наконец, попалось ему жилье, и он остановился. Переночевав там, рано утром он поехал дальше. Когда он проезжал через обширные, заросшие камышом места, из камышей вдруг выбежал красивый заяц. Фушт-Бейг так на него засмотрелся и так он ему понравился, что захотелось ему во что бы то ни стало поймать этого зайца. Он воз-

вратился опять в тот дом, где ночевал, и на другой день снова выехал, чтобы изловить зайца. Опять выбежал заяц из камышей, но Фушт-Бейг не поймал его и вновь возвратился на свою ночевку. На третий день опять он встретил зайца, но тут Фушт-Бейг крепко стегнул своего коня и нагнал зайца. Хотел было он схватить его, а заяц превратился в прекрасную девушку. Девушка просила, чтобы он ее не погубил, так как она готова быть его женою, а звать ее Джинагаз. Фушт-Бейг очень обрадовался этому случаю и дал слово не трогать ее. После этого Джинагаз сказала ему, чтобы в следующую пятницу он ждал ее в своем селении на горе, куда она придет со своими сорока прислужницами, чтобы обвенчаться с ним. Условившись так, они расстались. С большой радостью возвратился Фушт-Бейг в отцовский дом.

За это время родная мать его умерла, и отец женился на другой, на молодой. Приехав домой, Фушт-Бейг рассказал мачехе о своей далекой поездке и сказал, что в эту пятницу у них назначено свидание. Мачеха после этого разговора затаила ненависть в своем сердце к своему пасынку. До пятницы, подкупив подарками своего слугу, смуглого ногайца, она попросила его, чтобы он всеми силами постарался поехать в пятницу вместе с сыном на свидание и каким-нибудь способом помешал бы встрече с невестой. Для этого необходимо было дать Фушт-Бейгу понюхать сонного лекарства.

Когда подошла пятница, то Фушт-Бейг еще с рассвета собрался выехать на курган. Видя это, смуглый ногаец стал неотвязчиво просить взять его с собой, говоря, что он может быть ему полезен, может оказать кое-какие услуги, подержать коня.

Фушт-Бейг, уступив просьбам, согласился, и они поехали вместе. Приехав на место, он развернул свою бурку и лег отдохнуть в ожидании приезда невесты. Как только он немного задремал, смуглый ногаец поднес к его носу усыпляющее лекарство. Тот заснул крепким сном. В половине дня показались экипажи, и на курган приехала Джинагаз со своими сорока девушками. Здесь на кургане они остановились, и Джинагаз, видя спящего человека и зная, что это — ее жених, пробовала всеми силами разбудить его, но он не просыпался. Тогда она сказала, что нехорошо с его стороны так крепко спать, и велела слуге непременно передать ему, чтобы

Фушт-Бейг опять в следующую пятницу приехал на это место.

Проснувшись уже перед вечером, Фушт-Бейг спросил смуглого ногайца:

— Не произошло ли здесь что-либо? Я, кажется, долго спал?

Смуглый ногаец ответил:

— Сюда приезжали девушки, их было сорок одна. Все они веселились, танцевали, и одна из них, очень красивая, старалась разбудить тебя, но ты очень крепко спал. Она мне велела передать тебе, что приедет в следующую пятницу на это же место.

Все виденное и слышанное слуга передал княжеской жене, мачехе Фушт-Бейга. В следующую пятницу опять произошло то же самое. Джинагаз велела приехать на третью пятницу. Все это время Фушт-Бейг очень упрекал себя за то, что так крепко спал. Готовясь выехать в третью пятницу, он долго не спал и с полночи уже собрался выехать на курган. Слуга опять увязался с ним. Сколько ни бодрствовал Фушт-Бейг, но сон склонил его голову, а слуга в это время поднес ему сонного лекарства. И на третий раз уехала невеста, не услышав ни слова от своего жениха. Уезжая с кургана, она передала свое золотое кольцо слуге и строго приказала ему передать это кольцо спящему человеку и сказала:

— Я больше сюда не приеду, пусть кольцо останется спящему на память.

Так проездивши без пользы три пятницы на курган, Фушт-Бейг еще более опечалился. Отец, видя его в печали, опять спросил своего сына. Сын рассказал ему, как он ездил, нашел девушку Джинагаз, что по возвращении говорил об этом своей мачехе, и сказал, что с ним происходило что-то странное при встрече с девушкой и потому он не смог снова встретиться с нею. Но она оставила ему на память свое кольцо.

Отец усмотрел в этом злой умысел своей молодой жены. Недолго думая, он пошел к ней, в сердцах схватил ее, бросил на землю, приставил кинжал к горлу и велел сознаться в проделках. Жена созналась во всем, но поправить дело было трудно.

Желая все же разыскать свою невесту, Фушт-Бейг опять выехал из отцовского дома. Долго он ехал, не находя никаких следов своей невесты. Наконец пришлось

ему проезжать по обширной безводной степи. Его давно непоенная лошадь едва передвигала ноги, и сам он еле сидел на ней. В безводной степи, без всякого жилья, он вдруг увидел девушку, идущую с кувшином к воде. Он направился к ней. Девушка подошла к колодцу, стала набирать воду. Выбившийся из сил Фушт-Бейг едва подъехал к ней. Лошадь его, почуяв воду, свалилась с ног, сбросив своего седока. Девушка рассмеялась, но Фушт-Бейг сказал ей, что уже семь дней как лошадь и он сам не пили воды. Девушка из сожаления напоила упавшую лошадь, и она ожила.

Фушт-Бейг стал расспрашивать ее, откуда она и кто она. Девушка рассказала, что она прислужница княжеской дочери Джинагаз, у которой сорок слуг. Они поочередно носят из этого колодца воду, и так как теперь ее черед, то она пришла сюда по воду, чтобы приготовить кушанья для Джинагаз. Фушт-Бейг ничего больше не расспрашивал, а попросил дать ему напиться из кувшина. Он напился и незаметно для девушки опустил в кувшин золотое кольцо, данное ему Джинагаз. Фушт-Бейг понял, что теперь уже недалеко до жилья его невесты. Когда девушка скрылась, он спокойно лег спать среди степи.

Во время купания Джинагаз из кувшина вдруг выпало кольцо. Она признала его и подумала: как могло попасть к ней это кольцо? Собрав своих служанок, она спросила их, кто сегодня приносил воду. Все отказались, но, наконец, указали на одну из девушек. Джинагаз спросила ее, почему принесенная ею вода пахнет человеком. Девушка смущенно рассказала, что у колодца встретила всадника. У него от сильной жары пала лошадь. Она напоила ее, и из кувшина напился сам этот всадник. Джинагаз отпустила девушек и сейчас же послала своих людей на розыски этого всадника. Слуги нашли его спящим у колодца и просили приехать к Джинагаз. Фушт-Бейг охотно согласился. Они встретились и зажили веселой жизнью.

Спустя немного времени Джинагаз услышала, что сестра ее выходит замуж, и собралась поехать к ней. Фушт-Бейга оставили дома. Уезжая, Джинагаз сказала ему, чтобы он веселился среди сорока девушек, пил и ел, что захочет, но только не отворял дверей в комнаты, ко-

торые находятся направо и налево от него. Тот дал слово исполнить все ее указания. Когда уехала Джинагаз, Фушт-Бейг, подстрекаемый любопытством, слегка приоткрыл одну дверь в соседнюю комнату и просунул туда палец. Оказалось, что эта комната была настолько наполнена расплавленным золотом, что даже пальцем можно было ощупать его. Но, просунув туда палец, он так сильно обжег его, что золото пристало к пальцу. Тогда Фушт-Бейг задумал обмануть жену, сказать, что обрезал.

После этого ему захотелось заглянуть и в другую комнату. Отворил дверь — там оказалось темно. Едва он переступил порог, как разглядел что-то страшное. Там находился прикованный за руки и ноги страшный горбаш. Как увидел горбаш входящего человека, стал просить освободить его от оков и обещал, что пригодится ему когда-нибудь и сослужит службу.

Фушт-Бейг хотел было разорвать цепи, но горбаш сказал ему, что на полке лежит ключ от оков и он быстро может освободить его. Только Фушт-Бейг освободил одну руку, как горбаш сильно потянулся, размял свои кости — и оковы упали сами собою. Освободившись от оков, горбаш стал веселиться с сорока девушками.

Бывшая у своей сестры Джинагаз почувствовала, что у нее дома произошло что-то неприятное, и, простившись с сестрой, возвратилась домой. Приехав домой, она увидела освобожденного горбаша и сразу догадалась, что приказание ее Фушт-Бейг не исполнил. Разговаривая, она заметила повязку на его руке. Он сначала хотел было сказать ей неправду, но потом сознался, как обжег палец и как выпустил горбаша.

Джинагаз сказала ему, что своим непослушанием он испортил всю их дальнейшую жизнь. Горбаш теперь не отпустит их, и надо каким-нибудь способом убежать от него. Горбаш имел обыкновение сразу за обедом съедать целого быка и, пообедав, спать трое суток. Выбрав такое время, когда горбаш заснул, Фушт-Бейг посадил на своего быстроногого коня Джинагаз и помчался с нею к своему дому.

Как только беглецы скрылись, конь горбаша о трех ногах, стоявший в медной конюшне, порвал свои оковы, выломал дверь, подскакал к спящему хозяину и, крепко топая около него ногой, старался разбудить его.

Горбаш проснулся, и конь сказал ему человеческим языком, что Джинагаз убежала из дома с мужчиной. Горбаш спросил своего коня:

— Ну как, поеди́м, пое́дем и догоним? Или не поеди́м, а догоним?

— Поеди́м и не поеди́м, все равно догоним,— ответил конь. Вскочив на него, горбаш мигом догнал беглецов, вернул их обратно и при этом сказал Фушт-Бейгу:

— Так как я обещал сделать для тебя добро, то дарую тебе жизнь за совершенную дерзость, а иначе я лишил бы тебя жизни.

Второй раз убежали от горбаша Фушт-Бейг и Джинагаз во время его крепкого сна, и опять конь разбудил горбаша и догнал их. Опять горбаш сказал:

— Второй раз оставляю тебе жизнь.

Собираясь убежать в третий раз, Фушт-Бейг и Джинагаз посоветовались, как лучше обмануть горбаша. Фушт-Бейг спросил Джинагаз, откуда горбаш достал свою лошадь. Она рассказала ему, что у одной ведьмы горбаш три ночи пас ее кобылиц и за этот труд он получил себе от этих кобылиц жеребенка. В эти три ночи ведьма старалась наводить на него разные ужасы, но он ничего не испугался, сберег лошадей и, держа их за повода, не выпускал из своих рук. Под конец третьей ночи одна из кобылиц родила жеребенка. Как только жеребенок ступил на землю, то со всего света слетелись хищные птицы, и среди них три старых больших орла. Они старались разорвать жеребенка. Горбаш перебил их всех, но, пока отбивался, один из орлов съел у жеребенка одну ногу. Вот этого-то жеребенка о трех ногах и отдала ведьма горбашу, и из него вышел особенный конь. Если бы горбаш не укараулил этих кобылиц, то его убила бы ведьма.

Захотелось Фушт-Бейгу попытать счастья — достать и себе такого жеребенка. Об этом он сказал своей Джинагаз, но та его долго отговаривала. Она говорила, что горбаш не мешает им жить вместе, что лучше дождаться удобного случая и освободиться от горбаша. Фушт-Бейг сказал ей, что если у него не будет коня, который превосходил бы всех, то им нельзя освободиться от него.

Сказав это, он поехал к тому месту, где жила ведьма. Долго он ехал, сильно проголодался и захотел что-

либо поесть. На дороге ему попался старый орел с подбитым крылом.

Фушт-Бейг хотел добить этого орла, но тот стал молить, чтобы он оставил его живым, обещая когда-либо ему пригодиться. Фушт-Бейг сжалился над орлом, смазал салом его рану и отпустил на волю, а сам, голодный, поехал дальше.

Дорогой повстречалась ему старая лисица с перебитой ногой. Фушт-Бейг хотел ее добить, но она попросила оставить ее живой и сказала, что когда-нибудь пригодится ему. Фушт-Бейг перевязал ей рану и отпустил на свободу.

Поехал дальше и на берегу реки встретил огромную рыбу, лежащую на песке. Ему еще сильнее прежнего захотелось есть, и он жадно набросился на эту рыбу. Но рыба взмолилась не губить ее и попросила бросить в реку. Она тоже обещала пригодиться ему.

Фушт-Бейг исполнил просьбу рыбы и опять, голодный, поехал дальше. Так приехал он к месту, где жила ведьма. Приехав к ней, он предложил ей пасти ее кобылиц, если она даст ему за работу от этих кобылиц жеребенка. Ведьма сказала, что уже было двадцать таких молодцов, как он. Они не смогли устеречь кобылиц на пастьбе, и головы их торчат на кольях в плетне ее жилья. Если он не хочет, чтобы его голова была вместе с ними, то пусть не берется за это дело.

Молодец уверил ее, что сумеет уберечь кобылиц. Наступила первая ночь. Фушт-Бейг взял в руки повода трех кобылиц ведьмы и вывел их на зеленую траву. Только что он осмотрелся на месте, как засверкала около него молния, грянул страшный гром, гроза сменилась снежной ночной метелью. Хотя жутко было Фушт-Бейгу, но он, не моргая, смотрел на своих кобылиц и крепко держал их под узцы.

Ведьма, видя, что это не смущает его, сказала ему:

— Ты стоишь здесь, а твою невесту Джинагаз увез горбаш!

Фушт-Бейг быстро оглянулся на голос, потом на своих кобылиц, но их и след простыл.

Удивившись этому, он бросился на розыски кобылиц. Много он бегал в ночной темноте и, наконец, встретил спящего орла. Фушт-Бейг рассказал ему о

том, что случилось, и попросил помочь. Орел выслушал просьбу и сказал:

— Кобылиц ведьма укрыла в пещере в недоступных горах.

Орел полетел туда и мигом пригнал их обратно. Фушт-Бейг поймал их и утром рано привел к ведьме. Та поблагодарила за то, что он сумел сберечь ее кобылиц, и поставила их в конюшню.

На вторую ночь случились те же самые ужасы, и опять голос ведьмы сказал, что Джинагаз увел горбаш. Фушт-Бейг оглянулся — лошади пропали. Разыскивая кобылиц в ночной темноте, Фушт-Бейг повстречал раненую лисицу, рассказал ей о том, что произошло, и также попросил о помощи. Она бросилась в горы и выгнала оттуда кобылиц. Фушт-Бейг опять поймал их и утром привел к своей хозяйке. На третью ночь случилось то же самое. Фушт-Бейг искал в ночной темноте кобылиц и подошел к большой реке. Вспомнил, что большая рыба обещалась помочь ему. Позвал эту рыбу, она сказала ему:

— Ведьма спрятала своих кобылиц на дне моря, ты подожди, я приведу тебе их.

Поймавши этих кобылиц и крепко держа их в своих руках, он ожидал рассвета. Перед утром одна из кобылиц ожеребилась, и как только жеребенок коснулся земли, откуда ни возьмись, явилось несметное количество разных хищных птиц. Они с особенной яростью бросались на лежащего жеребенка. Сильнее других нападали три огромных орла. Фушт-Бейг одной рукой удерживал кобылиц, а другой—отражал нападение мелких птиц и орлов. К появлению солнца он уже справился со своей бедой. Жеребенок остался невредимым. Из этого жеребенка должен был получиться особенный конь.

Фушт-Бейг подвел к жеребенку его мать, кобылицу, чтобы покормить. Насосавшись молока, жеребенок сразу стал таким, что на нем можно было ездить. Повел Фушт-Бейг обратно к ведьме кобылиц и, по уговору, потребовал для себя жеребенка. Получив этого жеребенка, он повел его на поводу к своей Джинагаз.

Теперь уже ничего не боялся Фушт-Бейг. Выбрав время, когда горбаш заснул, Фушт-Бейг оседлал своего

жеребенка, посадил с собою Джинагаз, и они убежали от горбаша. Опять конь разбудил горбаша и сказал:

— Джинагаз убежала от тебя!

Горбаш спросил своего коня:

— Ну как, поевши догоним или не поевши поедем и догоним?

— Теперь хоть поевши, хоть не поевши, все равно не догоним,— ответил его конь.

Быстро мчался горбаш на своем трехногом коне, но быстрее его мчался Фушт-Бейг с девицей на своем четырехногом жеребце. Конь горбаша уже стал изнемогать, и горбаш стал бить его по бокам большой дубиной. Конь его, изнемогая от усталости, закричал скачущему впереди жеребенку:

— Смилуйся надо мной, подожди хоть немного, ведь мы от одной матери. Горбаш бьет меня по бокам своей тяжелой дубиной, и я скоро упаду мертвым!

— Нет,— сказал жеребенок,— хотя мы и от одной матери, но у тебя злой хозяин, и я ему не дам в обиду своего. Но я все же тебе помогу: я буду скакать вперед и в одном месте выкопаю передними ногами глубокую яму. А ты постарайся на всем скаку остановиться перед этой ямой и сбросить туда своего седока.

Как сказал жеребенок, так и сделал все трехногий конь. Жеребенок ударом передних ног выкопал яму глубиной в семьдесят локтей. Горбаш свалился туда. Сама земля засыпала его. А Фушт-Бейг с Джинагаз благополучно доехали домой, и от них пошло потомство.

ВОСЕМЬ БРАТЬЕВ И СЕСТРА ИХ ВЕДЬМА

(Отчего бывает затмение Луны)

В старину жили на свете восемь братьев и одна сестра. Случилось, что в то время, когда братья были в отъезде за добычей, сестру их похитил страшный горбаш. Семеро братьев отправились на розыски пропавшей сестры, а восьмой, самый младший, остался дома с матерью.

Долго ехали братья и, наконец, подъехали к многоводной реке Сунзар. На другом берегу они увидели обиталище горбаша, а в высокой башне находилась их сестра.

Когда они подъехали к реке, сестра их смотрела из окна башни. Братья крикнули ей, чтобы она перебросила мост через реку, но она отказалась. Они бросились с лошадьми в волны реки и переплыли ее.

Подъехав к воротам, они просили сестру отвалить камень, служивший дверью, но сестра отказалась. С большим трудом все семеро отвалили камень и въехали во двор. Тут они привязали к коновязи своих лошадей и сами сели отдыхать.

К вечеру горбаш вернулся с охоты. В одной руке нес он убитого оленя, в другой — огромную, с корнем вырванную чинару. Подойдя к братьям, он спросил их, что они хотят: содрать ли шкуру с этого оленя на ужин или на щепки расколоть принесенную чинару? Братья пожелали расколоть чинару. Со своими шашками они долго возились над ней, наконец, уставшие, сели. Горбаш ободрал оленя, сварил его в огромном котле и сам один ел, а кости бросал братьям.

После того как братья заснули, горбаш срубил им головы и съел их лошадей.

Прошло много времени, младший брат их вырос и стал сильным. Во время ссоры с товарищами ловил их, и, взяв в руки, ударял их друг о друга и этим причинял им сильную боль. Случалось также, что во время игры в альчики* он брал их в ладони и, потерев друг о друга, превращал в порошок.

Такой задорный характер мальчика не нравился соседям, и однажды одна женщина сказала ему:

— Если ты такой молодец, то почему не разыщешь свою сестру, которую украл горбаш, и своих семерых братьев, которые поехали искать ее и уже много времени не возвращаются?

Чтобы убедиться в правильности ее слов, мальчик пошел к своей матери и спросил ее:

— Правда ли то, что сказала мне женщина о сестре и о братьях?

Мать, боясь лишиться последнего сына, долго отказывалась, но, наконец, рассказала ему.

После слов матери мальчик вывел из конюшни лихого коня, снял со стены почерневшее ружье своего отца и отправился на розыски братьев и сестры.

Он долго ехал и приехал к той же реке. В окно так же смотрела девица, его сестра. Он крикнул ей, чтобы

она перекинула мост, но она ему отказала. Тогда молодец бросился с конем в реку и так переплыл ее, сидя на коне, что даже подпруги не замочил. Подъехав к воротам, он крикнул сестре, чтобы она отвалила камень, но сестра отказалась. Молодец схватил камень одной рукой и перебросил его через реку. Въехав во двор горбаша, он не привязал своей лошади к коновязи, а поставил ее в чугунной конюшне.

Когда вечером с охоты вернулся горбаш, то принес в одной руке убитого оленя, а в другой — с корнем вырванную большую чинару. Он приветствовал молодца и назвал его своим шурином. Чтобы приготовить ужин, горбаш предложил ему или снять шкуру с убитого оленя, или нарубить дров из принесенной чинары. На это молодец сказал:

— У своего отца я никогда этого не делал и отец мой этого не делал — делай ты сам!

Испугался горбаш такого ответа, и когда на ужин был сварен целый олень, то молодец съел сам, ел, сколько ему хотелось, а обглоданные кости бросал голодному горбашу.

— Где ты хочешь ложиться спать? — спросил горбаш гостя после ужина.

— Я лягу в медной комнате,— ответил тот.

Когда молодец заснул, горбаш два раза приходил в эту комнату, намереваясь убить своего гостя. Но молодец был настороже и отгонял его от себя.

Когда стало светать, горбаш пришел в третий раз. Молодец снова прогнал его, но горбаш сказал, что не уйдет, пока не убьет его.

Они решили помериться силами и вышли во двор. Там они боролись три дня и три ночи. Наконец, молодец изловчился, схватил горбаша и свалил его на землю, отрубил ему руку и ногу, выколол один глаз. Тот просил его оставить другую половину, клянясь, что оживит его братьев за это. Молодец принял просьбу своего врага, оставил ему один глаз, руку и ногу. Горбаш крикнул, и девушка принесла оживляющий камень, точильный брусок.

Потер он о брусок ножичком — мигом ожили все братья молодца и их лошади. Но молодец все же добил этого горбаша, и, взяв свою сестру, все вместе они поехали домой.

Младший брат ехал впереди.

Дорогою его быстроногий конь три раза споткнулся. Три раза ударил его плетью молодец, очень удивившись, что конь его стал спотыкаться. Слез он с коня, внимательно осмотрел его и заметил, что в одном ухе сидит ласточка. Молодец схватил ее и придавил в руке, а в это же мгновение старшие братья сказали младшему:

— Сестра наша сильно занемогла, ты не души ласточку, иначе сестра помрет.

Младший брат сказал:

— Если я отпущу ласточку на волю, то и сестра впоследствии принесет нам много хлопот.

Братья попросили его оставить ласточку, и они благополучно приехали домой.

Предвидя, что из-за их сестры произойдет что-либо неладное, младший брат ушел из дома родителей. Бродил он по разным местам и вдруг на высокой скале увидел дыру, у входа в которую сидел белый голубь. Молодец подошел к этому голубю, но он спрятался в эту дыру. Молодец полез за ним, и ему представилось, богато убранное жилище. На его глазах белый голубь обратился в прекрасную девицу, у которой была звезда на лбу, а на затылке — месяц. Он удивился этому. Они понравились друг другу и решили стать мужем и женой.

Пробыв долгое время с этой прекрасной девицей, молодец соскучился и поехал проведать своих родных. Когда он приехал на то место, где было их село и где был его дом, то среди крапивы, лопухов и колючек нашел лишь дрянную хатенку.

В дырке столба у ворот, куда продевается засов, сидела черная кошка с отрубленным задом и еле мяукала. Увидев кошку, молодец засмеялся, а кошка человеческим языком сказала ему:

— Напрасно ты смеешься надо мной, это может случиться и с тобой. Здесь живет злая ведьма, твоя сестра. Она съела всех людей в селе, твоего отца и мать, весь скот, а когда ничего не осталось, то дошла очередь и до меня — кошки. Теперь она очень голодна, и ты можешь попасть ей в зубы. Мне жаль тебя, и я выручу тебя из беды, научу, что надо делать. Ты все исполни по моему совету. Я дам тебе уголь, гребенку, кремень и пе-

топленое масло. Когда сестра твоя ведьма погонится за тобой, то ты брось на землю сначала уголь. Тогда позади тебя ляжет непроглядная тьма. Ведьма заблудится во тьме, а ты за это время старайся убежать дальше. Когда она опять станет тебя догонять, то ты брось гребенку. По всей земле позади тебя сразу вырастет колючий кустарник. Пока ведьма будет пробираться через эти колючки, ты старайся убежать дальше. Когда она опять будет догонять тебя, ты брось кремень. Позади тебя встанут высокие горы. Пока ведьма переберется через эти горы, ты беги дальше. Если и после этого она будет догонять тебя, тогда брось на землю нетопленое масло. Позади тебя образуется широкое море. Дальше поступай, как сам знаешь.

Получив от кошки уголь, гребенку, кремень и нетопленое масло, молодец привязал своего коня и вошел в хатенку. Сестра притворилась, что очень обрадовалась ему, и сказала:

— Не хочешь ли ты покушать чего-либо с дороги?

Но тот отказался. После этого она выбежала во двор, съела одну ногу у коня и, вбежав к брату, спросила его:

— Разве твой конь о трех ногах?

— Да, о трех,— сказал спокойно брат.

— Дорогой братец, может быть, ты отдохнуть хочешь с дороги, так ложись и засни!

— Нет,— сказал брат,— я спать не хочу!

Она опять побежала и съела еще одну ногу у коня. Потом вбежала в хату и сказала брату:

— Да твой конь о двух ногах!

— Да, о двух,— сказал брат.

Опять выбежала она и съела обе ноги у коня. Вернулась к брату и спрашивает:

— Что это ты приехал на безногом коне?

— Да, на безногом,— ответил брат.

Опять она побежала, съела всего коня, вернулась к брату и говорит:

— Да ты не приехал, а пешком пришел?

— Да, пешком я пришел,— ответил брат.

— Не хочешь ли, братец, воды напиться? — спросила ведьма.

Брат видел, что дела его плохи, и старался каким-нибудь способом убежать от ведьмы. Чтобы ее задержать, он ответил:

— Я выпью только той воды, которую ты наносишь решетом в бездонную кадку.

Ведьма побежала за водой для брата, а он пустился бежать от нее.

Натаскав воды, ведьма увидела, что брата нет в хате, и бросилась по следу догонять его. Когда она была близко, то закричала ему:

— Теперь не уйдешь от меня!

Брат почувствовал, что ведьма уже так близко, что ее дыхание обожгло его лицо. Он сейчас же сделал так, как научила его ведьмина кошка: бросил на землю уголь, и вдруг за его спиной образовалась непроглядная тьма. Пока ведьма блуждала во тьме и выбиралась на свет, брат был уже далеко.

Она опять стала его догонять. Брат бросил гребенку и проделывал все так, как научила его кошка.

Наконец, когда ведьма перебралась через обширное море, брат выбился из сил. Он стал взбираться на высокую скалу и увидел там большую дыру, а на краю ее сидел белый голубь. Молодец бросился в эту дыру, чтобы спастись от ведьмы. Ведьма чуть-чуть было не схватила его, но белый голубь развернул свои крылья, закрыл вход и не пустил туда ведьму.

Ведьма требовала спасшегося молодца:

— Выдай его мне! Он — мне брат!..

Голубь же обратился в девушку, говоря:

— Он — мой муж.

Так они долго спорили и, наконец, решили обратиться к предсказателю. Предсказатель выслушал их и решил, что брат должен принадлежать сестре. Молодой жаль было расстаться с тем, кто стал ее мужем, и тогда она, приподняв его на руки, обратилась к Солнцу:

— Пусть же он не будет принадлежать ни мне, ни сестре, а будет находиться под покровительством бога,— и отдала своего мужа богу. Сестра-ведьма все старалась отнять его, но бог между Солнцем и Луной сделал густой туман. Брат нашел окончательное свое спасение на небе, а сестра-ведьма до сих пор бродит в тумане.

В старину говорили, что когда бывает затмение Луны, то это происходит оттого, что сестра-ведьма по имени Можь старается схватить своего брата, но бог посылает сильную темноту (затмение). Мать Луны по имени Кинч укрывает его у себя, а чтобы Можь перестала ее пресле-

довать, в это время люди помогают Кинч, стараясь отогнать ведьму, стреляют вверх, в Луну. Ведьма боится выстрелов, прекращает преследование, и затмение проходит. Народ говорит тогда:

— Вот теперь ведьма испугалась и выпустила брата.

ЧЕРСЕ-КАНТ

Был человек по имени Черсе-кант. Он занимался тем, что сажал на десять пальцев своей жены десять яиц и пулей сбивал эти десять яиц.

Гордясь этим, он говорил:

— Попробуйте-ка найти человека, превосходящего меня, и показать мне!..

Во время стрельбы он заставлял свою жену держать на руках мальчика. Этого очень боялись и жена его и мальчик. Они похудели и совсем высохли. Не желая умирать, жена убежала со своим мальчиком.

Тогда она встретилась с человеком по имени Тоташ-Маржие, который, вырывая кремневые глыбы, клал их на ладонь и растирал в порошок. Таким путем он рыл горы.

— Слава сыну твоего отца! Нашел жену, нашел и мальчика,— сказал Тоташ-Маржие.

— К чему моя жизнь, если бы не существовал этот мальчик? — молвила женщина.— Я убежала от своего мужа, так как не могла жить с ним от страха: посадит десять яиц на десять моих пальцев, заставит меня держать в объятиях сына и пулей сбивает эти яица...

— Если он так уверен в себе,— сказал он женщине,— иди и скажи ему, что его зовет к себе Тоташ-Маржие, роющий горы.

Женщина пошла домой.

— Иди,— обратилась она к мужу,— тебя ожидает Тоташ-Маржие. Если ты превосходишь его, пойди к нему, он приглашает тебя к себе.

Выслушав ее и позеленев от злости, Черсе-кант отправился к Тоташу-Маржие.

Прибыв, он пустил в него между лопатками пулю.

— Неужели оса ужалила? — удивился Тоташ-Маржие и почесал между лопатками.

Черсе-кант снова пустил в его затылок пулю. После этого выстрела Тоташ-Маржие вспомнил:

— Не тот ли это, о котором недавно рассказывала женщина?..— Оглянувшись, он увидел поднимающийся из-за камня дымок от выстрела; вырвал дерево, провел по нему рукой, очистил от веток и побежал за Черсе-кантом, чтобы побить его. Убегая от него, Черсе-кант бросился в объятия одного пастуха со словами:

— Я — твой и бога гость, спаси меня!

Пастух, ткнув палкой в землю, спрятал в вырытой яме его лошадь, его же самого положил в рот — в ямку от вырванного коренного зуба.

— Не видел ли ты осы, пытающейся жалить? — спросил Тоташ-Маржие пастуха.

— О какой осе ты болтаешь? Убирайся поздорову!— ответил ему пастух и отправил его назад.

Затем он вывел из ямы лошадь, поставил на землю Черсе-канта и сказал, что тот может ехать домой.

Удивленный всем увиденным, Черсе-кант стал упрашивать пастуха рассказать ему обо всем.

— Уходи! Что я буду тебе рассказывать! — сердито ответил пастух.

Черсе-кант стал умолять:

— Я же — твой и бога гость, расскажи мне...

И начал тогда пастух рассказ:

— Нас было семеро братьев, среди них я был самый низкий по росту. Передравшись со всем миром, не имея большого места, где побиться, ехали мы по ровной степи, где нельзя было найти ни камня, чтобы бросить в воробья, ни ветки — махнуть на барана. Вдруг увидели одиноко стоящую глыбу. Мы подъехали к ней, рассчитывая найти навес, чтобы укрыться от дождя. Но глыба оказалась черепом какого-то человека. Когда мы сидели в этом черепе, то увидели громадного роста человека с одним глазом на лбу. Он шел, погоняя большую отару.

Когда он подошел со своим баранами, одна овчарка схватила зубами череп, в котором мы сидели, понесла к своему хозяину и бросила перед ним.

— Теперь ты стала таскать гнилые кости,— сказал он, ругая пса, и, ткнув палкой, далеко отшвырнул череп. Пес снова схватил его и бросил перед ним.

Великан нагнулся и, посмотрев на вновь принесенный череп, сказал:

— Да останешься ты хозяину, — и с этими словами он забросил в свою сумку для пищи череп с моими семью братьями и нашими семью конями. После он отнес череп в свою пещеру и положил.

В семь ночей он съел наших семерых коней, в шесть ночей съел моих шестерых братьев, надевая на конец длинного вертела и поджаривая... Мы все семеро не смогли сдвинуть с места каменную плиту, что закрывала вход в пещеру, и должны были гибнуть. Назавтра наступила моя очередь быть съеденным. В ожидании, что завтра ночью он меня съест, я лег спать. У него была привычка так крепко спать, что его нельзя было разбудить, даже если б на нем кололи дрова.

«Все равно мне придется умирать», — подумал я и накалил на огне тот шампур*, на который он сажал людей. После этого я направил шампур в его глаз и вонзил его. Но он даже не пошевелился. Накалив еще раз, я вогнал снова шампур в его глаз со всей силой, которую только имел. Тогда он немножко шевельнулся. Испугавшись, я сел в середине пещеры. Но он не проснулся. Тогда я зарезал козла, вожака его баранов, содрал с него шкуру и, чтобы быть похожим на козла, накинул на себя, рассчитывая выйти утром с баранами. Утром, выгоняя баранов, он пропустил меня, проведя по шерсти рукой. Я ушел со всеми его баранами и собакой. Когда я прошел семь гор и поднимался на восьмую, ослепленный великан наткнулся в пещере на остатки своего козла и, догадавшись, что произошло, крикнул мне вслед:

— Я съел семь твоих коней, я съел шесть твоих братьев, и сам ты не спасешься от меня!

Я крикнул в ответ:

— Я прошел семь гор, поднялся на восьмую гору. Хотя ты убил моих братьев, но им, видно, суждено было умереть. Я же ослепил тебя, угнал все твое стадо, и ты теперь бесславно умрешь в своей пещере... Он бросил в меня кряжем и выбил один коренной зуб. Как раз тот, в ямке от которого ты был спрятан.

Вот и все. Теперь иди домой и мирно живи со своей женой.

ЛИСИЦА И ПЕРЕПЕЛКА

Перепелка упрашивала лисицу стать ее подругой.

— Хорошо, — сказала лисица, — я стану твоей подругой, если ты один раз меня насытишь, один раз рассмешишь и один раз напугаешь.

— Ладно,— я окажу тебе эти услуги,— сказала перепелка, вспорхнула и улетела.

Увидела она женщину, несущую пищу пахарям. Вернувшись обратно, повела она лисицу и посадила за кустом, сама же села впереди женщины. Женщина поставила свой кувшин с едой посреди дороги и нагнулась, чтобы поймать ее. Перепелка отлетела и села поблизости.

Женщина догнала ее и, желая поймать, опять нагнулась. Перепелка вновь вспорхнула и села неподалеку. Перепелка перелетала с места на место, а женщина ловила ее и, таким образом, очень далеко отошла от кувшина.

Лисица, опрокинув кувшин, съела все содержимое и ушла. Перепелка взмахнула крыльями и улетела. После этого она вернулась к лисице.

— Пойдем,— сказала она лисице,— теперь я тебя рассмешу.

Они вдвоем подошли к людям, которые пахали. Пахари, не зная, почему так долго не несут еды, проголодались и с сердитым видом продолжали пахать. Утомившись, люди остановили быков, чтобы распрячь. Перепелка, спрятав лисицу, полетела и села на рог быка.

— Посмотри, посмотри на перепелку, которая сидит на роге быка! Ударь ее нухдувгирг! *— сказал погонщик плугарю.

Брошенный с размаху нухдувгирг, вместо улетевшей перепелки, попал в рог быка и с треском перебил его.

Взбесившись, бык стал метаться. Другие быки также испугались и разнесли на мелкие куски плуг и упряжь.

Лисица, говорят, в этот день так смеялась, что у нее все кишки пересохли.

— Ты лежи здесь, теперь я тебя напугаю, — сказала перепелка и улетела.

На пути она заметила охотников с гончими собаками. Перепелка села перед ними. Гончие бросились к

ней. Перепелка взмахнула крыльями, немного отлетела и опять села. Гончие каждый раз, когда она садилась, кидались к ней — она же перепархивала дальше и опять садилась. Таким образом, она подвела близко к лисице гончих и охотников.

Тогда перепелка подлетела к спящей лисице и разбудила ее.

— Скорей спасайся! Тебя настигают охотники с гончими!..

Лисица со всей мочи, как могла, бросилась бежать. Гончие за ней. Под конец, когда она кинулась в свою норку, догнавшие ее гончие оторвали у нее хвост. Когда гончие и охотники ушли, лисица вышла из норки и сказала перепелке:

— Твоя дружба со мною не была дружбой: ты меня сознательно предавала и теперь так меня опозорила, что я не могу ходить с равными себе лисицами...

— Я сделала тебе только то, что ты просила. Ты сказала: «Насыть меня один раз, рассмеши меня один раз, напугай меня один раз». Разве я виновата, что выполнила твою просьбу? — ласкаясь ответила перепелка. Все же лисица была на нее сердита. Поэтому перепелка боялась подойти близко к ней. Прошло некоторое время, и перепелка вновь встретилась с лисицей. Тогда лисица сказала перепелке:

— Ты не виновата, что у меня оторвали хвост, ты исполнила мои желания и больше ничего, поэтому я не хочу быть с тобой в ссоре...

Перепелка после долгих заверений поверила лисице и приблизилась к ней. А та набросилась на нее и схватила в пасть. Перепелка стала умолять:

— Подожди, не ешь меня, пока я не скажу три слова: какой завтра день?

— Завтра — среда,— ответила лисица.

Едва лисица раскрыла рот, как перепелка взмахнула крыльями и улетела.

ЖАДНОСТЬ И НАКАЗАНИЕ ЗА ЛОЖНУЮ КЛЯТВУ

Случилось, что пастухи со стадом сделали привал на поляне среди леса. При переходе на другое место они забыли на этой поляне ягненка и щенка.

К осени ягненок стал большим бараном, а щенок — взрослой собакой. Жили они вместе, баран не покидал своего места, пасся на поляне, а собака днем охотилась в лесу, а ночевать приходила к барану.

Однажды лиса заметила барана и, набравшись храбрости, подошла к нему и тромко закричала:

— Как ты смеешь пастись здесь, на моей земле?

— Нет,— сказал баран,— это моя родовая земля.

— Ну так я приведу сюда в свидетели волка,— сказала лиса и убежала.

Когда вернулась с охоты собака, баран рассказал ей о случившемся и просил защиты. Собака тогда сказала:

— Давай соберем на поляне разного мусора, щепок и земли. Я лягу, а ты бросай на меня все это так, чтобы вышел курган. Когда же придет волк с лисой, ты скажи им, чтобы они около кургана приняли присягу в своей правоте.

Едва баран с собакой успели исполнить свой замысел, как прибежала лиса, а за ней важно пришел волк. Еще издали лиса кричала барану:

— Ну, что! Я тебе говорила, что это земля моя? Вот и свидетель пришел...

— Если это земля твоя,— сказал баран,— то вы оба примите, по обычаю нашему, присягу здесь, у кургана. Это наше старинное священное место...

Лиса мигом подбежала к кургану и, заметив среди мусора два глаза, быстро вернулась. Подбежала она к волку и сказала:

— Волк, я не знаю твердо, наша это земля или нет, поэтому сначала ты прими присягу...

— Ну, как ты не знаешь! — проворчал сердито волк и подошел к кургану. Только успел он начать клятву со слов: «Валлаги-биллаги!» * — как собака выскочила и схватила его за горло. Волк сильно испугался и со страху сразу заболел желудком. Лиса же, отбежавши в сторону, смеясь, крикнула волку:

— Эй, волк, когда я заметила в кургане два глаза, я тогда же поняла, что это земля не наша! Как же ты этого не мог понять?

БЕДНЯК И «СВЯТОЙ»

Пошел раз бедняк на базар продавать своего быка. Придя туда, он спросил первого попавшегося ему мясника:

— Купишь быка?..

— О каком быке ты говоришь? Ведь у тебя коза, — ответил ему мясник.

— Ты с ума сошел! Какая же это коза! Не видишь, что ли, это — бык? — Бедняк махнул рукой на торговца и погнал быка дальше.

Вскоре встретился ему второй торговец и спрашивает:

— Сколько стоит твоя коза?

— Что такое? Или я с ума сошел, или вы все? — произнес удивленный бедняк.

Он обратился к третьему торговцу:

— Не купишь ли быка?..

— А где твой бык?

— Да вот, не видишь? Смотри какие рога!

— Тю-ю! Это же коза! — услышал бедняк знакомый ответ.

— Ничего не поделаешь: раз вы трое утверждаете, что это коза — значит коза. Пойдем к святому и разрешим недоразумение, — сказал бедняк, и они тронулись.

Придя, бедняк сказал святому:

— Мы явились к тебе, чтобы разрешить один вопрос: эти мясники превратили моего быка в козу... Ты же видишь, что это бык?

— Какой бык? Это — самая настоящая коза! — воскликнул святой.

— Ну, что же делать? Видно, и в самом деле мой бык стал козой.

— А сколько, по-твоему, стоит моя коза? — спросил бедняк у святого.

— Рубля три, — ответил святой.

Бедняк продал быка за три рубля, но попросил у мясника, после того как быка зарежут, вернуть ему хвост.

Получив три рубля и хвост, бедняк вернулся домой.

Прошло несколько дней. Бедняк услыхал о том, что его знакомый святой заболел. Узнав об этом, он сбрил усы, бороду, переоделся и отправился в село, где жил

святой. Сосед святого, у которого бедняк остановился на ночлег, спросил у своего гостя:

— Чем ты занимаешься?

— Лечу больных, — ответил бедняк.

«Он может помочь святому»,— решил хозяин и повел бедняка к соседу.

Осмотрев больного, бедняк заявил:

— Через три дня я тебя вылечу, но предупреждаю: мои лекарства очень неприятны. Ты должен три ночи молча терпеть лечение. Если за это время ты хоть раз крикнешь или кто-нибудь войдет к нам, то от моего лечения не будет никакой пользы.

Святой, желая быстрей излечиться, согласился на все условия.

Ночью бедняк явился к больному и начал ласково расспрашивать:

— Что у тебя болит? Как ты себя чувствуешь?..

Святой рассказал.

Тогда бедняк вынул из кармана бычий хвост и три дня и три ночи лупил им «святого», приговаривая:

— А ну, скажи теперь, бычий или козий это хвост?

Больной по уговору терпел и молчал. Проучив таким образом «святого», бедняк спокойно ушел домой.

ХАМБОР И ПРИСТАВ

Когда пристав являлся в аул за каким-нибудь делом или за взятками, только шутки Хамбора могли избавить аульцев от грубых притязаний начальника.

Однажды Хамбор сидел в гостях у знакомых. В это время в аул явился пристав. Желая осмеять Хамбора, пристав начал требовать, чтобы Хамбор рассказал какую-нибудь сказку. Пристав думал этим унизить своего противника.

Хамбор долго отнекивался, ссылаясь на свою темноту и невежество. Однако пристав не унимался.

Тогда Хамбор рассказал приставу и своим друзьям такую басню:

— У журавля и у лисицы было по паре детенышей. Однажды журавль и лисица решили вместе добывать пищу для своих детей. Журавль отправился на охоту, лисица же осталась дома. Недолго думая, она съела

обоих журавлят и начала как бы в отчаянии метаться из стороны в сторону.

Возвратившись и увидя лису в таком смятении, журавль спросил:

— Что случилось?

— Пропали детеныши, — ответила лиса.

— Детеныши — длинношеие или короткошеие? — заинтересовался журавль.

— Не все ли равно какие, ведь они — все наши! — заявила лиса в притворном отчаянии.

Журавль ничего больше не сказал лисе, но решил отомстить ей.

Однажды он говорит лисе:

— Послушай, лиса, на небе лежит дохлая лошадь, пойдем ее есть!

Лиса уселась журавлю на крылья, и они взвились к небу.

Ударом крыла сбросив лису, журавль стал кружиться вокруг падающей лисы, спрашивая:

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Узнал бы ты, как я себя чувствую, если бы мне было обо что опереться ногами,— злобно приговаривала лиса.

— Так и ты, — сказал Хамбор приставу, — узнал бы, что бы я с тобой сделал, если бы было мне на что опереться...

Пристав ничего не мог ответить Хамбору и примолк.

ИНГУШСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

В недружной семье добра не бывает.

Старый волк двух баранов утащит.

Кто сказал —спрыгни, у того нога не сломалась, у спрыгнувшего — сломалась.

О самом красивом человеке сказали: у него шея длинная.

Как раскаленное железо с холодной водой, так дружны они между собой.

Одна искра аул сожгла.

В старости и лев становится псом.

Взбесившийся конь на кол натыкается.

Гость масленых пирогов ожидал, хозяин и мамалыгу не думал готовить.

Чего жаждал — не достиг; над чем издевался — достиг.

Человек, не ощущающий вкуса соли, не ощущает вкуса воды.

При купле-продаже у людей глаза заволакиваются.

Медвежонок с волчонком подрался, а кувшин с молоком мне достался.

Если вечер зарумянится — ужин готовь; если утро зарумянится — покрывало готовь. (Народная примета: будет непогода).

Друг — голову рассматривает, недруг — ноги.

Без горя глаз не заплачет, без тучи дождь не пойдет.

Кто не брал вершину, тому и о спуске думать нечего.

Кто не бережет копейки, тот сам не стоит копейки.

Не всегда вода течет по одному руслу.

Когда сказали: «Пойдем уничтожать плохих людей», — самый плохой стал шашку точить.

ПЕСНИ ТЕРСКО-ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ

Не во матушке было да во Расеюшке

Не во матушке было́ да во Расеюшке,
Во Расеюшке, да в каменно́й бело́й Москве.
В каменно́й белой Москве,
Там сидела пир-беседушка почетная,
Что честна-хвальна́я, больше ра́дошная.
Больше радошная,
Яни пьют та гуляют-прохлаждаются,
Да между собой бояре восхваляются.
Восхваляются,
Ай, как богат хвастает богачеством своим,
А убожий хвастает божьей милостью своёй.
Божьей милостью своёй,
Да ведь сильный хвастает вон силушкой своёй,
Да вон силою своёй богатырскою.
Богатырскою,
Ой, как один та из них вот не хвалится,
Ой, он не хвалится, стоит да улыбается.
Улыбается:
— Ай, уж вы глупые бояре, неразумныя,
Да нашли вы чем, бояре, восхвалятися.
Восхвалятися,
Да нашли вы чем, бояре, величатися.
Величатися,
Е, как бы кто из вас какой город взял,
Как бы кто-то из вас каку силу отогнал.
Каку силу отогнал,
Да согнал бы чучму белоглазую,
Да согнал бы ее во дику́ю степь.

Во дикую́ степь,
Да срубил бы ей, собаке, буйну голову долой,
Да натянул бы ее да на вострýя копье.
На вострýя копье,
Да понес бы ее в стальной Киев-град,
Да понес бы ее в стальной Киев-град.
В стальной Киев-град,
Всем князьям да боярам на диковину,
Всем князьям та боярам на чудовищу.
На чудовищу,
И да одной стерве Анютке не понравилось,
Да вставала ета Анютка с места с кумúнова.
С места кумúнова,
Ай, наливала стерва Анютка чашу зелена вина,
Чашу зелена вина, да полтора ведра.
Полтора ведра,
Да подносила стерва Анютка она Ставру-Лавру,
Да подносила стерва Анютка Тимофеевичу.
Тимофеевичу:
— Уж ты выпей-ка, выпей-ка, ты Ставер, ты Лавер,
Да уж ты выкушай, Тимофеевич.
Тимофеевич,
Как же мне не пить чару — мне ни честь, ни хвала,
Ежли выпить мне ефту чару — мне живому не быть.
Мне живому не быть,
По краям же ефтой чары огонь-пóлымя горит,
В середине ефтой чаре змеи лютыя сопят.
Змеи лютыя сопят,
Да плеснул ефту чару на й Анюткино лицо,
Загорялася у стерве Анютке цветно платьице ее.

Уж вы, горы, мои горы

Уж вы, горы, мои горы,
Прикажите-ка вы, горы,
Под собой нам постояти.
Нам не год годовати,
Не неделюшку стояти,
Одну ночку ночевати.
И тою́ нам все не спати,
Легко ружья заряжати,
Чтобы Астрахань нам город
В глуху полночь пройтить,

Чтоб никто нас не увидел,
Чтоб никто нас не услышал.
Нас увидел и услышал
Астраханский воевода.
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти.
— Ваши пушки меня не возьмут,
Легки ружьица не проймут;
Уж возьмет ли, не возьмет
Астраханка девка Маша.
По бережку Маша ходит,
Платком шелковым все машет.
Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала,
Себе в гости заманила.
За убран стол посадила,
Пивом-медом угостила
И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.
Как пришли к нему солдаты.
Солдатушки молодые.
Они сковали руки, ноги
Железными кандалами,
Посадили потом Стеньку
Во железную во клетку,
Три дня в городе возили,
Столько ж голодом морили.
Попросил однако ж Стенька
Хоть один стакан напиться,
И во клетке окатиться.
Он во клетке окатился
И на воле очутился.

Сиротинушка добрый молодец

Сиротинушка, сиротинушка добрый молодец.
Исходил я, сиротинушка, и свет и землю русскую,
Не нашел я себе отца-матери и роду-племени,
Только я нашел себе, сиротинушка, короля Литву.
Служил я королю Литве ровно тридцать лет,
А с королевною его жил ровно девять лет,

Никто про нас не знал и не ведал.
На десятом на го́дичке стали люди знать.
Из задних королевских воро̀тничков
Выходила то ли его любимая ключница,
И видала ли его любимая ключница,
Доказала она королю Литве:
— Ты, батюшка наш, король Литва,
Ничего ты не знаешь и не ведаешь,
Живет твоя королева с любимым ключником.
На ту пору королю Литве на беду сталось,
За велику досадушку ему показалось.
Кричит король Литва своим громким голосом:
— Ой гей! Мои грозные палачи,
Берите, становите вы ре́лья* высокие.
Натяните петлю шелковую,
Подите, приведите моего любимого ключника.
Ведут его, доброго мо́лодца, по улице,
Идет добрый молодец — не тряхнется,
Черные кудри его не шело̀хнутся.
Подводят его, доброго мо̀лодца, к рельям высо́киим.
На ступеньку он ступает — богу молится,
На другую он ступает — со всеми прощается.
Добрый мо́лодец на рельицах качается.
На ту пору к королю Литве посол прибег:
— Ты, батюшка наш, король Литва,
Добрый молодец на рельицах качается,
Королева ваша в палатушках кончается.

На литой купели зелена вина

На литой купе́ли зелена вина
Да плавала чара серебряна.
Никто та за чару не примется,
Да примется, не примется.
Господин Иван да свет Васильевич
Подносил чару сударушке своей,
Сударушке своей, Марье Павловне:
— Выпей-ка, выпей-ка чару мою,
Выкушай, выкушай, веселье мое.
— Не плавна чара, не хочется.
Вечо́р с мале́ньку, мале́ньку спалось,
Мале́ньку спалось, во сне виделось,
Будто у нас на широком дворе

Выросла травушка шелковая.
Шелковая да полушелковая.
Цветочки расцвели лазоревые.
Да ходит по цветикам сизый павúл,
Да сизый павúл всё с павýшкою.
С павýшкою всё, с сударýшкою.
Сúзая павушка — ты у меня,
Сизый павúл — ишо я у тебя.
Зóлоты крылушки — девки у нас,
Белые лебедушки — слуги при нас.

Что не змея в траве зеленой

Что не змея в траве зеленой
Извивается, ползет,
Это Терек восхваленный
К морю Каспию течет,
Это Терек восхваленный
К морю Каспию течет.
Он течет, давно струится
И калякает с собой,
И все ждет, когда случится
Провожать сынов на бой,
И все ждет, когда случится
Провожать сынов на бой.
Терек радостно сияет
И шумит, гудит волной,
На войну нас провожает
За народ и край родной,
На войну нас провожает
За народ и край родной.
Нам не первый раз стараться
За отчизну постоять,
Мы всегда рады стараться
Со врагами воевать,
Мы всегда рады стараться
Со врагами воевать.
Триста лет Руси служили
На своих лихих конях,
Много раз врагов разили,
Отличалися в боях,
Много раз врагов разили,
Отличалися в боях.

И теперь, лишь клич военный
К нам на Терек прилетел,
Гребенец наш неизменный
Снова в битву полетел.
Снова шашка засверкала
Деда, пра́деда, отца,
Снова слава воссияла
Удалого гребенца,
Снова слава воссияла
Удалого гребенца.
Так поддержим же, ребята,
Славу старую свою.
Полетим на супостата
Мы в Маньчжурскую страну,
Полетим на супостата
Мы Маньчжурскую страну.
И чапурку* дорогую
Забывать пришла пора,
Грянем песню удалую
И в поход пойдем, друзья,
Грянем песню удалую
И в поход пойдем, друзья.

Не матушка своему сыну говорила

Не матушка своему сыну говорила:
— Ишо ты почто, дитя мое, дитятко,
Чадо милое,
Ни бел, ни румян ходишь.
Как ответ-то держал добрый молодец
На родной своей матушке:
— Уж я был та служил, добрый молодец,
На чужой дальней стороне,
На крымчанинской земле.
Полюбила меня, доброго молодца,
Красная девушка,
Дочь крымчанинская.
И велела мне, доброму молодцу,
Прийти поздним поздно:
А я не дождался, молодец,
Той поры-времечка,
Сам ко девушке пошел.

Как увидел меня
На родной ее батюшка,
И погнал меня вдоль по улице столбовой,
И схватил меня против сердца-живота,
И поднял выше своей буйной головы,
И ударил меня об матушку сыру землю.
Вот от того-то поры-времечка
Я, младец, ни бел, ни румян хожу.

Ночи темные, непроглядные

Ночи темные, непроглядные
Надоело мне, надокучило
На часах стоять, караул держать...
Ой, вы други мой, вы товарищи,
Вы орлы мои сизокрылые!
Кто из вас, братцы, на реке Куме бывал?
Кто из вас, братцы, про Кубань слыхал?
Вызывался тогда мальчик маленький,
Казачок лихой, молоденький:
«Я-то, братцы, на Куме бывал,
Я-то, братцы, про Кубань слыхал,
Про вершины ее чистые.
Кубань-река из-под Шат-горы,
И бежит она быстрехонько,
А служить-то нам тошнехонько...»

* *
*

Ой, ты взойди, да красное солнышко,
Взойди поутру раненько.
Ой, обогрей ты меня, да доброго молодца,
Меня на пикете.
Ой, на пикете ты меня, доброго молодца,
На главном секрете.
Ой, простоял я свои да резвые ноженьки,
Стоял на пикете.
Ой, просмотрел я свои очи ясные
За Сулак-реку.

Меж Тереком и Сулаком

Меж Тереком и Сулаком * по́ле распа́хано
Не плуга́ми, а конскими копыта́ми, не всхожими
семенами
Поле то засеяно. Засеяно оно казачьими головами.
Не боронами по́ле заволочено,
Заволочено оно конскими хвостами.

Сторона ль ты моя

Сторона ль ты моя,
Вот моя сторонушка,
Сторона ль моя чужая,
Ой, вот чужая.
Да не сам я на тебя,
Вот моя сторонушка,
Не сам я зашел-заехал,
Ой, вот заехал.
Занесла-то меня,
Да доброго молодца,
Занесла меня неволя,
Ой, вот неволя.
Да не волен я был,
Да я добрый молодец,
Не волен я был — кручинен,
Ой, был кручинен.
Да никто-то, никто
Про мою кручинушку,
Никто про нее не знает,
Ой, вот не знает.
Только знает про нее,
Про мою кручинушку,
Сердечушко ретивое,
Ой, ретивое.
Ой, да как закрытое
Ты, мое сердечко,
Закрыто грудью белою,
Ой, грудью белою.
Запечатанное,
Вот мое ретивое,
Оно только думой крепкою,
Ой, думой крепкою...

Между серыми камнями

Между серыми камнями,
По ущельям среди скал,
Серебристыми волнами
Бурный Терек пробегал,
Серебристыми волнами
Бурный Терек пробегал.
Начинаясь у Казбека
Наверху среди снегов,
Он уж больше, чем три века,
Поит терских казаков,
Он уж больше, чем три века,
Поит терских казаков.
И вспоенный ледяною,
Чистой теречной водой,
Казак сердцем и душою
Любит Терек свой родной,
Казак сердцем и душою
Любит Терек свой родной.
Заповедовали деды
Сберегать страны нам честь
И за славу, за победу
Своей жизни не жалеть,
И за славу, за победу
Своей жизни не жалеть.
Между серыми камнями,
По ущельям среди скал,
Серебристыми волнами
Бурный Терек пробегал,
Серебристыми волнами
Бурный Терек пробегал.

Из лесов дремучих

Из лесов дремучих
Казаченьки наши идут,
И на руках могучих
Носилочки они несут,
И на руках могучих
Носилочки они несут.
Носилочки не простые,
А из ружьев они сложены,
Носилочки не простые,

А из ружьев они сложены.
И поперек стальныя
Шашачки положены.
На них лежал сраженный
Кизлярский казак молодой,
На них лежал сраженный
Кизлярский казак молодой.
Из раны кровь сочится,
А на сердце ему тяжело,
Из раны кровь сочится,
А на сердце ему тяжело.
Два медных пистолета
За поясом они блестят,
Два медных пистолета
За поясом блестят.
Шнурочки с пистолета
Вплоть до земли они висят.
Шнурочки с пистолета
Вплоть до земли они висят.
К могиле подносили
Его тело, тело казака,
К могиле подносили
Его тело, тело казака.
В могилу опущали
Его тело, тело мертвеца,
В могилу опущали
Его тело, тело мертвеца.
Его жена младая
К могиле она подошла,
Его жена младая
К могиле она подошла.
Не раз, не два сказала:
— Ой прощай, мой миленький, прощай,
Не раз, не два сказала:
— Ой прощай, мой миленький, прощай.
Осталась я, младая,
Навеки вдовой,
Осталась я, младая,
Навеки вдовой.
Остались малы детки
Навеки сиротой,
Остались малы детки
Навеки сиротой.

Вечер поздний

Вечер поздний, непогодный.
По ущельям и скалам
Ветерок веял холодный,
Дождь шел с снегом пополам.
Ветерок веял холодный,
Дождь шел с снегом пополам.
Там по бе́режку холми́стым
Путь-дороженька легла.
По холми́стым, камени́стым
Извиваяся вела,
По холмистым, каменистым
Извиваяся вела.
Той дорожкой проходили
На пост бранный казаки,
Бурки черные мелькали
И белелись башлыки.
Вдруг догнал казак с
приказом,
Он догнал и передал,
Что начальник сотню разом
Он в поход ее собрал.
Мы собрались пред рассветом,
Еще не прошла ночная тьма.
Встретил ласковым приветом
Нас полковник молодой,
Встретил ласковым приветом
Нас полковник молодой.
Турки все беспечно спали,
Им не снилося во сне,
А проснувшись, увидали:
Очутилися в плену,
А проснувшись, увидали:
Очутилися в плену.

Славный, вспышный, быстрый Терек

Славный, вспышный, быстрый Терек,
Терек — друг, товарищ гор,
Скоро ль выйду я на твой на берег.
Ой обращу ль я свой печальный взор,

Скоро ль выйду я на твой на берег,
Ой обращу ль я свой печальный взор.
Сколько лет и зим проходит,
Я на тебя, мой Терек, не гляжу,
Время-молодость моя уходит,
Ой во неволюшке я, младец, сижу,
Время-молодость моя уходит,
Ой во неволюшке я, младец, сижу.
Я служил, служил душою,
Защищал страну свою,
А теперь я, молодец, в неволе,
Ой лучше б мне умереть в бою,
А теперь я, молодец, в неволе,
Ой лучше б мне умереть в бою.
Славный, вспышный, быстрый Терек,
Терек — друг, товарищ гор,
Прорви горы, прорви этот берег,
Ой унеси меня, молодца, с собой,
Прорви горы, прорви этот берег,
Ой унеси меня, молодца, с собой.

Полно вам, снежочки

Полно вам, снежочки, на талой земле лежать,
Полно вам, казаченьки, горе горевать.
Оставим тоску-печаль во темном лесе,
Будем привыкать к чужой дальней стороне
Будем уважать к чужой дальней жене.
Перины и подушечки пора нам забывать.
Ишо не забыть нам про коней вороных.
Есть у нас, казаченьки, и крупа и мука,
Кашицы наварим, сами хлеба напекем,
Сложимся по денежке, пошлем за вином.
Выпьем мы по рюмочке, выпьем по другой,
Выпьем по другой, разговоры заведем,
Выпьем мы по третьей, с горя песни запоем.
Мы поем, поем, поем по свое житье-бытье.
Казачее житье право лучше всего.
У казака есть черна бурочка,
А жена молодая — винтовочка.
На стрельбу летит, он заряживает,
Со стрельбы летит, чисто смазывает.

Нету, нету коню сена

Нету, нету коню сена,
Казаку квартиры,
Добыла́ся коню сена,
Казаку квартира.

Добыла́ся коню сена,
Казаку квартира,
Молодая бабеночка
Постель мя́гку стлала.

Молодая бабеночка
Постель мя́гку стлала,
Она стлала, поджидала
Казаченьку в гости.

Она́ стлала, поджидала
Казаченьку в гости.
Не могла его дождаться,
Ложилася спати.

Не могла его дождаться,
Ложилася спати,
Поутру́ рано вставала,
Вести получала.

Поутру рано вставала,
Вести получала:
Помер, помер казаче́нька
Своей скорой смертью.

Помер, помер казаченька
Своей скорой смертью,
Осталась бабеночка
Вдовой молодою.

Осталась бабеночка
Вдовой молодою,
Остались малы́ детки
Круглые сиро̀ты.

Остались малы́ детки
Круглые сиро́ты,
Пошли, пошли казаче́ньки
Могилушку рыти.

Пошли, пошли казаченьки
Могилушку рыти,
Они роют, подрывают,
Вечный долг справляют.

Они роют, подрывают,
Вечный долг справляют,
Тело несут, коня ведут,
Конь головку клонит.
Тело несут, коня ведут,
Конь головку клонит.
— Ты прощай, прощай,
конечек,
Последний разочек.
Ты прощай, прощай, конечек,
Последний разочек,
Ты заржай, заржай, конечек,
Последний разочек.

Ты не плачь-ка, душа моя

— Ты не плачь-ка, душа моя,
Не вздыхай так тяжело,
Ну, конечно, дружка жалко,
Забывать надо его.

Ну, конечно, дружка жалко,
Забывать надо его.
— Я тогда дружка забуду,
Когда скроются глаза,
Когда скроют и накроют
Тонким белым полотном.

Когда скроют и накроют
Тонким белым полотном,
Мои ножки отоймутся,
Я не буду с ним стоять.

Мои ножки отоймутся,
Я не буду с ним стоять,
Руки к сердцу призажмутся,
Я не буду обнимать.

Руки к сердцу призажмутся,
Я не буду обнимать,
Алы губки почернеют,
Я не буду целовать.

Алы губки почернеют,
Я не буду целовать.
Вы не ройте мне могилу
В распроклятой тишине.

Вы не ройте мне могилу
В распроклятой тишине,
А вы выройте могилу
Во зеленыим саду.

Вы поставьте крест чугунный,
Золотыя номера:
Первый номер — любовь
наша.
А второй — погибла я.

Ой, на улице воробышек

Ой, на улице воробышек
Попрядывает,
Ой-ли, ой-ли, ой-ли, ли-ли-ли!
Уж он девушек, молодушек
На улицу зовет:
«Уж вы, девушки, молодушки,
Сходитеся играть,
И скакать, и плясать,
И скакать, и плясать».
Вот девушки говорят:
«Нам своя воля гулять,
Отцы-матери велят,
Не заказывают,
Не заказывают —
Все приказывают».
Молодушки говорят:
«Нам нет воли погулять,
Нам нет воли погулять —
Нам мужья не велят,
Нам мужья не велят — все
приказывают,
Все приказывают и
заказывают».
Уж я мужнину грозу

В узелочек завяжу,
В узелочек завяжу,
В уголочек положу,
В уголочек положу,
А сама гулять пойду.
Где узел-то лежит,
Там угол задрожит.
Прихожу я ко двору —
Лежит свекор на полу,
Я ногою топону,
Я ногою топону
И под лавку скокону.
А золовки-колотовки
Против печки стоят.
А мой миленький дружок —
Он на лавочке лежит,
Он на лавочке лежит,
Одну речь говорит:
«Ой, и полно вам, собаки,
На мою жену рычать,
На мою жену рычать,
И крутить, и мутить,
И крутить, и мутить,
Наговаривать».

Ты не стой со мной

— Ты не стой со мной,
Не обнимай рукой,
А то люди скажут,
Что живу с тобой.
А то люди скажут,
Что живу с тобой.

— Пускай люди скажут,
Я их не боюся,
Кого я люблю,
С тем не расстаюся.
Кого я люблю,
С тем не расстаюся.

— Голубые глазки,
Вы огнем горитя,
Розовые щечки,

Сами посудитя.
Розовые щечки,
Сами посудитя.

— Я вам не судия,
Я вам не подруга,
Ты ищи невесту,
А я себе друга.
Ты ищи невесту,
А я себе друга.

Во Червленном жила-была вдовушка

Во Червленном жила-была вдовушка.
У вдовушки дочь хорошая была.
Лицо бе́ло, перрумя́но, как заря.
За той Дуней офицерик стал ходить,
Да стал Дуне таки речи говорить:
— Я богатый неженатый господин,
Я желал бы тебя, Дуня, полюбить.
Возьми, Дуня, рублей двести от меня,
Если хочешь, купи домик для себя,
Если хочешь, купи дрожки и коня,
Только, Дуня, согласись любить меня.
Дуня-роза, Дуня умная была,
Она ему такой ответ отдала:
— Не ходи, подлец, по улице моей,
Честь велика остается для меня,
Пускай домик остается для тебя.

Ретивое мое сердце

Ретивое мое сердце
Все во мне изныло,
Ноет сердце, изнывает,
В тоске пребывает...
Пребывай, мое сердечко,
В тоске по дружку.
Зачем было говорить,
Что мил ко мне ласков,
Что мил ко мне ласков,
Как соколик ясный?
Высоко сокол летает,
Меня покидает.

Покидает во кручине,
Как корабль в пучине,
Покидает меня в горе,
Как корабль на море...
Корабличек на дно тонет,
Мое сердце болит-ноет.
Подуй, подуй, ветерочек,
Ко мне во садочек,
У меня ли во садочке
Дубчик кучерявый:
Мальчик бел-кудрявый,
Словами приятный.

Что у нас было во зеленом саду

Что у нас было во зеленом саду,
Что под грушей было, грушей зимнею,
Под яблонью было, яблоней кудрявою,
На цветочках было на лазоревых,
На травушке было на шелковенькой,
На перинушке было на пуховенькой,
Что мать сына вспородила,
Что белою грудью мать сына
Воскормила,
Пеленала мать сына
В пеленочку камчату,
Что качала мать сына
В зыбочке кипарисовой,
Берегла ты мать сына
От ветра, от вихря,
Берегла ты мать сына
От сильных дождиков,
Не уберегла ты мать сына
От службицы государевой.

Гуляла с милым по садочку

Гуляла с милым по садочку,
Имела тайную любовь.
Про ту любовь никто не знает,
Одна подруга дорога́.

Я у подруги ночевала,
Подруга косу мне плела
И за ворота провожала,
Шутя водою облила.
Куда пойду, сама не знаю,
Кому я горе расскажу...
Иду домой, а мать ругает,
А братья гонят со двора.
— Иди, сестра, иди, родная,
Иди туда, где ночь была,
Где ночку ты да ночевала,
Кому ты счастье отдала.
Подруга злая доказала,
Пойду я в море утоплюсь,
Пойду я в море утоплюся
Напротив милого двора.
Когда я к морю подходила,
И взволновалася моря́,
Когда я в море опускалась
И закричала:
«Прощай, белый свет».
Своими белыми руками
Я буду волны разбивать,
Своими русыми косами
Я буду берег украшать.
Своими карими глазами
Я буду море освещать,
Своими горькими слезами
Я буду море наполнять.

Уж вы бабочки, бабёночки мои

Уж вы бабочки, бабёночки мои,
Чернобровые, хорошенькие.
Да на что уже вы меня высушили,
Присушили мои русы кудерцы
Ко моей буйной головушке.
Присушивши, стала кудерцы чесать,
Причесавши, стала гостя зазывать:
— Ты зайди, зайди, удала голова,
Разливалась в поле полная вода,
Затопляла все зеленые луга.
Оставался только маленький лужок,

Стосковался по мне миленький дружок.
Я мощу, мощу калиновый мосток,
Перекладинки малиновые.
Через тот мосток сама я перейду,
За собой дружка мила переведу.
Я сошью кисет из разных лоскутов,
Положу туда я сахару кусок.
— Кушай, кушай ты, мой миленький дружок.
Отчего же ты не кушаешь, не пьешь,
Или мой подарок не хорош?
Подарочек — сладкий пряничек.

Много бед и невзгод испытала

Много бед и невзгод испытала
В непрестанных боях наша часть,
Много в ней наших братьев не стало,
Защищавших Советскую власть.

Украина, Кавказ и Киргизия
В песнях лучших вспомянут о нас.
Там, как сокол, седьмая дивизия
На врагов налетала не раз.

Астраханская степь вам расскажет,
Где шагали отряды по ней,
А дорогу, как вехи, укажут
Кости павших людей и коней.

Шагай вперед, казачье племя!

Шагай вперед, казачье племя!
Крепи колхозы! В добрый путь!
А бить врагов настанет время —
Про пику с шашкой не забудь!
Растет страна стальных Советов,
Жить стало вольно и легко,
Вниманьем партии согрета
Семья колхозных казаков,
Дома на месте ветхих хаток,
Обилье хлеба по дворам,
За волю, радость и достаток
Родной партии — ура!

КУМЫКСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ЭПОС

*Песни о батырах**

Друг батыра — быстроногий аргумак,
Честь батыра — золоченый саадак.
Гордость дома
у батыра лишь одна:
Хлопотливая красавица жена.
Пусть стоит их одинокий дом
На холме безводном и пустом,
Даже там батыр с красавицей своей
Будут слыть примером для людей.

*
* *

Уст правдивых молча вынести укор —
Это доблесть для батыра — не позор,
И, верблюду уподобясь,
будь он князь,
Эту ношу он подымет, не чинясь.
Но зато
на черной подлости навет
У батыра только меч звенит в ответ.
Меч не спросит: сколь обидчик родовит.
Меч ударить прямо в сердце норовит.

*
* *

Мать с отцом нам неугодны
лишь одним:
Из пяти сынов дороже младший им.

Аргумак нам неугоден
лишь одним:
Будь резвей он —
был бы воин невредим.
Асхар-тау неугодна
лишь одним:
Спит батыр на ней в крови и недвижим.
Чем виновны перед нами мать с отцом,
Что лишь младший из пяти стал удальцом?
Чем виновен аргумак?
На нем с весны
Без седла гонял табунщик табуны.
Чем виновна Асхар-тау, что смерти миг
В сече яростной батыра там настиг?

*
* *

Если лани мчатся бешено вперед,
Но одна из них,
слабея,
отстает:
Знай,
стрелою в сердце ранена она,
От охотника ей гибель суждена.
Если горестно задумался батыр
И, вздыхая, не идет на званый пир,
Знай,
потерян им товарищ боевой
И скорбит батыр, поникнув головой.

*
* *

Хоть и платит за обиды он вдвойне —
Не равно батыр удачлив на войне.
И ему подчас победа нелегка,
Дрогнет и его подчас рука.
Вот везет его, как в люльке, аргумак,
Да поводья не поднять ему никак;
Вот батыра на носилках понесли,
Буркой черною накрыли до земли;
Вот поверженный, израненный кругом,
Он лежит в степи, ограбленный врагом...

Трус! Не вздумай тут батыра оскорбить.
Жив батыр!
Придет его пора рубить!
Он свершит еще достойные дела,
Слава вновь с ним побратается светла,
И, прославленный победой, он опять
За отчизну станет воевать.

*
* *

Кто геройством от рожденья наделен,
Тот не знает на пути своем препон.
По степи идя, реку батыр найдет,
По реке плывя, найдет дубовый плот.
Хоть на кляче,
первым ринется он в бой,
Без добычи не вернется он домой.
Но батыру не добыча дорога,
Должен славу он добыть, разя врага.
Если ж славы не добудет он:
беда!
Лучше в землю лечь ему тогда.

*
* *

Речь батыра прямодушна и чиста.
Ложь и лесть не осквернят его уста.
В ночь безлунную,
на кляче без седла,
Трус, дивись!
Вершит он славные дела
Боевая не страшна ему гроза,
Самой смерти смотрит прямо он в глаза,
Ценит жизнь батыр не дорого свою,
Но не дешево отдаст ее в бою.
Да погибнут трусы!
Честь батырам!

ЛИРИКА

Ты за мною ходишь всюду

Ты за мною ходишь всюду.
Но твоею я не буду!
Лучше деревом айвовым
Стану я в саду плодовом.
Что ты сделаешь со мной?

«Коли деревом айвовым
Станешь ты в саду плодовом,
Топором я острым стану,
Дерево срубить готовым.
Что ты сделаешь тогда?»

— Ты за мною ходишь всюду.
Пусть айвою я не буду!
Стану рыбкой золотою
И уйду на дно морское.
Что ты сделаешь со мной?

«Коли рыбкой золотою
Ты уйдешь на дно морское,
Чтоб тебя поймать, я стану
Сетью самою густою.
Что ты сделаешь тогда?»

— Ты за мною ходишь всюду.
Пусть я рыбкою не буду!
Я пшеницею отборной
В борозде рассыплюсь черной.
Что ты сделаешь со мной?

«Коль пшеницею отборной
В борозде ты ляжешь черной,
Я фазаном диким стану
И склюю тебя проворно.
Что ты сделаешь тогда?»

— Ты за мною ходишь всюду.
Пусть пшеницей я не буду!
Обернусь голубкой белой
И уйду за тучу смело.
Что ты сделаешь со мной?

«Коли, став голубкой белой,
Ты уйдешь за тучу смело,
Черным ястребом я стану,
Залучу тебя умело.
Что ты сделаешь тогда?»

— Ты за мною ходишь всюду.
Коль залучена я буду,
То под деревом айвовым
В том саду умру плодовом!
Что ты сделаешь со мной?

«Коль под деревом айвовым
Ты в саду умрешь плодовом,
Я врачом искусным стану,
Воскресить тебя готовым.
Что ты сделаешь тогда?»

СЮЙДУМ-ТАЯК *

Музыканты заиграли лезгинку. В круг выносят стул. На стуле лежит небольшая палочка — «сюйдум-таяк».

Выходит юноша и, танцуя, ударом палочки по плечу вызывает в круг нравящуюся ему девушку. Не прекращая танца, он поет:

Я аэроплан видал,
Я цветы на льду видал,
Но таких, как ты, красивых
Никогда я не видал!
Точно сокол молодой,
Я кружусь перед тобой.
Белоснежная голубка,
Сядь на стул и песню спой.

Девушка садится. Юноша, танцуя вокруг, изредка ударяет ее палочкой по плечу:

Не гляди стыдливо так,
Не красней, как алый мак.
Ведь в любимого руке
Бьет легко сюйдум-таяк.
И не хмурь густую бровь,
Если бью тебя я вновь.
Так от дедов повелось —
Не сердись, моя любовь.

Затем он вручает сюйдум-таяк девушке. Слегка прикрывая лицо платком, девушка встает и вступает в танец.

Теперь уже импровизирует она:

Над горами облака,
И, как облако легка,
Держит шелковый платок
Моя стройная рука.
Выбрать палочкой в кругу
Я лишь милого могу.
Если ж палочка солжет,
Я в огне ее сожгу.

Не прекращая танца, девушка выбирает себе пару, вызывая ударом по плечу нравящегося ей юношу. Он выходит и садится на стул. Но первый танцор продолжает плясать с девушкой, пока она не вручит палочку сидящему на стуле:

Глянешь,— «смотрит»,— говорят,
Нет,— «тоскует», — говорят.
Обернешься хоть разок, —
«Есть любимый», — говорят.
Разодетая в парчу,
Я голубкой подлечу
И тебя за добрый нрав
Я ударю по плечу.

Когда сюйдум-таяк вручен второму юноше, первый уходит в круг. Новый танцор выбирает себе новую девушку:

В роднике я воду брал,
А глубок ли он — не знал.
Так тебя, впервые встретив,
Полюбить я не гадал.
Ветви яблони сухой
В очаге трещат порой.
Так сжигаешь ты мне сердце
И любуешься золой.

Я подняться хочу в поднебесье

Я подняться хочу в поднебесье, где тучи вольны,
Необъятные оком окинуть просторы страны.
Чтобы мирно цвела изобильная Родина-мать,
Как змею, без пощады врага я хочу растоптать...
Светлой жизни ключи бьют повсюду из нашей земли.
Где те силы, чтоб крепость Отчизны разрушить смогли?

Я хочу, чтобы порох сухим оставался всегда.
Я защите Отчизны отдам молодые года.
Стать хочу на границе, к врагу обратившись лицом.
В нашей армии быть я хочу самым верным бойцом.
Даже ветер теплом овевает Отчизны солдат,
О которых с любовью на всех языках говорят...

Я хочу, чтобы счастлив и радостен был мой народ.
Как пчела, что, целуя цветы, собирает свой мед.
Я хочу, чтоб все слаще был наших цветов аромат,
Чтоб просить их весь мир приходил в наш сияющий сад.
В этот сад, в этот свет вдохновенья мильонов людей,
Всех, кто хочет цветенья великой Отчизне моей.

Сарын

На войну ведет дорога,
В добрый час, счастливый путь.
Станешь бить врагов-фашистов —
Бей штыком их прямо в грудь.

Брызжут искрами подковы,
Кони мчатся, как поток.
Бить фашистов мчится милый,
Обнажил кривой клинок.

Милый с немцами воюет.
Жизнь в разлуке немила.
Если б было разрешенье,
Я б на фронт к нему пошла.

Если б было разрешенье,
Я бы в армию пошла.
Пулеметчику патроны
Подносить бы я могла.

Хорошо воюет милый.
Грудь украшена звездой.
«Трус» — никто ему не скажет,
Позавидует любой.

Алых бус не надеваю,
Шаль с кистями берегу.
Милый в армии три года,
Я дождаться не могу.

Иней пал, белеют крыши,
Лужи скованы ледком.
Если б прибыл с фронта милый,
Я б летела босиком.

От рассвета до заката
С почты мы не сводим глаз:
«Враг добит в самом Берлине»,—
Нет речей иных у нас!

СКАЗКИ

ЧАЛТУК-АХМЕД

Жил на свете бедняк, по имени Чалтук-Ахмед. Не было у него никакого добра, а только одна старая, хворая лошадь. Чалтук-Ахмед жалел свою лошадь. Целые две недели он не работал на ней, а по ночам пускал пастись в поле.

Но две недели прошли, а лошадь ничуть не поправилась. Она стала совсем тощей, и на спине у нее появились раны.

Испугался Чалтук-Ахмед. Решил всю ночь караулить в поле свою лошадь.

Выгнал Чалтук-Ахмед лошадь в поле, а сам спрятался за большой камень.

Когда настала полночь, пришли дикие звери: волк, медведь, кабан и лиса. Они, оказывается, играли с лошадью: по очереди взбирались к ней на спину и царапали ее когтями.

Не стерпел Чалтук-Ахмед — выскочил из-за камня и переловил всех зверей. А звери стали просить, чтобы он отпустил их на свободу.

Волк сказал, что он пригонит Чалтук-Ахмеду большое стадо овец. Кабан обещал вспахать его поле, а медведь — показать в лесу старое дерево, в дупле которого полно меду. Одна лиса ничего не пообещала. Она сказала только:

— Я худа и мала. Что тебе за польза, если ты меня

убьешь? Ты отпусти меня, может, я пригожусь тебе в трудный час.

Чалтук-Ахмед подумал-подумал и отпустил их всех.

На следующий день волк пригнал во двор Чалтук-Ахмеда стадо овец.

Кабан в свой срок вспахал клыками его маленькое поле.

А там и медведь пришел и стал звать Чалтук-Ахмеда за медом.

Чалтук-Ахмед взял с собой топор, бурдюки для меда и пошел с медведем в лес.

Завел его медведь в лесную чащу, нашли они старое дерево, из дупла которого сочился душистый мед, и тут медведь сказал:

— Вот теперь я тебя задушу и съем!

Обомлел Чалтук-Ахмед от страха и выронил топор, а медведь давай душить Чалтук-Ахмеда.

Вдруг слышат они, кто-то зовет:

— Чалтук-Ахмед! Чалтук-Ахмед!

— Здесь я! — откликнулся Чалтук-Ахмед, узнав голос лисы.

— Чалтук-Ахмед, не видал ли ты медведя? Сюда идут охотники, им нужна медвежья шкура!

Медведь испугался и шепнул Чалтук-Ахмеду:

— Скажи, что не знаешь! Скажи, что не знашь!

— Не знаю! — крикнул Чалтук-Ахмед.

— А это что перед тобой? — спросила лиса.

— Скажи — чурбан! Скажи — чурбан! — зашептал медведь.

— Это — чурбан! — ответил Чалтук-Ахмед.

— Разве у чурбана бывают уши? — спросила лиса.

— Скажи, что это сучья! Скажи, что это сучья! — прошептал медведь.

— Это — сучья! — крикнул Чалтук-Ахмед.

— Тогда возьми топор и ударь между ними покрепче! — приказала лиса.

— Возьми топор и ударь легонько, милый Чалтук-Ахмед! — заплакал медведь.— Я никогда не забуду твоей доброты.

— Нет, не поверю тебе,— сказал Чалтук-Ахмед. Размахнулся и ударил медведя.

Тут вышла из кустов лиса. Набрали они с Чалтук-Ахмедом мешки мяса и пошли домой.

ВЕРБЛЮД И ЛИСА

Работяга-верблюд с утра до ночи трудился на своем поле. Лег он однажды отдохнуть на травке.

Только задремал верблюд — прибежала лиса.

Увидела она, что зреет на поле у верблюда богатый урожай, и решила им завладеть.

— Верблюд, эй! Как ты смел разлечься на моей земле? — сердито закричала она.

Верблюд проснулся.

— Ты что ж, землю носила сюда на своей спине? — спросил он.

— Дурак! — крикнула лиса еще громче. — Эту землю я получила в наследство от отца моего, а отец мой получил от деда моего, а дед мой — от прадеда моего... Вот! А не веришь — устроим суд: я позову свидетелей.

— Что ж,— ответил спокойно верблюд, — суд так суд. Зови своих свидетелей.

Сбегала лиса в лес и привела с собой разбойника-волка.

— Скажи, волк,— спросила лиса, виляя хвостом,— чья это земля, на которой разлегся бессовестный верблюд?

— Твоя, — прорычал волк.

— Вот видишь, горбатый бездельник! — обрадовалась лиса. — Сам волк подтвердил, что это моя земля. Убирайся-ка поскорей отсюда!

Поднялся не спеша верблюд и говорит волку:

— Знаешь что, свидетель? Хоть я и бездельник, зато у меня под языком есть очень сладкое мясо. Я дарю его тебе. На, кушай! — и верблюд широко разинул рот.

А жадный волк, не задумываясь, сунул ему в рот свою голову.

Тогда верблюд стиснул зубы, да так крепко, что у волка голова треснула.

— Вот как я поступаю с дармоедами и обманщиками! — сказал верблюд лисе.

— О почтенный верблюд, пожалуйста, не гляди на меня так грозно! — закричала лиса, пятясь от страха в кусты. — Я дарю тебе всю эту землю!

— Не надо, милая лиса,— ответил верблюд с усмешкой,— земля-то ведь и так моя!

ДРУЗЬЯ ПАСТУХА

То ли было, то ли не было — жил некогда в одном городе бедный старик. И был у того старика сын. Служили оба в пастухах, пасли городское стадо.

Пас однажды юноша коров на лугу у самого моря и увидел на песке большую рыбу.

Послал пастух с прохожим человеком весть отцу, чтобы приехал поскорей на арбе за добычей, а сам кинулся к рыбе с кинжалом. Взмахнула хвостом рыба, заговорила человечьими словами, стала молить о пощаде:

— Не убивай меня, юноша. Столкни ты меня лучше в море! Я пригожусь тебе в трудный день...

— А как отыщу я тебя в трудный день? — спросил юноша.

— Возьми мой плавник. Когда надо будет, придешь на берег и бросишь плавник в огонь. Не успеет он сгореть, как я приплыву к тебе.

Пожалел юноша рыбу, взял плавник и столкнул ее в море.

— Где же большая рыба, сын мой? — еще издали закричал отец. Он торопился на арбе за добычей.

— Очень хотелось рыбе вернуться обратно в море. Просила помочь ей. Я и помог, — сказал сын.

Бранил отец сына, бранил, даже с кулаками на него набросился. Убежал пастух от гнева отца и забрел в дремучий лес. Блуждает он по лесу и слышит вдруг жалобный стон. Пошел дальше и видит: запутался олень рогами в ветвях дерева. Юноша схватился было за кинжал, а олень говорит человечьим голосом:

— Не убивай меня, человек, помоги мне освободиться! Вырви клок моей шерсти и, когда будет тебе трудно, кинь мою шерсть в огонь. Я мигом явлюсь перед тобой, чтобы сослужить любую службу.

Пожалел юноша оленя, вырвал у него клок шерсти, помог ему выбраться на волю и отпустил его.

Долго бродил пастух в лесной чаще, пока не вышел наконец на поляну. Бежит по поляне лиса, а за ней по пятам гонится стая борзых. До смерти устала лисица, прижалась она к ногам юноши.

— Не убивай меня, добрый человек! — заплакала лиса. — Спаси меня от борзых, вырви волосок из моего хвоста и отпусти. Как будешь в беде, сожги мой волосок, я прибегу и выручу тебя.

Разогнал пастух борзых и отпустил лису, вырвав волосок из ее хвоста.

Пошел он дальше. Много ли он шел, мало ли — дошел до большого города.

— Не примете ли вы гостя? — спросил он, входя в бедную саклю неподалеку от городских ворот.

— Отчего ж не принять,— ответила старушка-хозяйка.

Усадила она пастуха, накормила и напоила. А потом пастух пошел поглядеть на город.

Город тот был богат и обширен, много было в нем прекрасных зданий, но всех прекрасней и богаче был, конечно, дворец хана.

Вернулся гость и спрашивает у старушки, кто живет в ханском дворце.

— Ох, лучше не спрашивай, сынок! — вздохнула старушка. — У нашего хана одна-единственная дочь. Слава о ней разнеслась далеко по чужим странам. Ханская дочь и умна и красива, но гордость и жестокость ее не знают пределов... Многие прославленные храбрецы сватались к ней. И каждому жениху приказывает она спрятаться и обещает, что выйдет за него замуж, если не сумеет найти его.

— А ведь и я не из трусливых! Пойти, что ли, и мне взглянуть на красавицу!

— Не ходи, сынок, — стала уговаривать старушка,— ты ведь не дослушал меня. Не было еще на свете человека, который сумел бы от нее спрятаться. Под водой ли ты укроешься, под землей ли — она отыщет тебя и прикажет отрубить голову. Сотни юношей она уже отдала в руки палача.

— Не горюй, добрая старушка! — сказал ей пастух.— Я ведь только простой пастух. Женюсь — не женюсь, но, как знать, может, и перехитрю ханскую дочь.

Пришел он ко дворцу и закричал:

— Эй, великий хан, хочу помериться умом с твоей дочерью!

— Дочь моя, ответь этому глупцу,— велел хан.

И ханская дочь крикнула в ответ с высокой башни:

— Спрячься так, чтобы я не нашла тебя,— и я твоя. Но если найду — тебе отрубят голову, знай это!

— Сколько раз позволишь ты мне прятаться? — спросил пастух.

— Трижды!

— Хорошо, ищи! — сказал юноша, поспешил на берег моря и сжег плавник рыбы.

Выплыла рыба из морских глубин.

— Чего тебе, юноша, надо? Какая у тебя забота?

Попросил он рыбу спрятать его подальше. Раскрыла рыба пасть и проглотила пастуха, а потом нырнула на самое дно моря и легла брюхом на песок.

С высокой башни смотрела ханская дочь вверх, смотрела вниз, кидала взгляды на все четыре стороны света — нигде не видно юноши. Так бы и не найти ей пастуха, да разинула рыба свою пасть, заглядевшись на проплывавший вверху корабль.

— Вижу, вижу! — закричала, захлопала в ладоши ханская дочь.— Выходи! Ты не спрячешься от меня даже на дне морском.

Вышел пастух и стал перед ней.

— Прячься во второй раз, — приказала она.

Пошел юноша в чащу, сжег клок оленьей шерсти. Зашумели, затрещали ветви, примчался олень и говорит:

— Рассказывай, какая у тебя забота.

Попросил юноша спрятать его подальше.

Посадил тогда олень юношу к себе на спину, откинул голову, велел крепко держаться за рога и полетел, как ветер. Перевалил через семь вершин, миновал семь долин, спрятал юношу в глубокой пещере и лег, закрыв вход своим телом.

Глядела ханская дочь вверх, глядела вниз, на все четыре стороны света кидала взгляды со своей высокой башни. Но так и не нашла бы она юношу, если бы вдруг не вскочил олень, чтобы отогнать муху, которая кружилась над ним.

— Вижу, вижу, выходи из пещеры! — закричала красавица, захлопала от радости в ладоши. — В третий раз, смотри, прячься получше!

Пошел юноша на широкую равнину, сжег волосок из хвоста лисицы. Лиса словно из-под земли выросла, мигом очутилась перед ним.

— Чем помочь тебе, добрый человек, какая у тебя забота? — спросила она.

— Развяжи мешок своих хитростей и спрячь меня, да так, чтобы никто не нашел, — ответил юноша.

Превратилась лиса в купца с рыжей бородой и со свертком цветного сафьяна под мышкой, а юношу пре-

вратила в блоху и велела ему спрятаться в этом свертке.

— Я буду прохаживаться со своим товаром перед башней ханского дворца, — сказала лиса юноше. — Дочь хана — щеголиха, она захочет посмотреть сафьян и позовет меня наверх. Ты прыгай тогда на подол ее платья. И пусть мне отрежут рыжую бороду, если красавица тебя заметит.

А ханская дочь стояла в это время на своей высокой башне, смотрела на все четыре стороны света, но нигде не могла найти юношу. И тут увидела она купца, который проходил мимо башни.

— Кто купит отличный сафьян? Кто купит красный и синий сафьян? — кричит купец.

— Неси сюда свой сафьян! — велела ханская дочь.

Купец влез на башню и раскинул перед красавицей свой товар. Загляделась красавица на сафьян и не заметила, как прыгнула блоха на подол ее платья.

— Ну что, дочь моя, видишь ли ты этого человека? — закричал в нетерпении хан.

— Нет, отец мой, не вижу, нигде не вижу! — ответила красавица.

— Смотри хорошенько, дочь моя!

Но сколько ни смотрела ханская дочь, она так и не увидела пастуха.

— Я потеряла надежду найти его! — сказала она в отчаянии.

И только успела это сказать, как молодой пастух принял свой прежний вид.

Обрадовался народ той страны, что перехитрил молодой пастух злую ханскую дочь. Стали из пушек палить, в барабаны бить, заиграли на зурне, запели песни, устроили великий пир. Я на том пиру был, по-медвежьи плясал, а потом оставил народ петь и веселиться, а сам побежал к маленьким детям, чтобы рассказать им эту сказку.

ХИТРЫЙ БАЙБУРАК

Жил в одном маленьком ауле бедный старик, и было у него двенадцать сыновей. Одиннадцать старших сыновей были злые, глупые и ленивые. А самый младший сын, Байбурак, был добрый, ловкий и умный. Когда сыновья подросли, отец задумал их женить. Но вот

беда: где найдешь столько невест? И пришлось старику на склоне лет бродить по свету, искать невест для своих сыновей.

Приготовился он в дальний путь. Сшил себе сапоги без верхов и бешмет без рукавов, взял на дорогу чурек да баранью ногу и пошел странствовать.

Шел он, делая шаг вперед, а два назад, и дошел наконец до того перевала, где стояла сакля старухи Карт-Энем.

Старуха Карт-Энем пряла волчью шерсть, когда он открыл дверь и сказал:

— Здравствуй, соседка!

— Здравствуй, человек! Зачем приплелся сюда?

— Ищу подходящих невест для моих двенадцати сыновей,— пожаловался старик.— Сапоги стоптал, бешмет изодрал, а толку не видно.

— Очень хорошо! Женим-ка мы твоих молодцов на моих дочерях, — сказала старуха Карт-Энем. — У меня их как раз двенадцать.

Старик обрадовался. Пошел он домой и велел сыновьям ехать за невестами.

Быстро собрались братья и поехали к старухе Карт-Энем. Старуха их накормила, напоила и уложила спать под волшебное одеяло, которым можно было укрыть три тысячи человек.

В полночь младший брат, Байбурак, разбудил старших.

— Не спите,— сказал он.

Сам он, оказывается, не спал и слышал, как старуха Карт-Энем точила в тишине свой огромный нож.

С отточенным ножом подошла старуха Карт-Энем к двенадцати братьям и спросила:

— Кто здесь спит, кто не спит?

— Я не сплю, — откликнулся Байбурак.

— Почему же ты не спишь? — удивилась старуха Карт-Энем.

— Потому что твои гуси кричат.

Пошла старуха Карт-Энем и зарезала своих гусей. Оставила она только трех — это были волшебные гуси, они умели предсказывать будущее.

— Кто здесь спит, кто не спит? — спросила она вернувшись.

— Я не сплю,— откликнулся Байбурак.

— Почему же ты не спишь? — рассердилась старуха Карт-Энем.

— Потому что твои коровы мычат.

Побежала старуха Карт-Энем, разбудила старшую дочь, и вдвоем перерезали они всех своих коров.

Едва старуха Карт-Энем ушла, кинулся Байбурак к братьям, и они побежали прочь от этих мест так быстро, как только умели.

А старуха Карт-Энем пришла домой и поняла, что Байбурак с братьями перехитрили ее. Взвыла она от злости, села в арбу без колес и полетела в погоню за ними.

Увидел Байбурак, что старуха Карт-Энем догоняет их, бросил в нее камень, и выросла между ними высокая гора. Старуха Карт-Энем стала грызть эту гору своими железными зубами, прогрызла насквозь и опять погналась за двенадцатью братьями.

Она уже почти догнала их, но Байбурак топнул ногой, и за спиной беглецов легла глубокая пропасть. Старуха Карт-Энем не смогла ее перепрыгнуть. Пришлось ей повернуть арбу обратно.

А старшие братья, хотя и вернулись домой невредимыми, по глупости своей и по злобе затаили в душе ненависть к Байбураку за его смелость и ловкость и только и думали о том, как бы его погубить.

А были они тугодумы, думали очень долго. И все же придумали наконец. Пошли к хану той страны и сказали:

— У старухи Карт-Энем, великий хан, есть волшебное одеяло, которым могут укрыться сразу три тысячи человек.

Очень захотелось хану иметь такое одеяло, и он спросил:

— А вы не добудете мне его?

— Мы не добудем, но наш братец Байбурак добудет, — дружно ответили одиннадцать братьев.

— Скажите тогда ему: пусть принесет мне это одеяло, а не то я ему голову отрублю.

Недолго думая взял Байбурак палку и отправился за волшебным одеялом.

Пришел он к старухе Карт-Энем, забрался на крышу сакли и продолбил в ней дыру как раз над постелью хозяйки. Потом воткнул в конец своей палки иголку и сидит — ночи дожидается.

Вот наконец уснула старуха Карт-Энем, и он опустил палку в дыру и уколол старуху иголкой. А старуха подумала, что ее блохи кусают, и с досады выбросила за дверь волшебное одеяло.

Хитрый Байбурак только того и ждал. Взвалил он одеяло на спину и ушел.

Старуха Карт-Энем поворочалась еще немного, а потом сказала сама себе: «Не стащил бы этот бродяга, хитрый Байбурак, мое одеяло!» Поднялась на крышу и увидела, что одеяла нет, а Байбурак уже переваливает через соседнюю вершину.

Чуть не лопнула старуха Карт-Энем от злости, села в арбу без колес и пустилась в погоню.

Как только стала она настигать Байбурака, он бросил в нее камень, и за спиной его поднялась высокая гора. Старуха Карт-Энем вгрызлась в ту гору своими железными зубами и прогрызла ее насквозь. Вот-вот догонит она Байбурака.

Тогда Байбурак топнул ногой, и легла между ними глубокая пропасть. Старуха Карт-Энем, как и в первый раз, не смогла ее перепрыгнуть и, лязгая зубами, вернулась домой.

А Байбурак отнес одеяло хану и получил в награду золотой червонец.

Еще крепче невзлюбили Байбурака завистливые братья. Ни днем, ни ночью не было им покоя. Наконец придумали они, как его погубить.

Пошли все одиннадцать братьев к хану и сказали:

— У старухи Карт-Энем, о великий хан, есть волшебные гуси, они умеют предсказывать будущее.

— Эх, добыл бы мне кто-нибудь хоть одного такого гуся! — воскликнул хан.

— Наш Байбурак это может, — ответили братья в один голос.

Хан призвал к себе Байбурака и спросил его:

— Добудешь ли ты мне волшебного гуся?

— Добуду! — не задумываясь, ответил Байбурак. И пошел добывать волшебного гуся.

Мало ли он шел, много ли, но пришел к старухе Карт-Энем и спрятался за дверью.

— Поди-ка принеси мне гуся, — сказала как раз в это время старуха Карт-Энем своей дочери. — Погадаю я, где теперь этот хитрый негодяй Байбурак.

Дочь принесла гуся, и старуха Карт-Энем спросила его:

— Скажи, где сейчас Байбурак?

— У тебя в доме за дверью спрятался, — ответил гусь.

Рассердилась старуха Карт-Энем и оторвала гусю голову, а дочери велела принести второго гуся.

Принесла дочь второго гуся.

— Скажи, где сейчас Байбурак? — спросила старуха Карт-Энем.

— У тебя в доме спрятался за дверью,— ответил и этот гусь.

Тогда и второму гусю оторвала она голову и послала дочь за третьим.

Третий гусь как увидел своих товарищей с оторванными головами, так и онемел от страха, но старуха Карт-Энем дернула его за хвост, и он закричал:

— За дверью Байбурак, за дверью!

Тут только догадалась старуха Карт-Энем приоткрыть дверь. В уголке стоял Байбурак. Она схватила его и стала привязывать к столу. А сама распевала при этом:

Ну, попался ты мне наконец!
И тебя я изжарю, хитрец!

— Одна ведь ты меня не съешь. Созвала бы на обед всю свою родню, а потом бы песни пела, — посоветовал ей Байбурак.

И старуха Карт-Энем побежала приглашать на обед всю свою родню, а Байбурак разорвал веревки, бросил в горящую печь старшую дочь Карт-Энем, схватил под мышку волшебного гуся и пошел домой.

На этот раз старуха Карт-Энем пустилась в погоню слишком поздно — всю родню не скоро обежишь, и Байбурак спокойно добрался до своего дома, отдохнул немного и понес хану в подарок волшебного гуся. А хан дал ему на радостях целых два золотых червонца.

Злые братья совсем зачахли от зависти. Они пошли к хану в третий раз и сказали ему:

— Хан, о хан! Гусь и одеяло у тебя есть... А что, если Байбурак притащит сюда еще и старуху Карт-Энем?

— Да, да, это было бы очень хорошо! — обрадовался хан. — Только сможет ли Байбурак ее притащить?

— Сможет, сможет! — закричали одиннадцать братьев очень дружно.

Позвал хан Байбурака и спросил:

— Приведешь ко мне во дворец старуху Карт-Энем?

— Отчего не привести! — сказал Байбурак.— Боюсь только, как бы не пожалел ты об этом!

Пошел Байбурак к ханскому кузнецу и велел ему сковать сундук со ста замками, а потом переоделся в лохмотья, прицепил седую бороду из пакли, поставил сундук на плечо и заковылял к старухе Карт-Энем.

— Знаешь ли ты Байбурака? — спросил он у старухи Карт-Энем.— Он убил у меня двенадцать сыновей.

— Ох, ох, как не знать! Много горя и мне причинил этот негодяй, хитрый Байбурак.

Тут стали они слезами обливаться, утешать друг друга и обниматься. Наплакавшись, старуха Карт-Энем заметила железный сундук.

— Для чего ты носишь с собой такой тяжелый сундук? — спросила она.

— Я прячусь в него летом, когда жарко, и зимой, когда холодно,— объяснил Байбурак.

— Продай мне этот сундук,— попросила старуха Карт-Энем.

— Продам, продам... Только ты сперва залезь в него. Посмотрим, будет ли он тебе впору.

Байбурак открыл сундук и, едва старуха Карт-Энем залезла в него, щелкнул крышкой и запер на сто замков.

Взвалил Байбурак сундук на плечи и понес его в город, но у городских ворот сбросил ношу наземь, явился к хану налегке и сказал ему:

— Надоело мне бегать по твоим делам... И награды мне никакой не надо. Вот тебе ключи от сундука. Иди и тащи эту глупую старуху сам, если она тебе понадобилась.

Отдал ключи и забрался на высокую башню. А перед дверью той башни была вырыта глубокая яма.

Прибежал хан за сундуком и только открыл последний, сотый замок — старуха Карт-Энем выпрыгнула из сундука и проглотила хана живьем.

Потом поглядела Карт-Энем по сторонам и увидела Байбурака на высокой башне. Бросилась она к нему, да второпях споткнулась и упала в яму.

А Байбурак зажил с тех пор спокойно. И жил, правду вам сказать, неплохо.

Я сам у него в гостях был. Брагу пил, халвой закусил!

НОГАЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ЭПОС

БЫЛИНА
О ТОМ, КАК БАТЫР АМИТ, СЫН АЙСЫЛА, ВОССТАЛ ПРОТИВ ДЖАНИБЕК-ХАНА

Жил некогда батыр Айсыл — воин Джанибек-хана. Не был он ни знатен, ни богат, но стоял перед ханом как равный, и хан возненавидел его за это.

Чтобы спастись от ханского гнева, Айсыл, покинув жену и малого сына Амита, ушел в леса.

Долгие годы провел он в скитаниях, а хан все помнил о нем, копил ненависть и, вот, наконец, послал войско отыскать и убить Айсыла.

Айсыл не вступил в бой, но и не отступил, когда воины Джанибека нашли его... Он разделил с ними трапезу, во время которой, гадая по бараньей лопатке, предсказал, что вскоре прольются реки крови, ибо враг уже идет войной на становья ногайцев.

— В этот трудный для народа час,— воскликнул Айсыл,— я выступлю на войну вместе с вами!..

И Айсыл вернулся домой. Сын его, Амит, отсутствовал в ту пору. Приехав, увидел юноша у коновязи чалого могучего коня и понял, что гостит у них некий батыр. Войдя, он больше, чем на Айсыла, смотрел на его огромный лук и колчан со стрелами.

— Разреши мне, гость, испытать твое оружье! — попросил Амит и, получив позволение, далеко послал звонкую стрелу из лука, которого никто еще никогда не поднимал, кроме самого Айсыла.

Понял тут счастливый отец, что будет сын его великим батыром, и открыл ему свое имя...

Но вскоре захворал Айсыл тяжело и умер.

На войну отправился Амит один без отца. И случилось так, что войска Джанибек-хана дрогнули перед врагом и обратились вспять. Сам хан едва не попал в плен. Тогда отдал ему Амит своего, от Айсыла полученного чалого могучего коня, и хан, на радостях пообещав за это батыру в жены свою красавицу-дочь Шеербек, спасся бегством, оставив Амита военачальником.

По пути остановился Джанибек-хан со свитой отдохнуть у богатого бая Бугалы. Бай дал пир в честь знатного гостя, а Джанибек, решив, что Амит все равно погибнет в неравном бою, теперь обещал свою дочь сыну Бугалы — Темиру...

Вскоре после того бай и его сын с драгоценными дарами для невесты явились к хану, и начались при дворе пиры.

А в это время возвратился домой Амит, одержав трудную победу над врагом.

Он услышал, что Шеербек, которую он издавна любил, отдают другому, и прискакал во дворец.

Смутился хан, поднес из своих рук батыру золотую чашу кумыса.

Амит взял чашу и запел:

Волга в бурю черным-черна
И не скоро утихнет она!
Сокол буре навстречу путь ведет —
Прям и труден его полет!..
Я, сын Айсыла Амит, как вскочу на коня,
Никому в степи не осилить меня.
Я в седле никогда не гнусь дугой,
Не изгибаюсь медной серьгой.
Средь прямых в бою самый прямой.
Я с победой вернулся домой!
Скакуна не треножат шелком-сырцом!..
Ты с каким же, эй, хан Джанибек, лицом
Отдал байскому сыну свою Шеербек?
Ты же мне ее обещал навек.
Дареное раз — вторично нельзя дарить!
А коль обещаешь это — правду учись говорить.
Клянусь, я дорогу чести тебе укажу.
На тебя, двуличный, узду наложу:
Я на месте сынка твоего уложу,
Куцым я твой род сделаю.
Против тебя подниму народ!

Как чабан умеет отару гнать,
Так и твою берусь разогнать я рать.
Если ж клятву нарушу себе на беду,
Если до цели я не дойду,
Пусть тогда я сквозь землю провалюсь!..
Я, Амит, сын Айсыла, батыром зовусь.

И бросил Амит хану под ноги золотую чашу с кумысом и покинул дворец.

Почернел от гнева Джанибек, велел убить батыра, но придворные советники убедили его отменить приказ.

— Это опасно: за него народ,— сказал один, самый лукавый из них.— Заставь лучше Амита сыграть с Темиром в шахматы. Он — воин и навряд ли искусен в этой игре... Он проиграет — и ты отдашь дочь за Темира!

Только начали соперники игру, Шеербек, чтобы испытать их, прислала со служанкой обоим по одинаковому шелковому поясу. Амит крепко опоясал свой стан... Темир с поклоном положил пояс себе на голову.

«Байский сын — льстец! Амит — горд и смел, как подобает батыру. Только ему я буду женой!» — решила про себя Шеербек, глядя из окна на игроков. И когда увидела, что Амит может проиграть, в тревоге запела:

Кто слона ударит слоном,
А коня побьет конем —
Тот ханскую дочь Шеербек
Женою введет в свой дом!

Услышал Амит ее песню и сделал, как Шеербек велела, и выиграл игру...

Но лживый Джанибек-хан и тогда не захотел отдать гордому батыру свою дочь. Понял Амит, что добром спор не решить. Сговорился с Шеербек, взял на ханской конюшне своего чалого могучего коня и увез возлюбленную.

В ту же ночь узнал об их побеге хан и послал за ними большой отряд во главе с сильным Алав-батыром...

Вот все ближе и ближе топот погони. Услышала это Шеербек и горько заплакала. Тогда, чтобы успокоить ее, Амит запел:

Ты не плачь, подруга, не плачь!
Чалый конь мой несется вскачь.
Может щеки тебе на ветру опалить слеза,
Могут красными стать от слез глаза.

И ответила ему так Шеербек:

Как же мне не плакать, скажи,
Как же бедной мне не тужить,
Если, левой рукою лук зажав,
Держит правой стрелу Алав,
И, чтоб смерть нам вослед послать,
Только руки он должен поднять.
Конь твой чалый, как шалая птица летит,
Но когда стрела мою грудь пронзит
И я, словно смятый ковыль,
Упаду в дорожную пыль,
Пощадит ли погоня, Айсыла сын,
Нас, плененных, лишенных сил?

Тогда, чтобы утешить ее, Амит запел:

Ты не плачь, подруга моя, не плачь!
Чалый конь, не слабея, несется вскачь.
На ветру опалит тебе щеки слеза,
Станут красными, джан, от плача глаза...
Пусть левою рукою он лук зажал,
Пусть в правой держит стрелу Алав,
Мы с тобой от него далеки,
И в тебя стрелять ему не с руки,
И, не зная усталости, чалый конь
Унесет нас от ста погонь!

И ответила ему так Шеербек:

Как же бедной мне не тужить,
Как же слезы бедной не лить,
Если, левой рукою лук зажав,
Держит правой стрелу Алав,
Если он, пуская коня в намет,
Уже по пятам за нами идет!..
Ты—великий батыр, от батыра ты был рожден,
Но когда, Алава стрелою пронзен,
Ты с седла упадешь в пути,—
От смертного часа и тебе не уйти...
И повезут меня, пленную, со стыдом
Обратно в постылый отцовский дом!

Тогда громко запел Амит:

Ты не плачь, подруга, не плачь!
Чалый конь мой несется вскачь.
На ветру обожгла тебе щеки слеза,
Покраснели от плача твои глаза...
Пусть Алав скакуна пускает в намет,
По пятам за нами идет,
Пусть, левой рукою лук зажав,
В правой держит стрелу Алав.

Слаба у него рука и не зорок глаз;
На охоту с Алавом ходил я не раз;
Когда я стрелял, я оленя бил наповал,
Когда он стрелял — олененка лишь подбивал...
Не дрожи! От батыра я был рожден,
Удержусь я в седле, стрелою пронзен!
Ты тех битв не видала, что я знавал,
Тех врагов не знавала, что я убивал.
Сам отец твой, завидев, как я сражаться могу,
Толстые пятки показывал мне на бегу!
И дивились испытанные войска
Тому, как сила моя велика...

Так утешал он Шеербек, а в это время батыр Алав далеко опередил своих воинов и настиг-таки беглецов, потому что хоть и могуч был под Амитом чалый конь — трудно было коню нести двоих... Но, приближаясь, Алав опустил лук и крикнул Амиту:

— Я не хочу тебе зла! Я гнался за вами, чтоб обмануть хана... Славный батыр, ты прав во всем, что совершил. Стреляй в мой средний палец! — и он подставил под стрелу свой средний палец и Амит ранил его.

Тогда вернулся Алав к своему отряду и, подняв руку в крови, сказал:

— Невозможно нам бороться с Амитом... Смотрите, он ранил меня! Вернемся, пока живы, домой!..

И воины, любившие Амита, молча повернули коней.

Вот в те-то давние, дальние времена и родилась эта песня о славном сыне Айсыла — Амите. Он был родом из простых людей. Он не побоялся принять вражду против могущественного и злобного хана...

Мужественная девушка Ян-Бикеш

Хан, хоть тот,
хан хоть этот — хан...
Жил был некогда Сыгай-хан,
Совершил на него набег,
Сокрушил его хан Джанибек.
Сыгай-хан был лют,
но лютей
Джанибек оказался злодей.
Морит он людей, как собак,
Наложил тяжелый ясак *.
Извести задумал народ:

Всех подряд на войну берет!
Сын подрос —
тянут сына прочь!
Дочь растет —
надо прятать дочь!
Если нет молодых в дому —
Старику идти самому...
Кто ж остался, скажите мне,
В горемычной этой стране?
А остался старый Янай
И корит жену то и знай:
— Не под силу нам ханский
приказ.
Нет батыра — сына у нас.
Не умела сынов рожать —
Завтра мертвому мне лежать...
Как поднимет старуха крик:
— Ах, трусливый, слезливый
старик!
Чуть услышал он ханский
приказ,
Помирать собрался сейчас!..
— Из тугих грудей молодых
Я на сливках вскормила одних
Ян-Бикеш,
мою белую дочь,
Вот кто сможет тебе помочь!
Шапку на брови, щит на
ремне —
Дочь Яная сидит на коне,
Почитая отца седину,
Ян-Бикеш идет на войну.
И колчан и кедровый лук
У родимой приняв из рук,
Говорит:
— Объеду я мир,
И хоть сам Ель-Кильдек-батыр
Повстречается мне, о мать,
Кто я есть —
не стану скрывать!

ЛИРИКА

Свадебная

В год — по кибитке ходить я стала.
В два — говорить я с матерью стала.
В три — с подругами я играла.
А в четыре — играть перестала.
В пять — меня золотом шить учили.
В шесть — красоту мою расхвалили.
В восемь — я наряжаться стала.
В девять — первое горе узнала.
В десять — баю сквозь щель показали.
В одиннадцать — сваты его приезжали.
В двенадцать — калым за меня прислали.
В тринадцать — кончилась моя песня!

Песня второй жены

Влез ты в шубу меховую,
Знать, боишься холодов?
Взял к жене
жену вторую,
Значит, будь к беде готов!..
Я ведь в девушках твердила,
Что порог высок у вас,
Что входить в твой дом
постылый
Буду с гневом всякий раз...
Псы залают — я уж знаю:
Друг за мной издалека,
И гвоздикой натираю
Красный краешек платка.

Может, в красном непригожа?
Лучше белый повяжу!
Друг мой молод,
я моложе,
Все исполнит, что скажу!
Очи — терн, дождем омытый,
Лоб мой — полная луна.
Эй, старик! Я для джигита
Быть подругой рождена!

Певец и волк

Как-то раз в ноябрьский день
Я верхом пустился в путь,
Загадав, что, может быть,
Свадьбу встречу где-нибудь.

(Рад бы дома я сидеть,
Да корит жена меня:
— Нет ни масла, ни муки —
Оседлал бы ты коня...)

Ночь на свадьбе песни пел,
Утром еду я домой,
И рысцой коня гоню:
Возвращаюсь не пустой!

Вижу — бледная, в слезах
Мне бежит навстречу дочь:
— Ой, отец, у нас козу
Волк зарезал в эту ночь!..

И сосед Кок-Коз-Ажи
На все стойбище орал:
«Волк, ей-богу, молодец,
Что козу у вас задрал!»

Спрыгнул я тогда с коня:
— Слушай, глупый ты богач!
Хоть певец и не пророк,
Смех твой обратится в плач!..

Дочку ж я утешил так:
— Пусть смеется на беду!

Натворю ему чудес:
С волком дружбу я сведу!
. . . . . .

— Эй, неблагодарный волк,
Видно, стыд ты потерял!
Чем тебе я досадил,
Что на мой ты кош напал?

Вспомни: мальчиком в степи
Пас я байские стада.
Ведь пока играл я в мяч,
Ты ягнят таскал тогда...

Что ж, я всаднику с ружьем
Показал хоть раз твой след?
Что ж, за байских тех ягнят
На тебя донес я? Нет!

И теперь в мой бедный кош
За единственной козой,
Все услуги позабыв,
Ты пробрался на разбой!

Ишь, разлегся, как богач,
Слопав бедную козу...
Погоди, вот по бокам
Шашкой я тебя свезу!

Конь мой сыт и полон сил —
От меня ты не уйдешь.
Догоню: искровяню!
Тут же мертвым упадешь.

Тогда волк отвечал:

— Экий грех!.. Прости, певец!
Я не знал ведь, чья коза...
Пусть мне ворон, если вру,
Тут же выклюет глаза!

Мимо коша твоего
Век я больше не пройду,
Или пусть волчонок мой
Завтра ж попадет в беду!

Певец:
— Чтоб на месте околел
Твой волчонок озорной.
И чтоб до смерти ты сам
Болью мучался зубной!
Волк:
— Шашка у тебя в руках:
Мне теперь один конец,
Но прошу — моей крови
Чашу не пролей, певец!
Клятву дам: отсюда я
В дальние уйду края!
Певец:
— Ладно, серый! Ты прощен!..
Но в награду я хочу,
Чтоб помог ты мне воздать
За обиду богачу.

Заберись к Кок-Коз-Ажи,
Ночью всполоши стада,
И, в отплату за меня,
Натвори ему вреда.

А пока кабыл-мултык*
Он заставит говорить,
Ты успеешь без помех
Быстрый Терек переплыть!

Мамай

На степи, у трех озер,
Кто зимою дно видал?
У реки, бегущей с гор,
Кто весной исток видал?
Кто у лебедей седых
Лапу на лету видал?
И предутренней звезды
Кто рожденье видал?
Мех у шубы дорогой,
Верх у шапки золотой,—
Алтын-бек я, Тулан-бек,
Кто поборется со мной?

На степи, у трех озер,
Дно зимой чебак видал.

У реки, бегущей с гор,
Рыболов исток видал.
Лапу лебедей седых
На лету стрелок видал.
И рождение звезды
Старый звездочет видал.
Мех ты носишь дорогой,
Верх у шапки золотой, —
Алтын-бек ты, но с тобой
Выйду я, Мамай, на бой!

Запевки

I.

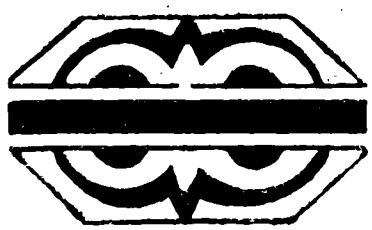
Скала ветров!
Песня бурей летит!
Наше солнце затмили тучи...
Если стонет земля от вражьих копыт,
Время ль травам цвести пахучим?
Дождь травы омоет живой водой,
Врагов герой одолеет!
Вышел герой
сражаться с бедой,
А трус в кибитке жиреет.

II.

Сытая лошадь голодной зимой
Тоньше веревки
станет.
Бай,
что кичился толстой сумой,
Нищим плешивым
станет.
Байская дочь
в золотом платке
Пленницей труса
станет.
Нищий,
ходивший в степях налегке,
Бая
богаче
станет!

III.

Заяц,
сбегая с Оргыз-горы,
В поле борзую
встретит.
Гусь, вылетая в степь до поры,
Ястреба в небе
встретит.
Всадник,
ведя скакуна в поводу,
Волка голодного
встретит.
Сын бедняка,
попадая в беду,
Злого чиновника
встретит!

СКАЗКИ

ХРОМАЯ НОГА НЕ ВИНОВАТА

Жил в старину на свете бедный старик. Было у него четыре сына. Умер старик, и досталось от него четырем сыновьям наследство — маленький козленок. Славный был козленок, да захворал как-то, захромал на заднюю ножку. Братья жалели его — смазали ногу мазью и перевязали тряпочкой.

Но всякое наследство надо делить! Стали братья думать, как это сделать. Здоровую заднюю ногу решили отдать старшему, две передние ноги — двум средним, а хромую заднюю ножку — младшему брату. Поделили козленка, и пусть себе растет! Кормили травкой, поили свежей водицей козленка да айраном, а по вечерам укладывали спать в тепле, поближе к очагу.

Вот однажды, когда лежал козленок у очага, выпал оттуда уголек. Загорелась тряпочка на ноге козленка. Прыгнул козленок от боли, выбежал из сакли и поскакал в поле.

А в поле стояли стога сена, и козленок, прыгая вокруг них, поджег те стога.

Сено принадлежало хану. Рассердился хан, повелел узнать: чей козленок поджег его сено, а потом назначил суд и призвал к себе во дворец четырех братьев.

— Заплатите за сено, а не то — брошу вас в тюрьму.

— Да, да, заплатите, а не то вас всех уморят в тюрьме,— подтвердили ханские судьи.

— За это сено, милостивый хан, мы платить не должны,— в один голос отказались три старших брата.— Правда, козленок нам всем достался от отца в наследство. Но ведь мы его между собой заранее поделили. Задняя нога, на которой запорелась тряпочка,— это доля младшего брата. Ему и платить!

— Мне все равно, пусть платит младший,— согласился хан. И все ханские судьи закивали головами:

— Пусть платит младший! Справедливому хану ведь все равно!

«Где мне бедняку с ханом тягаться,— подумал младший брат.— Придется платить!» — и, понурив голову, оставил ханский дворец. На дороге встретился ему старик-нищий.

— Куда идешь, дитя мое, и почему так печален? — спросил старик у младшего брата.

Рассказал ему младший брат о беде, нежданно павшей на голову.

— Э, дитятко! Напрасно печалишься. Главный ответчик не ты, а три твоих брата. Почему? Я отвечу тебе... Если бы у козленка была одна только хромая нога, хозяином которой считаешься ты, козленок не мог бы ускакать в поле, и тряпку ты потушил бы. Козленка привели к ханским стогам три здоровые ноги. А хозяева их — твои старшие братья.

Прибежал вне себя от радости младший брат в ханский дворец и закричал:

— О хан мой! Суд был неправильный! Верно, твое сено загорелось из-за хромой ноги нашего козленка. Но ведь эта нога не сама в поле пришла? Ее привели три здоровые ноги! А коль так, пусть отвечают и мои старшие братья!

Созвал хан вновь своих судей, велел наново судить. И пришлось старшим братьям заплатить хану за сено наравне с младшим.

Хромая-то нога не виновата!

ДЕНЬ — МЕСЯЦУ РОДНЯ

Жил-был в старину богач по имени Шавдик-Аджи. Нанял он в страду батрака, которого звали Савхат, и пообещал ему добрую плату: за месяц работы пятнадцать мер пшеницы.

«Пускай! Пятнадцать мер я ему заплачу, — решил хитрый богач,— но зато будет он у меня от зари до зари работать...»

И не давал Савхату никакой передышки.

— Кончил есть, сынок, — сладко говорил он батраку,— побыстрей принимайся за дело. Пусть день твой не пройдет напрасно.— И всякий раз добавлял при этом:— День — месяцу родня!

Савхат видел, что жадный богач умудрился на него одного всю работу взвалить, но и он был не прост и твердил сам себе:

«Ничего, ничего, погоди, Шавдик-Аджи, я еще покажу тебе, как день с месяцем роднится!..»

Кончилась страда и попросил Савхат у богача расчет. А Шавдик-Аджи отвечает:

— У нас в хозяйстве, сынок, меры нет. Сломалась мера!.. Поди, одолжи у кого-нибудь, и я отмерю тебе пшеницу.

Ушел Савхат и вскоре вернулся с большущим шаншаком *.

— Меры и у соседей не нашлось, — говорит, — так я вот эту штуку взял. Ею и отмерим...

Растерялся богач:

— Как же так, сынок?

— И ты еще спрашиваешь, мой ага! День — месяцу сродни, а шаншак — родной брат меры. Меры! — потребовал Савхат.

Посмотрел богач на своего батрака, на его сильные руки, на его лицо, понял, что придется уступить, и отмерил Савхату пятнадцать полных шаншаков пшеницы.

ОБМАНУТЫЙ ВОЛК

Отправился однажды жеребенок пастись на зеленый луг. Встретился ему барашек и спросил:

— Куда идешь братец-жеребенок?

— Иду на пышный, цветущий, зеленый луг. Хочу жиру нагулять.

— Возьми меня с собой!

Жеребенок согласился, и пошли они дальше вдвоем. Встретилась им коза. Спрашивает:

— Куда спешите, милые?

— На пышный, цветущий, зеленый луг — жир нагуливать,— отвечает жеребенок.

— Можно и я с вами пойду?

— Можно!

Пришли они втроем на зеленый луг и зажили весело и дружно.

Но вот соскучился барашек по своей маме и сказал друзьям:

— Отъелся я на лугу... Поглядите, какой толстый стал. Хочется мне домой! — и ушел. Вскоре вслед за ним и коза отправилась. Захотелось ей свою хозяйку проведать. Остался на зеленом лугу один жеребенок: резвится на воле да жир нагуливает...

А барашка увидел голодный волк.

— Какой ты жирный, барашек! — обрадовался он.— Я тебя съем!

— Не надо, — жалобно заблеял барашек. — Не ешь меня, волк. Я хоть и жирный, да маленький... Там на лугу коза пасется. Она — крупная, мясо у нее сладкое. Съешь лучше козу!

Соблазнился волк сладким мясом козы и отпустил барашка невредимым. А тут коза идет, домой торопится.

— Правду барашек сказал! — крикнул волк, а у самого слюнки текут. — Ишь, какая толстая, ишь, какая круглая коза! Давай-ка я тебя съем!

— Что ты, что ты, дядюшка! — завопила коза не своим голосом. — Ведь всем давно известно, что козлятина — мясо невкусное. Обманул тебя барашек. А вот скажу я тебе, на лугу жеребенок пасется, такой рослый, такой сытый! Одной его задней ноги даже волку на обед вдоволь будет.

— Хм! Мясо жеребенка и впрямь вкусное.

Отпустил волк козу и побежал на зеленый луг. Прибежал и видит: жеребенку-то худо приходится. Попал жеребенок в болото, увяз и выбраться не может.

— Эй, жеребенок! — говорит волк. — Я тебя из болота так и быть вытащу. Но ты отдашь мне свою заднюю ногу на обед. Давно я не пробовал, какова на вкус жеребятина!

— Тащи, — согласился жеребенок. — Позволишь только мне трижды отряхнуться от грязи, а потом я дам тебе попробовать сразу обе мои задние ноги.

Вытащил волк жеребенка из болота. Раз отряхнулся жеребенок. Два отряхнулся. А в третий раз как ударит волка задними ногами по лбу — волк сам едва в болото не угодил.

Ушел, ускакал жеребенок от волка. Очнулся волк, сел на зеленом луту и завыл с досады:

Поманил меня барашек козлятиной,
На меня, простака, подивитесь!
Поманила меня коза жеребятиной,
На меня, простака, подивитесь!
Для чего я жеребенка из болота тащил?
На меня, простака, подивитесь!
И нос мой в крови и голоден я,
На меня, дурака, подивитесь!

СЛОВАРЬ

СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И БЫТОВЫХ НАЗВАНИЙ

Адат — обычное право, неписаные установления, которыми раньше руководствовались горцы в своей внутренней жизни.

Автуринцы — жители чеченского села Автуры.

Айран — молоко, заквашенное особым образом.

Акки — чеченское родовое общество, выселившееся в давние времена с гор на плоскость.

Алмас — сказочный персонаж, женщина огромного роста с зелеными волосами и огромными грудями.

Андиец — житель горного Дагестана.

Ассиновское ущелье — ущелье в горной Ингушетии.

Аргун — река в Чечне.

Батыр — богатырь.

Беш-лам-Корт — гора Казбек.

Борз-кант — (буквально) волк-молодец.

Ботоко-Ширтга или **Батоко-Ширтяха** — герой чечено-ингушских нарт-эрстхойских сказаний.

Буре — город Владикавказ, ныне Орджоникидзе, столица Северо-Осетинской АССР.

Восточное море — Каспийское море.

Гехинцы — жители чеченского аула Гехи.

Горбаш или **горбож** — страшные великаны и великанши-людоеды.

Гуин-падчах — сказочный персонаж, лесной царь.

Джайцы — так в старину называли аварцев, населявших горную часть Дагестана, граничившую с Чечней.

Джинистан — сказочная страна.

Зикр и пазма — священнопение у мусульман.

Зурна — горский духовой инструмент.

Искандер Зюльгарнейн — Александр Македонский.

Ичкерия — юго-восточная часть горной Чечни.

Кабыл-мултак — старинное ружье.

Кагерман — имя князя-пришельца, поселившегося в Чечне в конце XVIII века.

Кадий — духовное лицо у мусульман, несущее обязанности судьи.

Кант — юноша, парень, молодец.

Кóку — голубка, голубь.

Корейшиты-Таркинские — княжеская фамилия, возводившая свою родословную к Магомету.

Купель — купальный водоем, сосуд.

Кюир-кант — (буквально) ястреб-молодец.

Лом-кант — (буквально) лев-молодец.

Майран-тур — в переносном смысле — знаменитая пашка.

Мансур, шейх — один из чеченских мусульманских деятелей XVIII века.

Маштачок — малорослая лошадь.

Меджуджь — имя сказочного персонажа из тюрко-татарского эпоса.

Мельхистан — (буквально) страна Солнца, название местности в горной Чечне, где больше двух третей года небо свободно от облаков.

Мулла или молла — священнослужитель у мусульман.

Муталим — ученик мусульманской духовной школы.

Мюрид — приверженец, последователь какого-либо имама или шейха.

Намаз — мусульманская молитва.

Нарт — богатырь, герой эпических сказаний народов Кавказа.

Наср-Эддин — популярный герой в фольклоре народов Востока.

Нахчо — Чечня, нахчи или нохчуо — самоназвание чеченцев.

Нухдувгирг — палка с железным наконечником.

Орси-мохк — русская страна, Россия.

Ортум — так чеченцы называли царского генерала по имени Артем, происходившего из Закавказья.

Османский пистолет — турецкий пистолет.

Пегат — собрание, место сборищ в ауле.

Пестрый офицер — так чеченцы и ингуши называли офицеров царской армии, носивших мундиры, расшитые галунами.

Пондар — трехструнный музыкальный инструмент.

Рамазан — пост у мусульман.

Релья — два столба с перекладиной (виселица).

«Салам алейкум!» — приветствие, означающее: «Да будет над тобой божье благословение!»

Сердцеведед — языческое божество.

Соска-Солса или Солса — герой чечено-ингушских сказаний о нартах-эрстхойцах.

Симурх или Симург — сказочная птица.

Сюйдум-таяк — в буквальном переводе с кумыкского — «полюби палочка», название плясовой игры.

Тарки, Таркинский аул — аул в Дагестане.

Тезет — встреча с приходящими выразить соболезнование.

Уздень — наименование бывшего феодального дворянства на Северном Кавказе.

Ураза — пост у мусульман.

Френгское государство — европейское государство.

Хаджи — мусульманин, совершивший религиозное путешествие в Мекку.

Хинкальское ущелье — ущелье в горах Чечни.

Хорд-Дин — (буквально) морской конь.

Чапурка — чарка.

Шалинское поле — поле у чеченского селения Шали.

Шамилёвский табак — очень крепкий табак.

Шампур — металлический стержень для поджаривания мяса — шашлыка.

Шамхал — князь.

Шаншак — мера веса — два с половиной пуда.

Шайтан — черт, бес, дьявол.

Шерипов Асланбек — национальный герой чечено-ингушского народа.

Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты, школы.

Эржкинез — князь бедных, черный князь — так любовно назвал чечено-ингушский народ Г. К. Орджоникидзе.

Эрстхойцы — герои чечено-ингушского эпоса.

Яджуджь — имя сказочного персонажа из тюрко-татарского эпоса.

Ялхой-Мохк — аул в горной Чечне.

Ясак — подать.

ПРИМЕЧАНИЯ

Эрстхойцы и Ботоко-Ширтга *. Сказание записано Ч. Ахриевым и опубликовано в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. V, Тифлис, 1871, стр. 38—46, под заголовком «Из чеченских сказаний»[1].

Невиданное дело. Записано в 1936 году со слов Магомета Гаркаева из аула Новые Атаги.

Ялхой-Мохкское сказание *. Записано во второй половине XIX века Н. Семеновым в Ичкерии.

Как погибли нарты Эрстхо *. В 1936 году это сказание было прислано из НИИ города Краснодара в Чечено-Ингушский НИИ как материал, относящийся к Чечне.

О князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живших по Тереку. Записана в 1925 году со слов Нажаева из аула Старые Атаги.

О Шихмирзе, сыне Зайты. То же.

Песня о Джаммирзе, сыне Мади. То же.

Эли, сын Умаров. То же.

Актола, сын Джуми. Записана в 1935 году в ауле Мехкеты.

Три победы Шихмирзы. Записана в 1935 году в городе Грозном со слов Нажаева.

Некий сын и Солса. Записана в 1925 году в ауле Старые Атаги со слов А. Нажаева.

Горы высокие. Песня записана в 1935 году в ауле Мехты.

О сыне матери, живущей между двумя отрогами предгорья. Записана в 1935 году в ауле Старые Атаги.

Песня каторжника. Записана в 1925 году в ауле Старые Атаги.

К птице. Записана в 1928 году в селении Урус-Мартан.

Скорбь о брате. Записана в 1930 году в селении Старые Атаги.

Оставь меня. Записана в 1930 году в селении Старые Атаги со слов Нажаева.

Сетование влюбленного. Записана в 1931 году в селении Старые Атаги.

Весенняя трава. Записана в 1925 году со слов А. Чехаева в селении Старые Атаги.

---

[1] За исключением отмеченных звездочкой, все сказания и сказки даны в литературной обработке С. А. Арсанова.

Письмо. Записана в 1930 году в селении Старые Атаги. Сложена в 1920 году.

Песня девушки. Записана в 1936 году со слов колхозниц в селении Урус-Мартан.

Красное солнце. Записана в 1935 году в ауле Мехкеты.

Спеши, моя сестричка. Записана со слов колхозниц в 1936 году в селении Урус-Мартан.

Не надейся. Записана в 1935 году со слов Хакимовой в ауле Мехкеты.

Юный Али. Записана со слов Нажаева в 1937 году в городе Грозном.

Автуринцам. Записана в 1934 году в селении Шали со слов колхозниц.

Что к чему подходит. Записана в 1935 году со слов Т. Басхановой, работницы швейной фабрики города Грозного.

Морской конь. Записана в 1935 году со слов С. Бадуева.

Медвежье ухо. Записана в 1958 году Арсахановым.

Муцул и Секки *. Записана в 1930 году со слов И. Махашева из аула Итум-Кале.

О том, как простой андиец Карнай благодаря своей холопке Задай женился на княжеской дочери *. Сказка записана Н. Семеновым во второй половине XIX века.

Черный Хожа *. Записана в 1936 году со слов Дудаева из аула Элистанжи.

Приключения Говды *. Записана Н. Семеновым в Ичкерии во второй половине XIX века.

Колдуньи-великанши *. То же.

Храбрый сын. Записана Арсахановым со слов Джамалханова.

Зависть. Записана в 1925 году в селении Урус-Мартан со слов С. Бадуева.

Эширп, сын Гарапа. Записана в 1936 году в селении Шатой.

Мать и дочь. Записана в 1929 году в селении Урус-Мартан.

Хороший брак. Записана в 1930 году в городе Грозном со слов С. Бадуева.

Бало. То же.

Наука дороже богатства. Записана в 1936 году со слов Дудаева из аула Элистанжи.

Магомат Мескитинский. Записана в 1926 году со слов Азбиева из селения Кошкельды.

Богатырь. Записана в 1954 году со слов Джамалханова из селения Нижний Наур.

Как осел сделался шейхом. Записано в 1927 году в селении Шатой со слов М. Межидова.

Мулла. Записана в 1929 году со слов С. Бадуева.

Шейх и мюрид. Записана в 1927 году со слов М. Межидова из селения Шатой.

Женщина и мулла. Записана в 1935 году со слов Нажаева в городе Грозном.

Что говорят про мулл и хаджи. Записано в 1936 году со слов М. Нажаева в городе Грозном.

Суд над двумя. Записана в 1926 году в городе Грозном со слов Нажаева.

Проделки и злоключения моллы Наср-Эддина. Издано в 1937 го-

ду Фатуевым в городе Пятигорске. В настоящем издании дана перепечатка с некоторым изменением архитектоники, внесенным С. А. Арсановым.

Недоверчивые соседи. Записана в 1958 году в городе Грозном Арсахановым.

Как кошка ходила в святые места на поклонение. То же.

Отток. Записана в 1936 году со слов С. Бадуева.

Волк-дурень*. Записана в 1935 году в селении Урус-Мартан со слов С. Бадуева.

Старец и змея. Записана в 1926 году в городе Грозном со слов Нажаева.

Не верь невозможному. То же.

Девушка и судья. Записана в 1934 году в селении Урус-Мартан.

Три совета старцев. Записана в 1930 году со слов С. Бадуева.

Счастье и Разум. Записана в 1929 году в селении Урус-Мартан со слов С. Бадуева.

Два греха. Записана в 1954 году со слов Ш. Исаевой в городе Алма-Ате.

О небылицах. Записана в 1936 году в городе Грозном со слов Нажаева.

Пословицы и поговорки. Собраны в 1936 году А. Мациевым.

Охотники. Записана в 1930 году в городе Грозном со слов М. Гаркаева.

Ингушские сказки. Записаны в 20—30-х годах О. Мальсаговым. Литературная обработка С. А. Арсанова.

Кумыкский фольклор. Песни о батырах даны по записям, сделанным М. Э. Османовым в конце XIX века. Песня «Сарын» записана поэтом А. Аджиевым в 1914 году в Каякенте, Утемише, Каранаеве от У. Матушевой.

Ногайский фольклор. Дан в записях А. и М. Джанибековых.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3
В. Б. Корзун. У истоков искусства слова 5

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАРТ-ЭРСТХОЙСКИЙ ЭПОС

Эрстхойцы и Ботоко-Ширтга 23
Колой-кант 26
Невиданное дело 29
Соска-Солса и сторожевой воин 31
Ялхой-Мохкское сказание 32
Как погибли нарты Эрстхо 35

ЧЕЧЕНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Героико-исторические песни

О князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живших по Тереку. Перевел А. Миних 43
О Шихмирзе, сыне Зайты. Перевел А. Кочетков . . . 53
Песня о Джаммирзе, сыне Мади. Перевел В. Бугаевский . 59
Эли, сын Умаров, из Акки. Перевели А. Тарковский и В. Бугаевский 69
Актола, сын Джуми. Перевел С. Олендер 78
Три победы Шихмирзы. Перевел М. Талов 83
Некий сын и Солса. Перевел С. Олендер 90
Песня о Ленине. Перевел Н. Асанов 94
Песня об Орджоникидзе. Перевел С. Липкин . . . 95
Слово об Асланбеке. Перевел С. Липкин 96

Лирика

Песня из времен борьбы вольных горцев с феодалами. Перевел Н. Тихонов 98
Песня о Гамзате. Перевел Н. Тихонов 99

Горы высокие. Перевел С. Поделков 101
О сыне матери, живущей между двумя отрогами предгорья. Перевел К. Липскеров . . . . . —
Песня каторжника. Перевел К. Липскеров 102
Есть рыба. Перевел К. Липскеров 103
К птице. Перевел К. Липскеров . . . . . —
Станет насыпь могилы моей просыхать... Перевел А. Фет . 104
Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой... Перевел А. Фет . —
Скорбь о брате. Перевел К. Липскеров . . . . . —
Во широкой степи... Перевел С. Поделков 105
Что же тебя увели? Перевел К. Липскеров 106
Олень. Перевел К. Томашевский 107
Оставь меня. Перевел К. Липскеров . . . . . —
Сетования влюбленного. Перевел К. Липскеров . . . 108
Песня юноши. Перевел М. Слободской 109
Весенняя трава . . . . . —
Письмо. Перевел С. Олендер 110
Песня девушки 112
Красное солнце. Перевел К. Липскеров . . . . . —
Спеши, моя сестричка 113
Не надейся 114
Мой любимый. Перевел С. Липкин . . . . . —
Юный Али. Перевел С. Липкин 115
Автуринцам. Перевел С. Олендер 116
Что к чему подходит. Перевел С. Липкин 118

Сказки, легенды, предания

Морской конь 119
Медвежье ухо 123
Муцул и Секки 130
О том, как простой андиец Карнай благодаря своей холопке Задай женился на княжеской дочери 131
Черный Хожа 136
Приключение Говды 138
Колдуньи-великанши 141
Храбрый сын 142
О Хасане и Ахмеде 146
Зависть 154
Эширп, сын Гарапа 161
Мать и дочь 167
Хороший брак 169
Бало 171
Наука дороже богатства 175

Магомат Мескитинский 181
Богатырь 188
Как осел сделался шейхом 193
Мулла 195
Шейх и мюрид 196
Женщина и мулла 199
Что говорят про мулл и хаджи 202
Суд над двумя 204
Проделки и злоключения моллы Наср-Эддина 205
Недоверчивые соседи 235
Как кошка ходила в святые места на поклонение . . . 237
Отток 239
Волк-дурень 240
Старец и змея . . . . . —
Не верь невозможному 241
Девушка и судья 242
Три совета старцев 245
Счастье и Разум 248
Ложь и Правда 249
Два греха 251
О небылицах 252
Охотники 253

Пословицы и поговорки 255
Чеченские пословицы, соответствующие по содержанию русским 257

ИНГУШСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Лирика

Правдивые слова. Перевел С. Поделков 261
Горе матери. Перевел С. Поделков . . . . . —
Молодец, слез не лей... Перевел С. Поделков . . . 262
Ручей. Перевел С. Поделков 263
Любя, по тебе я все плачу... Перевел С. Поделков . . —
Девичья песня. Перевел С. Поделков . . . . . —
Я тебя больше жизни люблю. Перевел С. Поделков . . —
Песня о Серго. Перевел С. Липкин 264
Партизанская песня. Перевел С. Поделков 265
Ответ врагу 266
Выходи за меня. Перевел С. Липкин 268

Сказки

Балай и Боти 270
Как Фушт-Бейг заработал у ведьмы жеребенка и увез жену от горбаш 277

Восемь братьев и сестра их ведьма 285
Черсе-кант 291
Лисица и перепелка 294
Жадность и наказание за ложную клятву 295
Бедняк и «святой» 297
Хамбор и пристав 298

Ингушские пословицы и поговорки 300

ПЕСНИ ТЕРСКО-ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ

Не во матушке было да во Расеюшке 303
Уж вы, горы, мои горы 304
Сиротинушка добрый молодец 305
На литой купели зелена вина 306
Что не змея в траве зеленой 307
Не матушка своему сыну говорила 308
Ночи темные, непроглядные 309
Ой, ты взойди, да красное солнышко... . . . . —
Меж Тереком и Сулаком 310
Сторона ль ты моя . . . . . —
Между серыми камнями 311
Из лесов дремучих . . . . . —
Вечер поздний 313
Славный, вспышный, быстрый Терек . . . . . —
Полно вам, снежочки 314
Нету, нету коню сена 315
Ты не плачь-ка, душа моя 316
Ой, на улице воробышек 317
Ты не стой со мной 318
Во Червленном жила-была вдовушка 319
Ретивое мое сердце . . . . . —
Что у нас было во зеленом саду 320
Гуляла с милым по садочку . . . . . —
Уж вы бабочки, бабёночки мои 321
Много бед и невзгод испытала 322
Шагай вперед, казачье племя! . . . . . —

КУМЫКСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Эпос

Песни о батырах. Перевела Н. Капиева 325

Лирика

Ты за мною ходишь всюду. Перевела Н. Капиева . . . 328
Сюйдум-таяк. Перевела Н. Капиева 329
Я подняться хочу в поднебесье. Перевела Н. Капиева . . 331
Сарын. Перевела Н. Капиева . . . . . —

Сказки

Чалтук-Ахмед. Перевела Н. Капиева 333
Верблюд и лиса. Перевела Н. Капиева 335
Друзья пастуха. Перевела Н. Капиева 336
Хитрый Байбурак. Перевела Н. Капиева 339

НОГАЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Эпос

Былина о том, как батыр Амит, сын Айсыла, восстал против Джанибек-хана. Перевела Н. Капиева 349
Мужественная девушка Ян-Бикеш. Перевела Н. Капиева . 353

Лирика

Свадебная. Перевела Н. Капиева 355
Песня второй жены. Перевела Н. Капиева . . . . . —
Певец и волк. Перевела Н. Капиева 356
Мамай. Перевела Н. Капиева 358
Запевки. Перевела Н. Капиева 359

Сказки

Хромая нога не виновата. Перевела Н. Капиева . . . 361
День — месяцу родня. Перевела Н. Капиева 362
Обманутый волк. Перевела Н. Капиева 363

Словарь собственных имен и бытовых названий . . . 366
Примечания 369